



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Веденин Ю.А., Ненароков А.П.,
Полян П.М. (председатель),
Постникова О.Н., Янович Л.С.

ОТ ПЕРВОГО
ЛИЦА
история России
в воспоминаниях,
дневниках,
письмах

Московская
семья
рязанского разлива

НАТАЛЬЯ
БЕГЛОВА

УДК [929:070](470+571)
ББК 76.01А(2Рос)
Б37

Посвящается маме

Б37 **Беглова Н. С.**

Московская семья Рязанского разлива / Беглова Н. С. – М.: Новый хронограф, 2012. – с. : ил. – (Серия «От первого лица: история России в воспоминаниях, дневниках, письмах»). – ISBN 978-5-94881-196-3.

Книга «Московская семья рязанского разлива» написана Натальей Бегловой – журналистом-международником, литератором. Это своеобразная «сага о Бегловых» - семье, шестое поколение которой живет в Москве. Значительная часть произведения посвящена отцу – Спартаку Беглову – одному из самых известных журналистов-международников своей эпохи.

Немало страниц посвящено МГИМО, в котором учились «отцы и дети». В книге рассказано об интереснейшем педагоге, ученом и писателе – Похлебкине, чьи книги о кулинарном искусстве завоевали ему мировую известность. Среди однокурсников Н. Бегловой – Сергей Лавров, министр иностранных дел, Анатолий Торкунов, ректор МГИМО, и многие другие.

Агентство СІР РГБ

ISBN 978-5-94881-196-3.

© Беглова Н.С., 2012
© Издательство «Новый хронограф», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
I. КОРНИ	12
1. «Американский» дед Иван	15
2. Как бабушка меня спасла	34
3. Почему мама не пошла в артистки	45
4. Спартак – сын Ивана	77
«Малая родина», баба Люба, школа	77
Семнадцатилетний капитан	87
Лондон: страна в стране	112
Как мы оказались в Бангладеш	130
5. Грибы, яблоки и черный хлеб	151
6. Круг друзей	166
II. «МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ ЧЕМУ-НИБУДЬ И КАК-НИБУДЬ...»	224
1. Школа за «Домом игрушек»	225
2. Здание у Крымского моста	246
3. Этот странный преподаватель Похлебкин	309
4. Случай в моей жизни	315
Послесловие	333

Вместо предисловия

Дорогой, глубоко уважаемый Спартак Иванович!

Ваша Дочь Наташа обратилась ко мне с просьбой написать небольшое предисловие к ее замечательной, очень интересной книге об истории Вашей семьи. Весьма польщен этим и несказанно рад, что получил возможность публично выразить свои чувства и мысли о Вас и Вашей семье. Конечно, я знаю, что Вы ушли от нас в мир иной 26 ноября 2006 года на 83 году жизни... ЦАРСТВО ВАМ НЕБЕСНОЕ!... Но для меня Вы всегда живы – в сердце, в памяти, в мыслях... Смотрю на Ваши фотографии в моем кабинете и разговариваю с Вами. Иногда вслух, а иногда – молча, «про себя»... Знаю, Вы слышите меня, понимаете, как всегда раньше понимали... И помогали! Эту помощь я ощущаю и сегодня, стоит мне мысленно поделиться с Вами своими проблемами...

До сих пор для меня остается загадкой Ваше решение отправить ко мне на практику в Сибирь двух Ваших сыновей – сначала Михаила, а позже Олега. Ведь я тогда был еще начинающим корреспондентом Агентства печати Новости (АПН). И до «звезд», которые потом завоевывало Восточно-Сибирское отделение АПН, было очень далеко... А Вы пригласили меня на обед в свою небольшую квартиру у Смоленской площади в Москве, познакомили с чудесной семьей! Потом вдруг оставили нас одних за столом с Мишей и куда-то уехали. А когда вернулись часа через три, то ли спросили нас, то ли сообщили свое решение – Михаил едет на практику в Сибирь, в Иркутск, на Байкал... Конечно, практика Ваших сыновей в Иркутске сблизила нас. Но такого тепла к себе, такой отеческой заботы обо мне я не ожидал...

1978 год, осень. Прошло 10 лет моей работы в АПН. Публикации за рубежом - репортажи, статьи, комментарии, прием иностранных журналистов – всё стало привычным и казалось уже скучным. Будучи в Москве, я поделился своей хандрой с Вами. Помню Ваш удивленный, веселый и немного лукавый взгляд из-под очков: «Скучно?! Работы мало?! Так давайте обобщим ваш опыт десятилетней деятельности отделения АПН?! Хотите, я переговорю на эту тему с заведующим кафедрой журналистики МГУ Ясеном Николаевичем Засурским?» Фамилию такую я слышал, но для меня МГУ, диссертация, ЗАСУРСКИЙ – все звучало странно и неправдоподобно... Я в изумлении уставился на Вас, Спартак Иванович, и замолчал... «Наверно, Вы, Сережа, не знаете, что я тоже работаю на кафедре зарубежной журналистики МГУ, что я доктор исторических наук. И как профессор могу быть руководителем вашей кандидатской диссертации...» Моему удивлению и благодарности не было предела! Вечером следующего дня Вы повели меня к Ясену Николаевичу знакомить. Никогда не забуду его добрый взгляд через мощные линзы очков и усталый голос: «...То, что вас сюда привел сам Спартак Иванович, что он готов помогать вам работать над диссертацией, это просто потрясающе даже для меня!... Боюсь, что Вы еще многого не знаете и не понимаете... Вам, молодой человек, надо Спартаку Ивановичу ноги мыть и воду эту пить...»

А спустя 16 лет я отчетливо вспомнил слова Я.Н. Засурского, «ноги мыть и воду пить...», когда прилетел в Лондон и на следующий вечер попал на праздничный прием в Посольство России. Вы, Спартак Иванович, дали мне небольшую записку к Вашему другу, послу России в Великобритании Анатолию Леонидовичу Адамишину... Что было написано в той записке, я не знал. (И не знаю до сих пор...) Я улучил удобный момент, передал запечатанный конверт Послу и вернулся к общему веселью... И был очень удивлен, что минут через 10-15 ко мне подошел служащий посольства и проводил в кабинет Посла. Анатолий Леонидович пожал руку, очень тепло меня приветствовал. Усадил с собой за накрытый чайный столик и стал расспрашивать о цели моего приезда в Лондон, о том, как

и где я устроился, какие планы и в чем я нуждаюсь!.. Мне стало очень неловко, тем более, что я ни в чем не нуждаюсь... Конечно, я тут же догадался, что эти просьбы – забота обо мне - содержались в Вашей записке, дорогой Спартак Иванович!

Конечно, никогда из моей памяти не сотрутся впечатления от нашего совместного путешествия по Байкалу и его окрестностям! То было летом 1981 года. Рыбалка в устье Ангары, костры в красивейших долинах Прибайкалья, расколота (разбитый на кусочки замороженный хариус) под водочку и другие сибирские деликатесы... Еще запомнилась случайная встреча в санатории «Байкал» с вашим другом – Народным артистом СССР Михаилом Ульяновым и его семьей. Потом была поездка за сто километров от Иркутска в поселок Мишелёвка на Хайтинский фарфоровый завод, отметивший тогда свой столетний юбилей. Директор Григорий Михайлович Азаров, мой близкий друг, провел вас по цехам, показал весь процесс – от подготовки глины из Прибайкалья до художественной росписи тонкого фарфора местными умельцами... Зоя Владимировна многие годы увлекалась коллекционированием фарфора и ей было всё очень интересно. А мне было радостно видеть, что вам нравится моя родная Сибирь, ее люди, традиции, природа!..

На этой оптимистичной ноте я, пожалуй, и закончу свои воспоминания о Вас, дорогой Спартак Иванович, и о вашей большой прекрасной семье. Не сомневаюсь, книга Наташи заинтересует и понравится читателям, любящим Россию и помнящим о своих корнях...

*Сергей Остроумов,
Торонто, Канада.
Октябрь 2011 года*

«Неуважение к предкам есть первый
признак безнравственности».
А.С. Пушкин

I. КОРНИ

Сколько раз я просила своего отца: напиши о своей жизни и жизни деда – и о тех из нашей родни, о ком ты что-то знаешь. И всегда слышала один и тот же ответ: «Да кому это интересно!» Мне интересно, разве этого недостаточно? Мне, например, все больше и больше не дает покоя тот факт, что я не знаю, кто был мой дед по материнской линии. Бабушка умерла, мама своего отца едва помнит – и не у кого спросить. А у моего мужа и того хуже – кроме одной бабушки он вообще никого не знал. И теперь ничего и не узнает о своих самых ближайших предках. Его отец и мать уже давно умерли.

Получается, как в той песне – «... вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» Из какого народа – русского, еврейского, греческого – не важно. Из какой семьи – рабочей, крестьянской, купеческой – тоже не важно, главное, чтобы работающими были, а остальное – детали. А потом удивляемся, что дети растут без корней, ничем и никем не гордятся, мало что ценят и уважают.

Мы всегда мыслим глобально. Нам всегда было важно, откуда пошла земля русская? А откуда каждый отдельно взятый индивидум выбрался – это такие детали, что и говорить смешно.

Но поскольку я, видимо, человек с недостаточно развитым чувством юмора, то мне почему-то не столько смешно, сколько грустно от такого незнания.

Воспоминания людей уходящего поколения интересны в любом случае, поскольку с ними исчезает, как это ни ба-

нально звучит, совершенно иная Россия, приметы которой становится все труднее и труднее отыскивать.

Кроме того, мне кажутся очень верными положения возникшего недавно нового учения, получившего название психогенеалогия¹. Это своеобразная теория о генном источнике схожих ценностей. В соответствии с этой теорией на наше поведение, выбор профессии, жизненных ценностей большое влияние оказывают гены, полученные по наследству. Это объясняет многие странные, на первый взгляд, поступки людей. В соответствии с этим подходом, все мы являемся лишь очередным звеном в цепи поколений. Мы не так свободны, как кажется, нам приходится оплачивать «долги» наших предков. Эта своего рода преданность семейной традиции подталкивает нас к повторению ситуаций и событий, уже происходивших в жизни предшествующих поколений.

Жил мальчик, прекрасно учился, с отличием окончил медицинское учебное заведение, получил приглашение на работу в престижную клинику. И вдруг он все бросает и идет в организацию «Врачи без границ», которая направляет его работать, допустим, в Чили. Все в недоумении – что это на него нашло? А потом выясняется, что его дед работал в составе Корпуса мира в Индии, а прапрадед был миссионером и обращал в христианство папуасов Новой Гвинеи.

Наверняка вы знаете похожие ситуации. Мы еще встретимся с подобными примерами на страницах этой книги. Узнав об этой теории, я проанализировала факты из жизни женщин нашей семьи, и многое в моем собственном поведении стало для меня понятнее.

В итоге нам все-таки удалось убедить папу написать мемуары. Помогли не только мои уговоры. В последние годы его жизни к нему все чаще стали обращаться из газет, с теле-

¹ Создатель термина – Анна Анселин Шутценбергер – известный французский психотерапевт, автор книги «Синдром предков», выдержавшей только во Франции уже 14 изданий рекордным для этой страны тиражом.

видения с просьбой дать интервью, рассказать о своей жизни. Папа увидел, что не только мне интересно знать, как и чем жило его поколение.

Ему было уже больше восьмидесяти, и он тяжело болел. На протяжении нескольких лет он каждый день, пересиливая боль, вставал с постели, садился к столу и работал несколько часов. Мои последние воспоминания о нем почти такие же, как и первые детские. Кабинет, письменный стол, папа за работой. Только сидит он за своим старым столом, прослужившим ему всю его жизнь, как-то странно, боком, на краешке стула. На столе – стопка исписанных мелким неровным почерком листов бумаги. Папа что-то правит, руки его не слушаются, ручка в руке трясется (папа страдал болезнью Паркинсона). Вот он совершил неверное движение – листы упали со стола на пол, все перепутались. У папы на лице выражение такой потерянности, что мне становится невыносимо тяжело. Я собираю листы, мы вместе пытаемся их сортировать, папа нервничает, сильно расстраивается, я его успокаиваю, и он снова берется за работу...

Отец умер 26 ноября 2006 года на 83 году жизни. Известный журналист Леонид Золоторевский, хорошо его знавший, так написал в некрологе: «Я не просто уважал этого человека, я его уважал, пожалуй, больше всех его коллег, которых я знал, потому что никто не был таким интеллигентным, глубоким и великолепно рассказывающим о своих мыслях, как Спартак. Я считаю, что со Спартаком уходит целый слой не только международных, а просто российской интеллигенции».

Мемуары папа так и не закончил. Его воспоминания обрываются на середине пятидесятых годов. В нашей семье сложилась какая-то печальная традиция. Папа заканчивал работу над книгой своего умершего отца, моего деда, а я делала то же самое в отношении мемуаров папы. Я отредактировала то, что он успел закончить. В этой книге, рассказывая о нашей семье – московской семье рязанского разлива, – а также о МГИМО, я часто буду использовать папины воспоминания.

«Американский» дед Иван

В связи с моей фамилией – Беглова – возникла курьезная ситуация в начале знакомства с моим будущим мужем Игорем. Мы учились в одном институте, но на разных курсах. Первое время, как это часто бывает в студенческие годы, мы знали лишь имена друг друга, но не фамилии. Потом кто-то сказал Игорю, что я дочка политического обозревателя. И он, исходя из моих, как он утверждает, «восточных черт», решил, что я дочка известного тогда политобозревателя – Сейфуль-Мулюкова. И помню его недоумение, когда при встрече одна из моих школьных подруг приветствовала меня: «Привет, Беглиха!»

– Почему Беглиха? – удивился Игорь.

– Ну, как же, – в свою очередь удивилась я, – очень даже логично, Беглова, Беглиха. А тебе больше бы понравилось Беглая, что ли?

Тут все и разъяснилось. Потом, через много лет, жизнь свела нас с Сейфуль-Мулюковым в Женеве. Как-то мы зашли к ним в гости. Наверное, они были несколько удивлены тому, что я пару раз едва удерживала смех, видя, как Игорь с нескрываемым интересом переводил взгляд с лица Сейфуль-Мулюкова на мое, явно сопоставляя наши черты.

Кто знает, может быть, мы с Сейфуль-Мулюковым и правда родственники. Во всяком случае, наличие у членов нашей семьи татарской крови более чем вероятно.

Мой дед по папиной линии – Беглов Иван Иванович – родился в селе Кадом, находившемся в восточной части Рязанской губернии. Эти места долго были «под татарами» во времена татаро-монгольского нашествия. Отсюда и дедушкина версия о происхождении нашей фамилии. По его словам, фамилия «Бегловы» образована от имени татарского хана, владевшего когда-то селениями в этом районе. Его звали то ли Бегий-хан, то ли Бегин-хан. Как рассказывал дедушка, даже во времена его детства на одной стороне главной улицы Кадома жили в основном Бегловы русские, а на другой – Бегловы татары.

Интересно, что через много лет в Женеве я натолкнулась на гравюру, в какой-то степени подтверждающую дедуш-

кину версию. На гравюре, которую я, естественно, тут же купила, изображены развалины довольно большого здания прямоугольной формы, без окон, сложенного из обточенных камней, с небольшим входом посередине. Подпись к гравюре на французском языке гласит: «Гробница хана в Касимове». Касимов – это город больше Кадома, находящийся неподалеку от Старой Рязани. Может быть, именно в Касимове, чье название явно татарского происхождения, и находилось становище хана, откуда он управлял подвластными ему землями. Не все татары ушли, когда власти ханов пришел конец. Многие здесь осели и обзавелись семьями. За почти триста лет татары, пришедшие с Востока, и коренное русское население так перемешались, что уже нелегко было отделить, где русские, а где татары.

А совсем недавно в словаре русских фамилий я прочитала, что есть две версии происхождения фамилии. Одна, по которой эта фамилия произошла от русского слова «беглый». И вторая, в соответствии с которой она произошла от татарского имени Бекоглы: «бек» – князь, «оглы» – сын, т.е. сын князя, что опять-таки подводит нас к татарским корням нашего семейства.

Так что в арсенале нашей семьи три версии происхождения фамилии. Русский вариант, по которому у истоков рода стоит какой-то беглый крестьянин, скрывавшийся от своих господ и осевший на Рязанщине. И два татарских варианта, предполагающих, что кто-то из наших предков был или сыном, а может, побочным ребенком татарского князя, или же просто всех живших в пределах владений то ли Бегин, то ли Бегий-хана стали называть по его несколько видоизмененной фамилии.

Но даже если история семьи Бегловых и уходит в далекое прошлое, для меня она начинается только с начала прошлого века в городе Кадом, где родился мой дед Иван.

Приведу ниже рассказ моего отца о его родителях.

«Отец, Иван Иванович Беглов, родился 16 июня 1904 года в селе Кадом, что на реке Мокше, в 60 километрах к северу от Сасово; сейчас это поселок городского типа, административный центр соседнего района. Материальное благополучие

кадомцев в основном зависело от лесопильного завода и отхожих промыслов. Мать Ивана и его старшего брата Степана была неплохой белошвейкой: она «кочевала» по всей округе, обшивая местных жителей на дому. Рано потеряв мужа, бабушка была вынуждена устроить сыновей в приют. По окончании церковно-приходской школы (уже после Революции) братья предпочли рабочие профессии: отец устроился линейным монтером на сасовском почтовом узле; Степан обучился портняжному делу, стал неплохим закройщиком и пошел по стопам матери, расставшись с Иваном на много лет. Между тем отец очень пристрастился к чтению: приобретенная таким образом эрудиция постепенно позволила ему сначала догнать, а затем и опередить некоторых сверстников даже с полным школьным образованием.

Мать, Любовь Димитриевна Анисимова, родилась 30 сентября 1897 года в Сасово. У своей матери, Александры Ивановны, она была пятым ребенком; всего же у них с дедом, Димитрием Николаевичем, было тринадцать детей, один из которых умер через несколько месяцев после родов, а другой погиб на фронте в Первую мировую войну. Дед Димитрий промышлял извозом в Сасово и содержал там чайную (неподалеку от вокзала). К тому времени большинство детей уже выросли и по окончании гимназии устроились работать: кто на сасовской почте, кто на железной дороге, а некоторые отправившись искать счастья в другие края России.

Вместе с остальными одинокими девушками мать поселилась в кирпичном доме какого-то купца, бежавшего за границу; у каждой из подруг была своя комната. Жили они «коммуной», в складчину, готовили и убирались по очереди. Придя работать на сасовский телеграф, мать активно включилась в общественную работу. После недолгого пребывания в комсомоле она вступила в ВКП(б)² и, получив первую партийную «нагрузку», стала «женоргом» (женским организатором) на канатном заводе. Тогда же, еще будучи телеграфисткой, мать познакомилась с отцом. Вскоре ее включили в ряды распространителей печати: это потребовало частых выездов в

² Всесоюзная Коммунистическая партия большевиков (1925–1952), впоследствии КПСС (до 1991 г.).

отдаленные уголки района. Новая работа стала отбирать у матери столько времени, что ей пришлось уйти с телеграфа и занять штатную должность заведующей отделом подписки на почте.

Будучи семью годами старше, именно мать взяла отца, как тогда говорили, «под свое шефство» и вовлекла в общественную работу. Вскоре они поженились, и незадолго до моего рождения отец тоже вступил в партию».

Жили молодые все в том же «доме коммуны». Родился мой отец, которого назвали героическим именем Спартак.

Мой папа очень гордился своим именем. Сейчас меня иногда спрашивают: твоего папу назвали Спартак в честь футбольной команды? А во времена его молодости, да и моей тоже, никому не надо было объяснять, в честь кого он был назван. Многие читали книги Раффаэло Джованьоли³ и Говарда Фаста⁴. Главный герой обоих знаменитых романов – Спартак – беглый гладиатор, а затем вождь крупнейшего восстания рабов⁵ в древнем Риме. Этот фракиец⁶ стал обобщенным символом борца за свободу. Папа даже побывал на родине Спартака, в городе Сандански⁷, где ему установлен памятник.

Когда Ивану Беглову исполнилось двадцать два года, его призвали в армию и послали служить в войсках связи на Дальний Восток в Хабаровске. К концу срочной службы он уже имел в местных партийных кругах репутацию грамотно-

³ Раффаэло Джованьоли (англ. Raffaello Giovagnoli 1838–1915) – автор романа «Спартак» (1874 г.), впоследствии весьма популярного в СССР.

⁴ Говард Фаст (англ. Howard Fast, 1914–2003) – автор романа «Спартак» (1953 г.): на его основе снят знаменитый кинофильм Стэнли Кубрика с Керком Дугласом в главной роли (1960 г.).

⁵ 74–71 гг. до н. э.

⁶ Фракия – историческая область в восточной части Балканского полуострова. Ее территория распределена между Грецией, Болгарией и Турцией (с 1923 г.).

⁷ Некоторые исследователи это оспаривают.

го и активного общественника, поэтому деда ввели в руководство краевого профсоюза работников связи. Видимо, он был на очень хорошем счету, поскольку в тридцать шестом году его направили учиться в Москву в Высшую партийную школу. После возвращения из Москвы дед не на шутку увлекся проблемами внешней политики. Попробовав себя в качестве лектора по вопросам международных отношений, Иван Беглов завоевал на этом поприще популярность, которая привлекла внимание партийного руководства во Владивостоке: туда его затем и пригласили – уже в качестве штатного лектора-международника при крайкоме КПСС, а его обзоры и статьи стали публиковаться в местной печати.

С головой погрузившись в общественную и журналистскую работу, дед уже не думал о возвращении в родные места.

Когда его призвали в армию, моя бабушка с маленьким сыном, естественно, не поехала с ним, а осталась в Сасово. Постепенно переписка между ними оборвалась, их брак фактически распался, хотя свой разрыв они почему-то не захотели оформить юридически. Кстати, бабушка после регистрации брака сохранила свою девичью фамилию – она как будто сомневалась с самого начала, что ее брак будет долговечным. Может, потому, что Люба даже в молодости не была красавицей, а Иван был не только младше ее, но и удивительно хорош собой. Каждый избрал собственный путь: дед связал свою судьбу с Владивостоком, где обзавелся новой семьей; бабушка же осталась верна малой родине, службе в почтовом ведомстве и общественной работе в женских коллективах сасовских предприятий. Больше они никогда не встречались. Долгие годы единственными вещами, напоминавшими росшему сыну о существовании отца, были книги – целая библиотека, с весьма странным для тех лет подбором книг – от Маркса и Ленина до Достоевского.

В 1946 году, когда образовалась Академия общественных наук при ЦК КПСС, Ивану Беглову предложили в ней учиться. Дед проучился уже год и начал писать кандидатскую диссертацию, когда его вдруг пригласили в отдел кадров для беседы. При утверждении темы диссертации обнаружилось, что помимо диплома об окончании Высшей

партийной школы, у деда нет никаких других дипломов об окончании учебных заведений. Даже об окончании средней школы. Где все они? И тут выяснилось, что их и не было никогда. Деду удалось окончить лишь четыре класса церковно-приходской школы в Кадоме (как тогда шутили – у него за плечами лишь ЦПШ). Кадровики растерялись. Как же быть? И вот тут в первый раз бюрократия проявляет, на мой взгляд, удивительную гибкость.

– Ладно, Бог с ним, с дипломом о среднем образовании, – было сказано деду. – Но если ты хочешь защищать диссертацию, то вынь да положь диплом о высшем образовании.

Видимо, дед был человеком более чем настойчивым. Тем более, что учиться самостоятельно ему было не привыкать. Именно так он и «прошел» всю программу средней школы. И вот теперь, параллельно с написанием диссертации, он сдал экстерном девятнадцать предметов за полный курс педагогического института и получил его диплом. Наверное, прав бывший коллега дедушки, написав в статье, о которой я расскажу ниже, что все это вряд ли «... под силу человеку обыкновенному. Для этого нужны и железная воля, и огромный интеллектуальный потенциал». Дед и продемонстрировал именно эти качества в Академии.

Эта история произвела впечатление. Во всяком случае, когда в 1949 году дед заканчивал Академию, ему, еще слушателю, предложили по окончании учебы поехать в США и возглавить корреспондентский пункт ТАСС в Нью-Йорке.

И тут мы подходим ко второй ситуации, когда советская бюрократия проявила чудеса гибкости. При оформлении документов возникла проблема. Дело в том, что мой дед уже давно жил не с моей бабушкой, а с другой женщиной, на которой официально не был женат. И при этом всегда отказывался подавать на развод и вновь регистрироваться. Надо сказать, что у деда был какой-то панический страх перед любыми бюрократическими процедурами. Позднее всеми его делами всегда занимался мой отец. Дед наотрез отказался что-либо предпринимать. Нельзя ехать с той, которую уже больше двадцати лет он считает своей женой, – значит, не поеду. И вот происходит невероятное. В порядке исключения ему разрешают ехать за границу с женщиной, брак с

которой не был официально зарегистрирован. Правда, по этому поводу было принято специальное постановление выездной комиссии ЦК. Мне кажется – это уникальный случай в достославной истории наших кадров.

Дед проработал в США более десяти лет вместо положенных трех-четырех. Я ничего не знала о его жизни и работе там. Совсем недавно со мной связался один из старейших сотрудников ТАСС Анри Рачков. Он писал статью о дедушке для газеты и хотел уточнить кое-какие детали. Прочитав позднее его материал, я узнала интересные эпизоды из жизни деда, связанные с его работой в этой организации, особенно в период его работы в Нью-Йорке. Приведу из нее несколько выдержек.

«Однажды из Нью-Йорка за подписью Беглова пришла большая информация с анализом экономики Соединенных Штатов. Главный выпуск, как полагается, дал в печать краткий вариант, а полный материал отправил в служебный вестник.

На следующий день И.В. Сталин наткнулся на сообщение в “Правде”, затребовал служебный вестник ТАСС и распорядился опубликовать в газете весь материал – полностью! Вызвал главного редактора “Правды” и заявил ему – вот-де таких корреспондентов следовало бы иметь и “Правде”. Правдист позвонил Пальгунову (тогдашнему генеральному директору ТАСС) и, ссылаясь на вождя, предложил перевести Беглова в “Правду”. Пальгунов, однако, проявил характер и своего корреспондента отстоял.

Сомневаться в достоверности данной истории не приходилось. Вскоре, просматривая “Правду”, я прочитал заметку об экономике США, а через пару дней тот же самый материал тоже под маркой ТАСС был развернут на целых два подвала газеты...

С Иваном Ивановичем, в бытность его в Нью-Йорке, произошло одно, почти трагическое для него, событие. О нем рассказал он сам в момент какой-то расслабленности.

В Нью-Йорк пожаловал министр иностранных дел А.Я. Вышинский. Беглову как главе отделения ТАСС бы-

ло велено прибыть утром для доклада. Встав пораньше, побрившись, при полном параде Иван Иванович явился в гостиницу и... ужаснулся. Он с возмущением рассказывал, что застал в холле "страшную картину": неубранные тарелки с остатками пищи, разбросанные пустые бутылки, пепельницы полные окурков и отвратительный запах... Неплохо, видно, погуляла тут сопровождавшая министра команда.

Наконец наш шеф предстал перед грозным начальником и, докладывая, высказался, наверное, весьма независимо и посмел даже на что-то намекнуть, чем привел человека, с легкостью ликвидировавшего, по указке Сталина, высших руководителей государства, в бешенство. Память не удержала сути их разговора, но в результате него разразился скандал.

– Как Вы смеете! Кто Вы такой! – вспыхнул министр.

– Я коммунист. Точно такой же, как и Вы, товарищ министр! – был ответ.

Эти две фразы из рассказа Беглова крепко врезались в мою память. Не каждый мог бы решиться на такое! Можно себе представить, что пережил Иван Иванович после подобной стычки с одним из крупнейших палачей страны. Ждал, думаю, отзыва с последующим арестом. Но... ничего не случилось. Спасла, видно, история со Сталиным».

Прочитав этот отрывок, я подумала: «А может быть, и то, что я раньше слышала о вмешательстве Сталина в судьбу деда, – правда?» Не знаю точно, но кто-то из его знакомых, работавших в кадрах ЦК, рассказал отцу, что в личном деле деда на заявлении с просьбой о приеме его в 1936 году в Высшую партийную школу стояла резолюция Сталина: «Принять». Напомню, поступая туда, дед не имел никакого диплома – даже об окончании средней школы. Тот же осведомленный человек сказал отцу, что и в Академии деду разрешили сдать экстерном все экзамены и получить диплом о высшем образовании, а не выставили тут же за дверь именно по той же причине – решили, что этим человеком интересуется лично «Хозяин». А может быть, по какой-то

одной ему ведомой причине Сталину действительно запомнился необычный случай поступления в партшколу и он следил за судьбой деда. Иначе трудно объяснить, почему еще до официального окончания Академии ему предложили место руководителя отделения ТАСС в Нью-Йорке. Но, пожалуй, еще труднее не поверить в легенду о вмешательстве Сталина, когда речь заходит о разрешении поехать в США не с женой, а с «сожительницей», по терминологии тогдашних лет. И не только разрешили выехать, но и поддержали там более десяти лет, вместо положенных трех-четырех. В эту цепь событий хорошо вписывается и эпизод со статьей деда, на которую обратил внимание «вождь всех народов».

А вот несколько деталей о работе деда в ТАСС уже после его возвращения из Америки из той же статьи Рачкова.

«Иван Иванович был всегда внешне подтянут, строг, даже суров и малоразговорчив. Был постоянно погружен в собственные мысли (наверное, обдумывал свою книгу, над которой работал). На наши вопросы, даже по делу, отвечал неохотно. Но если доймешь его по какой-либо экономической или международной проблеме, отвечал несколькими короткими фразами – да так, словно просвечивал ее в глубину, излагая историю и суть вопроса.

В международных комментариях, статьях и небольших очерках, которые выпускала редакция для местной печати, редактировал в основном не слова, а мысли, как он их понимал. Материалы эти ему приходилось носить А.А. Вишневному на утверждение, и он каждый раз возвращался с 6-го этажа с покрасневшим лицом: как видно, между нашим неуступчивым начальником и первым замом генерального директора, слывшим блестящим стилистом, происходили "крупные разговоры". Наконец Вишневному спорить с упрямым надоело, и он передал нас в подчинение Главной редакции иностранной информации. Мы потеряли в статусе, зато утверждать выпускаемую продукцию стали самостоятельно.

И еще кое-что о характере этого человека. Прошло уже года полтора, как с ним что-то случилось: помрач-

нел, занервничал. Жизнь ему, по известному выражению Булгакова, “испортил квартирный вопрос”. В Академии в свое время ему предоставили комнату в общежитии, из которой он потом переселился прямо в Нью-Йорк. Вернувшись, известил хозяйственное управление ТАСС, что квартиры у него нет, и временно поселился с женой в гостинице. Естественно, надо было ходить, добиваться, чего он принципиально делать не стал, предпочел платить большие деньги за номер. А когда накопленные за границей средства кончились, вновь известил хозуправление, что его выселяют на улицу. Поднялся переполох. К делу подключился его сын Спартак, уже тогда видный и влиятельный журналист. В конечном итоге Ивану Ивановичу была выделена квартира в только что построенном тассовском доме у Киевского вокзала... »

Вот в этой квартире я и встречалась с дедом. По воскресеньям меня и моего брата Мишу изредка приводили к нему на обед. Все там было необычно. Дом напротив Киевского вокзала был солидный, с башенкой – сталинский серийный неоклассицизм. После наших мазиловских «хрущевок» он воспринимался мною почти как небоскреб, захваченный дедом из Нью-Йорка. Квартира – двухкомнатная, но с высокими потолками, просторная, – казавшаяся мне огромной по сравнению с нашей: смежно-совмещенной, двухкомнатной, малогабаритной, в которой к тому же мы помещались вшестером. Мебель – не модный тогда фанерно-полированный модерн, а нечто добротное, массивное. Посуда – прозрачный сервиз с драконами, привезенный дедом из Китая, куда он ездил в командировку. И даже растение – гордо возвышавшийся у окна фикус, заклеянный в советском обществе как атрибут мещанства и повсеместно истребленный.

И сам дед – высокий, костистый, с гордо посаженной головой, красивым, но холодным лицом, с черными, расчесанными на удивительно прямой пробор волосами, едва серебрившимися на висках. Одет он был всегда в безукоризненно сидевший на нем темный костюм, в накрахмаленную белую рубашку с необычным воротничком, застегивавшим-

ся на пуговички. Но мое воображение особенно поражали его ботинки – темно-бордовые с дырочками, слагавшимися в какой-то загадочный узор на тупорылых носках – будто бы вылитые из какого-то невиданного металла. До сих пор, если я встречаю мужчину, на ногах которого надеты такие ботинки, я неизменно проникаюсь к нему трепетным восхищением. Наверное, дед не всегда был одет так. Может, он и ходил дома в тапочках и без пиджака. Но как я ни пытаюсь, не могу его представить себе иным. Тем более, что на одной из немногих сохранившихся фотографий он одет именно так. Мы в лесу. Дед сидит не пеньке. Я и мой брат Миша стоим по обе стороны от него. Так вот, даже в лесу на нем неизменный костюм, белая рубашка, галстук и мои любимые ботинки. И трубка в руках. Я забыла упомянуть, что непременно деталью его облика, и так выделявшего деда из общего ряда довольно стандартных мужчин советской эпохи, была трубка. Дед буквально не выпускал ее изо рта. По-моему, он давал трубке потухнуть лишь на время интересных для него разговоров с моим папой или с каким-нибудь гостем. Это пристрастие к курению трубки и оказалось роковым для его здоровья. Он умер в шестьдесят четыре года от рака горла.

Я знала, что дед долго жил в Америке и сейчас пишет книгу об американской экономике и политике, а вернее – о людях на вершинах американской власти. Необычный облик деда и книга – все это каким-то странным образом перемешалось в моей голове, и для меня на многие годы сам дед стал воплощением такого синтезированного образа американца у руля власти. Некий симбиоз преуспевающего американского политика и бизнесмена. Какое разочарование постигло меня, когда позднее я встретила реальных, весьма не бедных американцев, щеголявших в потрепанных мешковатых костюмах и главное – о, ужас! – в стоптанных штиблетах, словно сошедших с конвейера фабрики «Скорород». Я вообще не встречала нации, представители которой относились бы с таким пренебрежением к одежде, как американцы. Исключением являются лишь политики и актеры, изображающие преуспевающих американцев в многочисленных кино и телесериалах.

Мне всегда было неловко во время наших протокольных визитов к деду. С нами, детьми, он не умел и, казалось, не хотел общаться. Велись какие-то серьезные и неинтересные нам тогда беседы с папой об американской экономике и политике. Кстати, именно тогда я впервые услышала слово «олигарх», ставшее таким популярным в России 90-х годов, а тогда пугавшее меня своей неизвестностью и многозначительностью. Спросить, что это такое, я не решилась и долго считала, что «олигарх» – синоним слова «монарх». Как выяснилось, я была не слишком далека от истины.

Мы с братом, отсидев на жестких неудобных стульях мучительно долгий обед, уходили в спальню деда, где нам выдавались для просмотра книги с репродукциями картин. Первое время, приходя к деду, мы с надеждой спрашивали: «А телевизор работает?» И каждый раз ответ был один и тот же: «Нет, не работает». Этот телевизор, заработавший только после смерти деда – еще один штрих к его характеру. Последнее чудо американской техники, он был куплен перед отъездом из Нью-Йорка в минуту слабости и в результате настойчивых просьб тети Жени – так мы звали вторую жену деда. Привезен в Москву. Поставлен в «красный угол» и... так никогда и не подключен к сети. Дед не терпел никакого шума, суеты, отвлечений от дела. Телевизору было сказано «нет» – и разговор был исчерпан. Думаю, что тете Жене нелегко было с ним жить... Приходя из ТАСС, он садился за письменный стол и работал до поздней ночи. Он писал книгу, а тетя Женья обеспечивала минимально нужный ему в быту комфорт. Главный комфорт для него состоял в том, чтобы его как можно меньше беспокоили. Дед обо всем имел свое мнение, и было видно, что мнение других людей его мало интересуют. Вообще люди его мало интересовали. За исключением тех, о ком он писал свою книгу – то есть американские политики, бизнесмены – американский истеблишмент. Непростой характер и для него, и для окружающих.

Вот еще один эпизод, демонстрирующий его непреклонность. На работу и с работы в ТАСС дед ходил пешком. А больше он редко куда вообще выходил. И вдруг мы узнаем, что он купил машину «Волгу». Было не очень понятно: по-

чему и зачем. Сам он водить не хотел. Тетя Женья получила права. И тут выяснилось, зачем дед купил машину. Главный замысел состоял в том, чтобы навестить, наконец, своего старшего брата Степана, жившего в Харькове.

А история отношений между ними такова. Они оба, как я уже писала, провели детство в сиротском приюте. Когда для них настало время определяться с самостоятельным выбором профессии, то Иван устроился на работу в сасовское почтовое ведомство по специальности линейного монтера на телеграфе. А вот у Степана прорезался интерес к портняжному делу, который он, видимо, унаследовал от их матери – мастерицы-швей, обслуживавшей крестьянские семьи, кочуя из одной деревни в другую. Побыв учеником у опытного портного, Степан вышел вскоре на самостоятельную дорогу, которая вела его из села в село, из города в город, пока не привела на Украину, где он на рубеже 40-х годов обосновался окончательно, устроившись на работу закройщиком в ателье в Харькове.

Итак, один брат – на Дальнем Востоке, другой – на Украине. Разразившаяся война окончательно порвала тонкую ниточку связи между ними, поскольку, ко всему прочему, Степан был призван в армию и затерялся на фронтовых маршрутах.

И вот почти двадцать лет спустя, когда мой отец стал регулярно выступать по союзному радио, ему передали письмо, поступившее в Комитет по радиовещанию от Степана. В письме он спрашивал: Спартак Беглов – не сын ли он его брата Ивана? Рассказывал свою историю и просил связаться с ним, если это действительно так.

И тогда дед решил отправиться на Украину, чтобы встретиться с братом, с которым он не виделся уже почти сорок лет. Он предложил своему сыну присоединиться к автомобильному броску на Украину.

Первой за руль села тетя Женья. Сначала все шло хорошо. Но вскоре выяснилась странная закономерность. Грузовики, как магнит, притягивали тетю Женью. Едва она начинала обходить грузовик, как «Волгу», словно по мановению волшебной палочки, подтягивало к грузовику. Ударившись пару раз о его борт, «Волга» отправлялась

дальше. Когда это повторилось в очередной раз, дед велел остановить машину. За руль сел мой папа.

Воссоединение двух братьев произошло спустя сутки, когда дед, тетя Женя и папа благополучно добрались до Харькова.

После возвращения в Москву, когда подъехали к дому, где жил дед, он и тетя Женя вышли из машины. Дед подошел к папе, который тоже вышел и собирался отправиться домой на метро, и сказал: «Да, Спартак, машину не надо здесь оставлять, поезжай на ней домой, она теперь твоя». Повернулся, взял под руку жену и, не дожидаясь пока папа придет в себя, направился к подъезду.

Так мы стали обладателями роскошного по тем временам средства передвижения. О том, как и почему машина перешла в нашу собственность, некоторое время напоминала лишь пара вмятин на ее правом боку.

Дед собирался совершить на этой машине еще одно путешествие. Он мечтал попасть на свою родину в Кадом. Это было незадолго до его смерти. Когда мы совсем уже собрались, он серьезно занемог. Мы еще не подозревали, что это недомогание – предвестник грозной болезни. Дед не поехал, вместо него поехал его брат Степан. И вот Степан, папа и я летом отправились на Рязанщину. Для меня эта поездка была наградой за успешное окончание школы. Нам удалось добраться до Сасова – родины папы. А вот последние шестьдесят километров до Кадома не доехали. Едва мы отъехали от Сасова, как асфальт закончился, и началась грунтовка – с ямами, ухабами, необъятными лужами и прочими прелестями классического российского бездорожья. Степан, у которого были проблемы с почками, после очередного ухаба вдруг тихо сказал: «Все, Спартак, поворачивай, дальше не надо». Вот так и не состоялось свидание братьев с родиной.

Заключительную главу в книге Ивана Беглова, над которой он работал последние десять лет своей жизни, доканчивал за него уже папа. Она вышла через несколько месяцев после его смерти.

Дедушка умирал от тяжелой и мучительной болезни. Папа рассказывал, что в последние дни, даже когда он уже едва говорил, дед пытался объяснить сыну и врачам, что он

чувствует, как происходит угасание... Как чеховский доктор Дымов. Старался для науки.

Когда мы с папой разбирали дедушкин архив, нас потрясло обилие информации, накопленной и изученной дедом. Там был практически готовый материал для написания еще, как минимум, пары книг. А какой-нибудь умелец, типа небезызвестного в те годы телевизионного журналиста – специалиста по разоблачению происков американского империализма – на таком материале накропал бы с добрый десяток книжонок.

А дедушка все откладывал и откладывал публикацию своей книги, считая, что ее еще нужно доработать. И, скорее всего, она так и осталась бы неопубликованной, если бы не уговоры папы и не вмешательство Георгия Аркадьевича Арбатова. Георгий Аркадьевич, возглавивший в 1967 году Институт США и Канады, узнав о дедушкиной книге и прочитав, как говорил дед, подготовительный материал, буквально заставил деда поставить точку и передал рукопись в издательство. Монография И.И. Беглова «США: собственность и власть» стала первой книгой, выпущенной под эгидой вновь созданного института. Книгой, которой институт заявил о своем существовании. Она была тут же раскуплена и стала библиографической редкостью. Многие годы эта монография оставалась самым глубоким и всесторонним исследованием американской финансовой и экономической структуры, ее переплетений с политическими механизмами. И это не мое мнение, а точка зрения многих советских и американских специалистов, писавших о книге.

Спустя почти пятнадцать лет после смерти деда в Женеве я встретила одного очень крупного американского ученого-экономиста, который, узнав мою фамилию, спросил:

– А Вы не родственница ли Ивана Беглова?

– Да, это мой дед. Только он давно умер.

– Да, я знаю. Очень жаль. Мы были знакомы, когда он работал в США. Вы знаете, я редко встречал, даже среди американских специалистов, человека, который так хорошо, как он, знал и понимал суть того, что происходило у нас в стране. И не только в экономике и финансах, а вообще...

Он на минуту задумался.

– Ваш дед здорово разбирался в том, кто есть кто, и что есть что в Штатах.

Я неоднократно получала по почте письма от тех, кто пытался узнать, где можно раздобыть книгу деда. Единственное, что я могла советовать им – это пойти в МГУ. Там на факультете журналистики усилиями ее декана – Ясена Засурского – создан специальный кабинет, где выставлены книги моего деда и отца. Там же находятся издания и по политической и экономической проблематике из нашей семейной библиотеки. Их, на протяжении более полувека, собирали мой дед и отец. После смерти папы мы передали их в дар МГУ. А совсем недавно – то есть сорок лет спустя после смерти деда – я вдруг получаю по посланию от совершенно незнакомого мне человека, который подписался просто «Дмитрий». Он с восхищением пишет о книге: *«...а вот книга вашего деда – это да... я даже читаю ее по главам – целиком освоить трудно – слишком много новой информации которая меняет представление о мире... Хотел бы я его увидеть в реале познакомиться, поговорить о жизни – но уже, увы. Если у вас есть его фото – прикрепите, пожалуйста,.... интересно посмотреть как он выглядел!»*.

Но главное, от него я узнала, что ее электронную версию можно найти на торрент трекере «rutracker.org». Теперь я смогу помочь всем тем, кто ищет книгу Ивана Беглова «США: собственность и власть».

* * *

Разбирая документы отца, я нашла очень интересное письмо, которое он получил в 1978 году от совершенно незнакомого ему человека. Некий Соболев Иван Гаврилович писал о том, что, возможно, именно он ...отец Спартака Беглова! Конечно, все это могло бы сойти за старческий бред – автору, судя по всему, было за семьдесят – но в письме приводились такие интересные и подробные детали из его жизни, что было совершенно очевидно: человек этот в здравом уме и твердой памяти. Жизнь Ивана Гавриловича настолько интересна, что о ней стоило рассказать, даже если бы не было всей этой предыстории с мнимым отцовством.

Почему я пишу так уверенно «мнимым», станет ясно, когда мы подойдем к концу этой истории.

Родился Иван Гаврилович в начале века, судя по тому, что в 1919 году он уже вступил в ряды комсомола. Потом, по рекомендации горкома комсомола города Самары, поступил на работу в органы, стал чекистом. Жил и работал в городе Воскресенске⁸ Московской области. Отсюда комсомол направил его на учебу в совпартшколу в город Волоколамск. После ее окончания Соболев стал профессиональным журналистом, его пригласили на работу в уездную газету «Голос деревни». Он писал в «Юношескую правду»⁹, в «Рабочую газету», «Крестьянскую газету», сотрудничал с газетой «Беднота». В ноябре 1923 года был делегатом Первого Всесоюзного совещания рабочих корреспондентов, созванного «Правдой».

На этом совещании Иван Гаврилович впервые встретился с Марией Ильиничной Ульяновой. А вторая встреча с ней состоялась в редакции «Правды», где она тогда работала¹⁰. Мария Ильинична дала ему рекомендательную записку для сотрудничества в «Журнале крестьянской молодежи». В редакции этого журнала Соболеву, как он пишет «...посчастливилось встретиться с такими замечательными людьми, как Есенин, Орешин¹¹, Клюев¹²

⁸ Ныне город Истра.

⁹ Впоследствии «Комсомольская правда».

¹⁰ В 1917–1929 гг. Мария Ильинична Ульянова являлась членом редколлегии и ответственным секретарем «Правды».

¹¹ Орешин Петр Васильевич – русский поэт и прозаик. Автор книг «Ржаное солнце» (1923 г.), «Соломенная плаха» (1925 г.), «Родник» (1927 г.), «Откровенная лира» (1928 г.). Репрессирован и реабилитирован посмертно.

¹² Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – известный русский поэт. В 1915–1916 гг. Николай Клюев – глава так называемых новокрестьянских поэтов. С.А. Есенин называл Клюева «апостолом нежным». После публикации поэмы «Деревня» (1927 г.) Клюев был подвергнут резкой критике за тоску по разрушенному сельскому «краю» и объявлен «кулацким поэтом». В 1937 г. арестован и расстрелян.

и Замойский¹³. Было много и других встреч с замечательными людьми».

Мне было интересно читать о журналистской молодости Соболева. Я даже не подозревала, что в то время выходило так много газет и журналов. Не знала я и имен некоторых писателей и поэтов, о которых он писал.

Позднее Соболев учился в московском Институте Политпросвета, параллельно сотрудничая с «Вечерней Москвой» и другими центральными московскими изданиями. Видимо, журналистом он был действительно неплохим, поскольку после окончания института его направили корреспондентом «Правды» в Мордовию. Одновременно он являлся и корреспондентом ТАСС. И вот там в 1935 году Соболев был арестован. Возможно, сказалось то, что в свое время он был чекистом, а может, и продолжал сотрудничать с органами – как известно, чистки среди сотрудников ОГПУ¹⁴ производились регулярно, во все годы репрессий.

Вот небольшой отрывок из его письма, в котором он повествует о том, что с ним произошло:

«<...>После окончания института около пяти лет был постоянным корреспондентом “Правды” и ТАСС в Мордовии. Здесь и постигло меня злое несчастье. За время заключения я лишился своей первой и любимой семьи – жены и сына. Они умерли неожиданно. После ареста мне так и не пришлось с ними увидеться. А сам я вернулся на волю в 1942 году инвалидом второй группы, получив в местах заключения травму головы и позвоночника. Кроме того, после освобождения, мне не разрешалось вернуться к своим родителям в г. Куйбышев, поэтому пришлось 13 лет прожить в ста километрах от города... Такой был порядок для политзаключенных. И теперь после полной реабилитации в 1958 году я был восстановлен в правах гражданства. <...>»

¹³ Замойский (псевдоним, настоящая фамилия – Зевалкин), Петр Иванович (1896–1958) – русский писатель, автор романа «Лапти».

¹⁴ Созданное в 1923 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ).

И наконец Соболев переходит к рассказу о том, ради чего, собственно, и писалось письмо:

«<...>В сибирских лагерях я познакомился с Машей Бегловой. Это ее имя или другое – точно не знаю. Она мне сказала: “Зовите меня Машей! Я так люблю”. Маша была веселой и на редкость жизнерадостной и совершенно не поддавалась той грусти и унынию, которые царили в лагерях. Я был таким же. Вот мы и подружались, а потом – полюбили друг друга. Впоследствии у Маши родился мальчик, которого она назвала Спартак. Почему? Не знаю, не спрашивал об этом. Да и не было времени спрашивать. Когда Маша находилась с грудным ребенком в специальном бараке для матерей, меня неожиданно, глубокой ночью, отправили по этапу. Так я не смог проститься с Машей и потерял ее навсегда».

Далее Иван Гаврилович высказывает предположение о том, что папа и есть тот самый потерянный сын. На эту мысль его навели не только имя и фамилия, но и тот факт, что папа тоже журналист. В этом он видит проявление наследственности. Соболев признается, что эта мысль преследует его уже давно и не дает покоя, и очень просит папу ответить на его письмо.

Я уверена, что папа ответил Соболеву. Ясно, что речь идет о необыкновенном совпадении, но не более того. Ведь папа родился гораздо раньше – в 1924 году. А ребенок в лагере, носивший такое же имя и фамилию, мог появиться на свет лишь более чем десять лет спустя. Ведь Соболев был арестован в 1935 году и вышел на свободу в 1942 году. Но папа очень долго выглядел моложе своих лет, и многие ошибались относительно его возраста. Так что предположения Соболева не так уж нелепы.

Письмо очень взволновало меня. Я представляла, насколько разочарован был этот человек, узнавший, что этот Спартак Беглов – не его сын. Письмо не отпускало меня, я перебирала факты биографии Соболева, пыталась представить его жизнь после выхода на свободу. Почему он ничего не писал о том, чем он занимался, как жил все эти годы?

Неужели, кроме молодости, ему не о чем было рассказать своему предполагаемому сыну? Видимо, травмы, полученные в лагере, были настолько серьезными, что он оказался сломленным физически и морально. Я попыталась найти следы Ивана Гавриловича, хотя подозревала, что его уже нет в живых. И вдруг на сайте «Жертвы политического террора» возникла фамилия Соболев. Я попыталась найти нужные мне имя и отчество. К своему ужасу увидела, что перечень репрессированных с фамилией Соболев растянулся на много страниц. Я не поленилась посчитать. В списке только Соболевых 514 человек! Не считая Соболевых с двойной фамилией, типа Соболев-Уральский. И вот, наконец, читаю:

«Соболев Иван Гаврилович.

Родился в 1905 г.; Самарская область; член ВЛКСМ.

Проживал: Мордовия, Ардатовский район, село Урусово.

Приговорен: Главный суд МАССЕ 1 ноября 1935 г., обв. по ст. 58–10 УК РСФСР¹⁵.

Приговор: 7 лет. Реабилитирован 4 декабря 1959 г.

Источник: Книга памяти Республики Мордовия».

Несколько строк, в которые вместились жизнь человека, многие годы считавшего себя отцом моего папы. Жизнь такая необычная – и в то же время настолько типичная для того периода нашей истории.

Я поняла, что с этим найденным мною письмом в мою жизнь вошел новый человек, чтобы там остаться. Хотя он и не мой дед.

Как бабушка меня спасла

Бабушка Вера, мамина мама, единственная из нашей семьи никогда не была за границей. Но на память о ней у меня остались две заграничные вещи. Старинный бухарский коврик, привезенный ею еще до войны из теперешней загра-

¹⁵ Самая распространенная статья обвинения в годы репрессий – по ней осуждали за антисоветскую агитацию и пропаганду.

ницы, Казахстана. И расшитое шелком панно с красочным и немного томным павлином, сидящим на ветке цветущего фантастическими цветами дерева. Эту вышивку привез из Китая в подарок бабушке один знакомый, и она была единственным украшением бабушкиной крошечной восьмиметровой комнаты в коммунальной квартире на Мещанской улице. Я очень любила эту вышивку. Подолгу любовалась павлином, рассматривая его красочное оперенье, переливавшееся всеми цветами радуги. Когда бабушка окончательно переехала жить к родителям, она подарила вышивку мне.

Может быть, из-за этой вышивки, я всегда была равнодушна к павлинам. Павлиньи перья я привезла из Индии, и они долго украшали мою московскую квартиру. А в Швейцарии, где я живу сейчас, мне по-настоящему повезло. В ООН, где я работаю, по парку гуляют павлины. Швейцарец, завещавший городу Женеве территорию, на которой сегодня находится здание ООН, оговорил в завещании несколько неперемных условий. Одно из них – постоянное присутствие в парке определенного количества павлинов. Видимо, он к ним также был равнодушен. И теперь я регулярно люблюсь живыми павлинами – то просто греющимися на солнце, то демонстрирующими мне и всем, кто желает на них полюбоваться, свой чудный веер из разноцветных перьев. Правда, для людей, наблюдающих за парком, павлины – головная боль. Из окрестных лесопарков на территорию ООН забираются лисы, которым наплевать на красоту. Им нравится павлинье мясо. Вот и приходится в бюджете на содержание женевского ООН постоянно предусматривать деньги на покупку новых особей.

Любуясь на павлинов, я часто переносюсь в памяти в бабушкину комнату, где я впервые увидела эту птицу.

В той, вытянутой как пенал, комнате помещались тахта, маленький стол и маленький шкафчик. Впритык к дивану стоял на тумбочке телевизор. Приходя к бабушке в гости, а обычно мы приходили по одному, т.к. двое гостей там уже не размещалось, я укладывалась на диван, покрытый полосатым ярким восточным ковром. Лежать на нем было не очень приятно, т.к. ковер был слишком шершавым. Тем не менее, едва придя к «бабе Вере» – как мы ее тогда называли, – я

сразу ложилась на это шершавое ложе, и после таинственного священнодействия бабушки и проклятий в адрес антенны, которая никак не хотела стоять прямо, экран начинал колыхаться, переливаться и звучать.

Первые телевизоры... С приставными, наполненными жидкостью, увеличительными экранами-лупами. У нас дома еще не было телевизора, и я заранее предвкушала предстоящее удовольствие. Мне казалось, будто передо мной находился какой-то волшебный аквариум с выпуклыми стенками, в котором вместо рыбок просматривались нечеткие силуэты людей, зверей, домов – и вообще чего-то, отдаленно напоминавшего жизнь.

Бабушка сидела за столом со своей вечной сигаретой в руке. Когда я была маленькой и меня оставляли у нее ночевать, мы как-то умудрялись с ней вдвоем – валетом – размещаться на тахте. И если я долго вертелась и не могла заснуть, то бабушка пугала меня цыганом, который живет на чердаке в доме напротив. Окно бабушкиной комнаты смотрело прямо на это чердачное окно.

Потом мы уехали в Лондон, и о бабушке напоминали лишь регулярно получаемые из Москвы посылки с моими любимыми лакомствами. Вернувшись, мы поселились в первой отдельной квартире, полученной папой в пятиэтажной «хрущевке» в Мазилово. Этот микрорайон находился совсем недалеко от тогдашней еще деревни Кунцево, где в маленьком деревянном флигеле бабушка жила первые послевоенные годы.

Сначала бабушка просто регулярно приезжала помогать маме по хозяйству. А вскоре после рождения моего младшего брата Олега совсем переехала к нам.

Бабушкина активность поражала и даже деморализовала. Она готовила, убирала, носила вещи в стирку, ходила по магазинам. С утра до вечера она носилась по квартире, лишь периодически присаживаясь на кухне или в туалете перекурить. В минуты особой активности вокруг бабушки возникал невидимый глазом, но ощутимый всеми мини-циклон, от которого исходили мощные потоки энергии в квартире, на даче, где бы она ни находилась. Люди, оказавшись в сфере действия этих потоков, невольно возбуждались, суетились

больше обычного, разговаривали на повышенных тонах, жестикулировали. Собаки, всегда бывшие непременно обитателями дома, начинали почему-то лаять и носиться по квартире. В такие моменты бабушка, единственная, как ни странно, сохранявшая хладнокровие, садилась на кухне, закуривала очередную сигарету и произносила свою коронную фразу: «Живу, как на вулкане!»

Бабушка не была человеком религиозным. Она никогда не посещала церковь. Исключением являлась Пасха. Только на Пасху бабушка иногда туда ходила. Несколько раз она брала меня с собой. Бабушка очень любила этот праздник, заранее готовилась к нему. Сегодня можно пойти в магазин в тот день, когда Вы собираетесь печь кулич или делать пасху, и все купить, а тогда все надо было покупать заранее. Несмотря на советские времена, в некоторых семьях на Пасху по-прежнему пекли куличи. Это особенно не рекламировалось, но и не особенно скрывалось. Я думаю, многие отмечали Пасху не потому, что стремились соблюдать религиозные обычаи, а воспринимали все, что связано с этим праздником, скорее как приобщение к чисто национальным, русскими традициям. На каком-то этапе даже в магазинах стали продавать куличи под названием «Кекс весенний». Но, конечно, этот кекс не шел ни в какое сравнение с тем, что в это время готовилось у нас дома. Теперь, по прошествии многих лет, зная, что бабушкиным отцом был купец, да к тому же человек очень религиозный, я не удивляюсь тому, насколько серьезно осуществлялся у нас весь процесс подготовки к празднику. В большом количестве закупались мука, яйца, масло, творог. Кухня постепенно превращалась в маленький филиал бакалейной лавки: везде стояли пакеты с мукой, сахаром, лежали пакетики ванилина, на подоконнике лежали палочки ванили, откуда-то скатывались на пол орехи муската. Нас, детей, тянуло на кухню, как магнитом. Но в определенный день моих младших братьев отправляли с папой куда-нибудь на целый день гулять или в гости к кому-то из родственников, чтобы они не мешались под ногами, и священнодействие начиналось. Меня оставляли дома, поскольку считалось, что тем самым я приобщаюсь к полезным для меня занятиям. Увы, печь куличи я так и не научилась.

Печь я их, конечно, пеку, но они имеют мало чего общего с тем, что вынималось из духовки после двух дней бдений мамы и бабушки. Процесс занимал действительно два дня. В первый – на ночь ставилась опара, которая утром заполняла не только огромную кастрюлю, но и переваливалась светлым тягучим ниагарским потоком в раковину. А на следующий день осуществлялась подготовка теста и выпечка куличей. Вынимали их из духовки с замирием сердца – как они поднялись, не осядут ли от нечаянного дуновения ветра? Бабушка с сосредоточенным лицом осматривала лично каждый кулич, вынутый из кастрюли, а потом с еще более серьезным лицом катала их по столу, чтобы тесто равномерно распределилось внутри. Куличи пеклись, как и положено, в четверг, и на два дня их оставляли «продышаться». Потом начиналось приготовление пасхи и крашение яиц. Запахи в течение трех дней стояли в квартире такие, что, казалось, просто невозможно дотерпеть до воскресенья. Но оно наступало, приходили ближайшие родственники, и где-то часов в десять все садились за стол. В пасхальное воскресенье бразды правления полностью принадлежали бабушке. Она сидела в центре стола и священнодействовала. Отрезала всем куличи, подавала пасху, распределяла яйца и ветчину. Вскоре у каждого на тарелке лежал огромной величины бутерброд: на кулич намазывалась пасха, на нее клался кусок ветчины. Сверху все это венчал кругляшок разрезанного на кусочки яйца. Потрясающее по красоте произведение кулинарного искусства. Вкус сего бутерброда описанию не поддается. Слюни текли уже от одного его вида. Я всю жизнь именно так ела кулич и пасху. Была абсолютно уверена, что так едят все. Живя в Швейцарии, на Пасху приглашала своих швейцарских друзей, и все они полюбили мои пасхальные бутерброды. Более того, однажды попробовав их, всегда старались позвонить мне в районе празднования русской Пасхи и, вежливо напомнив о своем существовании, поинтересоваться: собираюсь ли я в этом году печь куличи? Каково же было мое удивление, когда как-то, оказавшись на Пасху в компании своих соотечественников, вдруг обнаружила, что никто не делал таких пасхальных пирамид, какие были приняты у нас дома. Многие намазывали пасху

на кулич. Это да. Но чтобы на нее еще класть ветчину и потом яйцо – об этом все они услышали от меня впервые. Так я узнала, что пасхальный бутерброд – чисто бабушкино изобретение. Но откуда она взяла именно такую манеру есть на Пасху, я уже не узнаю никогда – бабушки нет в живых. Видимо, в городе Скопине, где она родилась, в купеческой среде существовал такой обычай. Я еще расскажу о ее семье.

При всей своей занятости бабушка умудрялась всегда очень следить за собой – ходила делать маникюр и педикюр, регулярно пополняла свой гардероб.

Любовь к красивой одежде и безупречный вкус моя мама унаследовала от бабушки, которая всегда была заядлой модницей. Естественно, эта пагубная и в то же время доставляющая столько приятных минут страсть передалась и мне. Когда мне было сорок, я порой успокаивала себя: ну, еще лет десять – и больше я уже не буду покупать новую одежду. Буду донашивать старое. Правда, несколько настораживали регулярные визиты бабушки – а ей тогда было уже за семьдесят – к персональной портнихе. Когда-то, чуть ли не во времена НЭПа, эта женщина и правда была портнихой, а потом плавно перешла в разряд закадычных приятельниц, сохранив при этом почетную обязанность обшивать бабушку.

Осенью, с неумолимой закономерностью, даже будучи уже в весьма преклонном возрасте, бабушка отправлялась на курорт – на Кавказ или в Крым. Оттуда она каждый раз привозила, помимо ящиков с фруктами, новую знакомую. Эти приятельницы, как правило, были лет на тридцать-сорок моложе бабушки и годились в подруги скорее мне. Иногда так и происходило, мы тоже становились друзьями. Но все-таки основным центром их притяжения оставалась бабушка, к которой они приходили посоветоваться, поплакаться и просто поболтать. Видимо, несмотря на дочь, трех внуков и в последние годы жизни – трех праправнучек – бабушка не растратила до конца свой материнский потенциал. И ей по-прежнему надо было кого-то оберегать, учить жить, опекать, спасать... Что она однажды с успехом и сделала в моем случае.

Этот скорее забавный, особенно по простовости стольких лет, эпизод связан с периодом нашей бангладешской жизни.

В то время я в первый и в последний раз в своей жизни «работала дипломатом» в посольстве СССР в Дакке. Из-за острой нехватки кадров я удостоилась чести быть принятой в лоно святой дипломатической службы, и мне поручили, в том числе, заниматься женскими организациями. Это подразумевало постоянные поездки на мероприятия, проводившиеся различными женскими коллективами. Мероприятий проснувшиеся к жизни женщины Востока проводили много. Проходили они обычно в больших шатрах, на полу которых были разложены подушки, – на них все и сидели. Иностранным гостям правда предлагали складные стулья, но я предпочитала не выделяться и сидеть, как все, – на полу. Надо сказать, что у меня тогда были длинные волосы, которые я, к тому же, распускала для пущей красоты по плечам.

И вот какое-то время спустя после начала моей активной деятельности на поприще женского движения в Бангладеш я заболела. Сначала просто чувствовала недомогание и зуд во всем теле, а потом вдруг вспухли лимфатические узлы по всему телу. Меня срочно отправили в Москву. Там чуть не упекли сразу же в печально известный инфекционный госпиталь на Соколиной горе, поскольку в самолете меня все время тошнило, а перед самой Москвой я потеряла сознание. Боялись, что я подхватила какую-то таинственную инфекцию. В Москве начались хождения по врачам. Они только вздыхали и разводили руками. Кровь была такая плохая, что подозревали лейкемию.

Но вот в один прекрасный день бабушка, приехавшая с дачи, зашла в ванную, когда я только что вымыла голову и расчесывала свои волосы над раковиной. Она заглянула в раковину и вдруг спросила весьма грозно:

– Наталья, что это такое?

– А что? – испугалась я.

– Ну, как же, посмотри, вся раковина черная!

– Ну и причем тут я? – запричитала я. – Олег, наверное, аквариум мыл, а раковину не почистил.

Мой младший брат с самого детства отличался любовью к рыбам и вообще к любым летающим, ползающим и плавающим тварям.

– Да это же вши!

– Какие вши, ты что?

И тут я действительно увидела, что в раковине что-то как будто движется, колышется. Присмотревшись, поняла, что вся она покрыта маленькими черными букашечками.

– Боже мой, что это?

– Я же сказала – вши, – еще раз повторила бабушка. – Как же ты могла их раньше не заметить?

– Да как я могла заметить, когда я не знала, что это такое, только в книгах читала.

Бабушка взяла инициативу в свои руки. Срочно был куплен керосин. Голову мне обрили почти наголо, и в течение нескольких дней я никуда не выходила, поскольку от меня за версту несло керосином, которым мне регулярно мазали голову. Уже в этот день я почувствовала себя намного лучше, а через неделю от моей болезни не осталось и следа.

Да, не стоило мне отказываться от складных стульев на мероприятиях в Дакке. Ну, а московским врачам в голову не могла прийти мысль, что причина проблем у такой не похожей, как теперь говорят, на бомжиху девицы могут быть столь нелицеприятной. Тем более в те годы они, в отличие от нынешних времен, и думать забыли о каких-то там прозаических, но коварных тварях. Родителям тоже не пришлось в голову обратить особое внимание на мое чесание в голове, поскольку была у меня такая дурная привычка в минуты волнений.

И лишь бабушка узнала врага, что называется, в лицо. Меня это тогда удивило и, расспрашивая о причинах ее осведомленности в этой области, я узнала о событиях в ее жизни, о которых и не подозревала.

Оказалось, что баба Вера, тоже «рязанского разлива». Она была родом из Скопина – небольшого города Рязанской области, в ста с лишним километрах к северу от Липецка.

Ее дед, а мой прапрадед, Василий, был купцом, торговавшим рыбой с каспийских промыслов. Его фамилию мы те-

перь уже никогда не узнаем. Бабушка давно умерла, а мама помнит только фамилию своего деда – Кичкин.

Дочь купца, моя прапрабабушка, Александра Васильевна, вышла замуж за приказчика, Илью Кичкина, работавшего в магазине ее отца. История этого замужества для меня всегда была весьма загадочной.

Очевидно, что Ильей руководила при заключении брака не любовь, а корысть, поскольку после смерти своего хозяина он, прибрав все к рукам, всячески издевался над своей женой.

А вот что руководило моим прадедом, когда он выдавал дочь за своего приказчика? Ведь прапрадед был не просто купцом, а человеком весьма уважаемым в городе, он долгое время занимал пост церковного старосты. Да и Александра, судя по фотографиям, была девицей весьма видной. Не сомневаюсь, что ей могли подыскать партию получше. Однажды, когда я в очередной раз рассматривала фотографии, мне бросилась в глаза одна странность, которую я раньше не замечала. У Александры и Ильи были две дочери – моя бабушка Вера и ее младшая сестра. Я вдруг увидела, насколько они не похожи друг на друга. Более того, если младшая дочь была вылитой матерью, то бабушка – смуглая, темноглазая, черноволосая – не походила ни на своих родителей, ни на деда с бабкой. И я подумала: а что, если моя прабабка «согрешила» с кем-то и ожидала ребенка? А прадед не захотел выдать ее за человека, которого она полюбила. Возможно, судя по внешности моей бабушки, это был человек еврейских кровей. Вот тогда вполне объясним этот скоропалительный брак с приказчиком. А то, что моя прабабка могла совершить поступок, не вписывавшийся в представления о том, как должно и не должно поступать девице в те времена, я не сомневалась, зная ее дальнейшую жизнь.

После смерти своего тестя, Илья при живой жене и, не стесняясь наличия двух дочерей, привел в дом другую женщину. Его издевательства над женой еще усугубились.

Вот тогда моя прабабка и совершила поступок по тем временам весьма неординарный, сделавший для меня понятным, откуда в нашем роду у женщин столь независимый характер. Она, оставив дочерей под присмотром мужа, ко-

торый к ним, надо отдать ему должное, относился хорошо, уехала в Москву. При себе у нее было лишь немного денег, которые ей удалось сэкономить на ведении хозяйства. В Москве она сняла небольшую квартиру и открыла надомную кухню. Дела пошли неплохо, во всяком случае, на жизнь себе она зарабатывала.

Тогда бабушка, также отличавшаяся независимым нравом, решила отправиться к матери в Москву. Ей едва исполнилось шестнадцать лет. А между тем на дворе был 1914 год. Началась Первая мировая война. Приехав в Москву, моя бабушка Вера окончила курсы санитарок и отправилась на фронт. Работала она на санитарных поездах. Нечего и говорить, что избавлять солдат от нашествия вшей, считалось просто невинным развлечением по сравнению со всем остальным, чем ей приходилось заниматься. Но к этим зловередным насекомым, тем не менее, у бабушки особый счет. Ее младшая сестра, отправившись по ее следам тоже в Москву, до столицы не доехала. Это было во время Гражданской войны. Свирепствовал тиф, передававшийся все теми же, такими безобидными на вид насекомыми. Младшая сестра заболела брюшным тифом. Бабушке удалось приехать к ней, и неделю она провела вместе с сестрой в тифозном бараке, пытаясь спасти ее. Но помочь ей, ослабленной голодом, она не смогла, и та умерла у нее на руках. Именно тогда бабушка начала курить – и всю жизнь курила.

Случилось так, что в медицинской части по месту прохождения ее службы понадобился человек, способный вести делопроизводство. Бывшая гимназистка без особого труда освоила машинопись – и это положило начало ее будущей многолетней карьере секретаря-машинистки (вплоть до общесоюзных министерств).

В начале 1920-х годов судьба свела бабушку с неким Владимиром Ивановичем Вашчковицем, молодым красавцем польского происхождения. В советские времена широко распространился род деятельности под названием «хозяйственник»: такие люди либо ведали материальной частью в ведомствах, либо руководили небольшими кустарными или фабрично-заводскими предприятиями. В середине 1930-х годов карьера Владимира Ивановича достигла

вершины: он занял должность директора коверной фабрики в городе Кызыл-Орда¹⁶. Веселый, компанейский Володя без особого труда завоевал Верино сердце и стал спутником ее жизни, а в 1923 году на свет появилась Зоя, моя мама.

Если судьба бабы Веры целиком была связана с ее профессией секретаря-делопроизводителя в столичных госучреждениях самого высокого уровня, то «пан Владимир», наоборот, менял места службы, как перчатки, причем «охота к перемене мест» сочеталась у него с привязанностью к прекрасному полу... Поэтому, побывав вместе с Зоей в конце 1930-х годов в Кызыл-Орде, бабушка решила не следовать примеру Пенелопы и окончательно вычеркнула этого Одиссея из своей жизни.

Пока бабушка решала свои семейные дела в Кызыл-Орде, ее мать, Александра Васильевна, лежала в больнице с тяжелым недугом. Муж соседки по палате уговорил ее поменять двухкомнатную квартиру в Москве на дачу с верандой в Кунцево. Главный аргумент звучал банально: «Чистый воздух – единственное, что может поправить Ваше здоровье!» Но соседка с мужем были ловкими мошенниками: «дача с верандой» оказалась половинкой развалюхи барачного типа – в результате по возвращении из Казахстана баба Вера, ее дочь Зоя и больная прабабушка оказались в одной комнате с маленькой террасой. Другую половину дома занимали престарелая мать с дочерью. На две семьи была одна кухня, а «удобства» – в сенях. На эту «дачу с верандой» спустя много лет привезут и меня из роддома, и там я проведу первые месяцы своей еще бессознательной жизни.

Парадоксально, баба Вера большую часть своей нелегкой жизни провела в Москве. Причем вела, мягко говоря, не очень здоровый образ жизни: выкуривала по две пачки сигарет в день. Пока работала, питалась всухомятку, а позже всегда предпочитала все самое вредное – жирные, пережаренные блюда. И в то же время она никогда не болела и сохранила завидную энергию и девическую стройность до самой смерти. Умерла она в возрасте 87 лет. По-моему, просто от старости.

¹⁶ Областной центр на юге Казахстана, в 500 км к северо-западу от Ташкента.

А другая бабушка, по папиной линии – баба Люба – всю жизнь прожила вне города, на свежем воздухе, вела спокойную, размеренную жизнь, никогда не курила и ела, к тому же, простую натуральную пищу. Баба Люба умерла в 56 лет от рака желудка. Вот и рассуждай после этого о том, что вредно и что полезно.

Меня не было в Москве, когда бабы Веры не стало. С тех пор прошло уже больше двадцати лет. Но мне по-прежнему очень ее не хватает. Часто снится один и тот же сон. Лето. Суббота. Я еду на дачу, чтобы сменить бабушку. Она всю неделю отбывает дежурство по даче с моей маленькой дочкой Олесей. Бабушка не любит дачу. Она всю жизнь любила только город и была абсолютно равнодушна к загородным прелестям. Поэтому на субботу и воскресенье, как только я или кто-то из родни приезжает на дачу, она тут же отправляется в Москву, как она выражается, проветриться.

Едва войдя в сад, я уже вижу бабу Веру, которая в полной боевой готовности – нарядная и подкрашенная, с туго забранными в пучок остатками когда-то пышных волос – стоит на ступеньках террасы. За пару минут передает мне бразды правления и вот уже идет быстрым шагом по дорожке среди высоких зарослей синих башмачков, по-хозяйски окидывая взором небольшие наши владения. Некоторое время я вижу ее худощавую, немного угловатую, как у подростка, фигуру. Наблюдаю за ее странной походкой – она немного переваливается с боку на бок и слегка загребает ногами – так теперь ходят манекенщицы на подиуме. Потом скрипит калитка, проделанная в высоком зеленом заборе. Бабушка перешагивает через порог... Последнее, что я вижу, – рука с зажатой в ней сигаретой, закрывающая калитку...

Почему мама не пошла в артистки

Наверное, для всех нас особенно дороги первые воспоминания о матери. Чаще всего это первый образ того мира, в который мы только что вступили и в котором мы осваиваемся. С помощью мамы.

Именно в детстве в памяти отпечатываются самые четкие снимки людей, событий. Они еще не размыты деталя-

ми, не относящимися к делу. Позднее картинки жизни будут сменяться с такой скоростью, что уже не так часто что-то врезается в память раз и навсегда.

Я точно знаю, какое воспоминание о маме первое. Я стою на балконе и смотрю в коляску, в которой заливается мой недавно появившийся братишка Миша. Брат родился в январе, когда мне было четыре года. Мне не холодно, даже приятно стоять на балконе. Значит, дело происходило весной. Я качаю коляску, похлопываю по голубому стеганому пищащему одеяльцу. Словом, всячески пытаюсь успокоить орущее существо. Мама впервые оставила меня за старшую. Она спустилась вниз в овощную палатку. С балкона шестого этажа я вижу ее силуэт в очереди.

А мой братец явно не желает меня слушаться. Орет и орет. Я начинаю злиться. Что же делать? Мама доверила мне впервые что-то важное, а я не справилась. Этого допустить нельзя.

– Послушай, – обращаюсь я к нему, – замолчи немедленно.

Никакой реакции.

– Если ты сейчас же не замолчишь, – решаю припугнуть его я, – то будешь наказан.

Орет все так же.

– Так ты мне не веришь? Я правда тебя накажу. Вот увидишь. Я тебя укушу.

А брат заливается еще пуще.

– Ах, так! Ну, сам виноват...

Я наклоняюсь к брату, беру торчащую из-под одеяла ручонку и довольно сильно кусаю его за палец.

Не представляю, почему я выбрала из всех наказаний такое необычное. Во всяком случае, не на основании прецедента. В нашей семье никто не кусался. Да и в нашей коммунальной квартире тоже. Даже собак у нас не водилось. Была, правда, одна полусумасшедшая соседка, положенная по штату каждой уважающей себя коммуналке. Про нее говорили, что она собственную дочь держит на цепи. Но не кусает же...

После того, как я воплотила угрозу в жизнь, раздался такой вопль, что вся очередь внизу, как по команде, подня-

ла головы и посмотрела в нашу сторону. Через несколько минут на балкон, где я стола в ужасе над сотрясавшейся от воплей коляской, вбежала мама. И я до сих пор отчетливо вижу ее лицо. Сначала испуганное, а потом, когда она убедилась, что с братом все в порядке, и выслушала мои объяснения, лицо стало каким-то удивленно-растерянным. Мама меня не наказала и даже особенно не ругала. Но довольно долгое время после этого я иногда ловила на себе ее вопросительный взгляд. Все ли в порядке с этим ребенком, кусающим собственного брата?

А дальше в моей памяти мама возникает всегда удивительно красивая и нарядная – то среди цветущих вишневых или яблоневых деревьев, то на полянах, поросших нарциссами многочисленных парков Лондона. Несмотря на более чем скромные средства, мама не только сама прекрасно одевалась, но и мне, и брату, покупала очень красивые и дорогие вещи. Пальто от самого Харродса, купленное брату в 50-х годах в Лондоне, носила на выход уже моя дочь в начале 80-х в Москве. И все спрашивали у меня, где это я достала такое твидовое чудо с бархатным воротничком? Очень скоро стало ясно, что такие покупки можно было позволить себе лишь изредка. Но как истинная любительница красиво одеваться самой и нарядно одевать детей мама не растерялась и освоила искусство кройки и шитья и с тех пор обшивала и обвязывала все семейство.

В Англии 50-х годах царствовали длинные широкие платья, чья пышность обеспечивалась многослойными нижними юбками. Носили еще шляпы и перчатки, правда, в основном, «на выход». Мне, естественно, не терпелось тоже приобщиться к клану взрослых дам. И вот – какое счастье! – мама мне подарила настоящую сумочку. Ну, почти. Разве что чуть поменьше своей. А так – ничем не отличишь. Когда мы отправились в отпуск в Москву, я со своей сумкой не расставалась.

Все фотографии этой поездки – а мы плыли из Лондона на пароходе до Ленинграда – выглядят примерно так. На фоне парохода «Молотов» мама и Наташа – обе в белых перчатках с сумочками. Копенгаген, на фоне статуи

«Русалочка» – мама и Наташа. Наташа при белых перчатках и с сумочкой, прижатой судорожно к пузу. Судорожно – возможно, легкое преувеличение. Но за сумку я цеплялась, поскольку мама пыталась уговорить меня хоть иногда отправляться на экскурсии не при полном параде.

Все это продолжалось до нашего приезда в Москву. Там однажды мы собрались то ли в театр, то ли в гости. Папа задерживался, и мы вышли с мамой подождать его на улице. Дело было летом. На маме было красивое бледно-розовое платье с очень широкой и пышной юбкой. Не забыты были и шляпка с перчатками. Я тоже была в пышном платье и, естественно, при перчатках, а в руках сжимала свою драгоценную сумочку. Прохожие поглядывали на нас с явным любопытством. Мимо проходили две пожилые женщины крестьянского облика, явно не москвички. Они остановились около нас и озадаченно принялись разглядывать.

– Ты посмотри, посмотри, – толкнула одна из них другую в бок, – сколько юбок на них надето, вроде не холодно сейчас, с чего бы это?

– А может, это она хочет показать, сколько у ней добра этого имеется, – предположила другая.

– А шляпа-то, шляпа-то, гляди, какая на ней, как тарелка, как она только на голове держится? – не унималась первая.

Тут ее внимание переключилось на меня.

– А зачем на девчонку-то перчатки надели?

– Должно быть, болезнь какая на руках, вот и надели, чтобы не видно было, – ошарашила меня своим предположением вторая.

Как только женщины ушли, я перчатки сняла и наотрез отказывалась их в дальнейшем надевать. Да и сумка – предмет моей гордости, напоминавшая о той неприятной сцене, перестала радовать и переместилась из разряда моих аксессуаров в атрибуты кукольной экипировки. Но в семье на это резкое, как мне тогда казалось, изменение моего облика никто не обратил внимания. В это время умерла баба Люба, которая тяжело заболела, когда мы еще были в Лондоне. Родители были заняты организацией похорон, поминок. Всем было не до меня.

Во время нашего отпуска произошло еще одно событие, касавшееся уже не только нашей семьи. В июне 1957 года состоялся пленум ЦК, на котором разоблачили, как тогда писали, антипартийную группировку, возглавлявшуюся Молотовым.¹⁷ Его вывели из состава ЦК и Президиума ЦК, отправили в почетную ссылку послом в Монголию. Почему я об этом вспоминаю? Если помните, я писала, что в Москву мы плыли на пароходе «Молотов». Так вот, обратно мы отправились на пароходе, который назывался уже «Балтика». Пароход пришлось спешно переименовать. Я об этом, конечно, узнала гораздо позднее. А тогда, я помню, лишь удивилась, когда увидела новое название «Балтика». Свеженарисованные буквы – их число точно совпадало с числом букв в имени Молотова – ярко выделялись на фоне уже немного обтрепанной краски корпуса корабля.

В следующие приезды в отпуск мама упорно продолжала следовать передовым лондонским тенденциям моды. В Москве это ей удавалось делать без особых издержек, если не принимать во внимание удивленные и недоумевающие взгляды. Но вот когда они с папой поехали отдыхать в Сочи, дело чуть не кончилось приводом в милицию. У мамы был сарафан с очень открытой спиной. Однажды к ней на улице подошел блюститель порядка и потребовал, чтобы она немедленно прикрыла, как он выразился, «это безобразие». Мамина бдительность была явно ослаблена общением со сверхвежливыми английскими «бобби», ибо она попыталась вступить с милиционером в дискуссию о прихотях моды. Попытка дискуссии была немедленно пресечена, и маме предъявили ульт-

¹⁷ Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия – Скрябин, 1890–1986) – советский политический деятель из ближайшего окружения Сталина, член РСДРП (с 1906 г.), Герой Социалистического Труда. Секретарь ЦК ВКПб, председатель Совнаркома, нарком (затем министр) иностранных дел СССР (1953–1956 гг.); посол СССР в Монголии. Исключен из КПСС (1962–1984 гг.). Наиболее известен своей подписью так называемого «Пакта Молотова – Риббентропа» (23 августа 1939 г.). Активно выступал против осуждения «культы личности» и до конца дней оставался твердым сталинистом.

тиматум: или она чем-то прикроет плечи, или проследует в милицию как нарушительница общественного порядка.

Написав это, я подумала о том, что в наши дни скорее жительница Сочи поразит своим туалетом лондонца, чем наоборот. Сегодня, приезжая из пуританской Женевы, я, глядя на московских девушек, делаю выводы о том, что носят в этом сезоне. И в Москве, как нигде более, порой чувствую себя не на высоте. Наши женщины как будто наверстывают то, чего они были лишены многие годы – возможности модно одеваться.

Я не просто помню, а до сих пор физически ощущаю, какая волна счастья и радости жизни исходила от мамы в тот лондонский период. Может быть, еще и поэтому я так люблю этот город. Мама была там очень счастлива, и это не могло не наполнять наше лондонское детство радостным светом.

Папа, не только, как и мама, любил Лондон, но и хорошо знал его. Вот одно из его описаний этого города.

«<...>Лондон – это и город, и не город. Едешь по нему, большому и шумному, а местами очень тихому, – и тянется он без конца и без края во все стороны. Спросишь какого-нибудь старожилу, где находишься, – и оказывается, что это вроде бы Лондон, но в то же время и не Лондон: то ты в Кенсингтоне или Хаммерсмите¹⁸, то в Барнете¹⁹ или Ричмонде²⁰, то в Степни²¹, или Излингтоне²². Кажется, что проезжаешь не город, а целую страну, чьи города сгрудились вместе, вытеснив поля с перелесками и образовав

¹⁸ Кенсингтон и Челси (Kensington & Chelsea), Хаммерсмит и Фулэм (Hammersmith & Fulham) – соседние фешенебельные районы в юго-западной части Центрального Лондона. В районе Хаммерсмит и Фулэм находится знаменитый выставочный зал «Олимпия» («Olympia»): он открыт в 1866 г.

¹⁹ Барнет (Barnet) – район на севере Большого Лондона.

²⁰ Ричмонд-на-Темзе (Richmond-upon-Thames) – район на юго-западе Большого Лондона.

²¹ Степни (Stepney) – рабочий район в лондонском Ист-Энде.

²² Излингтон (Islington) – район Центрального Лондона (соседний к северу от Сити).

одну бескрайнюю каменную громаду, общее имя у которой есть лишь на карте.

Лондон – это страна в стране: своеобразная, неповторимая, с десятками говоров, с вековыми сословно-профессиональными границами между районами. Сити²³, Вестминстер²⁴ и Уайтхолл²⁵ – три центральные «ячейки», обслуживающие всю страну: по утрам они «поглощают» сотни тысяч дельцов, чиновников и политиков, а по вечерам «выплывают» их. Вокруг – кварталы округа Мэйфер²⁶: квартиры там доступны только нуворишам или звездам шоу-бизнеса. Рядом – чопорные ряды домов аристократической Белгрейви²⁷. Западнее – Кенсингтон²⁸, вместивший всех, кто разбогател и отстроился в благословенный век королевы Виктории. Южнее – Челси²⁹, заповедник преуспевающей богемы. Севернее – Хэмпстед³⁰, где издавна селятся разбогатевшие торговцы и бизнесмены всех мастей; затем – Бромли и Кройдон³¹, приютившие менее состоятельную публику. На севере Кенсингтона гнездится Ноттинг-Хилл³² – район темнокожих пересе-

²³ Сити (The City) – деловой, финансовый и коммерческий центр Лондона.

²⁴ Вестминстер (Westminster) – район в центре Лондона, где находится здание Парламента.

²⁵ Уайтхолл (Whitehall) – улица в центре Лондона, на которой находятся правительственные учреждения.

²⁶ Мейфэр (Mayfair) – фешенебельный район в лондонском Уэст-Энде: известен очень дорогими магазинами и отелями.

²⁷ Белгрейвия (Belgravia) – фешенебельный район в центре Лондона (недалеко от Гайд-Парка).

²⁸ См. сноску 18.

²⁹ См. сноску 18.

³⁰ Хэмпстед (Hampstead) – фешенебельный район на севере Лондона: в нем находится лесопарк Хэмпстед-Хит (Hampstead Heath).

³¹ Бромли (Bromley), Кройдон (Croydon) – соседние районы на юго-востоке Большого Лондона.

³² Ноттинг-Хилл (Notting Hill) – относительно бедный район в западной части Центрального Лондона: известен столкновениями расистского характера в 1950–0-х гг.

ленцев с островов Вест-Индии: нескончаемые ряды домов с каждой неделей становятся здесь все серее и грязнее; углы и чуланы сдают бедным и неполным семьям; дворы кишат детворой и безработными, приехавшими из далеких краев в поисках счастья, которое все время куда-то ускользает... Но самое главное прибежище бедноты – Ист-Энд³³: за несколько веков там напластовались десятки поколений рабочего люда, изъясняющегося не на обычном английском языке, а на витиеватом кокни³⁴.

Лондон... Собрание разноликих городишек, предместий и бывших деревушек; гигантский каменный лабиринт, в котором далеко не все пути выводят на прямую дорогу. Особенно остро я почувствовал это, когда научился водить машину и не раз плутал на колесах по нескончаемым извилинам мегаполиса где-нибудь к югу или северо-востоку от Темзы³⁵...

Когда мы приехали в Лондон, мне было семь лет. У многих места, в которых прошло детство, вызывают ностальгические воспоминания. Особенно, если оно было счастливым. Кто-то из великих сказал, что человеку, у которого было счастливое детство, изначально повезло – он никогда не будет абсолютно несчастен: тепло детских воспоминаний всегда согревает его. В соответствии с этим утверждением я отношусь к разряду людей, не имеющих права чувствовать себя несчастными – у меня оно было счастливым. Поскольку большая часть детства прошла в Лондоне, то я с особой любовью отношусь к этому городу. Он возникает в моей памяти отнюдь не погруженным в лондонский туман, а подернутым, как на полотнах Клода Моне, некоей сиреневато-романтической дымкой.

³³ Ист-Энд (East End) – бывший промышленно-портовый район к востоку от Сити.

³⁴ Кокни (cockney) – колоритное лондонское просторечие с особым (нарочито неправильным) произношением и грубоватым рифмованным сленгом.

³⁵ Темза (The Thames) – самая длинная река на острове Британия (334 км): протекает через Оксфорд, Рединг и Лондон; впадает в Северное море.

Туманы, конечно, были, но не так часто, как кажется, когда слышишь ставшее стереотипом словосочетание «туманный Альбион». Запомнился лишь один, по-видимому, действительно сильный туман, длившийся два дня. На улице прохожие испуганно шарахались друг от друга, поскольку человек выскакивал из стены тумана буквально у вас под носом. Наземный транспорт не ходил, и мы не ездили в школу, поскольку туда нас возил школьный автобус. Так что даже лондонский туман вспоминается как праздник.

Но воспоминания мои окрашены в сиреневатую дымку не по ассоциации с цветом туманов. Навеяно это сравнение, как ни странно, туалетами дамы, жившей с нами по соседству. Носила она всегда довольно длинные развевающиеся платья, туфли на высоких каблуках, перчатки до локтя, большие шляпы. И все всегда в сиренево-фиолетовых тонах. Даже туфли и сумки. И это не выглядело безвкусным. Наоборот, исключительно изысканным и романтическим. Настолько, что когда я слышу или читаю блоковские строки о Незнакомке – «дыша духами и туманами...» – я неизменно представляю свою лондонскую «сиреневую» даму. Так Блок, по странной прихоти судьбы, оказался для меня связанным с Лондоном, в котором он, по-моему, никогда не бывал.

Лондон середины–конца 50-х годов прошлого века был уже далек от образов, навеянных чтением Диккенса. Но при небольшой доле воображения можно было представить, скажем, мистера Пиквика и его друзей на улицах тогдашнего Лондона. Позднее, читая Оскара Уайльда, я, помимо своей воли, переносила действие его героев из Англии конца XIX века в Англию 50-х годов XX века. Особенно, когда вспоминала свой любимый Гайд-парк, который во времена моего детства был царством идеально подстриженных газонов, величественно плавающих в прудах лебедей, чопорных бонн, в длинных форменных платьях, торжественно кативших перед собой высокие лакированные на больших колесах коляски с младенцами, утопающими в кружевах.

Мода, туалеты, элегантность. Как ни странно, но именно в детстве все эти атрибуты дипломатической жизни присутствовали в моей жизни в наиболее ярком своем воплощении.

Вот, стоя на улице напротив посольства, мы с родителями наблюдаем, как вновь назначенный посол Советского Союза в парадном, украшенном позументами мундире, садится в раззолоченную карету, присланную за ним из Букингемского дворца, и едет представляться королеве.

Вот родители отправляются на ежегодный «Garden Party», во дворец, на королевский прием. Мама, ослепительно красивая, в длинном переливающимся бирюзовом платье, в сверкающих драгоценностях, и папа, такой элегантный, во фраке, дают нам с братом последние наставления перед отъездом.

А вот я сама, одетая в русский национальный костюм, тоже еду на прием к мэру Лондона. Пусть не в карете, но с шофером в машине, как взрослая. На это мероприятие приглашали только детей – по одному ребенку от каждой страны, имевшей посольство в Великобритании. Все должны были быть в национальных костюмах. В этот год представлять Советский Союз выпало мне. Когда я смотрю на вырезку из английской газеты, запечатлевшую меня в сарафане и кошенике, очевидно, что мои далекие предки не понаслышке знали о татаро-монгольском иге – наличие у девочки на фотографии татарской крови не вызывает сомнений. Может быть, меня выбрали не в силу внешних данных, а, как тогда часто бывало, в качестве поощрения за хорошую учебу. Помните, как говорят о героине в фильме нашей юности «Кавказская пленница»? В конце концов, не столь важно – красавица она или нет, а важно, что «отличница, комсомолка, спортсменка». В мою пользу сыграли и длинные густые волосы, которые без труда заплетались в солидную русскую косу. А упитанные розовые щеки и довольная улыбка на лице (а кто был бы не доволен на моем месте в тот момент?) ни у кого не могли оставить сомнений в справедливости тезиса о счастливом советском детстве.

Надо сказать, что наше семейство исправно поставляло в английские – и не только – органы печати снимки, запечатлевшие представителей счастливого детства в Советском Союзе. У нас дома до сих пор радует глаз фотография моего брата Миши, которая была помещена на обложке еженедельника «Совет Лайф», издававшегося в Америке.

С фотографии, подпись к которой, кстати, так и гласит – «Счастливое детство», – широко улыбается розовощекий жизнерадостный мальчуган, держащий одной рукой большой мяч, а в другой сжимающий большое красное, под стать его щекам, яблоко. Майкл, как мы его до сих пор иногда зовем на английский манер, всегда в детстве чего-то жевал. Но не он один виноват в этом. Майкл был любимцем не только родителей, но и всей советской колонии. И каждый норовил приласкать его, угостить чем-нибудь. Недавно мама передала мне несколько сохранившихся писем, написанных папой из Лондона своей матери – Любове Дмитриевне – на Правду. Нет письма, в котором он не писал бы с гордостью о своем двухлетнем сыне. А вот выдержка из одного из них:

«Мишка здесь – общий любимец. Когда я приезжаю в воскресенье на дачу (загородная резиденция посольства – прим. автора), то нахожу его часто в обществе совершенно незнакомых людей, которые играют с ним или «беседуют» на разные темы. ... Каждый, кто приезжает на дачу, особенно, одиночки и холостяки, считают необходимым найти Мишку, повозить его на спине или погулять с ним в лесочке, а если учесть, что по воскресеньям на даче собирается не один десяток человек, то можете легко догадаться, что родителям остается не так уж много возможностей остаться наедине с сыном. И что самое главное – он удивительно покладист, идет по первому зову, садится к вам на колени, будь вы даже совершенно незнакомый ему человек, и может терпеливо переносить объятия и прочие выражения чувств, как должное».

Мог ли кто-либо тогда подумать, что этот мальчик, столь удачно олицетворивший советский идеал счастливого ребенка, через тридцать с небольшим лет с не меньшим, на мой взгляд, успехом воплотит в жизнь совсем другой идеал – станет преуспевающим русским бизнесменом!

Написала о загородной резиденции посольства – и сразу же всплыла еще одна сцена, запечатлевшаяся в памяти. Большое здание, напоминающее замок на картинках из любимой сказки о Золушке. В нем мы проводили лето. Играли

в «казаки–разбойники» в запутанных пугающих подвалах замка, сражались с летучими мышами, обитающими в его высоченных деревянных сводах. Караулили по ночам неизменный атрибут любого уважающего себя замка – привидение. Оно, если верить рассказам старого слуги Томаса, жившего здесь еще с конца прошлого века, появлялось раз в месяц в полнолуние. Резвились в рощах бамбука, носились по необозримым полям, розариям, ежевичным зарослям, залезали на высоченные пихты и обустроивали свои «дома» на разлапистых ветвях вековых пробковых дубов.

На самом деле наша повседневная жизнь была довольно далека от этих картинок «шикарной жизни». И даже на самих картинках, если взглянуть в них пристальнее, можно увидеть то, что услужливая память предпочитает не выставлять на передний план.

Мамино шикарное платье, в котором она шла на прием к королеве и так запомнившееся мне, было шито ею самой по выкройкам, купленным в магазине. Впрочем, как и большинство ее очень элегантных и разнообразных туалетов. Сверкающие драгоценности были не настоящими, а лишь искусной бижутерией. Едва ли не первыми мамиными настоящими украшениями станут кольца и серьги, привезенные мною в подарок из Индии много-много лет спустя.

Да и откуда было взяться настоящим? Папа получал более чем скромную, даже по тем временам, зарплату – около ста фунтов. Сейчас даже не верится, что в Лондоне можно было прожить на такие деньги. В одном из уже упоминавшихся мною писем, написанных папой своей матери, он признается ей в том, что в финансовом плане жизнь нашей семьи в Лондоне была очень непростой.

« ... несмотря на то, что мы взяли с собой порядочно вещей – это ничтожно мало: нужно было бы взять все, что можно. Приходится все время покупать вещи для дома и для быта, но вряд ли мы закончим эти приобретения раньше, чем через шесть месяцев. Поэтому о радио, телевизоре, о гардеробе и прочей “роскоши” пока и не думаем. Как хорошо, что я взял свои два костюма; как хорошо, что мы оба сшили перед отъездом пальто; как хорошо...

Но было бы еще лучше, если бы мы экипировались более основательно перед отъездом.»

Папин фрак, естественно, был взят напрокат. И отправлялись родители на прием к королеве не из собственного особняка, а из квартиры, расположенной в многоквартирном доме, правда, находившемся в очень хорошем районе (как теперь модно выражаться – в престижном). Даже его официальный адрес звучал очень аристократично: 10, Earl's Terrace, Kensington High Street, S.W.1, London. Интересна история этого дома. Во время Второй мировой войны немцы довольно много бомбили Лондон. Одна из бомб попала в дом и разрушила две его секции – девятую и десятую. После войны не нашлось англичан, желавших поселиться во вновь отстроенных частях дома. Ну а русским было все равно. У нас, видимо, нервы крепче. К тому же мало кто знал о происшедшем. Вот так и получилось, что советским сотрудникам удалось поселиться в таком аристократическом месте. Что называется, не было бы счастья, так несчастье помогло.

Меня всегда удивляло, что наши две секции дома были явно сделаны из другого кирпича – они и выглядели новее. Но узнала я историю дома совсем недавно от одного из папиных друзей – Владимира Юлина.

Квартира, в которой мы жили, была коммунальной. Мы – мама, папа, брат и я – занимали две комнаты, а в третью поселили пожилую чету, глава которой имел весьма отдаленное отношение к дипломатии. Как полушутя-полусерьезно говорил папа, в его функцию входило в том числе «приглаждать» и за нами. Поскольку родители часто уходили на приемы и различные мероприятия, мама просила соседей присмотреть за мной и братом, которому, когда мы приехали в Лондон, было всего два года. Так что не знаю, насколько глава семьи оправдал свою официальную миссию, но как соседи они оказались полезными.

Наши два подъезда на Кенсингтон-Хай-стрит напоминали одну большую коммунальную квартиру. По лестницам вечно кто-то бегал, хлопали двери, где-то кто-то громко ссорился. Сзади дома во дворе носилась ватага детей, из

какого-то окна непременно кто-нибудь дозвался своего отпрыска домой. Бедные наши чопорные соседи, бедная моя «сиреневая» Незнакомка!

Что же касается действительно довольно обширного поместья, напоминавшего мини-замок, то им являлась загородная резиденция посольства СССР, которая была подарена нашей стране в конце 40-х годов каким-то лордом в знак признания заслуг Советского Союза во Второй мировой войне. Летом там устраивали пионерский лагерь для детей сотрудников посольства.

А если там по ночам иногда и бродило привидение, то это была отнюдь не замученная в подвалах замка жена одного из лордов, владевших замком в XIX веке, а семилетняя девочка по имени Наташа. Правда, в своей длинной белой рубашке и с длинными распущенными волосами я, возможно, и походила на привидение. Во всяком случае так мне говорила на следующий день мама. А я ничего не помнила: ни как вставала с постели, ни как спускалась по длинным скрипящим деревянным лестницам, ни как заходила в огромный зал, где по вечерам, уложив детей спать, посольские женщины собирались почитать, поболтать, повязать. Тем более не знала, почему я это все проделывала. Но помнила постоянное чувство страха по вечерам, о котором я уже писала. Эти страхи усиливались именно в замке. Возможно потому, что во время первых летних каникул произошла история, запечатлевшаяся в моей памяти.

Как-то ночью я проснулась от странного шума. Я взглянула в окно и увидела во дворе движущиеся огни. Приглядевшись, поняла, что это фигуры людей с фонарями в руках. Я потихонечку оделась и спустилась во двор. Там было много взрослых, у всех были встревоженные лица. По отрывкам разговоров я поняла, что пропала жена одного сотрудника посольства с дочкой – девочкой моего возраста. В саду, на поле, в лесу – повсюду двигались огоньки фонариков и доносились голоса, выкрикивавшие имена женщины и девочки. Сначала мне все это показалось очень увлекательным и таинственным – прямо как в романах о жизни всяких там королей и герцогов, обитателей замков. Потом я увидела, как мужчины ходят вокруг пруда с длинными палками и тычут

ими в воду. Когда до меня дошло, что они делают, мне стало страшно, и я убежала в свою комнату. Крики в саду продолжались до утра. Несколько дней после этого атмосфера в нашей загородной резиденции была очень тяжелой. Нам, детям, никто ничего не говорил, но мы, естественно, слышали разговоры о том, что бедная женщина утопилась вместе с девочкой после очередного скандала с мужем, с которым у нее были отвратительные отношения. Надо ли говорить, что с тех пор мы обходили злосчастный пруд стороной.

Кстати, много лет спустя, когда мы вспомнили эту историю с родителями, я узнала, что та исчезнувшая женщина действительно сбежала от мужа, но, отнюдь, не утопилась, а поступила куда менее романтично, но прагматично. Попросила политическое убежище.

Именно в тот период я и начала периодически выступать в роли придворного привидения. Но я думаю, что главной причиной моих сомнамбулистических экзерсисов, продолжавшихся пару лет, был не этот эпизод, а частое отсутствие папы и мамы по вечерам.

Родители постоянно должны были бывать на приемах, обедах, коктейлях. Да и просто ходить в гости. А я боялась. Боялась, что мама уйдет и не вернется. А вдруг с ними обоими что-то случится!

Страх начинал подкрадываться ко мне, как только появлялись первые признаки того, что родители собираются уходить. Он рос и рос по мере приближавшегося времени ухода мамы и папы. И превращался в панику, когда за ними закрывалась дверь. Сколько вечеров провела я после их ухода, сидя на подоконнике и тоскливо всматриваясь в темноту – когда же они вернуться. И засыпала лишь после того, как мама сразу же, еще не раздевшись, шурша широким поблескивающим в темноте платьем, заходила в нашу комнату, мгновенно наполняящуюся удивительными запахами, и целовала меня и брата. Конечно, я всегда успевала к этому моменту забраться на второй этаж нашей двухэтажной кровати и притвориться мирно спящей.

А они не понимали этого, считали, что я просто капризничаю! Об этом я узнала не так давно, прочитав все те же папины письма лондонского периода. В одном из них па-

па жалуется своей матери на меня: «*Наташа причиняет больше хлопот (чем брат Миша – прим. автора). Она плохо играет..., заводит Мишку, не остается одна с ним дома (однажды уложили их спать и собрались в кино, так она закатила страшную истерику, хотя рядом соседи)*».

Слова «... она плохо играет» относятся к моим занятиям музыкой. Уроки игры на пианино отравляли мою жизнь. Для занятий со мной была приглашена жена одного из сотрудников посольства. Естественно, за деньги. Если я и упоминаю о деньгах, то для того, чтобы подчеркнуть, что эти занятия пробивали серьезную брешь в нашем бюджете.

Сначала я ходила на занятия в клуб посольства, где имелось пианино. Моя полная бездарность в этой области в первые же месяцы стала очевидна мне и, по-моему, всем окружающим, кроме моих родителей. К тому же я не получала от занятий никакого удовольствия. Более того, очень быстро я просто возненавидела уроки фортепьянной игры, как высокопарно их именовала моя учительница. И хотя я была всегда очень послушным ребенком, я попыталась взбунтоваться. Я не ходила на занятия, пряталась от учительницы, притворялась больной. Но мама, обычно никогда и ничего нам не навязывавшая, вдруг проявила невиданное доселе упрямство. Более того, вскоре она заявила о своем намерении купить для меня пианино, пожертвовав на это деньги, с трудом накопленные на шубу. Напрасно я умоляла маму не делать этого, расписывала ей ее будущую неотразимость в такой чудесной, пушистой, призывно переливавшейся темно-коричневыми тонами шубке – вон, посмотри, как в витрине. Мама не без колебания, но отвергла мои уговоры вернуться к изначальным намерениям. Злосчастный инструмент был куплен.

Десять лет спустя, едва окончив полный курс, как я его называла, «музыкального издевательства», я захлопнула крышку злосчастливого пианино, привезенного из Англии, и никогда в жизни больше к нему не притрагивалась.

За мое музыкальное образование отвечала мама, а вот английским языком по приезде в Лондон со мной начал заниматься папа. И здесь я поначалу тоже его не особенно радовала. Хотя надо признать, что папина требовательность

тоже была, скажем мягко, неординарной. Читая его лондонские письма, я наткнулась на такую фразу: «*Наташа не сделала никаких успехов ни в чем. Даже то, что знает по-английски, произносить стесняется, когда встречается с англичанами*». Прочитав это, я испытала стыд: надо же, оказывается, я была на удивление тупой девчонкой. Жила в Англии и не могла выучить язык. Потом я посмотрела на начало письма и замерла от удивления – первая фраза гласила: «*Прошло полмесяца, как мы живем в чужой стране*». Посмотрела на дату, решив, что папа описался. Нет, все правильно, 28–30 января 1956 года. Действительно, наша семья приехала в Лондон в середине января. Получается, папа возмущается тем, что его шестилетняя дочь после двух недель пребывания в новой стране не заговорила на английском! Надо учитывать еще и то, что в английскую школу я не ходила и телевидения, как вы уже поняли, у нас не было. Спустя месяц опять раздаются упреки в мой адрес: «*Наташа английским языком заниматься не хочет, предпочитает либо на голове ходить, либо сказки слушать. Когда Зоя ее бранит и грозит отправить в Москву, то следует ответ: “Ну и что, в Москве лучше!”*».

Моя дочь Олеся тридцать с лишним лет спустя освоит французский именно благодаря регулярному просмотру мультиков по телевизору. Да и то, на это понадобится год. По-настоящему же изучать его она, полная ностальгических переживаний, отказывалась года два. Видимо, надеясь, что мы, в отличие от моего папы, не выдержим войны нервов и разрешим ей вернуться в Москву, к бабушке, в любимую школу, к покинутым друзьям. Я показала эти письма дочери – пусть впредь больше не заявляет, что я была строгой матерью, терроризировавшей ее своим требованием изучать язык.

Но все эти негативные моменты жизни в Англии – занятия языком и столь нелюбимой тогда музыкой, страх, сжимавший костлявой рукой горло, когда уходили родители, ночные сомнамбулические прогулки, – если и не забылись, то, как я уже говорила, отошли на задний план. А остались образы, живущие на старых альбомных фотографиях, запечатлевших самые яркие мгновения моего лондонского детства.

Как правы те, кто не советует возвращаться в места, где вы были счастливы, дабы избежать разочарования. Уехав из Лондона в 1961 году, я потом все время мечтала вернуться туда. Моя мечта осуществилась лишь спустя тридцать лет – в 1991 году, когда мы с дочерью приехали туда навестить родителей. Папа второй раз, что называется «под пенсию», был назначен корреспондентом теперь уже АПН в Лондоне. Ему и раньше это предлагали, но он каждый раз отказывался. Ведь это означало бы оставить нас, сначала школьников, потом студентов, но все равно в понимании родителей – детей – одних в Москве. И вот сейчас, когда, наконец, все трое отпрысков выросли и стали самостоятельными, родители согласились. Я была очень рада за них, особенно за маму, которая ни разу с момента своего отъезда из Англии там не была. На сей раз они не ютились в коммунальной квартире, а занимали неподалеку от Холланд-парка великолепную отдельную квартиру, которую арендовали специально для корреспондентского пункта АПН. Правда, пожить им там удалось совсем недолго. Грянули Беловежские соглашения. Союз не стало. Все структуры зашатались. Будущее АПН оказалось под вопросом. Судьба его корреспондентского корпуса также. Папа был вынужден, пробыв в Англии чуть больше года, срочно сворачивать дела и уезжать.

Когда я приехала к родителям, я не узнала своего Лондона. На улицах, прежде таких спокойных и довольно пустынных, – вавилонское столпотворение – дикий трафик, огромное количество куда-то спешащих людей. Ничего похожего на прежние, довольно пустынные, английские улицы, чей покой нарушался, в основном, ставшими уже тогда неотъемлемой частью лондонского пейзажа красными двухъярусными автобусами и силуэтами черных элегантных кэбов-такси.

Моя дочка все время меня спрашивала: «Мама, а где же англичане?» Действительно, где же они, английские англичане? Вокруг, возможно, и были англичане, но их лица выдавали африканское или чаще азиатское происхождение. Даже в святой святых Лондона – Гайд-парке – в красочных группах людей, расположившихся на газонах (пикник в Гайд-парке – невозможно!), там и сям мелькали тюрбаны, яркие сари и экзотические африканские одежды.

И даже Сити был не тот. Большинство мужчин отказалось от неперемного прежде атрибута делового человека – котелка и зонтика. Этим, вероятно, объяснялся и их совершенно иной способ передвижения. Вместо прежнего неспешного, полного достоинства шествования, они практиковали легкий аллюр, переходящий местами в галоп. Кстати, единственное, что, как мне показалось, не изменилось в Лондоне – это количество наездников и наездниц в лондонских парках.

В этот свой приезд в Англию, когда мы выезжали из Лондона, я оглядывалась назад и искала наше «сопровождение». В детстве мы с братом иногда даже бились об заклад: кто первым определит машину, следующую за нами. Машины периодически менялись и люди в них также, но вскоре мы уже знали всех их в лицо, да они не очень и маскировались. Постепенно мы настолько свыклись с этим, что даже чувствовали себя как-то неуютно, когда не видели своего сопровождения. Да и члены нашего эскорта, как нам казалось, явно прониклись симпатией к нашему семейству. И утверждать так мне позволяет следующий забавный эпизод.

Осенью мы ездили за грибами. Какой русский не любит ходить за грибами! Даже в Англии, вернее, тем более в Англии. Не знаю, как сейчас, но в те времена грибов там было великое множество. И грибы были великолепные – много белых, подберезовиков. Но особенно хороши были подосиновики. Они росли чаще всего в полях, покрытых кустами вереска. Таких красивых и больших подосиновиков я не встречала потом нигде. До сих пор вижу перед собой розово-сиреневое осеннее поле вереска с редкими березками, торчащими то тут, то там. Раздвинешь руками высокий куст, покрытый нежно-лиловыми цветами, а там огромный красный подосиновик. Такого одного хватало на ужин всей семье.

И вот однажды, когда мы в очередной раз поехали за грибами и уже высадились из машины с корзинами, к нам вдруг подошел один из тех, кто на сей раз следовал за нами:

– Что вы делаете! – не скрывая волнения, произнес он. – Это же опасно – есть грибы: они ядовитые, вы отравитесь.

Папа, конечно, поблагодарил его за работу, но сказал, что не все грибы ядовитые, и мы в них достаточно хорошо разбираемся. Но он даже не очень пытался убедить этого горенаблюдателя. Он знал, что это бесполезно.

Через пару дней, когда «дежурил» этот же доброжелательный сыщик, мы, увидев его, весело помахали ему рукой: видите, с нами ничего не случилось.

На загородной даче посольства доживал свой век старый дворецкий, оставшийся от прежних хозяев. Осенью женщины, каждый вечер готовившие на кухне различные грибные блюда, пытались уговорить его попробовать что-нибудь. Он неизменно отказывался и говорил: «У вас, русских, желудки устроены по-другому».

В этот приезд никто нас не сопровождал. И это было, с одной стороны, приятно – вроде нам доверяют больше, а с другой стороны, как-то немного и обидно – прежняя опека давала ощущение определенной значимости. Вот мы какие важные, за нами даже следят.

Как я уже говорила, очень яркие воспоминания были связаны у меня с загородной резиденцией. Я много лет мечтала вновь оказаться в поместье, в котором прошло столько неповторимых дней моего детства. И вот тридцать лет спустя мечта осуществилась. Но и там меня ждало разочарование.

Кстати, попасть туда оказалось не так просто. Раньше родители отправляли своих детей за город на все лето и сами могли проводить там выходные дни. Теперь, чтобы провести за городом уикенд, надо было подать заявление в посольство и дожидаться своей очереди. Никаких признаков пионерлагеря я, приехав туда, не обнаружила. Да и нас поселили не в основном здании, а в небольшом коттедже, в котором при лорде жила прислуга; в наше время в этом домике селили младших детей и там был своеобразный детский сад. В основном же здании, как я узнала, могли селиться лишь лица, особо приближенные к персоне, в данном случае, не императора, а посла.

Единственное, что осталось неизменным – это большая араукария, растущая около дороги в том месте, где надо съезжать с шоссе, чтобы попасть к загородной резиденции. В детстве мы называли это дерево «обезьяньи хвосты»,

поскольку ее ветви действительно напоминают гигантские хвосты обезьян, только покрытые острыми треугольными чешуйками. Они очень больно царапались, когда мы дрались этими ветками, как шпагами.

Большая часть огромной территории или была продана, или сдавалась в аренду. Во всяком случае, в пользовании посольства оставался лишь небольшой участок земли вокруг основного здания. Сам дом уже не показался мне таким величественным, как раньше. Да и многочисленные, явно некачественные ремонты сделали свое дело. Внутри он уже больше напоминал типовой советский санаторий, чем аристократическое английское поместье. Исчезли мощные заросли рододендронов, бушевавших в мае и июне всеми цветами радуги вокруг основного здания. Остались лишь жалкие ободранные кустики.

Секрет такого их состояния открылся на следующий день. Когда утром я проснулась и выглянула в окно, то решила, что или я еще не совсем проснулась, или у меня галлюцинации. Была ранняя осень. Дни были очень теплыми, но ночи – достаточно холодными. Было раннее утро, но солнце уже начинало пригревать, и роса, испаряясь, клубилась над поляной легким туманом. И мне показалось, что под этим туманом трава, которая почему-то была серой, а не зеленой, колышется, плывет. Было ощущение, что вся поляна перед домом движется. Я вышла из коттеджа и застыла от изумления. Все пространство вокруг было заполнено... кроликами. Никогда в жизни – ни до, ни после – я не видела такого количества кроликов. Большие и маленькие, серо-белые и серо-коричневые, они заполняли все пространство вокруг. Если около дома их было еще не так много, и можно было разобрать, что делал каждый отдельно взятый кролик, – а они, надо сказать, вели довольно суетливую жизнь – то на поле они уже просто сливались в единую серую колышущуюся массу. Я разбудила родителей и дочь, и мы довольно долго наблюдали это странное явление. Постепенно зверьки как-то рассредоточились, скрылись в кустах, в лесу и перед домом остались, по-видимому, лишь наиболее смелые или ленивые экземпляры. Позднее мы узнали, что кролики стали настоящим бедствием в этом районе. Но особенно

много их оказалось на территории резиденции посольства, где некому было их отстреливать. Оставалась одна надежда, что обглодав окончательно и бесповоротно жалкие остатки рододендроновых кустов, они мигрируют куда-нибудь в поисках новых источников питания.

Конечно, и помимо царства кроликов, в этот свой приезд я увидела в Лондоне много интересного – того, чего я раньше никогда не видела или в силу возраста не могла оценить. Мы посетили места, ставшие легендой – Оксфорд, Кембридж, родину Шекспира. Побывали в многочисленных загородных резиденциях королевского семейства, в которых меня всегда больше всего очаровывает неповторимая красота парков – или ненавязчиво камерных, или импозантно величественных, но всегда удивительно уютных.

Однако в целом от посещения Лондона в 1991 году осталось довольно явное чувство разочарования. Безвозвратно исчезла аура исключительности и сказочности, окружавшая в моем сознании этот город. Лондон встал в один ряд с другими любимыми мною городами, перестал быть единственным и неповторимым. Наверное, то же самое происходит с человеком, встречающим спустя годы свою первую любовь. Вы испытываете разочарование – и человек изменился, и на вас уже не надеты розовые очки. И тем не менее, все, что вы пережили когда-то, все равно останется навсегда с вами – и уже за одно это вы испытываете признательность к объекту вашей первой любви.

Что же касается моей мамы, то Лондон остается предметом ее неизменной любви. Мама вспоминает Англию с такой теплотой еще и потому, что впервые в жизни там она, наконец-то, обрела определенный уровень комфорта и благополучия.

У нее были непростые детство и юность. Отмеченные сплошными отъездами, приездами, переездами.

Уже до войны она с родителями уезжала на пару лет в Среднюю Азию, в Казахстан, где они жили в разных городах – в Алма-Ате, Кызыл-Орде, Семипалатинске. Потом она вернулась в Москву. Для мамы это знаменовало собой очередную, неизвестно какую по счету, школу. И очередной коллектив, в котором нужно было вновь утверждать себя.

Переезды – это ведь и смена школ. По их количеству мама, наверное, могла бы занять почетное место в книге рекордов Гиннесса. Она меняла школы почти каждый год. А это означает, что каждый раз нужно адаптироваться не только к новым учителям, но и к новым одноклассникам.

Я думаю – не надо доказывать, что в подростковом возрасте процесс вживания в новый коллектив может быть очень непростым. В это время, порой, жестокость ассоциируется с силой, все воспринимается очень эмоционально, а амбиции и самолюбие еще переполняют нас, бурля и выплескиваясь постоянно наружу.

Для мамы постоянная необходимость самоутверждаться в новом коллективе закончилась довольно печально. Она мечтала стать актрисой. У нее был очевидный талант. Она участвовала в самодеятельности, прекрасно читала стихи и заняла первое место на одном из конкурсов чтецов. О ее бесспорной победе на этом конкурсе была даже заметка в газете. И еще – мама была очень красива. А это, что бы там ни говорили, немаловажно для актрисы. В молодые годы ее находили похожей на чрезвычайно популярную тогда Грету Гарбо.

Перед выпускными экзаменами в компании одноклассников, когда обсуждали, куда пойти учиться, кто-то имел неосторожность сказать: «Ну, Зоя, конечно, в актрисы податься». Это замечание мама почему-то сочла пренебрежительным и решила доказать всем, что она способна на большее. И вот она обошла все высшие учебные заведения Москвы и выяснила, где самый большой конкурс и где труднее всего учиться. Таковым оказался Горный институт. Конкурс был по тем временам огромный – восемнадцать человек на место. Мама туда поступила и проучилась год на шахтостроительном факультете. Привыкнув постоянно доказывать, что она не хуже других, она и профессию себе выбрала, исходя из того же принципа – желания кому-то что-то доказать.

Как меняются нравы! Сняться в кино стало мечтой не только всех девчонок, но и многих ребят. По популярности актерская профессия превосходит большинство других. По крайней мере, среди девушек. Я думаю, что в наше

время маме не пришло бы в голову воспринимать фразу «Ах, она пойдет в актрисы!» как уничижительную. Если бы мама искала самый трудный институт для поступления, например, в 70-е или 80-е годы, им бы, скорее всего, оказался Институт кинематографии, и она стала бы тем, кем и мечтала стать. Думаю, и сегодня ситуация несильно изменилась. Последний штрих к этой истории. Мама после выпускного вечера никогда в жизни больше не увидела никого из своих одноклассников и не смогла с гордостью им сообщить, что, вопреки прогнозам, она пошла не в «актрисочки», а в горные инженеры.

Через год во время летних каникул некоторые студенты поехали на практику, откуда вернулись в легкой панике. Они с ужасом рассказывали о состоянии большинства шахт, на которых побывали. С факультета началось повальное бегство. Мама тоже испугалась и решила получить профессию, сопряженную с меньшим риском. Тем не менее, ни в один из театральных вузов она так и не стала поступать. Причина? На сей раз более банальная. Бабушка была к этому времени, как я уже писала, одна, без мужа. Получала она, будучи машинисткой, очень мало, и мама поняла, что ей надо как можно быстрее становиться на ноги и зарабатывать деньги. В МИСИ – Московский инженерно-строительный институт – ее брали сразу же на второй курс.

После начала войны завод, на котором работала секретарем-машинисткой моя бабушка, был эвакуирован на Урал, в город Орск Оренбургской области. Там бабушка возглавляла канцелярию на нефтеперегонном заводе, который снабжал армию бензином. Мама, отправившаяся в эвакуацию вместе с ней, проработала полтора года заведующей техническим архивом. Как только немцев отогнали от Москвы, мама стала пытаться вернуться туда, чтобы продолжить учебу. Но сделать это было непросто – для возвращения в столицу нужен был специальный пропуск. Однажды на нефтеперегонный завод приехал министр нефтяной промышленности. Мама была человеком решительным. Сама, не известив ни о чем бабушку, она пробилась на прием к министру и настойчиво просила его сделать ей вызов в Москву. Свою просьбу она мотивировала тем, что хочет продолжать

обучение в МИСИ. Министр обещал помочь. Но мама на этом не успокоилась. Она попросила его сделать вызов также для своей лучшей подруги – Ольги, без которой не хотела возвращаться. Министр сказал, что это ему сделать гораздо сложнее, поскольку Ольга не только не работала на нефтеперегонном заводе, но до войны училась в медицинском институте, не имевшем никакого отношения к Министерству нефтяной промышленности. Но мамина настойчивость увенчалась успехом: обе девушки получили вызов в Москву.

В итоге мама стала инженером-строителем, специалистом в области сантехнического оборудования.

Одной из причин, побудивших маму пойти именно в этот институт, был самостоятельный драматический театр, существовавший при этом высшем учебном заведении. Участь в институте, мама играла на сцене лучшего в те годы драматического самодеятельного коллектива. Там она и встретила своего будущего мужа и моего отца, который также был равнодушен к драматическому искусству.

Папа, кстати, едва не стал актером. Зимой 1944 года, после демобилизации, он попытался вернуться в Авиационный институт, в который поступил в начале войны. Однако выяснилось, что во время войны все документы института пропали, и папе предложили ждать осени и поступать снова. И тут он увидел, что объявлен дополнительный зимний набор в МИСИ. Чтобы не терять время, папа и пошел туда. Но очень быстро понял, что все эти аналитические математики и начертательные геометрии не для него. Единственное, что скрашивало его существование в МИСИ – это участие в студенческом театре этого института, который славился в то время на всю Москву. Папа стал всерьез задумываться над профессией актера.

Летом 1945 года он подал документы во ВГИК³⁶. Поскольку у него был диплом с отличием, общеобразовательные предметы он не должен был сдавать. Но предстояли экзамены по творческому мастерству: три тура – декламация, этюды и собеседование. Шел набор на курс режиссера Райзмана. На одном из экзаменов папа заметил сидевшего

³⁶ ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

среди членов комиссии Сергея Герасимова, но не придал этому значения.

И вот уже пройдя два тура, папа от своего друга узнал, что на факультет международных отношений МГУ объявляется второй набор. Папа слышал об этом факультете: первый набор туда был в 1944 году.

Он подал документы в будущий МГИМО. Поскольку, как я отметила выше, у него диплом с отличием, да к тому же он фронтовик, его сразу же зачислили в институт. Начались занятия. И вот тут вдруг приходит письмо из ВГИКа, извещающее о том, что Спартак Беглов зачислен сразу же на второй курс Института кинематографии в группу Герасимова. Почему сразу на второй курс? Дело в том, что Герасимов подбирает кандидата на роль Олега Кошевого в своем фильме «Молодая гвардия». Он увидел папу во время экзаменационных прослушиваний, решил взять его на свой курс и попробовать на эту роль.

Что делать? Срочно пишется письмо деду во Владивосток, в котором спрашивается совет: куда идти? Что мог ответить человек, для которого не могло быть ничего интересней, чем международные отношения и журналистика? Ответ был predetermined. Дед писал, что папины колебания свидетельствовали явно не в пользу театра, и весьма настойчиво рекомендовал сыну стать историком-международником, как и он сам... Да и папа склонялся в пользу более серьезной и стабильной профессии, чем актерская. К тому же он не считал, что у него есть нечто большее, чем интерес к театру и небольшие актерские способности. А быть среднестатистическим актером – незавидная доля. Папа отметил день своего двадцатилетия в августе 1944 года тем, что отнес в университетскую приемную комиссию заявление с просьбой о зачислении на новый факультет. Вскоре начались занятия на факультете международных отношений МГУ.

Папа не пошел даже на пробу к Герасимову. Он счел, что нечего менять синицу в руках на журавля в небе. Хотя терзаться он все-таки терзался. Доказательство – все в том же дневнике:

« ... мне сообщили, что я зачислен на второй курс актерского факультета ГИКа в группу Герасимова. До сих пор не знаю: верить или не верить этой сенсационной новости. Дурак или не дурак! А? Вот какой вопрос мы пытаемся разрешить вдвоем с Зоей. Все остальные, конечно, против ГИКа».

Уже учась в МГИМО, папа продолжал играть на сцене студенческого театра МИСИ, где он и познакомился с мамой. Почти два года они играли вместе. Рассказ о студенческой жизни и учебе в МГИМО неизменно соседствует в папиных дневниковых записях с повествованием о репетициях, о спектаклях, о премьерах в студии. И, конечно, о девушке Зое, которая все больше и больше занимает его воображение.

Сначала он комментирует ее игру на сцене, отмечает ее артистичность, естественность игры. Папа, конечно, не был объективным наблюдателем. Но в его дневнике того периода есть запись, которая свидетельствует о том, что не он один восхищался мамой на сцене. Однажды папа был свидетелем чтения мамой поэмы Алигер, посвященной героине Великой Отечественной войны – Зое Космодемьянской. Папа пишет:

«А как она читает “Зюю” Алигер! Редко при художественном чтении можно наблюдать в зале такое напряженное внимание и волнующее, захватывающее зрителя переживание за героиню поэмы. Как чтец я положительно пасую перед Зоей».

Все тот же дневник свидетельствует о том, как папино восхищение Зоей-актрисой все больше перерастает в восхищение совсем иного рода. Вот отрывок, относящийся к началу их знакомства:

« ... все чаще и чаще ... она становится дороже всех на свете и красивей всех красавиц, и тогда, когда это случается “в разлуке”, ... я рвусь и тоскую – и готов все бросить, чтобы сейчас же увидеть ее».

Правда, довольно долго ему кажется, что их отношения вне сцены являются продолжением их жизни на сцене, и мама не любит его, а просто играет с ним. Эта неуверенность в определенной степени проистекала от терзаний папы по поводу его внешнего вида. Вернее, по поводу одежды. Крутой год он ходил в кожанке, в которой вернулся с фронта. В этой кожанке с лейтенантскими погонами он запечатлен на одной из немногих фотографий военного периода.

Вот одна из многочисленных записей, свидетельствующих о его переживаниях того периода.

«А З. (Зоя – прим. автора)? Как она смотрит на своего “кумира”, появляющегося в таком непрезентабельном ... виде. Хотя я вижу, что она старается меньше всего обращать внимания на это, но мне ... хочется иногда лучше провалиться сквозь землю, чем стоять рядом с ней, такой скромной и в то же время такой изящной».

Но вот сразу два счастливых события в жизни папы. У папы первый в его жизни костюм, о котором он пишет, пожалуй, с не меньшим восторгом, чем о любимой девушке: *«... а качество, а расцветка, а сидит... ну просто все идеал, мечта...»* Правда, он стоит восемь тысяч, но тут уж помогли родственники.

Итак, папа с костюмом. Второе радостное событие. Он сдает первую сессию в институте на все пятерки и становится сталинским стипендиатом. Это означает получение довольно большой по тем временам стипендии – целых пятьсот рублей.

Видимо, все это придает ему уверенность, и он решается объяснить с мамой.

И вот в дневнике я вижу уже давно ожидаемую запись:

«Заишка была очаровательна. Я наслаждался ее близостью... Это были минутки истинного счастья и блаженства... Уютная и скромная комнатка, залитая матовым светом зимнего солнца... Моя “маленькая” в домашних тапочках, в черном платье со скромно выпущенным

беленьким воротничком, распущенные волосы; теплые, лучистые и недоверчивые глаза... Легкие руки, пытающиеся ответить лаской на ласку, мягкая, бархатистая, теплая щечка, о которую так приятно потереться... Милый лепет этих пухлых губ... Зайка мне целый день читала стихи: и дома, и в поезде, и на станции. Что же, я внимал. В них было много мудрых вещей...»

Итак, стихи сопровождали маму всегда и везде, даже в самые решающие моменты жизни она прибегала к ним, чтобы выразить свои чувства. Я тоже помню, как мама любила цитировать строфы из стихотворений, созвучных тому или иному состоянию ее души или просто подходящие к данной ситуации. Любила она и просто читать стихи. У нас дома, в папином кабинете стоят сборники русских и советских поэтов, которые папа всегда покупал, прежде всего, для мамы.

Помимо мамы, в нашей семье любил стихи мой брат – Майкл (я уже писала, что со времен Лондона я его чаще всего звала именно так). Ему, пожалуй, единственному из всех детей, передались и актерские способности родителей. Одно время он даже собирался осуществить то, что не удалось маме, и стать актером. Но этот период продолжался недолго. Майкл стал сначала, как и папа, журналистом, а сейчас он у нас преуспевающий бизнесмен. Видимо, здесь не обошлось без ген по бабушкиной линии – как-никак ее дед был купцом, по-нашему – бизнесменом.

Сюрпризом для меня стало то, что Майкл, помимо стихов, пробовал писать и романы. Узнала я об этом совершенно случайно, разбирая после смерти папы семейные архивы. Там я и нашла рукопись под романтическим названием «Подснежник». Очень неплохо написанное повествование о студенческой молодости, первой любви и первых испытаниях, преподносимых нам жизнью. Но не столько сам роман поразил меня, сколько вложенное в него письмо одного из самых маститых журналистов-международников советского периода, которого все мы хорошо знали. Из письма стало очевидным, что Майкл послал свой роман на отзыв этому журналисту, претендовавшему также на писательское рено-

ме. Что меня удивило в нем, так это набор штампов из лексикона сталинских времен. Особого пафоса обвинения журналиста достигли, когда он комментировал один из пассажей книги, в котором главный герой заявляет о том, что среди молодежи много всякой мрази, поскольку в самом обществе идет процесс моральной деградации. Довольно рискованный отрывок для того времени, ведь роман писался в середине 1970-х годов. Майкл был обвинен в том, что изобразил бездуховную молодежь, не участвующую в острой идеологической борьбе, развернувшейся в обществе. Молодежь, которую интересуют лишь секс и развлечения. Закончил же свое письмо известный журналист такой патетикой, что я невольно задумалась – если он так накинулся на сына своего хорошего знакомого, то какова была бы реакция, если бы это была рукопись совершенно постороннего человека? *«Нельзя не видеть, – пишет журналист, – что в нашем обществе идет смелая и активная борьба за очищение от всякой мрази; наша молодежь активно участвует в этой борьбе; эта мразь не расплозается повсюду, как Вы ошибочно заявляете, а забивается в щели».*

Не хватило только классического вывода критических статей сталинистов всех времен: о такой молодежи надо не романы писать, а разоблачать ее и гнать из рядов комсомола поганой метлой. А заодно и автора этого произведения. Бедный «Подснежник» моего брата! Увял, не успев даже расцвести в полную силу.

Видимо, это письмо сильно травмировало Майкла, поскольку он надолго забросил литературные экзерсисы и возобновил их лишь недавно.

Маму же последние годы я все чаще застаю не за чтением стихов, а за чтением молитв. Но иногда, когда у нее хорошее настроение и особенно когда рядом с ней ее любимая внучка – Олеся, – мама вдруг с какой-то задумчиво-печальной интонацией начинает читать свои любимые стихи.

В итоге мама не стала ни актрисой, ни строителем. Но она состоялась как жена – она всю жизнь была единственной и любимой женщиной своего единственного и любимого мужчины. А это, согласитесь, большая редкость, чем талантливая актриса или востребованный строитель.

Она состоялась и как мать. По нашим скудным временам трое детей – это почти мать-героиня. Тем более, что последнего ребенка, сына Олега, мама родила, когда ей уже было под сорок. Чтобы, как она говорила, «не скучать» на старости. Надо сказать, что с Олегом ей скучать действительно не приходилось.

Мама не осуществила того, что входило в ее функцию как выпускницы строительного вуза. Но она создала нечто не менее ценное – построила хорошую, а если бы я сама не была ее членом, я не постеснялась бы сказать, очень хорошую семью. Мои друзья, так же, как и друзья моих братьев, более объективные наблюдатели. Все они любили у нас бывать, и многие из них говорили о том, как им нравится в нашем доме уют, который мама умела создавать повсюду, доброжелательность ко всем, приходившим в дом, независимо от их возраста, образования, социальной принадлежности.

Папа даже придумал термин, характеризовавший атмосферу, создание которой он считал обязательной, если вы хотите хорошо принять людей – «обуютить». Независимо от того – это ваш близкий друг или совсем незнакомый человек. Законы гостеприимства – одни для всех. Мама, когда они жили в Англии, принимала у себя дома многочисленных приезжих из Москвы, которых папа считал своим долгом приглашать в дом. «Обуючивала» их – кормила, водила по магазинам, показывала город. Иногда потом она встречала некоторых из этих людей в Москве, и они даже не удосуживались поздороваться. Маму это не столько травмировало, сколько удивляло. Но негативный опыт ни папу, ни маму ничему не учил. Позднее, где бы я ни была, я неизменно получала письма от родителей, в которых содержалась просьба «обуютить» какого-нибудь очередного приезжающего.

Многие мои друзья стали друзьями мамы. Иногда я даже ревновала. Помню, когда мой будущий муж стал появляться у нас дома, он мог часами разговаривать с мамой, сидя на кухне. В итоге я возмутилась и спросила: «Ты к нам ходишь со мной общаться или с мамой?» Но бывало и наоборот – мамыны друзья становились и моими. А для меня, несмотря на обилие друзей и просто знакомых, всю жизнь главным другом была и остается мама.

Неблагодарность – этим качествами мама никогда не страдала. Я не помню случая, чтобы она была недовольна папиным подарком или какой-то вещью, которую он привозил ей из командировки. Даже если привезенное платье ей явно не подходило, она говорила: «Чудесное платье! Великовато? Ну и что! Нестрашно. Я чуть уберу здесь – и будет прекрасно!» Туфли были явно маловаты: «Нестрашно, Натуся подрастет, будет носить. Ты – умница, как всегда, очень красивые выбрал!» Точно так же мама ценила знаки внимания со стороны близких и знакомых, всегда была признательна, если для нее что-то делали или ей помогали.

Мама – счастливый человек: она никогда никому не завидовала и была благодарна судьбе за то, что имела. В этом они тоже были похожи с папой.

Да, и еще, как говорят англичане – «last but not the least» – мама – потрясающая кулинарка. Мои подруги детства, которым удалось больше других «попользоваться» плодами маминого кулинарного искусства, до сих пор считают, например, ее кулебяки и «Наполеон» непревзойденными.

А красота? Маме уже под девяносто. Естественно, та была красота, «à la Greta Garbo», осталась лишь на фотографиях, с которых совсем еще молодая мама, будто сошедшая с рекламных афиш фильмов 1950-х годов, немного по-театральному закинув голову, смотрит на нас. Главная красота, пожалуй, в глазах. Они большущие, классического, не выходящего из моды рисунка, немного с грустинкой. Жаль, вот только не видно, какого они чудесного зеленого цвета. Мне говорят, что у меня красивые глаза. Но когда мы бывали где-то вместе, слова: «Какие у Вас красивые глаза! А какого они необычного зеленого цвета!» были всегда обращены отнюдь не ко мне, а к маме.

Даже сейчас маме продолжают делать комплименты. Возможно, часто из вежливости. Но вот не так давно моя подруга, которая знает маму многие годы, сказала:

– Ты знаешь, я поняла, что самое важное для внешнего облика женщины. Главное, это в любом возрасте выглядеть достойно. Вот как твоя мама. Она всегда выглядела достойно. И сейчас тоже...

Спартак – сын Ивана

«Малая родина», баба Люба, школа

Папа родился 25 августа 1924 году в крупном селе Сасово, где и познакомился, как я уже писала, его родители. Остались воспоминания папы о его «малой родине». Он так называл Сасово, поскольку большая часть его детства прошла в Подмосковье.

«Первые сведения о Сасово содержатся в писцовой книге по Шацкому уезду за 1626 год: тогда в нем насчитывалось свыше ста крестьянских и “бобыльских” дворов. По одной из версий (правда, не самой убедительной), название села произошло от имени беглого крепостного Сасы: под его предводительством совершались набеги на владения местных бояр. По другой версии, это название происходит от татарского слова саз (болото). О временах татарского нашествия напоминают такие названия сел и городов Рязанщины, как Касимов, Кошибеево, Ишеева Гора, Телоганево, Бастаново и др. В Бастаново, неподалеку от Сасово, жила бабушкина подруга Айша. Однажды мы гостили у нее (мне было около шести лет): помню, тогда нам постелили большую перину прямо на полу. Проснувшись ранним утром, я услышал голос муллы: он призывал совершить первый намаз.

Сасовская беднота активно участвовала во всех социальных конфликтах, включая крестьянскую войну под предводительством Степана Разина. Многие бунтовщики были тогда повешены, а само село “за непокорность сасовских мужиков” (как доносил царю Алексею Михайловичу местный воевода) – выжжено. В первой половине XIX века Сасовом владела мать И.С. Тургенева, Варвара Петровна. Затем оно перешло к некоему помещику Карачинскому, который разорил многих крестьян, переселив их на скудные земли: это вызвало очередной бунт, в ходе которого Карачинский был убит.

Прежде Сасово было знаменито лишь веревочно-канатным ремеслом: кустари обминали пеньковый

быльник в пучки, а затем свивали полученные из них волокна в веревки, из которых скручивали канаты. Позже открылись лесопильный и мыловаренный заводы. С 1893 года, когда через Сасово прошла Московско-Казанская железная дорога, село стало крупным торговым центром: каждую неделю там бывал большой базар, а дважды в год, весной и осенью, – ярмарки, куда со всей округи прибывало до двух с половиной тысяч подвод. Железнодорожный комплекс (вокзал, депо, пакгаузы, мастерские и другие путейские службы) стал для Сасово градообразующим: на железной дороге трудились почти все братья моей матери – всеовициками, стрелочниками, дежурными по станции. Первая полная гимназия, первый клуб с эстрадой (позднее с кинотеатром), а также мой “тезка”, городской сад “Спартак”, – все они открывались неподалеку от железнодорожного узла... Вновь посетить свою малую родину мне довелось лишь спустя почти сорок лет, уже будучи журналистом: к тому времени в Сасово заработали станкостроительный завод, швейная фабрика и другие промышленные предприятия.

...О первых шагах жизненного пути у меня остались довольно смутные впечатления. Помню себя в санках, которые тянет за собой мама. Кругом снег, и довольно морозно, но я надежно укутан с головы до ног... А вот я – на лежанке еще не остывшей печи. Глаза устремлены на потолок, оклеенный бумажными листами из какого-то пособия по медицине: на всех иллюстрациях подробно представлена анатомия человека. Где-то рядом верещит сверчок, из сарая доносятся блянье козы и периодическое ку-ка-ре-ку...

Помню первые детские игры. Вот я приник к земле в междурядье картофельного поля: это мы с соседскими мальчишками играем в прятки. А вот щелкают разлетающиеся “бабки” – высушенные надкопытные свиные кости. На хорошо утоптанной площадке мы выставляем их в линии. У каждого в руке тяжелая косточка, “бита”: выигрывает тот, кто “выбьет” больше всего “бабок” противника. У некоторых соседских ребят “биты” потяжелее: их отцы сверлят в кости отверстия и залива-

ют свинцом. У меня же, “безотцовщины”, такого “подспорья” нет...

Рядом с нашим – дом с длинной пристройкой: это веревочно-канатная мастерская; днем оттуда слышен глуховатый рокот крутильной машины. С другой стороны – дом сапожника. Чуть поодаль – кирпичный дом с зеленой крышей из железа, окруженный высоким забором: он принадлежал местному священнику, отцу Островитянову. Хозяина мне увидеть так и не довелось, зато мать была хорошо знакома с его сыном. Она так втянула его в комсомольскую и партийную работу, что он фактически отрекся от отца. Константин Васильевич Островитянов стал потом академиком и даже вице-президентом Академии наук, прославившись как самый авторитетный адепт политэкономии социализма³⁷.

Из братьев матери больше всего я общался с младшим, Серафимом Димитриевичем. Дядя Сима часто приносил нам книжки с картинками, и читать я научился уже в пять лет. Он брал меня с собой на ярмарки, катал на каруселях, угощал мороженым. Сима был активным членом клуба “синеглазиков” – очень популярной тогда молодежной самодеятельности: участники клубного кружка хором декламировали со сцены стихи, одновременно образуя меняющиеся скульптурные построения. В сасовском клубе железнодорожников мне впервые довелось посмотреть кино: кажется, это был голливудский фильм “Мисс Мэнд”... Примерно в то время мать устроила меня в детский сад железнодорожников. На коллективном фотоснимке нашей группы я стою в центре с барабаном через плечо и палочками в руках. На рубашках – звездочки: это означало, что всех нас приняли в “октябрята”.

В первый класс я пошел в семь лет, на год раньше моих сверстников. Школой был одноэтажный деревянный дом на северной окраине Сасово. О двух годах, проведенных там, никаких воспоминаний у меня не осталось, зато хорошо помню, как почти каждый раз после уроков я делал крюк в центр города: либо в детскую библиотеку, либо в

³⁷ Его именем названа улица на юго-западе Москвы.

книжный магазин. Уже тогда чтение стало основой моего образования – таковы, видно, были отцовские гены.

В восемь лет мы вместе Серегой и Васей, соседскими детьми, совершили первую вылазку на Цну, полноводный приток Мокши (правого притока Оки), километрах в трех от города. Из центра мы отправились на юго-западную окраину (прямой путь на юг преграждало станционное хозяйство, забитое вагонами и пакгаузами) и перешли железнодорожную магистраль около моста через речку Сасовку. Далее наш путь лежал через широкую пойму Цны, засаженную огуречными “бахчами”. Ранней осенью трудно было удержаться и не упрясть за пазуху дюжину спелых огурцов, рискуя привлечь внимание грозного колхозного сторожа, который укрывался в шалаше в самом центре поля (об этом я узнал от ребят, навестив Сасово четыре года спустя).

Левый сасовский берег Цны немного круче правого. Спускаясь вниз по откосам, мы входили в воду и пытались плыть, но поначалу у нас это плохо получалось. Понадобилось еще несколько рейдов на Цну, чтобы научиться держаться на воде в “лягушачьем” стиле. Позже мы освоили и “саженки” (нечто вроде кроля), и брасс... На Цне мне довелось побывать еще дважды – во время кратких визитов на малую родину в 1936 и 1967 годах.

“Здравствуй, родной город!” – мысленно произнес я, навестив Сасово в десять лет. Вот длинная торговая улица с центральной площадью. Вот станция с бесконечной паутиной рельсов (один из двоюродных братьев потерял там ногу). Вот парк с духовым оркестром. Вот церкви, которые одну за другой отдают под склады или кинотеатры. Вот улицы, расплзающиеся в стороны от бульжного центра: Новая, Почтовая, Заречная – пыльные, заросшие травой, прорезанные заскорузлыми, расплывающимися весной колеями; с покосившимися домишками под соломой; с редкими богатыми домами под зеленой или коричнево-красной кровлей; с овражками, которые весной заполняют мило журчащие ручейки; с обширными огородами, где летом можно разыгрывать целые баталии, упоенно ползая в прохладе высоких кар-

тофельных стеблей; со скамейками у ворот, собирающими в летние вечера веселые сходки и детей, и взрослых; с большими пожарными чанами, полузаполненными зеленоватой тухлой водой. Улицы – маленькие, неказистые, горбато-щербатые, вдали от суеты и машинного чада, почти деревенские, но зарабатывающие на жизнь городским ремеслом, – вы были первым миром, заполнившим новую человеческую жизнь!

Июльский зной испепеляет бульжную часть Сасово. Улицы и дома покрыты серой пылью. Маленький подвальчик парикмахерской артели кажется приютом блаженной прохлады. Мерное журчание машинки не может заглушить гóлоса московского диктора, и сердце восхищенно замирает: радио сообщает о подвиге Чкалова и его товарищей. Без посадки – через полюс – в Америку! Буквально каждый день той удивительной эпохи приносил что-нибудь совершенно новое, доселе небывалое, неслышанное!

...Я родился через семь лет после Революции, о походах Гражданской войны и коварстве кулаков знал только по книгам, однако романтика того времени все еще горячо будоражила нашу жизнь. Большинство взрослых давно уже погрязли в будничных мелочах, но для моих сверстников открывались миллионы неизведанных дорог. Впереди были и второй перелет через полюс, и папанинский дрейф на льдине, и схватка в Испании. Все нужно было пережить, перемечтать, посеять в молодой душе – и идти на встречу своему часу... »

В 1931 году мою бабушку – Любовь Дмитриевну Анисимову – командировали на курсы повышения квалификации. По их окончании ей предложили возглавить районное отделение связи в городе Пушкино, в 30 километрах от Москвы. К этому времени она уже давно жила одна и ничто не привязывало ее к Сасово. Осенью 1932 года бабушка с сыном переехала в Пушкино, а через год в расположенный неподалеку Зеленый Город.

С этими местами, а особенно с поселком Правда³⁸, где позднее поселилась моя бабушка, связано не только папино детство и отрочество, но и мое. И одно из моих первых детских воспоминаний – это баба Люба, со спокойным, даже невозмутимым видом, сидящая на деревянной лавочке перед входом в сарай, откуда тянет терпким запахом. Я точно знаю, что это пахнет коровой, потому что по утрам бабушка приносит мне кринку теплого напитка, который пахнет именно так. Я не хочу его пить, мне не нравится его запах и тем более вкус, но бабушка неумолима. Она твердо верит в целительную силу молока: если ее сын и выжил в голодные сасовские годы, то только потому, что у них была коза и он каждый день пил козье молоко.

Любовь Дмитриевна никогда не выплескивала своих эмоций. Об этом говорили все, кто ее знал. Даже когда она осталась одна с годовалым сыном на руках, никто не слышал от нее жалоб. Многие советовали ей и в Сасово, и позднее в Пушкино разыскать мужа и попросить у него помощи, но она отвечала: «Раз он сам меня не ищет, значит я ему не нужна, и унижаться я не буду». И лишь папа знал, чего стоило ей это внешнее спокойствие и невозмутимость.

На почте в Пушкино, а потом в Зеленом Городе баба Люба, как я ее звала, проработала двадцать пять лет, до самой смерти. Что бы ни происходило на работе – почту не доставили вовремя, кто-то написал жалобу, пропало чье-то письмо, – баба Люба переживала все это как личную проблему. А уж когда на почте действительно случилась беда – пожар, – то она просто не смогла этого пережить. Пожар в старом деревянном здании почты начался по вине одного из почтальонов – одинокой женщины, которой негде было жить, и бабушка разрешила ей поселиться в мансарде в здании самой почты. Женщина, как и многие тогда, готовила на керосинке и, видимо, уходя, плохо погасила ее. От пожара пострадало не только само здание, но и сгорело много еще не отправленной почты. Бабушка, как я уже рассказывала в главе о деде, была партийцем старой закалки, прошедшей бескомпромиссную школу выучки в сасовской коммуне. Во всем происшедшем она, естественно, винила

³⁸ О поселке Правда я расскажу в следующей главе.

себя. Папа убежден, что и умерла она так рано, в пятьдесят шесть лет, из-за того, что слишком близко к сердцу приняла все события, связанные с пожаром.

Позднее я поняла, что папа многое унаследовал от своего отца – Ивана Беглова, о котором я уже писала. Ум, талант журналиста и исследователя, даже чрезвычайно сдержанную манеру поведения. В его внешности также больше от деда. Но от матери – ему досталось сверх меры развитое чувство ответственности и очень чувствительная душа.

Вот несколько строк из папиных воспоминаний о его жизни после переезда из Сасово.

«В конце 1931 года мать командировали в Москву на курсы повышения квалификации: их окончание давало право возглавить районное отделение связи. Местом ее назначения на эту должность был избран город Пушкино, в 30 километрах от Москвы по Ярославской железной дороге, сразу за дачей знаменитого купца Мамонтова, на крутом берегу, у моста через речку Учу. “Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою, а низ горы – деревней был, кривился крыши корою...”³⁹, – к этим словам великого поэта трудно что-нибудь добавить.

В Пушкино мы с матерью переехали осенью 1932 года. Тогда же я впервые проехался на электричке: юный город, почти мой ровесник⁴⁰, был конечной станцией, дальше ходили только паровозы. Но уже год спустя нас ожидал еще один переезд – в Зеленый Город. Его идея во многом напоминала “Город Солнца” Томмазо Кампанеллы⁴¹, только в значительно более скромном масштабе. Зеленый Город начинался у железнодорожной платформы Братовищина,

³⁹ «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920 г.).

⁴⁰ Подмосковный поселок Пушкино получил статус города в 1925 г.

⁴¹ Томмазо Кампанелла (Tommaso Campanella, 1568–1639) – итальянский поэт-гуманист, религиозный философ и политический деятель. Его самое известное произведение «Город Солнца» – первая коммунистическая утопия в европейской литературе.

в шести километрах к северу от Пушкино, рядом с одноименным селом на Ярославском шоссе по дороге в Загорск⁴². В свое время Братовщина была третьим царским “путевым дворцом” в направлении Троице-Сергиевой лавры (впоследствии дворец был разобран, и в 1815 году из его кирпичей была сложена очень красивая церковь).

После нашего переезда в Зеленый Город возникли новые бытовые проблемы. Много сил ушло на обустройство двухкомнатной квартиры: она занимала половину деревянного одноэтажного дома и напрямую, через дверь в простенке, сообщалась со служебным помещением районной почты (нового мамино места работы). Коренных жителей тогда было еще немного, и занимались они в основном своим хозяйством – бабушка Саша тоже вскоре обзавелась курами и козой, как только у нас во дворе появился сарай. Много времени отнимала дорога в школу: учебу я продолжал в Пушкино и добираться туда мог только редкими паровыми поездами (железную дорогу до Загорска электрифицировали лишь через год).

Но были и положительные моменты. С одной стороны, общение со сверстниками, соседями по улице, активизировало и упорядочило мои занятия спортом. Мы вполне свободно могли резвиться не только на так называемой “культбазе” (созданной усилиями Кольцова), но и на хорошо оборудованных спортплощадках санатория ВЦСПС⁴³, располагавшегося по соседству. На моем Трубочном проезде составила неплохая компания: заметную часть свободного времени мы посвящали хоккею и лыжам, волейболу и городкам. Но, конечно, наиболее притягательным видом спорта был футбол: наша уличная команда “Пламя” одержала немало побед в округе (я играл в ней правым полузащитником). Еще одним стойким увлечением юности были шахматы. В моих дневниках сохранились записи некоторых партий, включая ту, что мне удалось сыграть вничью с легендарным гроссмей-

⁴² До 1919 и с 1992 г. – Сергиев Посад.

⁴³ Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов – высшая профсоюзная инстанция в СССР (до 1990 г.).

стером Лилиенталем⁴⁴ (когда он вел сеанс одновременной игры в пушкинском Доме пионеров). В моей шахматной библиотечке были самоучители, ежегодники с обзорами партий и турниров, сыгранных выдающимися советскими шахматистами (бывшими и будущими чемпионами мира), а также сборники задач и этюдов, изданных в конце 1930-х годов: ими меня премировали редакции детских журналов и “Пионерской Правды”.

С другой стороны, открылся широкий доступ к периодике. На работе у матери стоял большой открытый шкаф с ячеекми для почтальонов: одна из них отводилась корреспонденции для санаторной библиотеки. По вечерам, приготовив уроки, я заглядывал в эту ячейку и листал свежие периодические издания. Если это был, скажем, номер “Нового мира”, то я придерживал его на пару дней, знакомясь с очередными литературными новинками. Так мне довелось прочесть произведения Кассиля, Зоценко, Шолохова, Алексея Толстого и других советских классиков.

В 1938 году, окончив семилетку, я перешел в среднюю школу № 1 города Пушкино, в пяти минутах ходьбы от станции. Каждый следующий учебный год я завершал с похвальной грамотой, несмотря на то, что одна только дорога из Правды в Пушкино и обратно занимала часа полтора, а то и два...

По прошествии многих лет могу сказать, что в целом (кроме, пожалуй, химии) с учителями нам повезло. Особого влечения к точным наукам я не испытывал, хотя с математикой справлялся вполне прилично. Труднее было с физикой, но и здесь я старался “не подкачать”. Большие всего запомнились Георгий Александрович Соколов, историк, и Иван Николаевич Воздвиженский, преподаватель литературы. К тому времени уже были прочитаны “Тихий Дон”, “Война и мир” и другие классические романы, по-

⁴⁴ Андор Лилиенталь – выдающийся советский шахматист (венгерского происхождения): играл с Алехиным, Ботвинником, Капабланкой. Умер 8 мая 2010 г. в Будапеште, отметил свое 99-летие.

этому писать сочинения было несложно и очень интересно. Некоторые из моих итоговых домашних работ Иван Николаевич просил зачитывать вслух. Вряд ли я тогда осознавал, что фактически уже сделал заявку на свою будущую профессию – журналистику.

В те годы весьма популярна была школьная самодеятельность, особенно среди старшеклассников, и я показал себя неплохим чтецом-декламатором. Помню, что в числе любимых произведений, с которыми мне довелось выступать на школьных вечерах, были поэма Пушкина “Граф Нулин” и стихи Маяковского разных лет.

В восьмом классе всех нас приняли в комсомол. Мне же при этом дали дополнительную “нагрузку”, назначив пионервожатым в один из младших классов. На сохранившейся фотографии мой пионерский отряд сидит кружком на лесной полянке вокруг костра: все подшефные при галстуках и в пилотках с маленькой кисточкой – это знак солидарности с республиканской Испанией, в то время уже охваченной войной. За ходом этой исторической трагедии мы следили по репортажам Михаила Кольцова. Как выяснилось позже, в той войне в рядах так называемых “интернациональных бригад” получили свое боевое крещение десятки добровольцев из многих стран: среди них были и наши летчики-асы, будущие герои Великой Отечественной войны.

На новый уровень вышла наша физическая подготовка: все сдавали тогда нормативы на значки “БГТО”, “ГТО”⁴⁵ и “Ворошиловский стрелок”. Помимо этого, ле-

⁴⁵ «Готов к труду и обороне» – государственная система массового физического воспитания граждан СССР: введена в 1931 г. по инициативе комсомола (разработчик И.Т. Осипов), отменена в середине 1980-х гг. Первая ступень «ГТО» применялась к возрастной группе 16–18 лет, ступень «БГТО» («Будь готов к труду и обороне») – к группе 14–15 лет (введена в 1934 г.). В основе комплекса нормативов – упражнения по всем видам легкой атлетики, а также лыжные или велосипедные гонки. За успешное выполнение нормативов соответственно вручались значки «ГТО» и «БГТО».

том организовывались регулярные лесные походы в проливных (по линии “Осоавиахима”⁴⁶), а зимой — ночные лыжные кроссы. Все это очень пригодились мне суровой зимой 1941–42 годов».

Семнадцатилетний капитан

Папе было семнадцать, когда началась война, его не призывали в армию, и он всеми правдами и неправдами добивался этого. Добился своего. Ушел на фронт. В девятнадцать уже командовал батальоном. Был несколько раз ранен, последний раз так тяжело, что был демобилизован. Папа очень не любил рассказывать о своем фронтовом прошлом. Любые воспоминания приходилось буквально вытаскивать из него «клещами». Впервые я узнала более или менее подробно об этом периоде его жизни, когда прочитала его небольшую заметку на страницах газеты факультета журналистики МГУ, опубликованную в день пятидесятилетия Победы – 9 мая 1995 года.

Много лет спустя, разбирая на даче под Новый, 2011, год папины архивы, наткнулась на небольшой конверт, в котором лежали истертые пожелтевшие листочки. Что это? Стала читать – не поверила своим глазам – десять папиных писем с фронта. Каким чудом они сохранились – не потерялись во время многочисленных переездов, не затерялись среди огромного количества папиных рукописей, статей, материалов, которыми были заполнены шкафы в Москве и на даче?! Там же лежала небольшая справка о 52-й стрелковой шуменско-венской дважды краснознаменной ордена Суворова дивизии, в которой воевал отец. Она была подготовлена ее ветеранами.

⁴⁶ Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству – массовая добровольная общественная организация в СССР (1927–1948 гг.). Почетное звание «Ворошиловский стрелок» (1932–1941 гг.) учреждено Центральным советом Осоавиахима в честь маршала К.Е. Ворошилова. Одноименный значок вручался за успешное выполнение нормативов по стрельбе из винтовки.

Теперь, описывая военный период, буду чередовать цитаты из папиных мемуаров, выдержки из его писем, а также данные из этой справки.

Слово – Спартаку Беглову.

«... Выпускной вечер в Средней школе № 1 города Пушкино был назначен на субботу, 21 июня 1941 года. Перед этим возникла досадная проблема: весь мой гардероб был совершенно изношен. Приличный мужской костюм стоил тогда около восьмисот рублей, а месячная зарплата матери была меньше трехсот. Финансовую помощь оказал ее близкий родственник дядя Митя, тоже почтовик. Я немедленно отправился в Москву и приобрел в ЦУМе элегантный светло-серый костюм.

Официальная церемония шла обычным порядком: в актовом зале – поздравительные речи педагогов и слова благодарности от бывших учеников, затем – традиционное фотографирование всем классом; в буфете – легкое вино и скромные закуски. Каждый из нас несколько минут в последний раз посидел за своей любимой партией, а к полуночи все мы ушли гулять в городской сад, примыкавший к школе.

Приближался рассвет воскресенья. Электрички еще не ходили, и наш учитель астрономии предложил мне со Спартаком Бахваловым переночевать у него. Расположившись в постели, наспех устроенной прямо на полу, мы очень скоро уснули. Виктор Матвеевич разбудил нас около полудня. На всю жизнь я запомнил его слова: “Ребята, вставайте. По радио только что объявили: война!”

... “Все выше, и выше, и выше!..” Слова этой песни многими тогда воспринимались в буквальном смысле. Нашими кумирами были знаменитые летчики – первые Герои Советского Союза: Водопьянов, Гризодубова, Леваневский, Чкалов и многие другие, среди которых были участники воздушных боев в Испании и на Дальнем Востоке. Незадолго до выпускных экзаменов я тоже подал

заявление в мытищинский⁴⁷ аэроклуб. Но, увы, прокрутив меня на специальном испытательном кресле, медики зафиксировали какой-то дефект в вестибулярном аппарате. Вывод их был однозначен: “К профессии летчика не годен”!.. Несмотря на всю глубину пережитого разочарования, я сумел найти в себе силы принять новое решение – поступать в МАИ⁴⁸ на факультет самолетостроения. Если на самолетах нельзя летать – значит, будем их строить!

С началом войны мечты о профессии пришлось надолго оставить. Мысль была одна: скорее на фронт! За моим исключением (в школу я пошел с шести лет) всем другим ребятам – моим одноклассникам, – тогда уже исполнилось 18 лет и они вскоре начали получать повестки о призыве в Красную Армию. Но сколько я ни осаждал военкомат, ответ был один: “Придет время призывать твой год – получишь повестку”.

До начала занятий в институте оставалось более двух месяцев. Между тем мой тезка, человек вполне практичный, подыскал себе занятие. Рядом с его домом строилось овощехранилище, для которого требовалось вырыть котлован, и мы со Спартаком взялись за это дело. Восемьдесят рублей, довольно приличная сумма по тем временам, стали первым в моей жизни заработком.

1 сентября 1941 года я стал студентом МАИ и сразу начал “вгрызаться” в физику и высшую математику. Но уже в начале октября пришла тревожная весть: немцы прорвали оборону на самых подступах к столице – и наш институт немедленно стали готовить к эвакуации.

Но вот 2 октября 1941-го (я на всю жизнь запомнил эту дату) пришла еще одна тревожная весть: немцы прорвали оборону на самых ближних подступах к Москве. И в тот же день кто-то из студентов узнал, что Ленинградскому РК ВЛКСМ⁴⁹ г. Москвы поручено

⁴⁷ Мытищи – небольшой город к югу от Пушкино (с 1925 г.). Ныне один из городов-спутников Москвы.

⁴⁸ Московский авиационный институт.

⁴⁹ Районный комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи.

подобрать добровольцев для формирования подразделений из бойцов-лыжников. А лыжи были как раз одним из тех видов спорта, которым я, как и многие мои сверстники, увлекался в те годы. К счастью, в райкоме комсомола ни у кого не возникло вопроса по поводу моего года рождения. Так пробил мой “звездный час”!

... Никогда не забуду минуты расставания с матерью и другими близкими мне людьми на Курском вокзале. Отсюда наш эшелон отправлялся в глубокий тыл, в гороховецкие учебные лагеря под Дзержинском⁵⁰; позже в Саранском запасном полку был сформирован и подготовлен наш 118-й отдельный лыжный батальон».

6 октября 1941 года –
первое письмо матери с фронта.

«Заниматься будем ежедневно, часов по 12. С едой ничего. Не беспокойся. Живем в землянках. Спим на сене. Все переношу легко. Бодр и здоров. В первую ночь почти все кашляли. Я же ничего. Чувствую, что та небольшая домашняя закалка, за которую ты меня все ругала, очень пригодилась и еще пригодится.

<... > (Что положить в посылку.) В нее положи: табак (без него пропаду), деревянную табакерку, ... нож, ... спички, ... немецко-русский карманный словарь (маленькая желтая книжка, лежит или на столе, или в тумбочке, или на комодке) и, если достанешь (они продаются везде), русско-немецкий и русско-финский военные разговорники.

<... > Чувствую себя хорошо. Иду навстречу всем трудностям. Хочу пережить и испытать как можно больше. Беспокоюсь только за тебя... »

Итак, сначала обучение в гороховецком лагере, потом отправка эшелоном в Тулу. Оттуда – лыжный бросок к передовой: в белых маскировочных куртках и шароварах.

⁵⁰ Город на Оке, в 40 км к западу от Нижнего Новгорода (бывшего Горького).

Папин 118-й отдельный лыжный батальон был придан 1-му Гвардейскому кавалерийскому корпусу. Конники снисходительно поглядывают на лыжников: мол, за кавалерией не так просто угнаться! Папа рассказывал, что конные формирования – этот героический и романтический символ Гражданской войны, были, прямо скажем, неуместны в новой войне. Представляете – на лошадях против танков. Или под прицельным огнем артиллерии. А на лыжах? Того не слаще. Слава Богу, воевать на лыжах папе в ту войну не удалось. И лыжникам, и конникам пришлось спешиться и учиться ходить в атаку как простым пехотинцам.

Отрывок из мемуаров:

«5 декабря в ходе войны наступил первый стратегический перелом: Красная Армия остановила гитлеровцев на подступах к Москве и перешла в контрнаступление, почти сразу же освободив Калугу. Наш батальон был придан Кавалерийскому корпусу под командованием генерала Белова. Поначалу бои велись на открытой местности: кавалеристы шли в атаку конным строем, а мы – следом за ними на лыжах. Но ближе к реке Угре⁵¹ начались лесистые места. Разместившись в деревеньках, стоявших на возвышенностях, немцы поливали водой крутые заснеженные склоны. Снега кругом было по пояс, и леса оказались непроходимы ни для конницы, ни для лыжников, не говоря уже о том, что та зима оказалась невероятно морозной⁵². Здесь мы стали обычными пехотинцами: кони и лыжи остались в ближних тылах, а к противнику мы научились подползать по-пластунски. Во время одной из таких атак я был ранен в грудь и в левое плечо: осколок мины застрял в области подмышки и до сих пор виден на рентгеновских снимках».

⁵¹ Левый приток Оки.

⁵² В январе 1942 г. в Москве была зафиксирована рекордно низкая температура за всю историю климатических наблюдений – минус 42 °С.

7 февраля 1942 года –
письмо из госпиталя.

«Это письмо пишу уже из госпиталя... Провел несколько боев, и вот в “деле” у Варшавского шоссе, как на грех, схватил три пуляковые раны, которые почти зажили, пока добрался до госпиталя. Сейчас нахожусь в Калуге, в госпитале для легкораненых. Чувствую себя хорошо. Немного беспокоит лишь сквозная рана в левое плечо. Но это все пустяки. Через 20–25 дней полечу разыскивать свою часть, чтобы драться, имея уже небольшой опыт. Ведь как ни крути, хотя в боях пробыл недолго (ранен 25 января), все же они научили меня кое-чему. Пришлось пережить такие моменты (особенно случаи, когда я отстал и напоролся в лесу на немецких автоматчиков), от которых чуть волосы не поседели <... >».

Маленький комментарий: эти «пуляковые раны» – особенно осколок застрявшей мины, беспокоили папу всю жизнь. Из-за осколка он не мог даже до конца сгибать левую руку.

Из госпиталя – напрямик на двухмесячные курсы младших лейтенантов.

Отрывок из мемуаров:

«<... >К марту 1942 года меня выписали из калужского госпиталя и направили на курсы лейтенантов 49-й армии в прифронтовой район Тульской области. Нашей группой в составе тридцати человек командовал старший лейтенант, он же был и ведущим преподавателем. Учебный процесс включал строевую подготовку, изучение воинского устава, а также классные и полевые практические занятия. Особое внимание уделялось топографии – умению ориентироваться на местности и точно наносить на карту текущую диспозицию театра военных действий. Здесь мне чрезвычайно пригодились школьные уроки географии и практические навыки ориентирования в лесу, приобретенные в подмосковных летних походах за грибами и ягодами. <... >».

2 и 13 апреля 1942 года –
два письма с курсов младших лейтенантов.

«Жени нет в живых!»⁵³ Эта весть, такая печальная и неожиданный, поразила меня, как молния! Ведь он был нашим общим любимцем! Всегда жизнерадостный, с открытыми для всех сердцем и душой, он заменял мне родного брата! Кто бы мог из нас подумать год назад, когда он еще был студентом, сидя среди нас, что он будет сражен вражеской пулей во цвете лет. Да, война не на жизнь, а на смерть! Она перевернула всю нашу жизнь, разбила высокие мечты и планы молодежи, нарушила стройную, установившуюся жизнь более старых...

<... > Мама, я очень обеспокоен тем, что ты последнее время угнетена своим одиночеством. Будь бодрой и уверенной! Ведь у тебя и так здоровье неважное. Я твердо уверен, что скоро конец этой войне и ее зачинщикам, проклятым фашистам. Тогда мы построим нашу жизнь еще лучше, еще радостней. Главное для вас, в тылу, преодолеть все трудности, а уж мы здесь, на фронте, не остановимся ни перед какими жертвами, чтобы уничтожить в пух и прах проклятого врага!

<... > Сейчас я получил посылку. Моей самой большой благодарности тебе и всем вам будет мало за ту радость, которую она мне принесла. Сейчас, в послеобеденное время, весь наш взвод дымит московской “Звездочкой”⁵⁴. С наслаждением затягиваясь, все нахваливают тебя за подарок, а я, присоединяясь к их голосу, в то же время думаю, ругая себя, сколько хлопот, вероятно, вызвали эти две пачки табаку. Кисет, бритва, носки, зубные щетки, зеркальце – все это так кстати и так ярко говорит о вашей заботе, что мне начинает казаться, что я не достоин этих подарков.

<... > Учусь только на “отлично”. К 1-му мая, видимо, уже выведу в часть. <... >»

Окончив двухмесячные курсы с отличием, папа был сразу же произведен в лейтенанты и откомандирован в 470-й

⁵³ Речь идет о папином двоюродном брате, погибшем на фронте.

⁵⁴ «Звездочка» – сорт дешевых папирос.

стрелковый полк 194-й стрелковой дивизии, занимавшей передовые позиции к северу от Юхнова⁵⁵ (это наше «стояние на Угре»⁵⁶ длилось вплоть до лета 1943 года). Его должность называлась «младший адъютант батальона»: старший адъютант исполнял обязанности начштаба – ему же предстояло быть его помощником и заместителем.

О своем первом адъютантском опыте папа повествует не без юмора. Ему, никогда не сидевшему на лошади, пришлось срочно осваивать «конную науку».

«По прибытии на место службы выяснилось, что без личного адъютанта остался сам командир полка. При этом он не ограничивался телефонной связью с подчиненными подразделениями и регулярно объезжал передовые позиции верхом: ведь, как известно, все старшие командиры Красной Армии, вплоть до маршалов Семена Буденного и Климента Ворошилова, в обязательном порядке осваивали верховую езду с юных лет. Та же обязанность касалась и их адъютантов – но на лошади я до этого не сидел ни разу в жизни! На адъютантского коня, которого ко мне подвели, я даже не смог самостоятельно влезть. А когда через пару часов верховой езды мы вернулись в штаб и спешили, я, к своему позору, не смог сделать ни шагу: вся промежность превратилась в сплошную кровавую рану... Из-за этого досадного эпизода несколько дней пришлось провести в медсанбате (немало смущаясь молоденьких медсестер)».

В первый период его фронтовой жизни ему определено везло на лошадей. То он сопровождает кавалерию, то сам становится чуть ли не кавалеристом. Этот период своего

⁵⁵ Город на Угре, в 75 км к западу от Калуги.

⁵⁶ Намек на события 1480 г., когда войско хана Ахмата после продолжительных выжидательных маневров так и не решилось атаковать войско Ивана III (Особый смысл этой исторической аналогии заключается здесь в том, что именно «стояние на Угре» положило конец двухсотлетнему монголо-татарскому игу).

пребывания на фронте отец называл «война окопная». Вот как он ее описывает:

«Опыт обеих мировых войн показал, что яростные атаки и контратаки всегда сменялись периодами продолжительного затишья, когда тысячекilометровый фронт надолго затихал, нарушаемый лишь отдельными внезапными прорывами то с одной, то с другой стороны. Начиная с апреля 1942 года Западный фронт на многие месяцы “застыл” вдоль линии по верховьям рек: Угра – Москва – Волга. Его южный участок был самым спокойным: от немцев нас отделяли и река, и густые калужские леса. На ближнем оборонительном эшелоне, протянувшимся окопами вдоль берега Угры, несли боевое дежурство пулеметчики и снайперы, непрерывно сменяя друг друга. Вторым оборонительным эшелонном была “жилая” траншея, с землянками для батальонных подразделений. Третий эшелон составляли артиллерийские и минометные установки, а также штабные землянки и походные кухни. И наконец, в самой глубине тыла, часто прямо на окраине какой-нибудь освобожденной деревни, находился медсанбат.

По ночам к нам регулярно наведывались дивизионные разведчики и пропагандисты: через репродукторы они обращались к солдатам вермахта, вещая им на немецком языке о ситуации в мире и о политике антигитлеровской коалиции. Иногда в ответ сыпались пулеметные очереди, вспыхивали сигнальные ракеты. Кульминациями таких “спектаклей” бывали внезапные налеты наших У-2⁵⁷: мы называли их “огородниками”, другие – “кукурузниками”. Бомбили они всегда на бреющем полете, вызывая беспорядочную автоматную пальбу, сопровождающуюся разноцветными следами трассирующих зенитных снарядов на темном небе. Значительно позже, когда на экраны вышел

⁵⁷ У-2 (впоследствии По-2) – легкий советский самолет, биплан универсального применения (с 1928 г.); разработан Н.Н. Поликарповым. Во время Второй мировой войны часто использовался как ночной бомбардировщик.

фильм “Небесный тихоход” (еще одно ласковое военное прозвище У-2), мы узнали о том, что очень многие самолеты пилотировали девушки. Представительницы слабого пола были и среди снайперов, дежуривших по многу часов в укромных “гнездах” на деревьях вдоль берега реки. А оказавшись однажды в штабе дивизии, я вдруг узнал в одной из девушек свою одноклассницу, Зою Воробьеву, до войны жившую в Мамонтовке, – теперь она служила телеграфисткой...

Мои окопные будни включали в себя регулярные обходы передовой линии, сбор новых данных о любых изменениях в позициях противника и нанесение их на карту-схему, а также участие в совещаниях штаба полка и исполнение всяких иных поручений, которые давал старший адъютант. Кроме того, на меня возложили общественную нагрузку в виде ночных “летучек”, в ходе которых я знакомил солдат и офицеров батальона с ситуацией на других фронтах и с последними новостями о положении дел в стране. Единственными источниками информации были тогда радиослужба штаба полка, а также дивизионная газета и, конечно же, столичная “Красная Звезда”. В июне 1942 года я стал кандидатом в члены КПСС, а сразу после 18-летия – членом партии».

23 августа 1942 года –
письмо с фронта.

«<...> Спасибо всем за поздравления в связи с моим днем рождения. Я по-прежнему бодр и здоров. Как всегда... Между нами и фрицами – узкая полоска воды. Им здесь не до наступления, а мы ждем только приказа. Днем абсолютно тихо. Эта тишина нарушается только иногда артиллерийской перестрелкой. Ночью фрицы из страха поднимают невероятную пальбу, но мы их спокойно осаживаем метким огнем и парочкой-другой снарядов. Ну, конечно, за этим внешним спокойствием с нашей стороны скрывается огромная и интересная работа, руководство которой большой долей выпадает и на меня. Мне очень много помогает тот багаж знаний, который я получил

благодаря колоссальному количеству прочитанных книг и журналов. Иначе, конечно, двухмесячных курсов не хватило бы... <...>

<...> Теперь насчет козы. Нельзя ли как-нибудь выйти из положения. Я постараюсь высылать ежемесячно еще рублей 300. Напиши свои соображения».

Здесь также необходим комментарий. Упоминание в этом письме о козе неудивительно. Я уже писала, что, по мнению матери папы – бабы Любы, – именно коза спасла всю их семью в Сасово в голодные годы. Папе передалось это благоговейное отношение к козьему молоку. Поэтому он так расстроен намерением матери продать козу. Он очень беспокоился все время о ее здоровье. Любовь Димитриевна действительно никогда не берегла себя, и ее довольно рано начали одолевать проблемы со здоровьем.

В этом письме меня поразило больше даже другой факт: из своего скудного фронтового жалования он, оказывается, умудрялся посылать деньги матери! Вопрос о том, получила ли она очередные переведенные им деньги, фигурирует во всех последующих письмах.

Вскоре отца отправили на курсы усовершенствования комсостава Западного фронта.

«Не успел я вжиться в окопный быт, как осенью меня неожиданно вызвали в штаб дивизии и вручили направление на КУКС⁵⁸ Западного фронта. Курсы находились в Подольске, примерно в сорока километрах от столицы⁵⁹. Вновь пришлось с головой окунуться в теорию и практику военного дела – теперь уже на более высоком уровне по сравнению с зимой сорок первого. Но самым значительным событием той осени стал мой краткосрочный отпуск на празднование 25-летия Революции: удалось снова оказаться в милом северном Подмоскovie, обнять и утешить

⁵⁸ Курсы усовершенствования командного состава.

⁵⁹ Ныне крупнейший промышленный центр Московской области, в 8 км от южной границы современной Москвы.

плачущую мать, а также повидаться с друзьями, которых пока не успели призвать на фронт...»

В конце 1942 года он уже в звании старшего адъютанта 429-го стрелкового полка 52-й стрелковой дивизии. Воюет под Ржевом.

13 декабря 1942 года –
письмо с фронта.

«<...>Сегодня удалось вырваться в “далекий” тыл, за 3 км от передовой, чтобы помыться... Итак, вот уже вторая неделя, как принял батальон и нахожусь непрерывно на передовой в нескольких десятках метров от фрицев. Ну, жизнь для меня привычная, только вот плоховато насчет соблюдения личной гигиены. Умывался очень давно, да и то снегом. Зубы не чистил с самой Москвы. Воды достать трудно, а умыться нет даже места. Стоим в обороне, в нескольких стах метрах виднеются развалины города, о котором я уже говорил⁶⁰. Фриц здесь почти что окружен, но против нас сидит еще крепко, и сейчас готовимся его как следует тряхнуть. В батальоне у меня ребята хорошие, командиры все молодые, жизнерадостные. Наш участок считается всех надежней. Мы стараемся дать фрицу поменьше покоя и задаем ему веселые “концерты”.

<...> Сегодня будет очень приятно помыться в бане, а то я стал уже похож на трубочиста, или вернее, на беспризорника, который ездит в угольном ящике под вагоном. Вообще в отношении условий говорить не приходится. За это время пришлось пережить и сейчас переношу столько, сколько другому человеку хватит на две жизни. Часто вспоминаю Москву, четырехэтажный дом и уютную квартирку⁶¹. Какой контраст – можете догадываться сами. Но все

⁶⁰ Речь идет о городе Ржев.

⁶¹ Папа вспоминает квартиру наших самых близких родственников – Мاستюгиных. Его письма адресованы часто, помимо матери, также тете Ине и дяде Мите. Они жили в коммуналь-

это пустяки. Родина требует, и, может быть, придется отдать гораздо больше за общее дело. Все мысли направлены к одному: выбить проклятых фрицев с нашей земли, из этого старинного русского города, уничтожить их поганые орды. Вы, может быть, удивляетесь тому, что я часто употребляю слово “фриц”. Но для нас слова “немец” не существует. Немцами были Гете, Гейне, Шиллер, Тельман, но нет другого названия жалкой, звероподобной твари, мелькающей в противоположных окопах, трусливо показывающей свою ублюдочную физиономию через бойницы дзотов. Вот наши мысли, и, думаю, они сходятся с вашими <...>».

Отрывок из мемуаров:

«Приказом Военного совета Западного фронта от 20 ноября 1942 года, лично врученным в Московском горвоенкомате, я был назначен на должность старшего адъютанта батальона и получил направление в 52-ю стрелковую дивизию Калининского фронта. Город Калинин (ныне Тверь) был освобожден в ходе весеннего наступления под Москвой, но вернуть Ржев⁶² так и не удалось: здешняя группировка немецких войск все еще серьезно угрожала столице с северо-запада. 52-я дивизия стояла в “глухой” обороне на северных подступах ко Ржеву и во время осенних боев понесла крупные потери. Правда, немецкие войска тоже потеряли не менее девяти тысяч убитыми и ранеными (сегодня в тех местах можно увидеть великое множество братских могил). С наступлением зимы наша дивизия все-таки “вгрызлась” в 16-й городской квартал, но была вынуждена окопаться примерно в ста метрах от позиций противника. Немцы стояли так близко, что в часы затишья легко можно было услышать незамысловатую фронтовую перебранку:

ной квартире в небольшом четырехэтажном доме недалеко от площади трех вокзалов. В этой квартире позже часто бывала и я. Ниже я еще буду о них рассказывать.

⁶² Важный железнодорожный узел в Тверской области на Верхней Волге, в 200 км к западу от Москвы.

– Рус! Хэндэ хох!..

– Гитлер капут!..

Незадолго до Нового года пришел приказ об откомандировании 52-й дивизии в тыл. Мы сдали оборону другому соединению, отошли к ближайшей железнодорожной станции, получили зимнее обмундирование и погрузились в теплушки: началась наша переброска на Сталинградский фронт. Десять эшелонов с личным составом дивизии, включая пришедшее пополнение, отправились в долгий путь, пролежавший через шесть областей охваченной войной России. Помню самые крупные города на маршруте нашего следования: Торжок – Калинин – Кашира – Елец – Липецк – Борисоглебск⁶³ – Михайловка⁶⁴. После ночевки в грязных окопах и холодных землянках подо Ржевом здесь, в жарко натопленных теплушках, наступила просто “райская” жизнь! Посередине вагона в два яруса были оборудованы нары; на дощатом полу стояли разогретая докрасна печь-буржуйка и стол топорной работы; наглухо закрытую дверь подпирала оружейная пирамида.

Однажды утром голые по пояс бойцы выскочили на каком-то полустанке и стали играть в снежки. Хохот стоял невообразимый; некоторые решили умыться снегом – от мокрых спин валил пар. В это время подошел встречный эшелон: в нем везли пленных. Бывшие фашистские вояки обреченно смотрели на нас сквозь приоткрытые двери, мы же с любопытством разглядывали немцев. Обмороженные, оборванные, закутанные в тряпье, они вызывали скорее жалость, чем ненависть... »

В начале 1943 года дивизия была перебросена в район Сталинграда, чтобы в момент завершения разгрома группировки Паулюса включиться в развернувшийся поход нашей армии через левобережную Украину.

⁶³ Город в Воронежской области, близ границы Саратовской и Волгоградской областей.

⁶⁴ Город на реке Медведица (левый приток Дона), в 180 км к северу от Волгограда.

«Осенью 1942 года в ходе уличных боев группировке немецких войск под командованием генерала Паулюса удалось продвинуться почти до цехов знаменитого тракторного завода в Сталинграде. Но свежие силы Воронежского фронта, переброшенные к городу, нанесли удар с северо-запада (это называлось “операция «Скачок»”) и, таким образом, вышли в тыл группировки Паулюса, зажав ее в кольцо. 18 января 1943 года наша дивизия выгрузилась в Калаче-на-Дону⁶⁵, где ей предстояло участвовать в завершении шестимесячной Сталинградской битвы – крупнейшего сражения Второй мировой войны.

На начальном этапе операции нам не пришлось вступать в прямое столкновение с противником: в то время немцы еще не начали переброску новых подкреплений в район своей Сталинградской группировки – их танковые дивизии, предназначенные для этой цели, дислоцировались в Донбассе, т. е. примерно в 450 км к западу от Калача. Это расстояние мы преодолели походным маршем дней за десять. Отдыхали днем – или в основном ночами, преодолевая Хомутовскую степь⁶⁶ в полосе 10-й танковой дивизии: поскольку целина была покрыта сугробами, то продвигаться вперед мы могли только вслед за танками, расчищавшими путь специальными бревенчатыми треугольниками. У танкистов было завидное преимущество: они могли прикорннуть прямо в машинах – нам же, пехотинцам, в открытом поле приходилось несладко. И когда изредка на нашем трудном пути попадались заброшенные скотные дворы или хутора, они казались нам просто царскими хоромами...

В самом конце января мы вышли в район Старобельска⁶⁷: это был первый город, освобожденный Красной Армией на

⁶⁵ Город на стрелке Дона и Волго-Донского канала, в 60 км к западу от Волгограда.

⁶⁶ В Донецкой области, ныне Национальный заповедник Украины (с 1961 г.).

⁶⁷ Город на реке Айдар (левый приток Северского Донца), в 80 км к северу от Луганска (бывшего Ворошиловграда).

Украине. Затем дивизия повернула на юго-запад и лицом к лицу столкнулась с противником в районе Артемовска⁶⁸. Особо запомнился ночной бой в районе станции Соль: грохот танковых гусениц, слепящие лучи фар, огневые вспышки снарядов, свист мин и пуль... Снова пришлось вспомнить технику передвижения по-пластунски. Успеху, как всегда, способствовали танкисты, уже накопившие достаточный опыт, – в итоге противник отступил за Северский Донец⁶⁹, а наши соединения вышли к нему в тыл в районе Барвенково⁷⁰. Но немцы перебросили туда свежие силы, угрожая взять нас в кольцо.

Между прочим, именно на этом плацдарме наши войска под командованием “красных конников”, маршалов Буденного и Ворошилова, пытались разгромить наступавшие танковые части вермахта летом 1942 года. Естественно, кони не устояли против танков, и наступление обернулось катастрофой: около восьмисот тысяч наших солдат попали в окружение и вынуждены были сдаться в плен. Чтобы избежать подобной участи, 52-я дивизия вместе с другими соединениями Степного фронта прорвала кольцо противника на линии Изюм – Барвенково, и, переправившись несколько раз через Северский Донец, наш полк занял оборонительные позиции в районе Хотомли⁷¹».

Вот письмо того периода:

17 февраля 1943 года.

«<... >За эти дни мы прошли около 500 км по Донским степям и Украинской земле⁷². Были дни, когда проходили за сутки до 50–60 км. Если раньше для меня страшным казалось пройти 10–15 км, то теперь 30–40-киломе-

⁶⁸ Город в Донецкой области, в 100 км к западу от Луганска.

⁶⁹ Крупнейший правый приток Дона.

⁷⁰ Город в Харьковской области, в 100 км к северу от Донецка.

⁷¹ Ныне крупное село в 30 км к востоку от Харькова.

⁷² Речь идет о броске из Ржева через Донбасс на Украину.

тровый переход является пустяком. Но, несмотря на это, только полмесяца назад догнали немца. А то шли по пятам, но догнать не было возможности – такого давал фриц драпака! Много было прожито за время последних переходов и боев. Много увидел и узнал нового. Много еще впереди. Но разве все это опишешь во время короткого перерыва между боями. Пока лишь сообщаю, что бодр и здоров, как всегда. Много “охотилось” за мною пуль и осколков, но лишь одной удалось “прошить” ворот шинели, а другой – задеть мизинец левой руки. <... >
<... >Ждите со скорой победой!>

«Прошли столько-то», «идем за немцем по пятам», «много пережито». За этими сухими строчками – что можно рассказать в коротком письмеце, написанном в редкие минуты отдыха! – грандиозные события, тяжелейшие испытания. В марте 1943 года дивизия вышла на рубеж реки Северский Донец, а в мае папа был назначен заместителем командира батальона. Примерно в это же время ему было присвоено звание капитана. Вскоре его перевели в штаб полка первым помощником начальника штаба. Немного более подробно о том, что увидел и пережил отец на этом этапе войны, он рассказал в мемуарах:

«В ходе боев за освобождение северо-восточной части Донбасса и мы, и немцы понесли немалые потери – для продолжения наступательных операций ни у кого уже явно не хватало сил. В ожидании подкрепления мы вместе с дивизионными саперами рыли окопы вдоль речного берега, оборудовали землянки и т. п. – в общем, делали все то, что мне уже было хорошо знакомо со времен “стояния на Угре” весной сорок второго. Однако профиль местности вдоль Северского Донца был другой – и, увы, не в нашу пользу: правый берег, занятый немцами, обрывался крутыми склонами, а левый лежал в низине, что затрудняло действия наших стрелков и разведчиков. При этом, как только мы вышли на новый рубеж, противник мобилизовал истребительную авиацию. Печально знаменитые

“юнkersы”⁷³, пикируя, часто включали воюющие сирены: это были своего рода “психические атаки”, хорошо известные всем по кинофильму “Чапаев”. Разница была лишь в том, что в Гражданскую войну в ход шли штыки, а теперь – бомбы.

В середине мая 1943 года я был назначен заместителем командира батальона по строевой части, а через месяц получил звание капитана, и командир 429-го стрелкового полка поручил мне должность первого помощника начальника штаба. Тем самым круг моих обязанностей значительно расширился: теперь мне предстояло сводить всю информацию от нашей батальонной артиллерии, а также от полковой и дивизионной разведок и наносить соответствующие данные на карты, попутно сверяя их с информацией от двух соседних полков. Для этого все чаще приходилось бывать в различных службах штаба дивизии, размещавшихся около освобожденного села позади нас, и общаться со многими командирами. Особо теплые отношения сложились у меня с третьим помощником начальника штаба Георгием Николаевичем Малышевым, ведавшим связью; мы даже переписывались после войны, когда он вернулся в свой родной Днепрпетровск.

Несколько слов стоит сказать о нашем окопном быте. В солдатском рационе преобладали постные борщи, тушенка и макароны. По праздникам полагались дополнительные мясные блюда, рыбные закуски и даже красное вино. Кроме того, на неделю каждому бойцу выдавалось по сто грамм махорки, а комсоставу – по пачке “Беломора”. Про общественную жизнь тоже не забывали: в ротах действовали партийные и комсомольские организации, проводились собрания и семинары на самые разные темы. Печаталась дивизионная газета “Вперед! За Родину!”, в подразделениях выпускались боевые листки и стенгазеты. Во время недолгого затишья ранним летом 1943 года на ближайшем тыловом участке к нашему фронту выступали театральные бригады, проводились смотры самодеятельности и другие культурные мероприятия.

⁷³ Бомбардировщики вермахта. Основная модель на вооружении люфтваффе – Ю-88 (15 тыс. самолетов).

К концу июня личный состав 52-й дивизии насчитывал почти семь с половиной тысяч бойцов, из них пять с половиной тысяч рядовых и около двух тысяч сержантов и офицеров. Впереди была великая битва в районе знаменитой дуги: Брянск – Орел – Курск – Белгород – Харьков. Крупномасштабные операции на центральных участках фронта начались уже в середине лета. Попытка немецких войск продвинуться вглубь к востоку от оккупированного ими Орла успеха не имела. Тогда вермахт перенес направление главного удара к югу от Курска, куда командование Красной Армии, к счастью, вовремя перебросило необходимый резерв. С 7 по 10 июля близ деревни Прохоровка⁷⁴ разгорелось крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны. С нашей стороны в бой вступили более тысячи танков и самоходных артиллерийских установок. У немцев танков было меньше, но их боевой дух был уже серьезно подорван: 5 августа наши войска одержали победу сразу на двух фронтах – Брянском и Воронежском, в результате чего были освобождены Орел и Белгород; это были наши первые победы, отмеченные праздничным салютом в Москве.

Затем началась операция под кодовым названием “Полководец Румянцев”: в ночь на 9 августа наша дивизия, в составе 57-й армии, форсировала Северский Донец. Маршал Г.К. Жуков позже писал об этом в своих мемуарах: «Попытка Гитлера вырвать стратегическую инициативу из рук советского командования кончилась полным провалом. Это свидетельствовало об истощении Германии. Никакие силы теперь уже ее не могли спасти. Вопрос был лишь во времени». 23 августа 1943 года (за два дня до моего девятнадцатилетия) Красная Армия освободила Харьков: эту дату военные историки считают окончанием Курской битвы. Вскоре меня ожидал сюрприз – назначение на должность командира батальона. Впрочем, тогда мне нередко доводилось встречать и тридцатилетних

⁷⁴ Ныне поселок городского типа в Белгородской области, в 100 км к югу от Курска. По другим данным, сражение под Прохоровкой завершилось 12 июля 1943 г.

командиров полка, а уж о двадцатилетних комбатах и говорить нечего. Что поделаться: на войне счет прожитым годам велся совсем с другой скоростью!..

В память врезался один эпизод, злоеущий и забавный одновременно. Сидим в землянке: спуск – три “ступеньки”. На столике, сооруженном из зарядного ящика, стоят шахматы, с которыми я никогда не расставался. Брезентовый “занавес” открыт настежь – яркое солнце подглядывает за нашей азартной игрой. Вдруг, в самый разгар дня, с немецких позиций раздаются сперва глухие раскаты грома, а затем серия взрывов где-то совсем близко: не иначе как фрицы затеяли испортить такую славную партию! За очередным взрывом последовал глухой илепок – и тут прямо по “ступенькам” к нам в землянку неторопливо скатывается снаряд. Быстро, как только можем, выбираемся наружу – тишина: ни взрыва, ни новых выстрелов... Уже после войны мы узнали о массовых случаях преднамеренной “халатности” на немецких военных заводах: ведь у конвейеров стояли очень многие наши соотечественники, насильно угнанные в Германию. Скорее всего, тот снаряд был бракованным. И если это так – большое спасибо тебе, наш неизвестный друг! <...>».

Победы в ходе тяжелых непрерывных боев на Курской дуге и во время освобождения Харькова в августе – сентябре 1943 года, дались нелегко. Полегло столько наших солдат и офицеров, что роты, батальоны буквально обезлюдели. В полках удавалось сформировать лишь по одному батальону! И вот командиром одного из таких батальонов – 429-го – и стал чудом выживший в этих боях мой папа. Любопытная деталь: комбату 429-го батальона только за неделю до нового назначения исполнилось... всего 19 лет!

Все дальше отходят от Москвы. Все дальше идут письма. Вот последние три сохранившихся письма с фронта. О себе отец почти ничего не пишет, кроме неперемennого «бодр и здоров». Письма становятся все лаконичнее, в них все меньше деталей. Мне кажется, что папа стал осторожничать. Из первых писем ясно, что многие его послания не дошли.

Видимо, в некоторых он упоминал конкретные названия родов, где они находились. Единственная новость – встреча с человеком, который знал Ивана Беглова по Владивостоку. После начала войны переписка между родителями папы – и до того крайне редкая – прекратилась. Я представляю, как был рад папа узнать, что его отец жив и здоров.

Письмо от 18 апреля 1943 года.

«<...>Сегодня получил твое письмо от 13.02.43. Оно шло ровно... 2 месяца. Каждое письмо от вас является поэтому поистине редкостным явлением, и радости не бывает конца. Ну о себе – бодр и здоров, как всегда. Бои сейчас несколько утихли, что позволяет немного отдохнуть и снова собраться с силами... <...> Командую батальоном. Трудно, но ничего не поделаешь. <...>

<...>Да, один лейтенант, прибывший из Владивостока, рассказывает, что хорошо знает моего отца. Говорит, что он ездит по фабрикам, заводам и предприятиям, читает лекции, доклады и выступает с большими газетными статьями. <...>

Ну ладно. Пора кончать. Обстановка напряженная. Возможна очередная контратака «фрицев»».

Письмо от 9 июля 1943 года.

«<...>Прости, что так долго не писал, был больше недели в госпитале, а сегодня вернулся – и одно письмо от тебя. Ничего нового сообщить не могу. Работаю по-прежнему помощником начальника штаба полка. Бодр и здоров, как всегда. Правда, пришлось немного подлечить ноги⁷⁵. Но это ничего. Я в недоумении, почему ты до сих пор не получила аттестат? Я его уже выслал почти 3 месяца назад. <...>. Как ваш огород? Наверное, много возни тебе. <...>

Твой сын капитан Спартак».

⁷⁵ На самом деле папу опять ранило – правда, легко. Пуля лишь зацепила мякоть ноги.

Он полон беспокойства о матери. Волнуется о том, как она справляется без него с огородом – важнейшим подспорьем в их хозяйстве даже до войны. Не удержавшись, одно письмо с гордостью подписывает не обычным «Спартак» или «твой сын», а «твой сын капитан Спартак». Письма полны оптимизма. Папа уверен, что Победа уже совсем близко.

*Последнее, десятое, письмо –
19 августа 1943 года.*

«<...> Сегодня получил твое письмо от 7.07.43. Ты пишешь, что немного прихворнула, и это меня очень беспокоит. Вообще твое здоровье оставляет желать много лучшего, но ты мало обращаешь на это внимания и, наверное, как всегда, перегружаешься. Я очень горжусь, что ваш огород – показательный. Ну, что же, когда будете пить чай с вашим свежичным повидлом⁷⁶, – вспоминайте обо мне.

*Я живу и работаю по-прежнему. Бодр и здоров, как всегда. Теперь, после неудач фрицев под Курском, почувствовали себя еще увереннее. Судьба Германии в наших руках.
<...>*

Что нового в Правде? Эх, увидеть бы ее сейчас хоть краешком глаза!

*Ну, ничего, эта минута уже недалеко. Скоро увидимся
<...>».*

Увиделись они даже скорее, чем папа ожидал. Командовать батальоном ему оставалось уже совсем недолго. Третье ранение – на сей раз тяжелое, разрывной пулей в плечо – выбило его из строя осенью того же года. Вот как об этом вспоминал папа:

«Вскоре на фронте наступило очередное затишье. Отступавшие на запад немцы окопались в районе стан-

⁷⁶ Это не описка. Так и написано. Видимо, баба Люба варила повидло из свеклы.

ции Борки⁷⁷ и ожидали подкрепления. Каковы намерения противника? Где именно проходит его передовая? В нашей зоне видимости повсюду только кукурузные поля и небольшие перелески... Моя “штабная группа” включала начальника связи Георгия Малышева и ординарца Колю (к сожалению, забыл его фамилию), плюс стрелковый взвод, который окопался поблизости, охраняя наспах вырытую командирскую землянку. В распоряжении у комполка оставались только наш батальон, штабные службы и артиллерия. “Что касается разведки, – предупредил он, – мне с тобой поделиться нечем: выходи из положения сам!”

Решаю прощупать кукурузное поле и беру с собой ординарца. У меня бинокль и семизарядный “вальтер”, у Коли трофейный “имайссер”: он гораздо удобнее нашего “шапошниковова” с заедающим диском без сменных обойм (время “калашиниковых” пришло лишь после войны). Не спеша пробираемся по зарослям кукурузы, благо они выше человеческого роста, и оказываемся на лесной опушке. Пытаемся обойти этот лесок с другой стороны, но довольно скоро он остается у нас “в тылу”. Обозревая в бинокль узкую полоску леса, я неожиданно замечаю спины залегшего боевого охранения немцев: хорошо видны вьющиеся дымки от сигарет, слышны даже обрывки фраз. Отмечаем увиденное на карте и, крадучись, пытаемся обойти противника сзади. Но в одном месте кукурузник предательски обрывается, и немцы, обнаружив нас, открывают автоматный огонь. Отстреливаясь, мы вскоре углубляемся в спасительные заросли – гнаться за нами немцы, к счастью, не решились.

Вернувшись в расположение батальона, я узнал от командира полка о том, что, согласно приказу комдива, нам предстоит возобновить наступление. На рассвете следующего дня, 10 сентября 1943 года, я вывел свой батальон на исходные позиции. В нашем секторе противник дер-

⁷⁷ Ныне небольшой город в 50 км к югу от Харькова. (17 октября 1888 г. в Борках произошла крупная железнодорожная авария, в результате которой чуть не погиб император Александр III со всей своей семьей).

жал оборону на окраине Ключеводска, небольшого поселка неподалеку от Краснограда⁷⁸. На правом фланге нашим соседом был 431-й стрелковый полк, на левом – подразделение 90-й танковой бригады. После “артобработки” немецких позиций я отдал приказ всем командирам рот начать наступление и, поднявшись во весь рост, сделал несколько шагов вперед с пистолетом во вскинутой руке. Внезапно что-то блеснуло, и я ощутил тяжелый удар в локоть: это была пуля немецкого снайпера, а блеск – отражение солнечного луча в оптическом прицеле.

На какой-то миг я потерял сознание, а когда очнулся, увидел раздробленную локтевую кость, болтавшуюся на остатках мышцы: снайпер стрелял разрывными пулями. Георгий и Коля тут же оттащили меня в ближайший овражек. Через некоторое время прибыл санитар и помог мне дойти до медсанбата на опушке леса. В одной из “палат”, крытых брезентом, меня ожидали два военных хирурга – один совсем молодой, другой постарше – и, положив на раскладушку, стали “колдовать”. При таких ранениях главный вопрос обычно ставился ребром: ампутировать разорванную конечность – или оставлять, рискуя гангреной? В подавляющем большинстве случаев решения об ампутации принимались на фронте автоматически, поскольку массовое производство спасительного пенициллина к тому времени еще не было налажено... Несмотря на полузабытье, я понимал, что в моем случае хирурги не были единодушны. Один из них все же решил рискнуть и попытаться спасти руку, побольше раскрыв рану и сделав несколько профилактических уколов».

Читая то, как ранили папу в этом бою, – легко представить сцену, ставшую классической в советском кинематографе: молодой комбат, первым поднявшись во весь рост, с зажатым в поднятой вверх руке пистолетом, полуобернувшись к еще лежащим в окопах бойцам, устремляется вперед и изо всех своих молодых сил кричит – «За Родину!», «За Сталина!»

⁷⁸ Город в Харьковской области, в 70 км к востоку от Полтавы.

Я не удержалась и спросила папу, кричал ли он эти слова, поднимаясь в бой? «Да, кричал, – ответил он. – А как же? Ты таким образом не только даешь команду – в бой! Этим ты еще пытаешься заглушить их страх, да и свой преодолеваешь. Во всяком случае, не позволяешь ему прорваться на ружу».

Руку спасли, но долечиваться папу отправили в глубокий тыл.

«И вот я в санитарном поезде прибываю в далекий, такой непривычно мирный Ашхабад. Осколки разорвавшейся пули удалили, но один, довольно крупный, так навсегда и засел в кости предплечья. Потом для моей руки, вынужденно и надолго согнутой в локте, соорудили довольно сложную гипсовую конструкцию под названием “самолет”, с корсетом вокруг талии. Когда его сняли, на восстановление минимальной подвижности руки потребовалось два месяца массажа и других процедур.

Но молодость взяла свое: в начале января 1944 года с рукой на легкой повязке, перекинутой через шею, я уже был в Москве. На этом фронтовая страница моей биографии была закончена: медкомиссия признала меня инвалидом войны второй группы. В 1970 году мне было присвоено звание майора запаса, а в 1995-м – подполковника в отставке. Медаль “За оборону Москвы”, ордена Красной Звезды и Отечественной войны первой степени – мои самые дорогие награды, а всего их у меня не менее двадцати».

Странички военной биографии, каких немало было в нашей стране.

А папина дивизия – 52-я Шуменская-Венская, дважды Краснознаменная – вскоре уже входила в столицу Австрии.

Я и раньше любила Вену – за ее элегантную красоту, кафе с вкуснейшими пирожными, за самую большую в мире коллекцию картин Брейгеля, классическую музыку, которую можно послушать в старинном зале настоящего замка, за удивительные дома необычно интересного архитектора Хундертвассера. Теперь, когда я здесь бываю, иногда думаю о папе и представляю его тем юным капитаном, совсем не-

много не дошедшим до Вены. Вот он смотрит на меня с фотографии тех лет – совсем мальчишка, на котором так странно смотрится военная гимнастерка. Он здесь намного моложе моей дочки, своей внучки. И на этом еще по-молодому округлом, кажется еще не тронутым бритвой лице такие строгие, не суровые, а именно строгие глаза.

Лондон: страна в стране

После фронта была учеба в МГИМО. Но об этой страничке папиной биографии я расскажу немного позднее, в главе, посвященной этому институту.

После окончания вуза, летом 1949 года, папу, по разнарядке, ожидала работа в Совинформбюро на должности редактора отдела США. Вот как об этом вспоминает он сам:

«Круг моих обязанностей в отделе США постепенно расширялся: основной акцент делался на заказы оригинальных статей за подписями известных журналистов и видных деятелей культуры. У многих из них я брал интервью. Помню, как навещал писательские дачи в подмосковном Переделкино: Эммануил Казакевич отстукивал ответы на мои вопросы на машинке; Всеволод Иванов диктовал текст супруге, “по совместительству” секретарше. Побывал я у многих знаменитостей и в столице: не забуду ни квартиру режиссера Чиаурели⁷⁹, поразившую меня своими размерами; ни того трепета, который ощутил, переступая порог квартиры маршала Жукова на улице Грановского⁸⁰. Все это было, было...»

Год спустя он был произведен в старшие редакторы, а еще через год освободилась должность заведующего отделом печати Великобритании.

Через несколько лет у папы уже накопился некоторый опыт работы с английской прессой, и начальство сочло, что

⁷⁹ Михаил Эдишерович Чиаурели (1894–1974) – советский кинорежиссер, сценарист; народный артист СССР.

⁸⁰ Ныне Романов переулок.

ему можно доверить более ответственную работу в самой Англии.

В 1956 году папу направили в командировку в Лондон в качестве представителя Совинформбюро. Формально, как и его предшественники, он был включен в штат советского посольства по должности руководителя департамента печати. Приведу несколько отрывков из его воспоминаний о работе в Англии.

«Улица миллионеров»

«<>В британскую столицу мы прибыли в начале января 1956 года и поселились в консульстве СССР: я должен был принять дела у своего предшественника. Через несколько дней нам предоставили две комнаты в трехкомнатной квартире: третью занимала бездетная пара сотрудников посольства – таким образом, и здесь квартирный вопрос решился в типично советском духе (о том, что такое отдельная квартира, мы впервые узнали лишь пять лет спустя – уже по возвращении в Москву).

Дом на Большой Кенсингтонской улице⁸¹ представлял собой длинное пятиэтажное здание типично английской застройки, каждая его секция имела отдельный подъезд и сдавалась в аренду. Соседние подъезды, как нам вскоре стало понятно, арендовали люди состоятельные. В нашем случае арендатором было советское посольство, сами же мы оплачивали только коммунальные услуги. Зарплаты тогда были крошечные: я получал 113 фунтов в месяц; Зоя, устроившись вскоре на полставки, получала символические 25 фунтов⁸². Эти деньги она мужественно откладывала в течение года, чтобы купить нашей дочери пианино, а потом все время выкраивала частички своей зарплаты на преподавательницу музыки для Наташи. Зоя и сама мечтала когда-то о музыкальном образовании, но не смогла его получить, поэтому во что бы то ни стало решила дать его дочери.

⁸¹ Кенсингтон-Хай-Стрит (Kensington High Street) – улица в западной части Центрального Лондона, известная своими фешенебельными магазинами.

⁸² По курсу 1956 г. – 316 и 70 долларов США соответственно.

Улица наша выходит к Гайд-парку⁸³ и Кенсингтон-Гарденз⁸⁴, а вдоль восточной границы Кенсингтонского дворца⁸⁵ тянется знаменитая Кенсингтон-Палас-Гарденз⁸⁶: две дюжины особняков по обе стороны улицы делят дворцовую ограду – из-за этого здесь постоянно дежурят привратники в ливреях, контролируя всех въезжающих и выезжающих. Со временем роскошные особняки – целые жилые комплексы с отдельными квартирами, десятками спален на каждом этаже, залами, служебными помещениями и т.д. – стали переходить в собственность посольств, арабских шейхов, султанов и прочих иноземных олигархов. К моменту нашего приезда на Кенсингтон-Палас-Гарденз размещались посольства СССР, Норвегии и Франции. Советское посольство занимало четыре дома: № 13 (резиденция посла), № 15 (медчасть, клуб и представительство “Совэкспортфильма”), № 16 (резиденция военного атташе) и № 18 (отдел культуры и прессы); угловое здание консульства стояло с северной стороны за оградой. Дом, в котором работали представители Совинформбюро, формально относился к посольству – я же, как руководитель отдела прессы (и как все мои предшественники), проходил по дипломатическому реестру как один из посольских секретарей.

Полвека спустя в погоню за лондонской недвижимостью активно включились и наши “доморожденные” олигар-

⁸³ Гайд-Парк (Hyde Park) – знаменитый парк в Лондоне (с 1635 г.): традиционное место общественных митингов.

⁸⁴ Кенсингтон-Гарденз (Kensington Gardens) – большой парк в Лондоне: заложен в 1728–1731 гг.

⁸⁵ Кенсингтон-Палас (Kensington Palace) – дворец в Лондоне (место рождения королевы Виктории); сейчас в нем живут некоторые члены королевской семьи. Часть здания отдана под Музей истории Лондона (с 1951 г.).

⁸⁶ Кенсингтон-Палас-Гарденз (Kensington Palace Gardens) – «частная улица» («private road»), примыкает к парку Кенсингтон-Гарденз: известна своими роскошными особняками. На ней также находятся иностранные дипломатические представительства (в том числе посольство России).

хи. С молотка ушли три дома на “приватной улице”⁸⁷, из которых выехали советские учреждения (кроме дома № 13, резиденции посла). Наибольшую сноровку проявил Леонид Блаватник⁸⁸: за один из домов на Кенсингтон-Палас-Гарденз он выложил почти 75 миллионов долларов, обойдя Романа Абрамовича и случайно став соседом другого “нефтяника” – султана Брунея. Впрочем, у владельца “Челси” и так уже есть несколько крупных имений на юго-западе Англии. Гусинский и Березовский тоже не “зевали” и успели приобрести по нескольку особняков в Туманном Альбионе – но это уже другая история...

В паре километров к юго-западу от Кенсингтонского дворца, в самом центре уютного жилого квартала на улице Розовых Садов (Rosary Gardens), наше посольство целиком снимало отдельный подъезд из четырех этажей. В нем размещалось представительство СИБ общим числом около тридцати сотрудников: двое русских (я и мой заместитель), остальные – британцы. Один отдел готовил ежедневный вестник “Совет ньюз” (“Soviet News”), в основном включавший перепечатки материалов советской прессы; другой отдел выпускал еженедельник “Совет уикли” (“Soviet Weekly”). Остальные сотрудники были подданными Великобритании, многие из них проработали у нас много лет. Среди них упомяну Рона Хардинга (редактора “Совет уикли”), Дона Брауна (редактора “Совет ньюз”), художника Кена Стита. Все они были приняты на работу по рекомендации руководства компартии Великобритании и оказались профессионалами самого высокого уровня. В штат сотрудников “Совет уикли” также входили двенадцать распространителей еженедельника за пределами

⁸⁷ См. сноску 105.

⁸⁸ Леонид Валентинович Блаватник (Leonard Blavatnik, р. 1957) – американский предприниматель и промышленник. Родился в СССР, эмигрировал в США в середине 1970-х гг. В 2003 г. возглавил холдинг «ТНК – ВР» («Тюменская нефтяная компания – British Petroleum»). По данным журнала «Форбс», обладает состоянием около 7 млрд. долларов.

Лондона: в основном это были активисты Общества дружбы Великобритании с Советским Союзом, и у каждого из них была основная работа по специальности на каком-нибудь предприятии. Нашу газету они продвигали в местную коммерческую сеть, пользуясь услугами добровольных “друзей газеты”, т. е. действовали через образовавшийся круг ее читателей. Печатались наши издания в типографии рабочего кооперативного общества на Флит-стрит⁸⁹; там же находилось и лондонское отделение ТАСС, арендовавшее несколько комнат в помещении агентства Рейтер⁹⁰.

Не реже чем раз в полгода мы созывали общее совещание сотрудников газеты (с участием распространителей), чтобы учесть все замечания и предложения читателей. В качестве главного редактора “Совет уикли” я столь же регулярно совершал поездки по разным городам Великобритании для проведения встреч с читателями. Такие встречи обычно превращались в “вечера вопросов и ответов” о жизни в СССР и о его внешней политике. Многие из тех, с кем я тогда встречался, стали потом моими друзьями. Заодно эти встречи помогли мне гораздо лучше узнать быт англичан, валлийцев и шотландцев, а также познакомиться с их обычаями и особенностями работы местных властей.

⁸⁹ Флит-стрит (Fleet Street) – улица в центре Лондона (район Сити): на ней были сосредоточены редакции многих газет (до 1990-х гг.).

⁹⁰ «Рейтер» («Reuters») – крупнейшее в мире информационное агентство, снабжающее зарубежной информацией более 10 тысяч газет в 158 государствах (как непосредственно, так и через другие агентства). Принадлежит газетным концернам Великобритании, Австралии и Новой Зеландии; имеет около 1300 штатных и нештатных корреспондентов. Создано в Германии (1849 г.), затем переведено в Англию (1851 г.); ныне публичная компания (с 1984 г.). Основатель – Пауль Юлиус Ройтер (Paul Julius Reuter, 1816–1899).

Двадцатый съезд

Все, что происходило в СССР и в его внешней политике начиная с весны 1956 года, напоминало внезапное наступление оттепели, которую то и дело прерывали заморозки. К началу марта из Москвы пришло известие об окончании Двадцатого съезда КПСС и о принятых на нем решениях, касавшихся “преодоления последствий культа личности И.В. Сталина”. А уже в конце мая в Великобританию были приглашены руководители Советского Союза: Первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев и председатель Совета министров Н.А. Булганин⁹¹; впрочем, итоги этого визита получили неоднозначную оценку. А осенью того же года одновременно произошли два крупных военных конфликта: кризис вокруг Суэцкого канала⁹² и трагические события в Венгрии⁹³.

⁹¹ Николай Александрович Булганин (1895–1975) – советский политический деятель, маршал, Герой Социалистического Труда. Министр обороны СССР (1953–1955), председатель Совета министров СССР (1955–1958), впоследствии переведен на хозяйственную работу.

⁹² Международный конфликт, связанный с определением статуса Суэцкого канала после попытки его национализации правительством Египта. 29 октября 1956 г. Синайский полуостров атаковала армия Израиля, 31 октября бомбардировку Египта начали войска Великобритании и Франции. По требованию чрезвычайной сессии Генеральной ассамблеи ООН вывод союзных войск из Египта начался в декабре 1956 г. и завершился к марту 1957 г.

⁹³ Стихийные народные выступления в Венгрии против сталинского режима Матяша Ракоши (Rákosi Mátyás). 13 октября 1956 года многотысячная демонстрация в Будапеште переросла в вооруженное восстание. 24 октября в Венгрию были демонстративно введены советские войска – правительство возглавил коммунист-оппозиционер Имре Надь (Nagy Imre). 31 октября, «в ответ» на британско-французскую интервенцию в Египте, СССР ввел в Венгрию 17 дивизий. 1 ноября Имре Надь заявил о выходе страны из Организации

Как и всем советским средствам массовой информации, в подобных случаях нам строго предписывалось публиковать только официальные сообщения ТАСС и заверенные комментарии официальных лиц высочайшего ранга. Доклад Хрущёва предназначался только для делегатов Двадцатого съезда, которым запрещено было делать какие-либо записи. “Мы не должны давать оружие в руки нашим врагам, не должны полоскать наше грязное бельё у них на глазах!” – так завершил Хрущёв свой знаменитый доклад. А поскольку по официальным каналам его содержание дошло до “братских стран социалистического лагеря”, то постепенно оно стало просачиваться и в западную печать, включая британскую. 30 июня 1956 года ЦК КПСС опубликовал постановление “О преодолении культа личности Сталина и его последствий”. В нем не было тех ужасающих фактов, которые переполняли закрытый доклад Хрущёва. Акцент в постановлении ЦК делался лишь на том, что связывать культ личности с системными пороками общественного строя в СССР, а тем более искать источник сталинского культа в самой природе этого строя было бы грубой политической ошибкой.

Подобные оговорки облегчали положение зарубежных коммунистов, в том числе руководства компартии Великобритании. Что же касается большинства моих соотечественников, материалы Двадцатого съезда были восприняты ими как гром среди ясного неба. Конечно, за три года после смерти “вождя всех народов” в стране очень многое изменилось, но все это приобрело качественно иной резонанс, будучи сказано от лица съезда – высшей партийной инстанции. В истории британской

Варшавского договора и обратился за военной поддержкой к ООН. Боевые действия в Венгрии продолжались до 11 ноября: вооруженное восстание подавлено (около 3 тыс. погибших), к власти пришел умеренный коммунист-консерватор Янош Кадар (1956–1989). Имре Надь скрылся в посольстве Югославии, но 22 ноября был выдан и арестован; повешен 16 июня 1958 г., посмертно реабилитирован и торжественно перезахоронен как национальный герой (1989 г.).

компартии этот период тоже был довольно трудным, особенно для ее руководителей. Но, как уже говорилось, партийная дисциплина обязывала нас публиковать в “Совет уикли” лишь ту информацию, которая поступала из Москвы по официальным каналам СИБ и ТАСС.

Высокие гости из Москвы

В начале апреля 1956 года Я.А. Малик⁹⁴ официально объявил, что в Москве и Лондоне достигнута обоюдная договоренность об обмене визитами на высшем уровне с целью укрепления взаимопонимания и развития сотрудничества между СССР и Великобританией. Было решено, что обмен начнется с визита советской стороны, причем средством транспортировки делегации в Англию был избран военный крейсер “Орджоникидзе”.

Сразу же возник забавный казус. Формально правительство СССР возглавлял Булганин, однако все отлично понимали, что реальная власть в стране принадлежала ЦК КПСС. А поскольку делегацию ожидал прием в Букингемском дворце, то приглашение одного Булганина, без Хрущёва, наверняка вызвало бы “неадекватную” реакцию в Кремле (в целях упрощения протокольной стороны визита, обеих “первых советских леди” решено было оставить дома). За несколько месяцев до назначенного визита несколько рейсов в Лондон совершил Ту-104⁹⁵, первый в истории реактивный пассажирский самолет, поэтому в состав делегации был включен А.Н. Туполев⁹⁶. Кроме того,

⁹⁴ Яков Александрович Малик (1906–1980) – посол СССР в Японии (1942–1945), затем в Великобритании (1953–1960). Позже занимал посты заместителя министра иностранных дел СССР и постоянного представителя при ООН.

⁹⁵ «Ту-» – префикс модельного ряда реактивных самолетов, производный от фамилии конструктора А.Н. Туполева.

⁹⁶ Андрей Николаевич Туполев (1888–1972) – выдающийся советский авиаконструктор, генерал-полковник, академик, лауреат Ленинской премии, трижды Герой Социалистического Труда. Репрессирован (1937–1941). После войны руководил созданием свыше ста типов военных и гражданских самолетов, в т.ч. первых реактивных пассажирских.

учитывая глубокий интерес англичан к атомной энергетике, в состав делегации был включен И.В. Курчатов⁹⁷: 25 апреля 1956 года он выступил в Харуэлле⁹⁸ с докладом “О развитии атомной энергии в СССР”, коснувшись проблем управляемого термоядерного синтеза. Курчатов предложил тогда раскритиковать исследования в этой сфере и начать широкое международное научное сотрудничество атомных держав.

У власти тогда находилось правительство консерваторов во главе с Э. Иденом⁹⁹ (он же руководил всеми переговорами с британской стороны), поэтому лейбористы почувствовали себя “отодвинутыми”. Чтобы восстановить “политический паритет”, лидеры оппозиции организовали встречу с нашей делегацией в здании Парламента. Самым острым моментом того визита оказались докладчики. Выступать предстояло Булганину, но темперамент и полемический задор Хрущева не позволили ему оставаться в стороне.

Хозяева и гости расположились за длинным столом, сервированным, помимо прочего, весьма крепкими напитками. Спустя некоторое время один из лейбористских лидеров Д.А. Джордж-Браун¹⁰⁰ (как потом оказалось, от-

⁹⁷ Игорь Васильевич Курчатов (1903–1960) – выдающийся советский физик, академик, лауреат Ленинской премии, трижды Герой Социалистического Труда. После войны руководил созданием первого в Европе ядерного реактора, первой в мире термоядерной бомбы и первой атомной электростанции. В 1943 г. основал и возглавил Институт атомной энергии СССР (с 1960 г. – имени Курчатова).

⁹⁸ Харуэлл (Harwell) – крупный научный центр по изучению физики атомного ядра и атомной энергии (с 1954 г.), находится в графстве Беркшир (соседнем к западу от Большого Лондона).

⁹⁹ Энтони Иден (Anthony Eden, 1897–1977) – министр иностранных дел (1935–1938) и премьер-министр Великобритании (1955–1957).

¹⁰⁰ Джордж Альфред Джордж-Браун (George Alfred George-Brown, 1914–1985) – барон, британский политический дея-

личавшийся особым пристрастием к спиртному) весьма запальчиво обрушился на советских гостей за то, что они, несмотря на разоблачение культа Сталина, продолжают поощрять репрессии против социал-демократов в странах Восточной Европы. Джордж-Браун даже вручил Булганину список социал-демократов, арестованных в сталинские времена, с требованием посодействовать их освобождению. Тот вынужден был принять протянутые ему списки и невнятно пообещал что-то предпринять по этому вопросу. И тут настал час Хрущева. Вскочив со своего места, Никита Сергеевич буквально взорвался и, недолго думая, обвинил Джордж-Брауна во вмешательстве во внутренние дела других стран, а заодно в покушении на идеологические устои других партий. Организаторам встречи пришлось немало потрудиться, чтобы перевести дискуссию на другие вопросы и максимально сгладить впечатление от столь неприятного эпизода.

Дуэль в эфире

После отъезда высоких гостей в Москву у меня было немало дискуссий о том, как это событие может отразиться на судьбах британо-советских отношений в частности и международного коммунистического движения в целом. В своем коллективе я не столкнулся с какими-то особыми проблемами. Сотрудники редакции, состоявшие в британской компартии, реагировали вполне нормально, поскольку, во-первых, они привыкли соблюдать партийную дисциплину, а во-вторых, через них так или иначе проходили все комментарии из Москвы по ходу встречи в верхах. Но когда я приезжал на Фаррингдон-Роуд¹⁰¹, в редакцию “Дейли уоркер”¹⁰², там я уже не мог уйти от

тель, заместитель руководителя лейбористской партии, член Комитета министров в правительстве лейбористов (1960–1970).

¹⁰¹ Фаррингдон-Роуд (Farringdon Road) – улица в центре Лондона, район Кэмден (Camden). На ней находится Мемориальный зал, в котором было провозглашено создание Лейбористской партии Великобритании (1900 г.).

¹⁰² «The Daily Worker» («Ежедневная газета рабочих») – орган

вопросов своих английских коллег – редакторов, комментаторов и периферийных корреспондентов газеты. Эти вопросы в основном касались содержания доклада Хрущева на Двадцатом съезде, а также его возможного влияния на коммунистическое движение в Англии и за рубежом.

Задавался также и вопрос о будущем социал-демократии. Один из обозревателей “Дейли уоркер” предложил мне принять участие в радиопрограмме местной студии, вещающей на Ист-Энд. Я согласился. Программа выходила в эфир под рубрикой “По следам событий”. Ее ведущий Марк Коффилд пришел на радио прямо с университетской скамьи, проявив себя твердым приверженцем лейбористского движения. Свои вопросы он, разумеется, начал с решений Двадцатого съезда КПСС. Передаю нашу радиобеседу по памяти.

М. К.: Столь суровое разоблачение сталинских методов руководства страной и партией – не есть ли прелюдия к полному отказу от идей построения социализма и коммунизма в Вашей стране?

С. Б.: Речь вовсе не идет о демонтаже социализма как общественного строя. То, что подлежит немедленному демонтажу, – каркас из колючей проволоки, возведенный Сталиным на фундаменте социализма. Отказаться же мы хотим не от коммунизма, а от застенков для людей, которые либо были не согласны со Сталиным, либо которых он считал соперниками на пути к установлению своей единоличной власти.

М. К.: Однако если учесть, что Сталин очень многих сумел убедить в своей верности идеям и делу Ленина, тогда не окажется ли Хрущев изменником ленинизма в глазах миллионов Ваших соотечественников?

С. Б.: Но ведь все дело-то как раз в том, что, расправляясь с бывшими соратниками Ленина, Сталин скрыл от

Коммунистической партии Великобритании (1930–1966). Нынешнее название газеты – «The Morning Star» («Утренняя звезда»): издается в Лондоне, тираж около 18 тысяч экземпляров.

народа ленинские предостережения, которые тот, будучи уже смертельно больным, счел необходимым направить очередному съезду. В этих чудом сохранившихся документах Ленин характеризовал Сталина человеком грубым, склонным игнорировать мнения соратников по партии. Короче говоря, останься Ленин в живых – не случилось бы всего того, что после него натворил Сталин.

М. К.: Между тем именно Сталину приписывают решающую роль в том, что Россия остановила гитлеровские орды и, в конечном счете, внесла огромный вклад в победу над фашизмом.

С. Б.: Как участник войны я могу свидетельствовать: для всех нас – и тех, кто был на передовой, и тех, кто трудился в тылу, – самым главным было защитить Родину, отстоять все победы социализма, доставшиеся нам столь дорогой ценой. В постановлении Двадцатого съезда КПСС не только отмечены злоупотребления Сталина властью, но и подчеркнуто, что сама концепция социализма, подтвержденная партией после смерти Ленина, все это время была правильной. В таких условиях преодоление культа личности и последствий сталинизма имеет своей главной целью более успешное движение вперед на основе идеологии марксизма-ленинизма.

М. К.: Ну, а как же теперь быть Вашим единомышленникам за пределами СССР? Я имею в виду не только те страны Восточной Европы, где реализация социалистической идеи остается под большим вопросом, но и те, которые пошли Вашим курсом.

С. Б.: Я думаю, нужно оставить это на усмотрение и тех, и других. Мой дипломатический статус не позволяет делать какие-либо заявления, из-за которых СССР могут обвинить во вмешательстве во внутренние дела других стран.

М. К.: И все же, разве Вы не заметили определенного вмешательства в рядах компартии Великобритании?

С. Б.: Эту вашу реплику я вынужден оставить без комментариев.

М. К.: А теперь хочу спросить Вас об инциденте, случившемся на обеде, который был устроен руководством лейбористской партии в честь советской делегации. Как,

по-Вашему, британской общественности следует расценить чрезмерно эмоциональную реакцию товарища Хрущева, который буквально потерял самоконтроль после попытки Джордж-Брауна передать Вашей делегации список представителей левого движения, репрессированных в странах Восточной Европы?

С. Б.: На мой взгляд, именно товарищ Джордж-Браун спровоцировал упомянутый инцидент, притом сопроводил свой жест довольно резкими словами в адрес не только руководства КПСС, но и других братских партий. Никита Сергеевич Хрущев – человек из народа, его суждения отличаются прямоотой: вот он и назвал вещи своими именами. Можно сожалеть лишь о том, что Джордж-Браун не захотел соблюсти правила гостеприимства.

М. К.: Не опасаетесь ли Вы, что из-за этого инцидента барьер между Вашей партией и нашим лейбористским движением станет еще выше?

С. Б.: Слово “барьер” – уже из лексикона дуэлянтов. Позвольте заверить Вас: несмотря ни на что, ни одно стремление лейбористской партии к диалогу, дружбе и сотрудничеству с нашей страной не встретит на своем пути никаких барьеров!

На этом импровизированная ”радиодуэль” закончилась, и мы крепко пожали друг другу руки.

«Спикеры» – это профессия

«<...> Следуя советам многих путешественников и бытописателей, в одно из воскресений я отправился в Гайд-парк, мимо Марбл-Арч¹⁰³ – к знаменитому “Уголку ораторов”¹⁰⁴. Когда-то желающие выступить перед тол-

¹⁰³ Marble Arch (Марбл Арк, Мраморная арка) – триумфальная арка, служившая главным въездом в Букингемский дворец (1828–1851). Ныне за пределами Гайд-парка.

¹⁰⁴ «Speakers’ Corner» («Уголок ораторов») – трибуна в Гайд-парке, с которой по субботам и воскресеньям различные ораторы традиционно вели свои импровизированные выступления. Ныне «Уголок ораторов» утратил свое политическое значение и стал объектом лондонского туризма.

пой, дабы обратить людей “в свою веру”, приносили сюда с собой пустые ящики из-под мыла, используя их в качестве самодельных трибун. Со временем техника “уличной демократии” модернизировалась: было налажено массовое производство складных портативных табуретов и подмостков – однако слово “мыльный ящик” (“soapbox”) до сих пор означает “самодельную трибуну уличного оратора”. Прежде слушателями этих выступлений были в основном лондонские старожилы, особенно из Ист-Энда, – теперь это подозрительная смесь местных зевак и иностранных туристов, не жалеющих видеопленки на очередной лондонский “куръез” (надо сказать, англичане весьма эффективно используют все свои обычаи, которые могут стать рекламной “приманкой”). Всего после нескольких посещений этого “уголка” я уже знал, что большинство выступающих составляют проповедники всяких полубытых религиозных сект; иногда, впрочем, пара-другая фигляров для разнообразия объявляла себя “анархистами”... Ораторы из левых партий почему-то не жаловали это место: возможно, они уже давно поняли, насколько выродился сей заповедный “уголок”. Но иногда мне доводилось присутствовать на весьма забавных представлениях: сквозь плоские шутки в них частенько проблескивали искорки по-настоящему талантливого сарказма.

Чаще других попадался мне “штатный” оратор-консерватор, грузноватый усач с типичным лицом британского офицера-отставника: знакомые называли его “капитан”. Свою переносную трибунку он всегда устанавливал на одном и том же месте – меж двух раскидистых вязов неподалеку от киоска со сладостями, причем делал он это нарочито медлительно, чтобы успели собраться первые слушатели. Всякий раз у меня закрадывалось впечатление, что готовить свои речи заранее “капитан” не стремился, ибо как только он, пыхтя, взгромождался на свой “мыльный ящик”, рядом оказывался небольшого роста юркий человечек в серой кепке и потертом габардиновом макинтоше. Стоило оратору произнести несколько фраз, затронув какую-нибудь злободневную тему, как

человечек перебивал “капитана” громкой репликой, – то вопросительной, то насмешливой. “Капитана”, впрочем, это ничуть не смущало, и он тут же отвечал либо длинной, явно заранее заготовленной фразой, либо какой-нибудь отрететированной остротой невысокого качества. Человечек отпуская новую реплику – “капитан” отвеивал очередную декламацию или остроту. Так длилось до тех пор, пока словесная “перебранка” не привлекала достаточного количества слушателей, которым уже можно было излагать фундаментальные принципы политики консерваторов. Тогда “капитан” поворачивался к человеку в кепке немного боком – и тот утихал, постепенно исчезая за спинами у публики. Мавр сделал свое дело – мавр может уйти.

Был ли человек в кепке таким же “итатным” слушающим консервативной партии, помогающим ее оратору разыгрывать комедию “спонтанной полемики” и “свободы мнений”? Кто это: самозванец-оппонент или актер на жалованье за умелое лицедейство? Не решусь утверждать наверняка, ибо мне приходилось наблюдать таких же “человечков” в паре с другими ораторами. Возвращаясь к “капитану”, не могу не вспомнить об одном курьезном случае, когда его “альтер эго” почему-то запоздало. “Капитан” тогда долго переминался с ноги на ногу и все никак не решался начать речь, то и дело косясь на привычное место своего “соперника”, пока тот наконец не появился... Что-то не тянет больше коренных англичан в “уголок ораторов”, не ходят они туда. Получается, все это многоголосое представление – от гнусавых псаломщиков, вещающих о скором наступлении конца света, до высокопарных трибунов консервативной партии – адресовано скучающим иностранцам?... Англия, “витрина демократии” Старого Света...

Гораздо более внушительное зрелище разыгрывается каждый год в последнюю неделю перед парламентскими выборами восьмого октября. Арена здесь – вся страна, а актеры – мужи с впечатляющими биографиями и не менее впечатляющими окладами. Телевидение превращает всю Англию в один грандиозный “ипподром” с многомил-

лионными трибунами “болельщиков”. И когда начинается подсчет голосов – а телеэкраны исправно показывают табло с названиями округов и промежуточными результатами голосования, – каждый может делать ставки на того или иного кандидата: и в Лондоне, и в других городах есть специальные конторы “букмекеров”, процветающих за счет подобных предвыборных пари.

А вот еще одно, пожалуй, самое элегантное представление. По красно-кирпичному гравию Молл-стрит¹⁰⁵ едет лакированная черная карета, запряженная цугом серых в яблоках. Изящная белая перчатка снисходительно машет толпе, выстроившейся вдоль аллеи: намечается либо тронная речь в Парламенте, либо свадьба члена августейшей фамилии. Энтузиазму публики, собравшейся со всех концов города, нет предела: центр Лондона замер в верноподданнейшем благоговении – что и говорить, спектакль разыгран актерами самого высшего ранга... Каждый пайщик этой великой «корпорации» получает свою долю: королевской семье казна выплачивает полмиллиона фунтов стерлингов в год, не считая доходов с восьмидесяти тысяч гектаров собственных земель. Член Парламента получает полторы тысячи фунтов в месяц, да еще – на казенные расходы; к тому же, большинство парламентских консерваторов руководит каким-нибудь бизнесом, и не одним: по некоторым данным, в руках всего восьмидесяти крупных монополий находится почти половина всего частного сектора Великобритании, поэтому число конкурентов постоянно сокращается...

“Корпорация” не расширяется, зато постоянно обновляется. Правда, сквозь “игольное ушко” привилегированных школ на политические должности отбираются лишь те, у кого есть на то “веские основания”: толщина кошелек, величина пакета акций, вложенных в дело, название оконченного университета или колледжа в дипломе, древность родословной вкупе с “нужным”

¹⁰⁵ Молл-стрит (the Mall) – улица в центре Лондона, ведущая от Трафальгарской площади к Букингемскому дворцу.

количеством унаследованной земли или иной недвижимостью... На дальних подступах к “корпорации” расставлены дополнительные “заставы”: это и “одинадцать плюс”¹⁰⁶, и особые экзамены для чиновников дипломатического ведомства, и строжайший партийный отбор кандидатов на важнейшие посты в правительстве и в Парламенте. Так, 92% состава Форин офис¹⁰⁷ – выпускники двух престижнейших университетов (Оксфорда¹⁰⁸ и Кембриджа¹⁰⁹); из сотни молодых депутатов-консерваторов, пришедших в парламент в 1955 году, дюжина – выпускники Итона¹¹⁰; не менее 75% министров

¹⁰⁶ «Eleven-plus» («Экзамены для одиннадцатилетних») – отборочные испытания британских школьников в возрасте 11 лет. Проводились по окончании общей начальной школы (primary school). Они включали проверку умственных способностей и общей сообразительности, а также знаний английского языка и арифметики. По результатам решалось, в какой из трех типов школ целесообразно продолжать обучение: в классической (grammar school), в средней современной (secondary modern school) или в технической (technical school). Сегодня такие экзамены не проводят, поскольку подавляющее большинство в Великобритании составляют единые средние школы (comprehensive schools), куда ребенка принимают без экзамена.

¹⁰⁷ Foreign Office – Министерство иностранных дел Великобритании. С 1968 г. – Foreign and Commonwealth Office (Министерство иностранных дел и по делам Британского Содружества).

¹⁰⁸ Оксфорд (Oxford) – город на реке Темзе (Thames) в 70 км к северо-западу от Лондона. В нем находится один из старейших европейских университетов (с середины XII в.).

¹⁰⁹ Кембридж (Cambridge) – город на реке Кэм (Cam) в 70 км к северу от Лондона. В нем находится один из старейших европейских университетов (с 1209 г.).

¹¹⁰ Итон (Eton College) – одна из девяти старейших привилегированных мужских средних школ, самых престижных и дорогих в Великобритании. Основана в 1440 г. в городе Итоне (ныне западный пригород Большого Лондона).

последних консервативных кабинетов – выходцы из аристократии. Когда же наступает черед лейбористов, союз короны и Сити умело и последовательно делает их “благоразумными”...

Если и как только в политике или экономике Британии появляется новая реальная сила, то правящая “корпорация” предпочитает не восстанавливать ее против себя, а, наоборот, сперва сделать ее своим членом, а затем и “пайщиком” – притом, как правило, незаметно для самой этой силы. В ход идет подчас совершенно неожиданный “механизм” – щедрая ежегодная раздача наследственных титулов и рыцарских званий. Так, премьер первого послевоенного лейбористского правительства К. Р. Эттли¹¹¹ пришел к власти благодаря голосам рабочих, но к концу жизни как-то “незаметно” стал членом палаты лордов. Лидер лейбористов Г. С. Моррисон¹¹² никогда не гнушался щегольнуть своим “мужицким” красноречием – теперь его зовут “барон Ламбет”. И куда только подевалась воинственная Э. К. Саммерскилл¹¹³, громившая консервативные устои с самых первых рядов лейбористской оппозиции! Теперь в благородстве своих манер эта новоявленная “баронесса” отнюдь не уступает самой изысканной леди...»

¹¹¹ Клемент Ричард Эттли (Clement Richard Attlee, 1883–1967) – государственный деятель, лидер лейбористской партии (1931–1955). Премьер-министр Великобритании (1945–1951).

¹¹² Герберт Стэнли Моррисон (Herbert Stanley Morrison, 1888–1965) – барон, политический деятель, председатель Национального исполкома Лейбористской партии (1928–1929). Заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Великобритании (1945–1951).

¹¹³ Эдит Клара Саммерскилл (Edith Clara Summerskill, 1901–1980) – баронесса, политический деятель (лейбористка), позже писательница; по профессии – врач.

Папа полюбил Англию и англичан. Вспоминая о своем участии в так называемых «Олдермастонских походах»¹¹⁴, он пишет:

«Я шел и думал: даже в ненастье Англия прекрасна по своему. Всмотрись в лица простых людей, познакомись с ними поближе, обогреешься теплом их улыбок, блеском неисчерпаемого юмора — и не поймешь: кто же выдумал, будто самые замкнутые, напыщенные и чопорные на свете люди англичане?..»

Как мы оказались в Бангладеш

После возвращения в 1961 году в Москву папа работал в АПН, в которое было преобразовано Совинформбюро. В АПН, по его выражению, он сражался сразу «на двух фронтах» (опять фронт – положительно, военное прошлое не отпускало его): писал как на внутреннюю, так и на зарубежную аудиторию.

Что касается работы на зарубеж, то папа готовил регулярные комментарии для ведущих газет многих стран. Иными словами, выступал в качестве кolumnиста. Все началось с письма из Хельсинки в 1965 году, когда одна из наиболее влиятельных финских газет предложила регулярно публиковать папину колонку. Он вел ее на протяжении двадцати лет. Также печатался в «Нью-Йорк Таймс», во французской «Монд» и многих других изданиях – от Англии до Мексики.

У нас, помимо регулярной подготовки статей и комментариев для АПН, папа участвовал в «круглых столах» на радио и в роли ведущего «Международной панорамы». Выступал в программе «Время». На международный комментарий в этой программе отводилось 2,5 минуты, и папа в шутку называл его «мотыльковым». Регулярно печатался в «Правде», «Известиях». В роли специального корреспондента АПН выезжал на места событий как у нас в

¹¹⁴ Олдермастонский поход (Aldermaston march) – марш протеста против ядерного оружия: впервые проведен британскими активистами движения за мир 4–6 апреля 1958 г.

стране, так и за границу. Большинство этих поездок были интересными, а некоторые оказались напрямую связанными с важнейшими событиями, знакомыми нам по учебникам истории. Приведу лишь три таких эпизода, рассказанных папой.

Первый эпизод связан с событиями международной жизни – с Карибским кризисом в 1962 году, едва не закончившимся Третьей мировой войной.

«Я в это время оказался в США на конференции по проблемам мирного сосуществования между нашими странами. Поскольку развернувшиеся события повернули эти отношения совсем в другую сторону – быть или не быть войне – то конференция свернула свою работу. Я быстро перебрался в Вашингтон, где встретился с пресс-секретарем президента Джона Кеннеди. Он и коллеги из американских СМИ (средства массовой информации – прим. автора) поделились со мной информацией о шансах на разрядку острейшей ситуации. В конце концов обе стороны нашли мирный выход из положения. Мой репортаж был опубликован в “Известиях”. С тех пор тема “Разрядке нет альтернативы” стала ведущей в моих комментариях в годы Холодной войны».

Я очень хорошо помню ощущения тех дней. Необычные ночные – из-за разницы во времени – звонки папы из Америки. Сначала иронически-спокойные комментарии бабушки. Невозмутимость мамы. Все это скорее тревожило, чем успокаивало на фоне все нарастающей, витавшей в воздухе напряженности. И, наконец, полная сдача позиций бабушкой, поначалу даже развеселившая нас. Она, как и многие москвичи, пережившие войну, отправилась по магазинам закупать спички и соль. Интересно, что вернувшийся после благополучного завершения кризиса папа рассказал, что американцы кинулись закупать не спички и соль, а минеральную воду в бутылках. Ну что же, суть от этого не меняется: и там, и здесь люди действительно почувствовали реальность надвигающейся опасности.

Вторые два эпизода касаются событий не столь давнего времени.

«В октябре 1964 года предстоял запуск нашего очередного космического корабля с тремя космонавтами на борту: Комаров, Феоктистов и Егоров. У нас в АПН был свой спецкор по космосу. Но он заболел. А на следующее утро наш журналист должен был обязательно быть на Байконуре. Бурков¹¹⁵ вызвал меня и говорит: “Спартак, тебе придется выехать на запуск”. За ночь я просмотрел кипу материалов, касающихся освоения космоса и биографий космонавтов. Результатом был вполне добротный репортаж с космодрома. ... Когда космонавты вернулись на Землю, то по сложившемуся ритуалу на Байконуре ожидали телефонного звонка руководителя страны. Но шло время, а звонка Хрущева все не было, и я решил связаться по телефону с Бурковым и выяснить, что происходит? Он отвечает: “Это не телефонный разговор”. Вылетел в Москву в ту же ночь и уже в четыре утра был в агентстве. Иду в теле-тайпную, а там передают биографию нового Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. Все стало ясно – по сути дела произошел государственный переворот.

Нечто похожее мне пришлось пережить двадцать шесть лет спустя, в 1991 году. Двумя годами раньше я был направлен в Лондон в качестве собственного корреспондента АПН. В это время по причине обострившегося конфликта между М. Горбачевым и Б. Ельциным стала заходить в тупик перестройка, которую я приветствовал всей душой. В Англии многие политические деятели также считали, что в интересах международной стабильности и придания перестройке нового импульса жизненно необходимо, чтобы два лидера прекратили эту нелепую, как казалось, ссору и вновь встали на путь сотрудничества. В своих корреспонденциях я писал об этом открытым текстом. Но сначала последовал августовский путч в 1991 году, а за ним срыв “новоогаревского” процесса, и все это обнажило всю слабость позиций Горбачева. Вскоре

¹¹⁵ Тогдашний председатель АПН.

беловежский сговор за его спиной привел к развалу Союза. В ноябре 1991 года я получил извещение о закрытии корпункта и о моем отзыве из Лондона. Незадолго до этого прекратило существование и мое любимое детище – газета “Совет уикли”. Такая же участь ожидала и все другие печатные издания АПН, и многие его представительства за рубежом».

Вместе с завершением истории СССР завершилась и история АПН, а также закончился и более чем сорокалетний этап папиной журналистской жизни. За папины лондонские материалы его «записали» в противники Ельцина и поспешно «ушли» на пенсию. Кроме того, пришедшие в тот период к власти молодые «демократы» спешили избавиться от как можно большего количества людей старшего поколения. Эта картина наблюдалась повсеместно, убирали с ключевых постов иногда даже тех, кому перевалило за сорок, не говоря о шестидесятилетних. *A priori* их объявили ретроgrадами. Опыт? Не смешите! Зачем он нужен, – это ваш опыт. Он нам ни к чему – все равно мы все сделаем по-новому! У нас очень любят не продолжать, улучшая, а именно переделывать на новый лад, разрушая старое, отменяя его, не пытаясь сохранить то рациональное, что было до этого создано.

Правда, в том же переименованном, перелицованном и перекромсанном АПН где-то в середине 90-х годов, так же, как это происходило и со многими другими организациями, да и вообще со страной, спохватились, что утратили позиции, на завоевание которых ушли десятилетия и труды многих поколений журналистов этого агентства. И начали принимать меры по очередной «перестройке».

Но это уже другая история.

Папа был очень сдержан на людях. Многим, кто не знал его близко, он иногда казался суховатым, лишенным эмоций человеком. Я, конечно, чувствовала, что папа любит меня, гордится моими успехами в школе, в институте. Более того, я была, как мне иногда говорила мама, его любимицей. Но порой мне не хватало внешних проявлений этой любви.

Как я поразила недавно, когда мне в руки попало письмо, написанное папой маме в роддом в день моего рождения. Немного наивное, очень трогательное и полное любви.

«Родной мой Зайчонок!

Спасибо за дочку. Я еще не видел нашей Наташи, но знаю, что она самая лучшая на свете из всех Наташ. ... Ну вот, наконец-то свершилось! А ты боялась. Какая у нас замечательная Наташа. Уже один день от рождения, а весит целых 3 кило 600 грамм. Какая она из себя? Увидеть хоть бы одним глазком. Кричит она здорово, да? Ну и пусть. Это полезно... Привет и поздравления от всего отдела, от всего Совинформбюро, от всей Москвы, от всей страны, от всего Мира!

Поздравляю и благодарю тебя за все, родная. Крепко, крепко тебя целую и обнимаю. Крепко целую и свою дочку. Желаю вам обеим здоровья и скорее увидеть своего папку... Жду.

*Ваш Спартак.
13.XII.49»*

Вот тебе и малоэмоциональный человек!

Расскажу об одном эпизоде очень показательном для понимания характера отца.

Когда в 1972 году в Южной Азии образовалось новое государство – Бангладеш – я находилась в Индии, в Калькутте. Там, в генеральном консульстве СССР, работал мой муж Игорь. На первых порах после образования Бангладеш мы даже оказались в выигрыше. Возросло внимание Москвы к Калькутте – как-никак мы находились ближе всего к новому государству. Поскольку прямых рейсов в Дакку, столицу Бангладеш, сначала не было, большинство тех, кто должен был попасть туда, летело через Калькутту. Проездом из Москвы стало наведываться высокое начальства со Смоленской площади.

Заездам начальства я, положим, не очень радовалась, поскольку Игорь стал реже вовремя приходить с работы. Но приезду папы, также оказавшемуся в Калькутте проездом, я, естественно, обрадовалась гораздо больше. Папа

ехал в Дакку в качестве корреспондента агентства печати «Новости» (АПН), чтобы вести репортаж о торжествах, связанных с провозглашением независимости Бангладеш. Подозреваю, что вся идея с командировкой в Дакку понадобилась папе, чтобы иметь возможность повидаться с нами. Хотя, возможно, я и ошибаюсь. Отец никогда не гнушался поездками в самые «неблагодарные», с точки зрения удаленности, комфорта, климата, места и за свою журналистскую карьеру объездил едва ли ни весь мир. Но в тот момент я предпочитала не задавать подобных вопросов. Даже если не последним мотивом, подвигнувшим папу на эту поездку, и было желание увидеться со мной, он вряд ли признался бы в этом. Отец всегда избегал излишних сантиментов и никогда не афишировал своих чувств ни по отношению ко мне, ни по отношению к моим братьям.

Для меня приезд туда папы был большой радостью. Папа провел с нами всего полтора дня. Я впервые принимала его в качестве замужней дамы на своей «территории». Невзирая на отсутствие кухни, умудрилась накормить его ужином. Правда, по своему рациону этот ужин скорее напоминал перекус советских командированных. Он состоял из папой же привезенных шпрот и копченой колбасы, но разве это было главное? Главное, папа был у меня в гостях. Зато обедали мы на следующий день в лучшем французском ресторане, где я и сама была первый раз, но усиленно изображала завсегдатая. Благодаря машине, выделенной корреспондентам АПН (как-никак начальство пожаловало – папа занимал тогда пост заместителя председателя правления АПН), удалось показать и кое-что из калькуттских достопримечательностей. Короче, папа уехал, а я хотя и грустила после его отъезда, но испытывала и чувство гордости: я была в полной уверенности, что мне удалось продемонстрировать если не роскошную, то, во всяком случае, «красивую» жизнь его дочери в Калькутте.

Много лет спустя мы с папой как-то вспоминали эту нашу встречу в Калькутте, и он признался мне, с каким тяжелым сердцем уезжал оттуда. Его, немало повидавшего, поразила нищета Калькутты и убожество нашего быта в генконсульстве. Но тогда он ничего мне не сказал и был тысячу раз прав. Что бы это изменило? Ничего. Только расстроило бы

меня. Конечно, хотя я уже и привыкла к Калькутте, я видела все то, что так поражало всех, оказавшихся там впервые. Но Калькутта стала частью моей жизни. И в этой жизни было много, вызывавшего истинный интерес и доставлявшего радость. Да, зачастую мне бывало там тяжело, но в нашей семье не было принято ныть и жаловаться. Тем более, не стала бы я ныть в присутствии папы. Он сам никогда ни на кого и ни на что не жаловался и терпеть не мог, когда этим занимались другие.

Видимо, чтобы подбодрить нас, уезжая из Калькутты после посещения Дакки, папа, как бы мимоходом, обронил, что если где и есть грязь и нищета, так это в Дакке. Я думаю, что все мы в тот момент с облегчением подумали об одном и том же: «Как хорошо, что мы в Калькутте, а не в Дакке. Кому-то еще хуже, чем нам!» Не знаю, как у других, а мой жизненный опыт показывает однозначно – есть там наверху кто-то, кому по штату положено улавливать подобные мысли и наказывать тех, кто их генерирует. Стоило мне, услышав, положить, что кто-то тяжело заболел, подумать: «Слава Богу, не я этим больна!» – все, я могла быть уверена, что в скором времени я заболею именно этой болезнью. Позднее, увы, слишком поздно, я поняла, что нужно делать, для того, чтобы уменьшить угрозу неотвратимости наказания за черствость. Нужно постараться, собрав все свою волю в кулак (ибо это, ох, как нелегко!), действительно посочувствовать тому или тем, о ком рассказывают. Со временем вы, возможно, даже научитесь сострадать в подобных ситуациях. Это еще больше увеличивает шансы избежать опасности.

Но в тот момент, не наученные горьким опытом, по крайней мере, двое из нас подумали одно и то же, запретное. Куда уж было уйти от Судьбы!

Буквально через месяц после отъезда папы Игорю предложили перебраться на работу в Дакку. Игорь в институте изучал бенгальский язык, а в тот момент по всему миру разыскивали специалистов-бенгалистов для работы во вновь открывшемся посольстве СССР в Бангладеш. Ведь Бангладеш – это бывшая восточная часть Бенгалии. Там так же, как и в Западной Бенгалии, столицей которой является Калькутта, основным язык – бенгальский.

Мне страшно не хотелось ехать в Бангладеш. Калькутта – не сахар, а что же говорить о Дакке, про которую рассказывали, что ее и городом-то назвать трудно.

Я попыталась воспротивиться. Выдвинула условие: позвонить в Москву и посоветоваться с папой. Где-то в глубине души теплилась надежда, что папа, на которого Бангладеш произвела, мягко говоря, неблагоприятное впечатление, посоветует Игорю отказаться и, в случае чего, “прикроет” наше отступление с передовых позиций дипломатического фронта. Моим надеждам не суждено было оправдаться. Папа оказался верен себе. Он молча выслушал мой рассказ о происхождении. Уже в этом молчании я поняла приговор. Поэтому мой вопрос: «Папуля, что нам делать?» – прозвучал несколько панически. В ответ я услышала: «Ну что же, Наташенька, надо ехать. Не зря же государство пять лет учило Игоря бенгальскому языку». Лишь в не столь часто употребляемом папой ласкательном обращении – Наташенька – я услышала, как мне показалось, колебание и поняла, что папа сочувствует нам, вернее мне, переживает, но... долг превыше всего.

Дипломатический фронт... Возможно, употребив это ставшее стереотипным словосочетание, я невольно сама ответила на вопрос, почему папа, прекрасно отдавая себе отчет в том, что такое Бангладеш, не высказал даже сомнений в необходимости для нас ехать туда.

У папы, как и у многих людей этого поколения, сверхострое чувство долга. На мой взгляд, оно было развито сверх меры, до таких масштабов, когда уже подавляет естественное для нормального человека чувство самосохранения. Это и толкало таких людей, как папа, на поступки, которые в наше время могут показаться чуть ли не противоестественными.

Два эпизода, о которых шла речь выше: папино стремление во что бы то ни стало попасть на фронт в 1941 году и его отношение к перспективе нашей командировки в Бангладеш – вещи несопоставимые по масштабу. Но за ними стоит одно и то же мироощущение, в котором главное место отводится долгу.

При этом папа отнюдь не был сторонником системы, хотя он и не боролся против нее. Свой долг он видел в од-

ном – хорошо работать, держать марку профессионала, переданную ему по эстафете отцом – Иваном Бегловым. Отец критически относился к любого рода кампаниям. Когда к власти пришел Горбачев и выдвинул лозунг «перестройки» всех и каждого, папа сначала тоже отнесся к этому скептически. Помню, он тогда сказал: «Перестройка – что за ерунда такая. Почему я должен перестраиваться? Тот, кто работал хорошо, так и будет работать. А кто не работал – их перестраивай, не перестраивай – все равно работать не будут!» Потом, когда он понял, что это не просто очередная пропагандистская кампания, а реальная попытка изменить, улучшить систему, на смену скепсису пришло желание по возможности способствовать этому процессу. И тогда он попытался внести реальные изменения в работу группы политических обозревателей, которую он возглавлял в АПН.

После крушения коммунизма в нашей стране появилось множество людей, бивших себя в грудь и кричавших на всех перекрестках о том, что они всю жизнь были противниками коммунистической идеологии. Папа верил в то, что сама по себе она была неплоха, но ее воплощение в СССР оставляло, безусловно, желать лучшего. Когда мы как-то затронули эту тему в разговоре с ним, он сказал: «Я думаю, Россия была не лучшей страной, чтобы ставить в ней коммунистический эксперимент. Сама идеология родилась в Германии, и я думаю, что если бы изначально коммунизм начали строить не у нас, а в Германии, возможно, все пошло бы иначе и было бы создано нечто лучшее».

Папа никогда не принадлежал к разряду тех, для кого все указания сверху были, безусловно, правильными и не подлежали обсуждению. Он терпеть не мог ограниченность, начетничество, негибкость, физически страдал, когда приходилось сталкиваться с людьми, обладавшими этими качествами. Когда, например, ему предстояло совещание в Госкомитете СССР по делам печати, который долгие годы возглавлял Стукалин¹¹⁶, или в отделе международной ин-

¹¹⁶ Борис Иванович Стукалин – советский государственный деятель, председатель Государственного комитета СССР по печати (по делам издательств, полиграфии и книжной торговли), посол СССР в Венгрии.

формации ЦК КПСС, во главе которого в те годы стоял Замятин¹¹⁷, папа уже с утра пребывал в плохом настроении. А возвращался после него просто больной. Это были, пожалуй, те немногие фамилии, при произнесении которых отец просто кривился, как от зубной боли.

Обычно он не позволял себе при нас, детях, критиковать начальство. Впрочем, как никогда не критиковал он при нас и никого из своих коллег. Правда, я догадывалась, с кем из них ему легко работать, а с кем – не очень. Это было очевидно при проведении «круглых столов» международников на радио и телевидении. Папа, например, очень не любил участвовать в них, когда там присутствовал Юрий Жуков¹¹⁸. А если все-таки это случалось, и мама спрашивала потом о том, как прошла запись (большинство таких передач сначала записывались, а потом выпускались в эфир), папа болезненно кривился и отвечал: «Клеймили американский империализм! Чем еще можно в такой компании заниматься!»

Папа никогда не был и карьеристом. Чтобы не быть голословной, приведу один пример. Как я уже говорила, в тот период, когда мы находились в Калькутте, он был первым заместителем председателя правления АПН. И пробыл замом меньше двух лет. И не потому, что его сняли, как были уверены многие, кто знал его в это время. Он не захотел больше оставаться на этом посту. Начальство, в лице тогдашнего председателя агентства Буркова, довольно долго пыталось отговорить его от ухода с этой номенклатурной должности. Где это видано, чтобы человек отказывался оставаться начальником? Я, во всяком случае, за свою жизнь второго такого человека не встретила. В итоге «под папу» была создана должность главы группы политических обозревателей АПН. И я знаю, сделано это было не потому, что он просил об этом. Его вполне устроила бы и прежняя должность политическо-

¹¹⁷ Леонид Митрофанович Замятин – в 1970–1978 гг. – генеральный директор ТАСС; в 1978–1986 гг. – заведующий отделом международной информации ЦК КПСС. Позднее – посол СССР в Великобритании.

¹¹⁸ Юрий Жуков – политический обозреватель газеты «Правда», член ее редколлегии.

го обозревателя. По его словам, он был твердо уверен в том, что его истинное призвание не администрирование и канцелярская писанина, а творческая журналистская работа.

Он мне как-то признался, что в роли начальника его травмировала необходимость принимать решения, причинявшие страдания, боль или даже просто неудобство людям. Будучи начальником, ты волей-неволей вынужден вторгаться в жизнь подчиненных. А мы все знаем, что хорошие новости начальство сообщает реже, чем плохие. Одному сегодня ты не подписал отпуск, другому сказал, что на выходные вместо планировавшейся поездки на дачу, придется выйти дежурить. Третьему сообщил, что его должность будет сокращена. Говоря это, папа вдруг задумался, а потом сказал: «Ты знаешь, возможно, я мальчишкой нахлебался этого командования. Когда убили нашего очередного начальника батальона, то меня, девятнадцатилетнего, назначили начальником батальона. И мне не раз и не два приходилось поднимать людей, вдвое старше себя, в атаку. И я знал, что каждый раз я, возможно, обрекаю кого-то на смерть. Я до сих пор не могу забыть этого».

Не меньше, чем приказывать, папа не любил и просить. Если ему и приходилось обращаться к кому-то с просьбой, то каждый раз это стоило ему больших усилий. Уже накануне разговора, в котором ему предстояло выступить просителем, можно было об этом догадаться. Папа ходил сумрачный и нервный.

– Кстати, может быть и в Калькутте, а значит и в Бангладеш, мы не оказались, если бы не эта папина почти болезненная нелюбовь к роли просителя. Уже находясь в Бангладеш, приехав в Москву на побывку, я как-то случайно наткнулась, гуляя на даче, на одного папиного знакомого, которого мы все знали давным-давно. Раньше мы регулярно встречались здесь же, в Опалихе, где несколько лет подряд папа снимал дачу. Я никогда не интересовалась тем, кто он и что он – так, какой-то невзрачный мужичок. Тут, увидев меня, он обрадовался и стал расспрашивать, куда это я поехала и почему он меня так давно не видел. Да, меня не было последние годы в Москве, я была в командировке с мужем, – ответила я.

– Да, а муж у тебя где работает? – поинтересовался мужчина.

– В МИДе.

– В МИДе? Надо же, я и не знал, – с ноткой удивления сказал он.

– А почему Вас удивляет, что Вы не знали? – настал мой черед удивляться.

– Ну, как же, – я же в МИДе работал, это я сейчас на пенсии. Как раз курировал новые кадры, поступавшие из МГИМО. Твой-то, в какой отдел попал?

– В отдел Южной Азии.

– Да? А в командировке Вы где были? В хорошем месте?

– В Калькутте, а потом в Дакке.

Когда папин знакомый это услышал, он с таким недоумением уставился на меня, что мне стало неловко, как будто меня уличили в чем-то очень неприличном.

– Да? И Спартак не сказал мне об этом?

– А что можно было сделать? – я попыталась успокоить себя и его. – У Игоря же бенгальский язык.

Наверное, мне стало бы легче, скажи он: «А, бенгальский, тогда действительно, ничего не поделаешь».

Но вместо этого я услышала:

– Бенгальский, ну и что? Это, конечно, тяжело, но не смертельно. Люди и с суахили в Вашингтон попадают. Да, Спартак дает. Даже от него я такого не ожидал, – ответил знакомый, явно расстроенный таким непонятным, по его мнению, поведением моего отца.

Может быть, первый раз папа и попытался нам помочь именно вскоре после того, как я рассказала ему об этой встрече. Мне до сих пор неприятно вспоминать о том, что папе пришлось пережить тогда. После того разговора он не мог прийти в себя несколько дней. И это случилось по моей вине. И по вине все того же Бангладеш.

Мы сидели в Дакке уже четыре года. А вместе с Калькуттой получалось шесть лет в Южной Азии. Хотя, когда нас переводили туда из Калькутты, обещали, что мы лишь отбудем оставшийся нам до окончания командировки год. И я, и Игорь к тому моменту обзавелись уже комплектом почти неизбежных в таких странах болячек и мечтали вырваться

домой. Но московское начальство на все просьбы о замене отвечало: потерпите, замены нет.

Воспользовавшись своим приездом в Москву, я «надела» на папу и уговорила его отправиться с визитом к одному высокому МИДовскому начальнику, которого он хорошо знал, чтобы испросить «добро» на наш отъезд. Вернулся папа просто больной – посеревший и постаревший. Он долго отмалчивался и отнекивался на наши уговоры рассказать, что произошло.

– Да, такого позора за всю свою жизнь не переживал, – попозже вечером все-таки признался он. – Прихожу, объясняю и прошу, чтобы помог организовать замену и ваш отъезд. А он мне в ответ:

– Спартак, как ты можешь? Вот мы с тобой, – разве за нас кто-то просил? Мы всего сами добивались и были там, где Партия прикажет.

– Ну и прочее в таком же духе. А потом еще и совсем доконал:

– Вот, моего сына направляют в Алжир. Ну и что! Пусть едет! Раз надо, так надо!

– В общем, опозорился я, – грустно завершил папа.

Надо сказать, что сын вышеупомянутого начальника действительно поехал в Алжир. Но только всего через год, как по велению волшебной палочки, оказался в Париже.

Папа не только не любил просить, но не терпел вообще никаких хождений в бюрократию. Именно поэтому он и сам не смог и не захотел заделаться бюрократом. Я думаю, эта нелюбовь у него от его отца, от деда Ивана. Но если дед просто отгородился от мира и целиком ушел в работу, то папа не мог себе этого позволить. Большая по нашим временам семья – жена, теща, трое детей – требовала забот, внимания, усилий и хлопот.

Дед был, как сейчас модно говорить, трудоголиком, он был одержим работой. Папа, слава Богу, им не стал. Работал он всегда очень много, но умел и отдыхать. Он всегда любил музыку, долгие годы был заядлым филателистом, обожал ходить на лыжах, катался на них и в старости. Любил футбол. Болел, естественно, за команду «Спартак»; мы с ним часто ходили на стадион. Когда эта

команда проигрывала, переживал так, что мне больно было смотреть.

Папа мог посидеть за столом в компании интересных людей, поговорить о политике, о спорте, о последних театральных новинках. А вот выпивать он не любил и не умел. Алкоголь действовал на него как снотворное. После нескольких рюмок водки его начинало клонить ко сну, да он и не особенно жаловал водку, предпочитал вино. За всю жизнь я лишь однажды видела его, что называется, перебравшим. На свою свадьбу. В середине праздника папа вдруг исчез, его не было ни за столом, ни в зале ресторана. Отмечали мы это событие в летнем ресторане «Эрмитаж». В то время – дело было в 1970 году – там еще не было все так застроено и засажено, как сейчас. Деревянное здание ресторана окружал довольно дикий парк. Я вышла на улицу и пошла по дорожкам. Вдруг вижу, на одной из аллей на лавочке кто-то лежит. Подошла, – а это папа. Свернулся калачиком на лавке и так мирно поспывает. Разбудила его, мы немного погуляли по аллеям, ему стало лучше, и мы вернулись обратно в зал. Почему-то ото всей свадебной церемонии в «Эрмитаже» мне больше всего запомнились два эпизода, и оба происходили на улице. Первый – когда мы торжественно шли от машины по аллее сада к ресторану, а с обеих сторон стояли гости и кидали лепестки роз. И второй – этот эпизод с папой. А все, что было в зале – застолье, речи, танцы, – все стерлось из памяти.

Возможно, в силу своих не очень больших способностей по линии выпивки, папа не был любителем посиделок в чисто мужских компаниях. Он очень редко ходил один в Дом журналистов. Вообще не очень любил рестораны. Конечно, при том, как готовили мама и бабушка, его можно понять. Дома всегда было вкуснее, чем где бы то ни было. Но папа вообще не был гурманом. По большому счету ему было неважно, что он ест. Приезжая с работы на обед, он садился за стол и, думая о чем-то, быстро-быстро заглатывал еду. Сколько раз за столом происходили такого рода диалоги:

– Спартак, ну как, вкусно? – спрашивает мама.

– Очень вкусно, спасибо, – отвечает папа, доедая сладкое.

– А что ты ел? – уже заранее, зная дальнейшее развитие событий, допытывается мама.

– Я? – тут папа, наконец, отвлекается от своих мыслей и смотрит удивленно на маму. – Я ел...

– Так, опять – двадцать пять, – возмущается мама. – Ты снова не заметил, что ты ел. Вот и готовь тебе после этого.

– Ну, зайчик, главное, что это было вкусно. А что – это не так важно, – находится папа. – Ну, извини, я бежать должен. Пока.

Однажды с папой произошел просто анекдотический случай. В шестидесятых годах он как-то сопровождал Хрущева в поездке по Вьетнаму. На каком-то государственном банкете он, как всегда, слушал то, что говорили выступавшие, по ходу дела записывал в блокнот и параллельно беседовал с сидевшими рядом людьми, обращая мало внимания на то, что подавали. Вдруг, зачерпнув что-то из поставленной перед ним пиалы и засунув ложку в рот, он понял, что не может проглотить содержимое. Ему пришлось, извинившись, бегом отправиться в туалет. Выплюнув в раковину дико приторную и странную на вкус субстанцию, он вернулся и решил все-таки ознакомиться с меню, лежавшим перед ним. Там, в разделе десертов, значилось приблизительно следующее: «Растопленный жир лягушки в сиропе». Папа даже привез это меню в Москву и показал нам, но потом оно потерялось, и я не ручаюсь за точность формулировки. Могу утверждать лишь одно: это был десерт на базе чего-то очень экзотического и там присутствовали слова «лягушка» и «сироп». С тех пор у нас дома, если кто-то хотел обозначить высшую степень несъедобности блюда, он говорил:

– Послушайте, но это же «растопленный жир лягушки в сиропе»!

По-моему, прием во Вьетнаме был первым и последним случаем в его жизни, когда папа не смог съесть что-то, поданное ему.

На рыбалки папа, если и ходил, то только за компанию с моим младшим братом Олегом – страстным рыболовом. Зато очень любил ходить за грибами.

О том, как мы собирали грибы в Англии, я уже рассказывала, но еще мне запомнились наши грибные походы на Валдае, который был самым любимым папиным местом отдыха. Я тоже больше всего любила ездить летом в дом отды-

ха «Валдай», находившийся в ведении 4-го Главного управления Министерства здравоохранения. Природа там была уникальная: мощные, еще довольно дикие, леса и многочисленные озера, плавно переходившие одно в другое. К тому же и здание, вернее, несколько зданий, в которых располагался дом отдыха, имело интересную историю. Изначально дача, построенная в 1939 году, предназначалась для Сталина. Поэтому и архитектура выдержана в его вкусе – псевдоклассицизм. Она очень напоминает так называемую «ближнюю дачу Сталина», находившуюся в Кунцево. Одноэтажное желто-белое строение очень хорошо вписано в пейзаж и не раздражает глаз. Там находились комнаты вождя. Есть еще несколько пристроек, сделанных позднее, но в том же стиле, и незаметные подсобные строения. Дача расположена в центральной части большого полуострова на берегу озера Ужин. В нескольких местах, на холме, откуда открывался потрясающий вид на озеро, стояли крытые беседки. Казалось, было найдено идеальное место для отдыха вождя, но Сталин, как рассказывают, отказался даже там ночевать. Приехав на дачу, он, якобы, заявил, что это настоящий капкан – место слишком изолированное, оттуда сложно выбраться в случае опасности. Действительно, от железнодорожной станции Валдай до нее надо добираться на машине около часа. Правда, как я узнала не так давно, из подвала к причалу озера ведет подземный туннель. Но, видимо, этого Сталину тоже показалось недостаточно. Довольно долго эта загородная резиденция большую часть времени пустовала, пока не было решено открыть там дом отдыха.

Приехав на Валдай в середине 1990-х годов после длительного перерыва, я была просто шокирована, увидев на территории нового многоэтажного уродца из красного кирпича. Не знаю точно, когда его построили, видимо, в конце 80 – начале 90-х годов.

В 60-е годы, когда мне повезло отдыхать там с родителями, все еще было так, как планировали его создатели изначально. Даже по лесу вокруг дачи можно было гулять бесконечно. Но еще лучше было взять лодку, оплыть немного по озеру в любую сторону и выйти на берег, где вас ожидал уже по-настоящему дикий лес.

Это было место, где ничего не надо было искать, а надо было именно собирать. Если был период черники – то чернику гребли особой лопаточкой, у которой край был, как у расчески, с зубьями. Если появлялась клюква, то мы просто ползли с кочки на кочку по болотистой равнине с таким же совочком. Были, соответственно, периоды малины, земляники. Но, пожалуй, самым любимым был период, начинавшийся ближе к осени, когда шли грибы. Днем мы их собирали, а по вечерам все спускались вниз, к озеру, где стояли специально построенные печки и столы. Все дружно чистили грибы, женщины их жарили на огромных сковородах, а потом ужинали большими компаниями. Часто там же жарили пойманную рыбу или варили уху. Папа так любил Валдай, что готов был ездить отдыхать только туда. И лишь под давлением мамы, которой на Валдае надоедала бесконечная чистка, варка, жарка и засолка, соглашался иногда поехать на юг, к морю. Там он подолгу плавал – папа был замечательным пловцом, он плавал много и с удовольствием. Именно от него я унаследовала эту страсть. Как и он, могу плавать, как, смеясь, говорит мой муж, в любой луже.

Кстати, именно на Валдае со мной произошел забавный эпизод. Мы отдыхали там с мужем последний раз, как я уже писала, в середине 90-х годов. Я, как всегда, подолгу плавала в озере. Когда-то именно папа прирастил меня там к своеобразным заплывам. Начинали мы их на пляже, около дома отдыха, плыли по озеру, петлявшему среди островков, иногда выходили где-то на берег отдохнуть, плыли дальше и возвращались с другой стороны часа через два.

И вот однажды, вернувшись после такого заплыва и выйдя из воды, я увидела странное зрелище. Наши друзья и другие отдыхающие, стояли на берегу, жестикулировали, что-то бурно обсуждали. А по озеру плавали две лодки, в которых находились мужчины с баграми. Я подошла к группе, стала сзади и наблюдала, не понимая, что происходит. Наконец я не выдержала.

– А что здесь происходит? – спросила я одну из наших знакомых, стоявшую ко мне спиной.

– Да вот ищем, человек пропал, – ответила она, не обочиваясь.

– А кто это? – решила уточнить я.

– Да женщина одна...

И тут она обернулась, всплеснула руками, а потом как закричит:

– Вот она, здесь!

Все обернулись ко мне. Смотрели сначала с недоумением, а потом, поняв в чем дело, с радостью. Лишь мой муж смотрел на меня почти со злостью. Потом подошел ко мне и процедил сквозь зубы: «Ненормальная!» Схватил меня за руку и потащил домой.

Вечером мы отмечали мое «спасение». Оказалось, что Игорь отлучился куда-то еще до моего заплыва. Наши знакомые, не были осведомлены о моей привычке уплывать надолго. Через час после моего исчезновения они начали волноваться, а через полтора часа забили тревогу, решив, что я, возможно, утонула. Разыскали Игоря. Поскольку точно никто не помнил, когда я уплыла, то напугали и его, заявив, что это было очень давно. Вызвали спасателей, которые уже полчаса пытались отыскать мое тело. Конечно, мы много смеялись в тот вечер. Но впредь, приезжая на отдых с людьми, не осведомленными относительно моих заплывов, я всегда предупреждала их заранее о том, как долго я собираюсь пробыть в воде. И старалась возвращаться вовремя, чтобы не заставлять людей нервничать. Правда, несколько лет назад, уже на Карибах, мой муж все-таки еще раз искал меня со спасателями. После чего я дала честное слово никогда не плавать дольше часа.

Папины занятия спортом резко сократились еще в конце 80-х годов. Даже на лыжах он катался все меньше и меньше. У него начались серьезные проблемы с ногами. Даже пешие прогулки становились все короче. Пришлось делать операцию. Она мало помогла; два года папа практически не мог ходить. Потом наступило некоторое улучшение, но в новый век отец вступил уже, опираясь на палочку. Активный отдых ушел в прошлое. Его заменило чтение и работа. Папа во всем старался найти позитивное. Как-то он мне сказал: «Представляешь, как мне повезло. У меня такая работа, что я могу до сих пор ею заниматься! Ноги не ходят – ну и не страшно! Сиди себе за столом и пиши!» И он писал практически до последних дней жизни.

Сразу же после ухода на пенсию, в декабре 1991 года, папа получил приглашение от декана факультета журналистики МГУ, Ясена Николаевича Засурского, преподавать на этом факультете. Папа с большим уважением относился к Засурскому, возглавлявшему этот факультет много – много лет. Они хорошо знали друг друга, так как отец в течение более 30 лет, параллельно с основной работой, занимался научной и преподавательской деятельностью на этом факультете. Он очень уважал Ясена Николаевича и всегда отзывался о нем с большим теплом. Он продолжал ходить на лекции и заседания деканата, даже когда был уже очень болен. Каждый выход из дома давался ему с большим трудом. Превозмогая боль, вставал, одевался и ехал в университет. На метро, поскольку водить машину он уже не мог. На все наши уговоры остаться дома он неизменно отвечал: «Как же я могу подвести Засурского? Я обещал прочитать лекцию (выступить, принести рецензию, участвовать в обсуждении диссертации, монографии – причины могли варьироваться), я не могу его подвести».

В 2002 году вышла его последняя книга – «Четвертая власть: британская модель» о пятисотлетней истории печати Великобритании. Недавно, уточняя год выпуска этой книги, зашла в Интернет и увидела вот такое послание: «Товарищи! Я пишу реферат по теме «История «Financial Times»». Как оказалось, простая формулировка скрывает за собой полное отсутствие какой-либо информации. Последняя надежда – книжка С.И. Беглова «Четвертая власть: британская модель», которой нет у меня дома, но где наверняка есть то, что мне надо. Так вот, если кто-то знает, где найти текст этого учебника в Интернете – поделитесь, пожалуйста, ссылкой!» Папины книги до сих пор востребованы!

В отличие от деда папа написал несколько книг. Но вот что интересно. Его докторская диссертация, защищенная в 1969 году – об особенностях концентрации западной прессы. Выдержавшая два издания книга «Монополии слова» (1969 г. и 1972 г.), книги «Мир прессы и пресса мира» (1975 г.), «Империя меняет адрес» (1997 г.) – все тоже о печати. Преподавал он всегда тоже историю печати. Как и дедушка, папа всю жизнь оставался верен одной раз и на-

всегда выбранной теме. И работал отец всю свою жизнь – сорок лет – в одной организации. Просто сначала она называлась Совинформбюро, а потом АПН. Выходит, что папа у нас однолюб – и в работе, и в творчестве, и вообще «по жизни», как это модно теперь выражаться.

Не так давно я опубликовала очерк об отце в популярном электронном журнале «Лебедь», издающемся в США. Мой материал вызвал много комментариев. Кому-то очерк не понравился. Ну что же, у всех нас разные вкусы, ценности, точки отсчета. И это нормально, иначе было бы неинтересно жить. Другим не понравился мой отец. Были люди, написавшие, что им неинтересны воспоминания о каком-то сером чиновнике от журналистики советских времен, – они его не знали и знать не хотят. Тут я чувствую свою вину: если из моего очерка не явствует, что папа был, как минимум, неординарным человеком, значит, я не справилась со своей задачей – не донесла эту мысль.

Но я была поражена количеством теплых откликов об отце от людей, помнивших его. Были и те, кто рассказал о неизвестных мне эпизодах из его жизни. Они выражали благодарность за то, что я написала об одном из интересных и порядочных людей, которых было немало и в самые застойные времена.

Вот лишь два комментария к моей статье.

«Мне Спартак Беглов запомнился честным и умным журналистом. Ему, конечно, приходилось нелегко, но его телепередачи подкупали искренностью и вполне понятной недосказанностью».

«Со Спартаком Ивановичем мне довелось пообщаться дважды в период становления газеты «Воздушный транспорт». В то время я работал в отделе иллюстрации. Как и для всех газет того времени, АПН был источником и кормильцем журнально-газетной братии. Впечатления мои от встреч с Бегловым не забуду никогда. Наиприятнейший и обаятельный человек. Простой и доброй души, готовый на любую помощь. Он обладал кругозором два раза по 360 градусов».

Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Профессор, доктор исторических наук. Ветеран труда. Награжден орденом Отечественной войны первой степени, орденом Красной Звезды, тремя орденами Трудового Красного Знамени, двумя орденами Дружбы народов, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими медалями. Лауреат премии им. В. Воровского за лучшую работу в области международной журналистики (1976 г.) Лауреат международной премии «Золотой Меркурий» (1977 г.). Папа иногда говорил полушутя-полусерьезно: «Мне всю жизнь приходится равняться на мое незаурядное имя – Спартак».

Я долго думала – перечислять ли все эти его регалии. Я человек, которому уж если что и чуждо, то это пафос и патетика. Поэтому мне хотелось понять, добавляют ли они что-то к моему рассказу о нем? А потом решила – да, добавляют. В глазах людей нашего поколения многие награды и звания обесценились. Мы с иронией смотрели на брежневский «иконостас», у нас вызывало аллергию перечисление почетных званий многих сильных мира сего. А что сейчас? Развелось огромное количество Академий – при большом желании, деньгах или связях вы без труда получите звание «академика». Многочисленные фонды, организации, благотворительные, дворянские и прочие общества штампуют почетных членов и навешивают на них какие-то замысловатые медали и ордена. Что вы скажете, например, узнав о награждении кого-то из ваших знакомых золотой медалью Екатерины Дашковой? Звучит впечатляюще. Пыл ваших поздравлений, возможно, несколько остудит лишь то, что этой медалью награждают за достижения в области... снижения веса.

Процесс обесценивания званий, регалий продолжается. Но тем почетнее те награды, которые достались человеку не по праву силы, денег, влияния, а, как ни банально это звучит, по заслугам. Тем более те, на которых, если повнимательнее приглядеться, еще можно увидеть капельки засохшей крови, пролитой этим человеком.

Грибы, яблоки и черный хлеб

Если разобраться, то та, кого я называла тетей Инной, не была даже моей родственницей. Правда, она заменила мне родную бабушку, папину маму, умершую, когда я была совсем маленькой. Но если придерживаться реалий генеалогических, то нашим родственником был лишь дядя Митя, хотя отдаленную степень его родства с отцом, я так и не смогла уяснить. А тетя Инна была просто женой дяди Мити. Но для меня, да и для всех, кто был с ними знаком, именно тетя Инна была центром притяжения в этой супружеской паре. Высокая, статная, державшаяся всегда очень прямо, с умным волевым лицом, которое для тех, кто не знал ее, казалось даже суровым, она невольно привлекала к себе взгляды, где бы ни появлялась. Единственный диссонанс в ее облик вносила собачка – малюсенькая, хрупкая, казалось, наголо остриженная, которую тетя всегда носила на руках. Эту собачку – какой-то очень экзотической и редкой породы, вечно дрожавшую от холода и на всех тывкавшую – большинство родных и знакомых дружно не любили и терпели ее неизбежные появления лишь из уважения к тете Инне.

Не прилагая к этому никаких видимых усилий, никогда не повышая голоса, сохраняя невозмутимость, даже когда ее теряли представители сильного пола, тетя стала самым уважаемым членом нашего семейного клана. Именно ее прихода в гости ждали, именно ее ехали навестить летом на дачу, а зимой в маленькую коммунальную комнатку недалеко от Комсомольской площади, где на входной двери было, как минимум, восемь звонков. Именно ее мнения хотели услышать, именно к ней обращались за советом и помощью.

Иногда было достаточно одного ее слова, фразы, чтобы все стало на свои места. Так было, например, когда я вернулась из Англии. Я долго скучала по этой стране, по своей жизни там. И, рассказывая о Лондоне, то и дело говорила: «У нас в Лондоне». Однажды тетя, услышав это, внимательно посмотрела на меня и сказала: «Не у тебя, а у них». И одной этой фразы вдруг оказалось достаточно, чтобы по-

нять: лондонская жизнь – в прошлом, – и это уже не моя жизнь. Моя – Москва, новая школа, новые друзья.

А в другой разхватило пары фраз на моем восемнадцатилетии, чтобы поставить все точки над “i” в отношениях с молодым человеком, с которым я тогда встречалась.

В тот раз я впервые созвала большую компанию сверстников. Родители согласились удалиться, чтобы не смущать молодежь своим присутствием. И вдруг тетя заявила, что она обязательно придет поздравить племянницу. Я пыталась намекнуть на то, что можно это сделать на следующий день. Но тетю, если она что-то решила, не переубедишь. «Зайду ненадолго, поздравлю и уйду!» И все тут. И пришла.

Я как раз переживала очередную стадию выяснения отношений с моим другом. Вроде и он меня очень любил, и я была в него, как мне казалось, влюблена. Но отношения не ладилась. Мы то ссорились, то мирились, то сходились, то расходились. Я уже понимала, что ничего хорошего из этой истории не выйдет, но все надеялась: а может, он все-таки изменится и поймет – нельзя постоянно даже в мелочах доказывать свое мужское превосходство и силу, добиваясь от меня полного подчинения.

В тот вечер мой знакомый превзошел себя. Он, видимо, решил, что наилучший путь укрепить отношения – это со всей очевидностью продемонстрировать силовые, «мужские» черты характера не просто на людях, а в присутствии ближайших моих друзей. Не выдержав его очередной бестактности, я сделала ему замечание. Он поднялся, оделся и, демонстративно хлопнув дверью, ушел. Стук двери был, как пощечина. Впервые я чувствовала себя такой униженной. От праздничного настроения не осталось и следа. Но поскольку остальные тактично пытались делать вид, что ничего не заметили, и продолжали веселиться, я вернулась в гостиную. Правда, тут же убедилась: некоторые прекрасно видели, что произошло. Меня вдруг пригласил танцевать ближайший друг моего молодого человека и, нимало не смущаясь, предложил заступить на место своего приятеля, если оно освободилось.

Я думала, что, по крайней мере, тетя ничего не заметила. Она не обращала, казалось, ни на кого особого внимания

и мирно беседовала на кухне с бабушкой, оставшейся дома, чтобы помогать хозяйствовать. Однако, уже одевшись и прощаясь, тетя вдруг сурово посмотрела на меня и сказала.

– Я тебя не понимаю. У тебя что, гордости нет? И вообще – это типичное не то.

Она ушла, а мне почему-то действительно сделалось стыдно и, главное, вдруг все стало просто и ясно. Я тут же села на кухне за стол и написала довольно оскорбительное послание своему кавалеру, ставящее последнюю точку в наших отношениях.

Каждый человек ассоциируется у нас с какими-то событиями, с периодом нашей жизни или с какими-то вещами. Тетя Инна ассоциировалась у меня с грибами, яблоками, черным хлебом, ландышами и антиквариатом. Вот такой странный «суповой набор», как любил говорить один мой родственник. Казалось бы совершенно не связанные между собой вещи. И, тем не менее, каждая из них по отдельности и все вместе они неизбежно вызывали у меня в памяти образ тети.

Сначала были грибы. Одно из самых ранних детских воспоминаний. Я с тетей Инной на полянке в лесу. Веревоочный гамак между двумя соснами. Запах хвои. Влажный, но еще по-летнему теплый воздух. Тетя уходит куда-то и через пару минут, вернувшись, зовет меня: «Пойдем, я тебе что-то покажу». Мы выходим на соседнюю полянку, и я вижу удивительной красоты коренастый крепенький, как на картинках в моих книжках, боровичок. А какой у него упоительный дух! Свежий – и в тоже время земляной, с примесью запаха плесени. А вон еще, и еще один. Ой, какой красивый!

– А ты поищи, здесь еще много, – говорит тетя Инна, – давай, кто больше найдет.

И вот мы уже разбрелись в разные стороны. А грибов – ужас сколько. Не успеваю я срезать один, как вижу уже другой. Эхо разносит по всему лесу мои неумные восторги: «Ой!», «Еще один! Еще!» Тети Инны не слышно – и я волнуюсь. А вдруг у нее больше. Так и есть! Когда мы, наконец, сходимся на полянке, моя кучка выглядит жалкой по сравнению с внушительной горкой тетиных белых. Общий

урожаем внушительен – 130 штук. Цифра запоминается, поскольку перекликается с моим днем рождения – тринадцатого числа. И это в рощице, находящейся всего в каких-то двадцати минутах неспешной ходьбы от дачи.

Потом я еще часто приезжала с родителями осенью к тете Инне на дачу, по грибы. С пустыми руками мы никогда не возвращались. Но тот наш с тетей урожай оказался непревзойденным и вошел в анналы истории семьи.

Тетя жила в поселке Правда, в шести километрах к северу от Пушкино, рядом с одноименным селом на Ярославском шоссе по дороге в Загорск. Я уже упоминала этот поселок, рассказывая о папе. Именно там прошли его детство и юность.

Дачный поселок наступал. Тот лес, куда раньше выбегали на полчаса набрать грибов на ужин, превратился в парк, где чинно гуляли нарядные дачники. В настоящий лес приходилось забираться все дальше и дальше. Уходили в «старый бор». Чтобы попасть туда, надо было проходить заросшие травой и деревьями развалины кольцовского города.

Михаил Кольцов – блестящий журналист, подававший надежды писатель... Я никогда не видела его фотографий. Но почему-то всегда представляла его молодым и красивым, с гордо закинутой назад головой и пламенным взором. В моем воображении только такой человек мог загореться мечтой построить вокруг Москвы современные города-спутники. Позднее романтический образ Кольцова несколько померк в моих глазах. Особенно после того, как мне случайно попались на глаза выдержки из его статьи в газете «Правда», в которой он с пафосом превозносил героические усилия тогдашнего главы ГПУ Ежова по разоблачению происков фашистских приспешников внутри страны. Но тот, романтический Кольцов из детства, все-таки продолжал мирно уживаться в моей душе с новым, более прозаическим образом журналиста-конъюнктурщика.

В мемуарах отца подробно рассказывается о том, как возникла и была реализована идея постройки базы отдыха для трудящейся Москвы.

«Как раз в пору моего отрочества на весь мир прославился французский архитектор-конструктивист Ле Корбюзье¹¹⁹: спроектированные им жилые и офисные здания украшают многие города мира – от Парижа и Марселя до Рио-де-Жанейро и Чандигарха¹²⁰.

А в СССР, примерно в то же самое время, знаменитым стал некий Михаил Ефимович Фридлянд (родившийся в 1898 г. в Киеве). Впоследствии его младший брат Борис прославился своими карикатурами на темы международной политики, которые публиковали в журнале «Крокодил», в еженедельнике «За рубежом», в газетах «Известия», «Труд» и в других изданиях под псевдонимом «Б. Ефимов»¹²¹. Михаил взял себе псевдоним «М. Кольцов», работал уполномоченным российского МИДа, РОСТА¹²² и других ведомств на фронтах Гражданской войны, а в 1920 г. обосновался в редакции издательства «Правда». Кольцов слыл любимцем Марии Ильиничны Ульяновой, младшей сестры Ленина и ответственного секретаря этого издательства. Любить Кольцова было за что: об этом свидетельствовали сотни благодарственных откликов на его корреспонденции, а также всенародная популярность его фельетонов и прямых общественных инициатив. Михаил Кольцов инициировал многие важнейшие начинания, в том числе, например, создание советской гражданской авиации и организацию перелетов на дальние маршруты. Помимо этого, он был идейным вдохно-

¹¹⁹ Charles Eduard Jeanneret, псевдоним – Le Corbusier (1887–1965). Особо прославился созданием многоэтажной «жилой единицы» (1952 г.) – современного городского многоквартирного дома.

¹²⁰ Город в Индии (с 1951 г.): административный центр одноименной союзной территории, а также столица штатов Пенджаб и Харьяна. Построен по генеральному плану Ле Корбюзье.

¹²¹ Борис Ефимович Ефимов (Фридлянд) умер в Москве 1 октября 2008 г., отметив 28 сентября свое 108-летие.

¹²² Российское телеграфное агентство (1918–1925), впоследствии ТАСС (до 1991 г.).

вителем таких новых печатных изданий, как журнал “СССР на стройке” или еженедельник “За рубежом”, а также некоторых книжных серий — в том числе “Жизнь замечательных людей”, которая издается до сих пор. Но больше всего откликов у читателей вызывали его статьи, посвященные острейшим проблемам внутренней и международной жизни.

И вот случилось так, что в конце 1920-х годов Ле Корбюзье оказался в Москве, проектируя новое здание Наркомата легкой промышленности¹²³. Разумеется, вездесущий спецкор “Правды” не мог оставить без внимания такое событие. В ходе общения советского журналиста с французским архитектором обнаружилось полное совпадение их взглядов на проблему загородного отдыха рабочих и служащих. Кольцов и Ле Корбюзье прибыли на платформу Братовщина: по обе стороны от железной дороги высились вековые “корабельные” сосны; лесной массив уходил далеко за горизонт, к бескрайнему таежному морю где-то далеко на севере. Решение назрело само собой: именно здесь и быть Зеленому Городу! Вскоре Михаил Кольцов, при поддержке Марии Ульяновой, стал инициатором открытия Дома отдыха издательства “Правда” (железнодорожная платформа потом стала называться так же), а в начале 1930 года он лично возглавил оргкомитет этого строительства. Через некоторое время начал выходить еженедельник “Зеленый Город”. В статьях Кольцова освещались проблемы стройки: открытие кирпичного завода и лесопромышленного комбината, возведение спортивных сооружений, прокладка лесных просек вокруг поселка, создание “культурбазы” с киосками и павильонами, и т.п.

Конечно, “Зеленый Город” был лишь частичкой кипучей деятельности “журналиста номер один”. Шли суровые годы, на передний план выдвигались главнейшие проблемы международной политики. Фамилия Кольцова все чаще стояла под корреспонденциями из Праги, Будапешта,

¹²³ Мясницкая улица, дом 39; ныне здание Госкомстата Российской Федерации.

Парижа, Мадрида. Теперь, вместе с Максимом Горьким, Ильей Эренбургом, Алексеем Толстым и другими советскими писателями, он направляет свое перо на борьбу с фашизмом.

Вернувшись в конце 1938 года из Испании, откуда он вел репортажи о Гражданской войне¹²⁴, Кольцов встретился со Сталиным на приеме в Кремле в честь 21-й годовщины Октября. Вождь подошел к нему с бокалом в руке и сделал комплимент: “Вы теперь самый популярный человек в Союзе!” Но, по воспоминаниям его брата Бориса, Михаилу почудилось во взгляде Сталина что-то недоброе, вызывавшее тревогу... Вскоре Кольцов был арестован и навсегда исчез в бериевских застенках¹²⁵».

Кольцова постигла та неумолимая участь, которая была уготована в то время многим незаурядным людям, осмелившимся к тому же быть слишком на виду. Вслед за Кольцовым канула в Лету и мечта о советских городах Солнца.

Именно в районе Зеленого Города много лет спустя и поселилась тетьа Инна. В это время железнодорожная платформа и поселок уже назывались Правда, как и дом отдыха издательства. Могу подтвердить, что воздух там действительно уникальный. Когда на меня накатывались волны головной боли, не проходившей по нескольку дней, я знала: единственное спасение – ехать на дачу к тете Инне. Стоило

¹²⁴ Крупнейший вооруженный конфликт в истории Испании (1936–1939). Противостояние социалистического Народного фронта во главе с Ф. Ларго Кабальеро и правой партии Испанская фаланга во главе с генералом Ф. Франко Баамонде окончилось разгромом Испанской Республики (1931–1939) и установлением личной диктатуры Франко (1939–1975). Этим событиям посвящена последняя, самая известная книга М. Кольцова «Испанский дневник».

¹²⁵ Михаил Кольцов арестован 14 декабря 1938 г. и (по официальной версии) расстрелян 2 февраля 1940 г. Его младший брат Борис никаким репрессиям не подвергался ни разу (см. сноску 16).

войти в сосновый бор, начинавшийся практически сразу же через дорогу от дачи, как головная боль начинала отступать.

Яблоки... Нигде и никогда я не ела таких вкусных яблок, как у тети Инны на даче. Хотя в этом была скорее заслуга ее мужа – дяди Мити, страстного садовода. «Грушовка», «анисовка», «коричное»... и какие-то другие сорта, но с такими же уютными и удивительно русскими названиями. Бедные, они вынуждены были отступить под натиском всех этих интернациональных «гала», «голден» – таких красивых, долго хранящихся и... таких безвкусных.

Тетя прилагала героические усилия, чтобы не дать пропасть хотя бы части урожая. Она варила повидло и мармелад, заставляла все подсобные помещения банками с вареньем и соком. Зазывала осенью на дачу всех мыслимых и немыслимых родственников, друзей и просто знакомых. Каждый уезжал, сгибаясь под тяжестью сумок, наполненных яблоками. И, тем не менее, они пропадали. Осенью, входя в дом, вернее, на веранду, вы должны были пробираться к лестнице, чтобы подняться на второй жилой этаж, перешагивая через непослушные яблоки, выкатившиеся из огромной их груды, наваленной прямо на полу. Сладковатый с примесью горечи и уже чуть тронутый налетом гниения запах сопровождал вас по всей даче.

Дача – это, пожалуй, слишком громко сказано. Тете принадлежала лишь часть большого и несуразного строения, которое иначе как вороньей слободкой не назовешь. Когда-то лесник поставил себе большой крепкий дом. У него было три сына, которые после смерти отца поделили дом на три части. У них были дети. И процесс деления дома продолжался с неумолимостью, predetermined разрастанием семейств, быстро плодившихся на здоровом правдинском воздухе. Дом постоянно надстраивался, обрастал пристройками, к нему лепились новые и новые флигеля, флигелечки, дровяные и прочие сараюшки, голубятни. Все это перегородивалось и отгораживалось заборами и заборчиками. И в итоге дом превратился в некоего монстра, распростершегося на пол-улицы. К тому моменту, когда там поселилась тетя Инна, никто толком не мог сказать, сколько же народа нашло прибежище в бывшем доме лесника.

Единственной, с кем из обитателей вороньей слободки тетя поддерживала отношения, была ее ближайшая соседка – одинокая женщина с дочкой, постоянно жившая в этом доме и присматривавшая за тетиной частью в ее отсутствие.

Однажды, будучи еще совсем маленькой, я вместе с тетей зашла по какой-то надобности в жилище соседки. Чтобы попасть туда, надо было пройти по узенькой, шириной едва ли в метр, тропинке между двумя заборами. Тетя потом вспоминала, что после этого визита я стала допрашивать ее:

– А почему наша соседка Варя и ее дочка живут в погребе?

– Почему в погребе, это не погреб.

– Ну, как же, тетя Инночка, он же маленький, там окон нет и холодно, как в погребе.

– Это у них такая комната.

– Да нет, я знаю, это их наказали и посадили на время туда, а потом выпустят, когда они хорошо себя будут вести.

Тетя Инна, решив, что в воспитательных целях неплохо иметь под рукой подвал, который может служить угрозой в случае непослушания племянницы, не стала больше спорить. А для меня оказаться запертой в этой комнате надолго было худшим наказанием, которое я могла себе представить.

Да и позднее, выйдя из детского возраста, я заходила сюда лишь в случаях крайней необходимости. Для меня так и осталось непостижимым, как эта малюсенькая комнатка, величиной с кладовку, без единого окна, темная и сырая могла служить долгие годы жильем для соседки и ее дочери. Тем более, зимой. Брр-р-р....

После смерти тети родители получили ее часть вороньей слободки в наследство. Но довольно быстро продали ее, так как чувствовали себя там неудобно. Им казалось, что кто-то из многочисленных обитателей дома, во хмелю, по неосторожности, а может, и в пылу очередной из многочисленных разборок между собой, подпалит его. А то, что хорошо просохшие за век существования бревна гореть будут быстро, ни у кого не вызывало сомнения.

Я любила дачу, как любят пусть некрасивого, с дурным характером и невоспитанного, но родственника. С которым

связано столько воспоминаний о счастливых днях, еще не особенно отягощенных проблемами.

С продажей дачи как будто прервалась последняя ниточка, на которой держалась все ослабевавшая связь с детством. А также ушло еще одно, что было неразрывно связано с образом тети Инны. Черный хлеб. Тетя Инна была, прямо скажем, неважной кулинаркой. Супы у нее выходили какими-то пресными, мясо всегда было пережарено. Главной любимой едой на даче был правдинский черный хлеб. Ели его там по утрам с яблочным мармеладом, в обед с маслом, шпротами, колбасой, селедкой. Даже на полдник всем лакомствам предпочитали черный хлеб с молоком. Но особенно все любили изобретение мужа тети – дяди Мити – бутерброд с зеленью. Для этого черный хлеб мазался маслом, мелко резалась вся имевшаяся в наличии зелень – укроп, петрушка, сельдерей, зеленый лук. В эту зеленую смесь макали хлеб – и неповторимо вкусный, сочный, пахучий бутерброд был готов. Казалось бы, как можно удивить москвича черным хлебом? Уж чего-чего, а черного хлеба в Москве всегда хватало. Но правдинский черный был неповторим. Это был вынужден признать каждый, кто хоть однажды его попробовал. Поэтому в Москву всегда уезжали, прихватив с собой пару буханок для себя и страдающих друзей и знакомых.

Ландыши... Здесь не избежать романтической нотки, так мало идущей к тетиному образу. Тетя очень их любила. Вдоль обеих сторон длинной дорожки, тянувшейся от калитки к дому, по ее настоянию дядя Митя насажал эти невзрачные и в то же время удивительно трогательные цветочки. Как будто ей мало было их лесных собратьев. И в конце весны – начале лета они радовали всех приезжавших навестить тетю не только нежной трогательностью своей белизны, но и удивительно сильным для таких маленьких цветов запахом – свежим и чуть горьковатым. Этот запах наполнял весь сад, и когда я выходила вечером посидеть на сон грядущий в беседке, то вновь и вновь с наслаждением вдыхала воздух, напоенный волнующим и романтическим ароматом. Именно с той поры я полюбила на всю жизнь души, в которых была ландышевая нотка.

Мы часто приезжали на дачу в мае, когда появлялись ландыши. Обычно их было много, и росли они недалеко. Дошел до первых перелесков – и только не ленись, собирай.

Однажды я приехала за цветами поздно, чуть ли не в середине июня. Задержали экзамены в институте. Да и ехала я на сей раз не столько из-за ландышей. Ландыши были предлогом. Основная цель была гораздо важнее – продемонстрировать тете Игоря, с которым я встречалась уже несколько месяцев.

Я нервничала. Тетя никогда не скрывала, если кто-то был ей не по душе. При этом она редко кого критиковала или осуждала. Если человек ей не нравился, она лишь чуть жестче сжимала губы, становилась еще более молчаливой и даже надменной. И я не помнила, чтобы хоть когда-то тетино неприятие человека оказывалось ошибочным.

Так вот, в тот июньский день мы с Игорем очень романтично провели время в лесу. Умудрились для придания всему мероприятию видимости абсолютно невинной прогулки, набрать букет запоздалых, уже несколько пожухлых ландышей. Потом пообедали, приобщив Игоря к клану поедальщиков травяных бутербродов. Дело шло к вечеру. Дядя засобирался на вечерний обход огородно-садовых владений. Размягченный лесными переживаниями и обедом, Игорь предложил помочь ему в поливке огорода. Бедный, он не подозревал, на что себя обрекает. Дело в том, что огород находился на задах вороньей слободки. Чтобы попасть туда, надо было обогнуть весь дом по маленькой тропинке, шедшей между заборами, чьими-то пристройками, сараями, чужими огородами. И это с полными ведрами. Колонка же находилась на улице, перед домом.

Пока Игорь, с двумя ведрами наперевес, осуществлял свой мини-марафон, мы с тетей вели неспешную беседу в саду. Я все ждала, когда она что-то, наконец, скажет об Игоре. Но тетя упорно хранила молчание относительно предмета моего любопытства. Может быть, она ждала окончания испытания водой? Вряд ли. Просто держала паузу. Как хороший актер. А я спросить не осмеливалась. А вдруг палец будет повернут вниз, а не вверх? И только, когда мы уже прощались и обессиливший Игорь, чуть отстав, шел позади нас

по саду к калитке, тетя ласково посмотрела на него, потом на меня и ... просто улыбнулась.

Именно эта улыбка и подвела окончательную черту под прежним состоянием Игоря в качестве претендента на мое сердце и возвела его в ранг полноправного претендента на мою руку. Которую я ему вскоре с радостью и протянула для традиционного обмена кольцами.

Как я уже писала, еще тетя Инна ассоциировалась у меня с антиквариатом. В доме моих родителей в детстве были только современные вещи, а у тети Инны было несколько старинных вещей. Высокая кобальтовая ваза, с изящным медальоном в центре. Она всегда раздражала меня. Ваза стояла на телевизоре и отвлекала внимание от экрана, когда я усаживалась смотреть свои любимые мультики. Серебряный кофейный сервиз, таинственно поблескивавший из глубины примитивного советского серванта. Чудные старинные бокалы, так странно смотревшиеся в огрубевших от постоянной работы в саду и на огороде руках дяди Мити. Эти бокалы из удивительно тонкого стекла синего цвета повторяли контуры четырехлистного цветка. На них была выгравирована золотом загадочная монограмма из трех переплетавшихся букв. Большая хрустальная ваза на изогнутой серебряной ножке, стоявшая на клеенке посередине обеденного стола.

У тети было и несколько старинных колец с бриллиантами и изумрудами, в которых она, по ее словам, «выходила в свет». Даже от самого этого выражения пахло чем-то древним.

Я долго не видела одного особенно красивого кольца с изумрудом и спросила тетю, почему она его больше не носит. Та ответила с беззаботностью, совершенно непонятной нормальной женщине:

– Да, мыла посуду, забыла снять кольца. Вот оно соскочило с пальца в раковину, ну и все...

– Как же так! Такое красивое кольцо. И дорогое же... Вы хоть водопроводчика вызывали?

– Зачем?

– Ну, оно могло застрять в самом начале, на изгибе трубы...

– Нет, мне не пришло в голову. Ну да ладно, Бог с ним.

Незадолго до смерти тетя Инна вдруг задумала продать весь свой антиквариат. Мы решили, что тетя нуждается в деньгах. Но когда родители предложили ей помощь, то выяснилось: у тети с деньгами все в порядке и она даже попросила помочь ей оформить завещание, по которому оставляла свой денежный вклад дядиному племяннику. Почему же тогда она решила расстаться с вещами? Дарение дачи, составление завещания, продажа вещей... Тетя как будто методично готовилась к смерти, приход которой она не только не старалась оттянуть, но даже торопила.

Я уговорила маму купить кое-что из тетиного антиквариата. Мне было жаль отдавать в чужие руки вещи, к которым я уже привыкла. Это было роковой ошибкой. Вскоре мы заразились страстью к старым вещам – старинные ни мама, ни тем более я, не могли себе позволить. И на первую свою стипендию я купила и притащила в дом огромную металлическую, обсыпанную остатками позолоты, люстру, которую за ненадобностью поместили на шкаф, откуда она периодически падала. Когда в очередной раз, упав, она придавила бабушке ногу, люстру отправили в ссылку в пустовавшую бабушкину комнату на Мещанской.

Вещи тети Инны были из какого-то другого мира. Они явно чувствовали себя не на своем месте в маленькой комнате большущей коммунальной квартиры.

Подлинную историю тети Инны я узнала уже после ее смерти. В годы перестройки, когда перестали скрывать свои непролетарские корни, одна наша дальняя родственница, знавшая тетю Инну еще в молодости, поведала мне удивительные вещи.

Родом Фаина Борисовна, как на самом деле звали тетю, как оказалось, была из Литвы, из богатой семьи то ли банкира, то ли промышленника. Семья была хоть и крещеная, но еврейских кровей. Фаину в семнадцать лет выдали замуж за довольно известного в то время инженера, обрусевшего немца. Муж должен был строить что-то в Петербурге, и молодые переехали из Вильнюса в столицу. Фаина ждала ребенка. Тут, как вы догадались, разразилась Революция. Родители умоляли Фаину вернуться домой, переждать не-

понятные времена. Но она отказалась, не хотела бросать мужа.

После Брестского мира, когда Литва оказалась по ту сторону баррикад, связь с родителями была эпизодической. Они все пытались уговорить Фаину перебраться к ним с родившейся к тому времени дочкой. Родители писали о своих планах уехать в Германию, где у них были родственники и где отец Фаины всегда держал капитал. К этому времени муж Фаины, ставший подозрительным элементом в силу своего немецкого происхождения, потерял работу. Он тоже решил бежать с женой к ее родителям. Начались приготовления, требовавшие денег, времени, предосторожностей и мобилизации всех связей. Подготовка к отъезду заняла больше времени, чем процесс неминуемого перехода мужа из разряда подозрительных элементов в категорию пособников немецкого империализма. Он был арестован и бесследно исчез. Фаина осталась одна, без средств, с ребенком на руках. А вскоре дочка умерла от скарлатины.

Через какое-то время она встретила молодого рабочего Дмитрия Анисимова, чьей женой и стала. Я думаю, ей повезло. Как сложилась бы жизнь тети, не случись этой встречи? Боюсь, что сценарий был бы предопределен. Если не первая, то одна из следующих волн репрессий наверняка подмяла бы ее и в лучшем случае унесла далеко-далеко от Петербурга. Думала ли тетя, что, выходя за скромного рабочего паренька, она тем самым спасает себе жизнь? Или просто страшно было оставаться одной? Или же он ей действительно приглянулся? Я не знаю, но, думаю, она никогда не пожалела о том, что сделала этот шаг. Мало видела я мужей, которые и в старости с такой нежностью смотрели на свою жену.

Дядя Митя... Ну что же можно сказать о нем? Он был хороший. Очень добрый. Это сразу было ясно. Обожал теть Инну. Во всем ее слушался. Что, учитывая их более чем солидный возраст, выглядело немного смешно, но в то же время и трогательно. Дядя Митя, на моей памяти, редко произносил что-либо, кроме «здравствуйте», «спасибо», ну и еще пары-тройки слов. Тетя тоже была молчуньей. А уж более неразговорчивого человека, чем дядя, вообразить трудно. Порой мне казалось, что когда они остаются одни,

то общаются исключительно с помощью жестов. Да и жесты им были не нужны. Достаточно было взглядов. Вернее, стоило тете взглянуть на дядю, и он делал или не делал то, что требовалось. Дядя всю жизнь трудился скромным бухгалтером в каком-то незначительном учреждении. Мне даже никогда не приходило в голову спросить, в каком. Как будто все, что касалось его жизни, было заранее неинтересно и незначительно.

Дядя Митя умер первым. Он долго и тяжело болел, последний год почти не вставал. Тетя ухаживала за ним одна, отвергая предложения помощи и советы положить его хотя бы на время в больницу, чтобы дать себе передышку. Никто никогда не слышал от нее жалоб.

После смерти дяди тетя Инна почти перестала куда-либо ходить и жила одна, затворницей в своей комнате в московской коммунальной квартире. На дачу она тоже не ездила и вскоре подарила ее моим родителям. Я изредка навещала ее. В один из таких приходов тетя вдруг удивила несвойственной ей разговорчивостью. Мы сидели, пили чай, обсуждали что-то. Я попыталась уговорить ее поехать на дачу. Говорила о том, что ей вредно оставаться в Москве душным летом, надо заботиться о здоровье – гулять, быть на свежем воздухе. Вдруг тетя прервала меня.

– Зачем?

– Что зачем? – не поняла я.

– Зачем заботиться?

– Ну, как зачем? – я растерялась от такого нелепого вопроса. – Вы же не хотите умереть, – сказала я первое, что пришло мне в такой ситуации в голову.

– Хочу, – вдруг без всякого пафоса, совершенно спокойно ответила она.

– Почему? Вы что, серьезно больны? – испугалась я.

– Да вроде нет.

– Как же Вы тогда можете так говорить? Как можно хотеть умереть? Что-то случилось?

– Случилось то, что я устала...

– Устали? Так я и говорю, что надо поехать на дачу. Вам надо развеяться, Вы здесь одна, вам надо сменить обстановку, чем-то заняться...

– Не хочу... Да и чем я могу заняться? Все мои дела я уже переделала. Да и сил больше не осталось. Ни на что. Вышли все силы из меня. Те, что были отпущены на мою жизнь.

Тетя говорила все это с какой-то – не улыбкой, нет, с умишкой, что ли. Я даже подумала, что она так шутит, – на сей раз не очень удачно. Известна была ее манера говорить так, что сразу не поймешь, всерьез ли это. И я продолжала гнуть свое.

– Как можно говорить такое: хочу умереть. Разве Вы не боитесь смерти?

– Нет, не боюсь.

– Не может быть!

– Вот видишь, может. Когда человеку уже ничего не надо, ничто не в радость, все неинтересно, скучно. Это и значит, что он устал. Устал жить. Вот это со мной и произошло. Так бывает. Мне кажется, это счастье, когда человек так чувствует себя в старости. Ведь тогда не страшно умирать. Вот как мне сейчас. Да и заждались меня там все мои...

Последняя фраза произвела на меня уж совсем странное впечатление. Тетя никогда не была религиозной. Во всяком случае, она никогда не ходила в церковь и не говорила на религиозные темы. Поэтому я решила, что тетя просто заговаривается. Я как-то сухо попрощалась и ушла.

Несколько месяцев спустя тетя умерла на руках у моей мамы, пришедшей ее навестить. Они сидели, разговаривали. Вдруг тетя пожаловалась на резкую боль в желудке, которая все усиливалась. Мама вызвала «скорую». Когда врачи приехали, они констатировали смерть от инфаркта.

Круг друзей

Я хочу рассказать о друзьях родителей. Без этого портреты отца и мамы будут неполными. Кроме того, все эти люди, в большей или меньшей степени, оказали влияние и на меня. Так что, повествуя о своих корнях, я не могу не упомянуть и о них.

Папа и мама были людьми очень доброжелательными. Я никогда не слышала, чтобы они плохо говорили о ком-то. В нашем доме никогда не злословили. При этом, как я уже

писала, папа всегда стремился, насколько это возможно, «приветить» людей, встречавшихся на его жизненном пути, а мама была потрясающей кулинаркой. Сочетание этих качеств привело к тому, что у них было очень много друзей на протяжении всей их жизни. Многие связи сохранились с юности до самой старости.

Арбатовы, Букреевы, Снегиревы, Фанталовы, Бойченко, Юрий Сучков, Меликянцы, Юлины, Юля Хрущева, Екатерина Тарханова и Юлиан Шварцбрейм – вот далеко не полный список друзей родителей. Рассказывая о них, я лишь в некоторых случаях буду прибегать к отчествам, т.к. большинство из них для меня были тетя Оля, дядя Володя и т.д.

Самым близким папиным другом был, безусловно, Арбатов. С институтских лет. Дядя Юра и тетя Света, как я их называла, присутствовали в моей жизни всегда. Мама рассказывала, что когда она находилась в роддоме, ожидая моего появления на свет, то Арбатов звонил туда узнавать о развитии событий едва ли не чаще папы. Мобильных, естественно, не было. Звонили дежурной медсестре, та, предварительно узнав, кто звонит, шла затем в палату и вызывала женщину к телефону. Таким образом, все были в курсе, кто звонит кому. В итоге соседки по палате даже спросили маму: кто же отец ребенка – Беглов или Арбатов, проявлявший такое беспокойство? Между мамой и папой как-то состоялся такой разговор в моем присутствии. Была годовщина их свадьбы и вдруг мама, смеясь, сказала.

– Я должна Юрку благодарить за то, что ты на мне женился.

– Это еще почему? – удивился папа.

– Ну как же! Ты сам рассказывал. Ты пригласил его как-то на наш спектакль. Уже не помню, какой, но я там играла главную роль. После спектакля он очень меня расхваливал, а потом вдруг спросил: «У тебя как с этой девушкой, серьезно?» Тут ты и испугался. Вот и ответил, что очень серьезно и что собираешься жениться на мне.

– Как будто я без него не знал, что делать, – с обидой в голосе ответил папа.

– Нет, ты скажи, так было? – не успокаивалась мама.

– Ну было, что такого. Я собирался тебе предложение сделать, денег просто не было, вот я и ждал стипендии, чтобы букет купить. Не пойдешь же к будущей теще просить руки дочери без цветов. Она и так меня не больно жаловала, голландца, – рассмеялся папа, сведя все к шутке.

Я всегда восхищалась Георгием Аркадьевичем, когда училась в школе, была по-детски влюблена в него. Красивый, величавый (это он унаследовал от своей матери, которую я также знавала), невозмутимый, говоривший медленно и со значением – он всегда производил на меня завораживающее впечатление. Я лишь один раз в жизни видела его растерянным.

Это произошло в августе 1968 года. Мы отдыхали на даче в поселке Опалиха. В течение нескольких лет папа снимал там государственную дачу, а Арбатовым в этом же поселке принадлежала половина небольшого деревянного дома. Помню, после обеда – мы все в саду. Жарко. Вдруг открывается калитка и входит Арбатов. Он выглядит каким-то потерянным. Он подходит к папе и говорит: «Наши в Праге. Это конец». Папа встает с шезлонга. Они уходят в дом, долго о чем-то говорят. Арбатов уезжает, а у папы весь вечер после этого такой подавленный вид, что я даже не осмеливаюсь задавать никаких вопросов. На следующий день я узнала, что накануне СССР ввел войска в Прагу.

Конечно, подавление «бархатной» революции в Чехословакии не было концом СССР, но это, безусловно, знаменовало конец хрущевской «оттепели». Арбатов особенно болезненно переживал это событие, я думаю, еще и потому, что к Праге он всегда относился с особым теплом: он проработал несколько лет в Чехословакии (1960 – 1963 годы) в либеральном журнале «Проблемы мира и социализма»¹²⁶.

В 1967 году Арбатов возглавил Институт США и Канады, созданный по его инициативе. Я пришла работать туда в 1977 году, вернувшись из Бангладеш. Находясь в

¹²⁶ Ежемесячный теоретический и информационный журнал коммунистических и рабочих партий. Выходил с 1958 г. по 1990 г. в Праге на 28 языках.

этой стране, я написала диссертацию на тему «Американо-бангладешские отношения». Где же еще было защищать ее, как не в Институте США и Канады? Но если бы я не была дочерью друга Арбатова, то вряд ли бы мне это удалось. Андрей Кокосин¹²⁷, являвшийся тогда ученым секретарем института, считал тему малоинтересной, не хотел ее утверждать. Спасла поддержка моего научного руководителя – Владимира Лукина¹²⁸. Ну и, конечно, тот факт, что я, повторюсь, – дочь друга Арбатова. Помню, на первом же институтском капустнике были исполнены частушки, в которых говорилось что-то об Арбатове, ставшем страстным поклонником футбольной команды «Спартак». Намек весьма прозрачный.

Небольшое отступление. После защиты диссертации я подготовила и опубликовала в 1982 году монографию на ту же тему¹²⁹. Она, кстати, заняла второе место (после моно-

¹²⁷ Кокосин Андрей Афанасьевич – с 1984 г. – заместитель директора ИСКАН; с 1992 г. – первый заместитель министра обороны РФ, в 1996–1997 гг. – первый заместитель министра – статс-секретарь (был первым гражданским лицом в высшем руководстве Министерства обороны России); депутат Государственной Думы РФ (1999–2003, 2003–2007, 2007 гг.), бывший секретарь Совета Безопасности РФ.

¹²⁸ Лукин Владимир Петрович – в 1968–1987 гг. – заведующий сектором дальневосточной политики Института США и Канады АН СССР. В 1987–1989 гг. – заведующий отделом Управления стран Тихого океана и Юго-Восточной Азии МИД СССР. В 1989 г. – заместитель начальника, заведующий отделом Управления оценок и планирования МИД СССР. С февраля 1992 по сентябрь 1993 г. – посол РФ в США. В период избирательной кампании по выборам в ГД РФ возглавил избирательное объединение «Явлинский – Болдырев – Лукин». После победы на выборах стал членом фракции «Яблоко» и возглавил Комитет по международным делам ГД РФ. В 2004 г. назначен Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

¹²⁹ См.: *Беглова Н.С.* Бангладеш, Южная Азия и политика США. М.: «Наука», 1982.

графии Сергея Караганова¹³⁰) в конкурсе работ молодых ученых, проводившемся в том году. В 2004 г. на презентации моей книги об Индии ко мне подошел молодой человек и сказал: «Я рад с Вами познакомиться. Вы написали очень интересную книгу». Я удивилась – как он мог прочитать книгу, которую только сегодня представляют. Оказалось, речь шла о моей монографии «Бангладеш, Южная Азия и политика США». Молодой человек пояснил, что он учился в Российском университете дружбы народов им. Патриса Лумумбы и, как и все студенты, специализировавшиеся по проблемам Бангладеш, изучал мою монографию. Мне было приятно узнать, что мой научный труд оказался полезным.

Нравы в Институте США и Канады были довольно либеральными, начальство критиковать не возбранялось. Государство, конечно, критиковать – не могли, но начальство – пожалуйста! Да и народ подобрался там весьма вольнолюбивый.

Для меня, вернувшейся из заграничной посольской жизни, где все основные глаголы, формулировавшие жизненные правила начинались с частицы «не» – не высовываться, не критиковать, не рассуждать и так далее, – атмосфера института, которую сумел создать Георгий Аркадьевич, вызвала состояние, близкое к эйфории. Эйфория быстро прошла – как и везде, здесь не все было так просто и гладко, но чувство признательности к Арбатову за то, что мне была предоставлена возможность работать в таком интересном месте почти девять лет, осталось на всю жизнь. Сохранилось и глубокое уважение к тем людям, с которыми мне там пришлось встретиться.

Арбатов обладал не только даром организатора, но и удивительным чутьем на незаурядных людей. Он сумел собрать у себя очень талантливых людей. Помимо уже упоминавшихся Андрея Кокошина и Владимира Лукина – чьи имена были

¹³⁰ Караганов Сергей Александрович – с 1978 по 1988 гг. работал в ИСКАН АН СССР, затем в Институте Европы (1988–2010 г). С 2006 г. – декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики (ГУ – ВШЭ).

на слуху у всех в перестроечные годы, и продолжают громко звучать и по сей день – можно назвать еще много других людей, работавших или по-прежнему работающих там. Виталий Журкин¹³¹, Сергей Рогов¹³², Виктор Кременюк¹³³, Сергей Караганов, Анатолий Уткин¹³⁴, Михаил Носов¹³⁵ и многие другие. Я назвала, в основном, тех, с кем пришлось работать в отделе внешней политики. Арбатов и моему отцу предлагал в самом начале прийти на работу в институт в качестве заместителя, но папа не захотел расстаться с журналистикой, которая действительно была его призванием.

Георгий Аркадьевич обладал одним весьма редким качеством: он не опасался конкуренции и поэтому не боялся окружать себя людьми умными. Я мало встречала начальников, подобных ему. Гораздо чаще видела совсем другое. Как только даже умный человек становится у власти, тут же, как по мановению волшебной палочки, он оказывается в окружении весьма серых личностей. И это, по-человечески, вполне понятно: гораздо легче командовать, когда подчиненный смотрит на тебя снизу вверх и принимает твои решения, не подвергая их критике. Надо обладать не только большим интеллектом, но и значительной уверенностью в себе и способностью воспринимать чужое, даже не совпа-

¹³¹ Журкин Виталий Владимирович – заместитель директора Института США и Канады (1968–1987), член Президиума, академик-секретарь Отделения мировой экономики и международных отношений (1988–1998), директор Института Европы (1987–1999). С 1999 г. – почетный директор Института Европы.

¹³² Рогов Сергей Михайлович – с 1995 г. – директор Института США и Канады РАН.

¹³³ Кременюк Виктор Александрович – российский политолог, ученый-американист, заместитель директора Института США и Канады РАН, лауреат Государственной премии СССР.

¹³⁴ Уткин Анатолий Иванович – советский и российский историк и политолог, специалист в области международных отношений. Автор около 50 монографий. Умер в феврале 2010 г.

¹³⁵ Носов Михаил Григорьевич – профессор, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института США и Канады.

дающее с твоим, мнение, чтобы держать около себя людей, равных тебе по профессиональным качествам.

С Георгием Аркадьевичем я мало встречалась после отъезда в Швейцарию, но одну нашу встречу в Женеве я запомнила. Мы пригласили его к нам домой. Поужинали, и я решила задать один вопрос, который давно не давал мне покоя. Арбатов хорошо знал многих людей, стоявших у истоков перестройки, да и сам работал непосредственно с Горбачевым.

– Дядя Юра, – спросила я, – а когда Горбачев начинал перестройку, у него был конкретный план?

– О чем ты? – переспросил Георгий Аркадьевич.

Но я видела, что сделал он это, не потому что не понял вопроса.

– Ну, он и люди вокруг – советники его – знали точно, чего они хотят достигнуть и каким способом?

– Нет, пожалуй, плана не было, – медленно и неохотно ответил он.

Мои наихудшие опасения оправдались. Мне почему-то всегда казалось, что в действиях Горбачева – в том, как развивались события в середине 80-х годов, – не было логики. Если только не предположить, что логикой являлось разрушение страны.

– Как же так? Не было никакого плана? – опять переспросила я.

– Нет. Было понимание того, что так дальше нельзя. Нужно что-то делать. А вот как? Знаешь, – грустно улыбнулся он, – видимо, решили действовать по наполеоновскому принципу: «ввяжемся в бой, а там посмотрим».

– Не может быть, – все не могла успокоиться я. – Такие люди вокруг него и никто не мог ничего посоветовать разумного?

– Советчиков много было, это точно. Даже слишком. И все разное советовали. Знаешь, басню про лебедя, рака и щуку. Каждый тянул в свою сторону, так что толку от этого мало было, – ответил Арбатов.

– Но ведь и до Горбачева, еще Андропов тоже явно пытался что-то сделать. Вы ведь и Андропова знали, – не унималась я.

– А вот Андропов-то как раз и не хотел ничего радикально менять. Он говорил, что трогать государство можно лишь после того, как мы продвинем вперед экономику, – сказал Арбатов и встал, давая понять, что разговор окончен.

– Неужели никто не разработал, как завещал наш великий учитель, стратегии и тактики? Это же любимое занятие большевиков! – попыталась я обратить в шутку явно тяготивший его разговор.

– Возможно, кто-то и разработал, но я об этом не знаю, – уже с явной неохотой ответил Георгий Аркадьевич, окончательно давая понять, что разговор закончен.

Ночью я долго не могла уснуть. В голове вертелась одна и та же мысль: прав был Андропов. А мы все сделали с точностью до наоборот. Сначала ликвидировали партию, сломали политическую структуру государства, а потом попытались совладать с экономикой. Результат известен. Как жаль, что Андропов так мало пробыл у власти. Проживи он подольше, и, возможно, был бы у нас сейчас капитализм китайского образца. Что, во всяком случае, лучше того дикого капитализма ухудшенного американского образца, который царит у нас уже не первое десятилетие.

Вокруг имени Арбатова всегда было много разговоров. Кто-то его хвалил, другие ругали. Это, наверное, естественно. Любая значительная личность вызывает неоднозначные оценки. Правда, недавно я наткнулась на обвинение, которое вызвало у меня просто чувство недоумения. Арбатову вменялось в вину то, что он был идеологом разрядки¹³⁶. Мол, когда в середине 60-х годов он работал руководителем группы консультантов в ЦК КПСС, приложил все усилия для то-

¹³⁶ Разрядка международной напряженности – политика, направленная на снижение агрессивности противостояния стран социалистического и капиталистического лагерей. Термин часто используется применительно к политическим процессам во взаимоотношениях СССР и США, набравшим силу в конце 60-х гг. и длившимся до конца 70-х гг. Одним из первых шагов на пути разрядки было подписание в 1968 г. СССР, США и Великобританией «Договора о нераспространении ядерного оружия».

го, чтобы «подружить» СССР с Америкой. В итоге делался вывод о том, что Арбатов повернул нашу политику не туда, куда нужно, и вообще он был всегда проводником влияния Вашингтона в России.

Я не собираюсь дискутировать здесь на тему, нужна ли Америка России или нет. Ясно, что тот, кто говорил это, был в момент кубинского кризиса еще ребенком. И не помнит того, о чем я рассказывала выше: реального чувства страха от того, что война может начаться вот сейчас, завтра или послезавтра.

Он также не существовал в мире, разьединенном видимыми и невидимыми стенами. Когда мы были в командировке в Бангладеш в самом начале 70-х годов, то я очень четко помню тот момент, когда одна из таких невидимых стен начала разрушаться. Еще вчера, живя в доме, где неделями не было воды, я не могла даже и помыслить попросить воды для готовки у англичанки, обитавшей на противоположной стороне улицы. А через некоторое время, после того, как разрядка набрала силу, мы уже устраивали волейбольные матчи с американскими коллегами. В стране, где и так работать было нелегко, фобии еще больше усложняли жизнь и нам, и им. И пусть они не исчезли, а только чуть уменьшились, но дышать стало намного легче всем.

Мое мнение об Арбатове, конечно, не может быть объективным. Я всю жизнь относилась к нему не просто как к знакомому родителей, а как к близкому нам всем человеку. Но и знала Георгия Аркадьевича много лет, наблюдала в самых разных ситуациях, неоднократно слушала его разговоры с папой и другими людьми, приходившими к нам. Поэтому я, безусловно, уверена в одном: он по-настоящему переживал по поводу всего, происходившего в нашей стране, и искренне пытался сделать то, что в его понимании могло помочь ей стать сильнее и лучше. А тот, кто действует, не может не совершать ошибок. Их не совершают лишь те, кто сидят и наблюдают за происходящим, критикуя всех и вся.

Последний раз мы виделись с Георгием Аркадьевичем на похоронах папы. Он уже тогда неважно выглядел и плохо себя чувствовал. С горечью сказал, что похоронил уже почти всех своих друзей. Когда я заканчивала писать эту

книгу, я решила попросить его написать к ней предисловие. Он единственный по-настоящему знал всю нашу семью, и я была уверена, что он не откажется это сделать. Спросила сначала у мамы, как он себя чувствует и когда мне лучше позвонить? Мама сказала, что Георгий Аркадьевич недавно перенес инсульт и лучше его не беспокоить. А еще через две недели я узнала, что Арбатова не стало.

Иногда, приезжая к маме, я открываю старый альбом семейных фотографий. Я очень люблю одну фотографию. На ней – двое молодых людей и две девушки. Где-то на юге, на пляже они забрались на большой камень и сидят на нем, едва удерживая баланс. Они смеются так заразительно, что я всегда невольно улыбаюсь им в ответ. Это позже они станут моим отцом, моей матерью, Георгием Аркадьевичем и Светланой Павловной. А тогда – это Спартак и Зоя, Юра и Света. Они почти в три раза моложе меня сегодняшней. И они – счастливы, это очевидно.

Букреев Валентин – самый старый папин друг. Как и Арбатова, я всю жизнь называла его по имени – дядя Валя. Когда начала писать о нем, попыталась узнать отчество. Но папы уже нет в живых. Для мамы он всегда был просто Валя. Так что мне придется называть его тоже просто по имени или фамилии. Они жили вместе с папой в поселке Правда. Валентин был из семьи местной интеллигенции. Его отец был, насколько я помню, врачом. Я не так много общалась с Букреевым, он долго пробыл в Швейцарии – в общей сложности шестнадцать лет. Работал он в миссии СССР при ООН, где много лет спустя будет работать и мой муж. Сегодня Валентина Букреева уже нет в живых, и я думаю, что не выдам никаких государственных секретов, уточнив, что хотя он и приехал по линии Министерства внешней торговли, но основным местом его работы была другая организация.

Встречались мы лишь пару раз, когда он был в Москве в отпуске. Помню, как удивила меня его дочь. Я тогда как раз начала изучать французский язык в институте. А девочка владела им в совершенстве, говорила абсолютно без акцента. Когда она родилась в Женеве, то Валентин запретил жене разговаривать с ребенком по-русски. Только по-

французски. А поскольку жена языка не знала, то общался с ребенком первые годы жизни только он. Приезжая в Москву, девочка поражала всех не только своим французским, но и русским:

– Ой, иси мюх на потольок, – говорила она, показывая на муху, сидящую на потолке.

Довольно жестокий, хотя и эффективный метод добиться того, чтобы французский язык стал для его дочери родным.

Мы с мужем стали довольно частыми гостями в квартире Букреевых в конце 1970-х годов. Я всегда очень интересовалась живописью, а такого количества книг по искусству, как в их квартире, мне нигде не приходилось видеть. Все стены их небольшой двухкомнатной квартиры были заставлены стеллажами, на которых теснились альбомы, посвященные художникам и картинным галереям.

Значительная часть жизни семьи Букреевых вращалась вокруг живописи. Татьяна – жена Валентина, была профессиональным искусствоведом. Пока они жили в Швейцарии, она подготовила и опубликовала первый альбом, посвященный музею в Базеле. От нее я узнала, что там очень солидная подборка картин импрессионистов, особенно Моне. Поскольку я всегда очень увлекалась импрессионистами, то, приехав на работу в Швейцарию, мы в один из первых своих выходных отправились в Базель. И не были разочарованы.

Валентин не отставал от жены. Его знания были поистине впечатляющими. Так же, как и память. О каком бы художнике ни зашла речь, он мог подробно рассказать о его жизни и творчестве, приводя такие детали, которые не прочитаешь просто в энциклопедическом справочнике. Ясно было, что все те сотни книг, стоявших на полках, находились там не ради красоты интерьера. Я знала, что предметом его особой любви был итальянский Ренессанс. Он мог часами рассказывать мне о нравах и обычаях Италии той эпохи. Рассказы были настолько интересными, что как-то я не выдержала.

– Дядя Валя, почему бы Вам не написать книгу? Вы так здорово рассказываете!

Букреев как-то с сомнением посмотрел на меня, а потом предложил.

– Если хочешь, то приходи в следующее воскресенье, и я тебе что-то прочитаю.

– А можно сейчас? – с нетерпением спросила я.

– Нет, я не готов сегодня, – безапелляционно ответил Букреев. – Через неделю.

В следующее воскресенье в условленный час я примчалась в квартиру на проспекте Мира. Букреев, как всегда, был спокоен и нетороплив. Мы зашли в кабинет, я села в кресло, он – за стол, вынул из него солидную стопку исписанных листов и начал читать. Первое, что меня поразило, – это время действия. Не Ренессанс, как я ожидала, а Древний Египет. Второе – мастерство изложения. Сразу возникало ощущение, что вы находитесь в другой эпохе, совершенно в другом мире. Очень оригинальной была и подача материала. Рассказ велся от лица... обелиска. Он наблюдал развитие событий в стране и повествовал о них чрезвычайно занятно. За чтением прошло два или три часа, но они пролетели незаметно. Когда Букреев закончил и вопросительно посмотрел на меня, мне не надо было делать никаких усилий для того, чтобы высказать свое мнение. Я была искренне восхищена его рассказом.

– Дядя Валя, это просто чудесно! Я вернулась из путешествия в пространстве и во времени.

– Я рад, что тебе понравилось, – сдержанно ответил он.

– А у Вас есть еще рассказы? – спросила я.

– Да, это часть книги о Египте. Небольшие новеллы. Я до Италии больше всего интересовался именно Древним Египтом.

– Вы давно это написали?

– Порядочно.

– Так это надо опубликовать, – предложила я.

– Не знаю, не уверен, – ответил Букреев. – По-моему, получилось скучновато. Вот я сейчас пишу о Ренессансе. Мне кажется, получается позанимательнее. А Египет? Нет, не даю.

Я попыталась переубедить его, но, судя по всему, безуспешно. Во всяком случае, я никогда не слышала, чтобы он опубликовал свои новеллы. А жаль. Они того стоили. Букреев был, безусловно, человеком талантливым. Он пи-

сал потому, что это доставляло ему удовольствие. А опубликуют его произведения или нет – не было для него столь уж важным. Видимо, он был человеком не честолюбивым. Он сам однажды в какой-то степени подтвердил эту мою догадку. Речь зашла о Швейцарии, о которой он всегда говорил с определенной долей восхищения. Отвлекаясь от своего рассказа, Букреев улыбнулся, посмотрев на меня, и вдруг сказал: «Знаешь, я иногда вот о чем думаю. Спартак сделал карьеру, стал известным журналистом. Можно сказать, знаменитость. А я, вроде бы, ничего особенного не достиг. Но я думаю, что прожитые шестнадцать лет в Швейцарии – это не хуже. Тоже, своего рода, достижение. Во всяком случае, я не променял бы их на более успешную карьеру».

Когда мой муж приехал на работу в Женеву, я часто вспоминала его слова. Сначала с недоумением: «Боже мой, как можно в такой деревне пробыть шестнадцать лет! Я, наверное, и год с трудом выдержу!» Прожив в Швейцарии года три, я подумала: «Возможно, в его словах что-то есть. Не так уж плохо здесь жить». А семь лет спустя, я приняла решение остаться в Женеве, когда муж должен был возвращаться в Москву. В итоге рекорд Букреева был побит: я живу в Швейцарии уже более двадцати лет.

Владимира Всеволодовича Снегирева папа знал тоже еще со времен «Правды». Они учились в одной школе и даже какое-то время сидели за одной партой. Снегирев, как и отец, воевал на фронте. Интересна одна деталь его биографии. До того, как попасть на фронт, Владимир Всеволодович поступил в артиллерийское училище в Костроме, откуда в 1942 году отправился на фронт и в скором времени стал командиром взвода батареи звуковой разведки. В училище он оказался вместе с Солженицыным. Они и на фронте воевали некоторое время вместе. Когда в 1945 году Солженицын был арестован – его забрали прямо с передовой, – у Снегирева остались какие-то его личные вещи. Владимир Всеволодович сохранил их и, когда выдалась возможность, отвез эти вещи первой жене Солженицына – Наталье Решетниковой.

Снегирев и его жена Ляля были одними из самых близких друзей моих родителей. Работал Владимир Всеволодович всю жизнь в МИДе, был специалистом по Африке. В сорок лет – очень рано по меркам советского времени – стал послом. Сначала в Камеруне, а позже в Нигерии.

Снегирева и папу связывало многое – в том числе и увлечение марками. Папа с детства собирал марки и продолжал делать это уже и в зрелом возрасте. Если он не работал, то сидел в кабинете, обложенный своими альбомами. Марки привозились из всех стран, в которых папа бывал в командировках. Позже эстафета была передана мне – я стала ответственной за иностранные марки. Советские марки остались прерогативой папы. В этой части коллекции были самые интересные и ценные экземпляры. Когда подростком мой младший брат Олег, все марки, в том числе советские, перешли в его ведение.

Но наше собирательство было не более чем любительским увлечением, а Снегирев делал это, можно сказать, на профессиональном уровне. Он посвящал маркам все свое свободное время. И отдавал этому, к тому же, и все свои деньги. Я помню, как его жена Ляля иногда жаловалась моей маме на то, что муж выделяет ей деньги буквально на прожиточный минимум. Когда Снегирев был послом в Африке, его зарплата по тем временам была весьма приличной. Практически вся она шла на покупку раритетов.

Снегирев был не просто филателистом, а фанатом. В итоге он создал коллекцию, которая славилась на всю Москву. У него были какие-то уникальные марки, и его регулярно приглашали участвовать в выставках. Я помню, как мы ходили с папой на экспозицию, посвященную маркам с ленинской тематикой. Самыми интересными и ценными на ней были экземпляры из коллекции Снегирева.

Трагедия Снегирева состояла в том, что ни жена, ни один из его двух сыновей не разделяли его увлечения. По словам отца, он очень переживал по этому поводу и опасался, что после его смерти уникальная коллекция пойдет с молотка. Отец предлагал ему завещать марки какому-нибудь музею. Не знаю, почему он этого не сделал. Может быть, просто не успел. В последние годы он стал очень замкнут, прекратил

почти все контакты не только с друзьями, но и с женой и сыновьями.

Когда он умер, произошла весьма странная история, почти детективная. Спустя какое-то время после его смерти родителям позвонила Ляля Снегирева и сказала, что коллекция пропала. Она была просто в отчаянии. После выхода мужа на пенсию они жили очень тяжело, денег совсем не хватало и, конечно, она надеялась продать марки хотя бы теперь. Это было бы хоть какой-то компенсацией за все годы лишений, вызванных страстью мужа к маркам. Говорила, что обыскала всю квартиру, но марок так и не нашла. Альбомы, в которых находилась основная коллекция, были на месте. А небольшой кляссер, в котором находились раритеты, пропал. Никто не мог понять, куда он делся. Высказывались разные предположения, но секрет пропажи марок так и остался нераскрытым по сей день.

Еще один друг – и еще одна жизнь – очень успешная, но конец ее был драматичным. С Валентином Оберемко папа подружился еще в институте. Они учились на одном курсе. После окончания МГИМО Валентин Иванович работал в МИДе, был советником-посланником в Париже. После этого некоторое время работал в аппарате ЦК. Именно он помог нам выбраться из Бангладеш.

Как я рассказывала выше, нас отправили в Бангладеш из Калькутты, где мой муж уже проработал почти два года. После двух лет он надеялся вернуться в Москву. Максимум, – после трех лет, что было обычным явлением для первой зарубежной командировки. Когда его переводили в Дакку, то ему сказали, что, естественно, это будет считаться продолжением командировки и через год, максимум – через два, он сможет уехать в Москву. Пообещали... и, конечно, очень скоро об обещании никто не вспоминал. Когда через год Игорь заикнулся об отъезде, ему было заявлено, что Бангладеш – это, безусловно, новая командировка и отсчет будет вестись заново. Это означало, что в Дакке нам предстояло пробыть, как минимум три года. Когда я об этом узнала, честно говоря, думала, что мы этого не переживем. Но, естественно, пере-

жили. Хотя и с трудом. Сейчас, когда я вспоминаю наше существование в этой стране, то удивляюсь, как мы могли его вынести. Жизнью это не назовешь. Жара, полная изоляция, ужасные бытовые условия – даже воды в доме, где мы жили первый год, часто не было. Продукты почти все приходилось выписывать из других стран по каталогам втридорога. Хлеб – и тот я пекла первое время сама. Но, главное, выйти абсолютно некуда – даже погулять. Возможностей заняться спортом тоже не было. О культурной жизни я и не заикаюсь – большое счастье, если в субботу в посольстве покажут какой-то фильм, присланный из Москвы. Телевизор не посмотришь – там лишь две местные программы, к тому же на бенгальском языке. В наши дни в некоторых европейских странах, например, в Швейцарии, условия жизни в тюрьмах – и то лучше. Там хоть на прогулку выводят регулярно, в камерах есть телевизор, радио, книги можно заказывать в библиотеке.

Да, чуть не забыла главное – тяжелый климат. Мы с мужем уже в Калькутте заработали проблемы со здоровьем. В Дакке же они лишь усугубились. Короче говоря, проходит год, другой, третий, а разговоры о замене так и остаются разговорами.

Прошло четыре года нашего пребывания в Бангладеш. Мы приехали в отпуск в Москву, и Игорь узнал, что ему по-прежнему не готовят замену. Даже в те времена мало находилось желающих ехать в такую дыру. И тут я не выдержала. Тайком от папы набрала телефон Валентина Ивановича и рассказала ему о нашей ситуации. Он уже тогда работал в Центральном Комитете партии и, как я слышала от отца, чуть ли не возглавлял отдел, имевший непосредственное отношение к заграничным кадрам. Валентин Иванович выслушал меня внимательно и потом лишь ограничился одним вопросом.

– А почему Спартак мне ничего об этом раньше не сказал?

– Ну, Вы же знаете папу... – только и ответила я.

– Хорошо, ты поезжай обратно, не волнуйся. Я, естественно, сделаю, что могу. Это не дело, как с вами поступают, – закончил наш короткий разговор Оберемко.

Мы уехали обратно в Дакку. А буквально через несколько недель после нашего возвращения Игорь, возбужденный, примчался домой в неурочный час. Сияя от счастья, он мне сказал: «Представляешь, пришла телеграмма – мы можем уезжать без замены. Ура!» И мы, как сумасшедшие, принялись скакать по комнате, распевая в два голоса: «Мы едем, едем, едем, в далекие края – в Москву, в Москву, в Москву – ура, ура, ура!»

В 1980 году Валентина Ивановича назначили послом в Италию. Он был очень доволен этим назначением. С радостью отправился на новое место работы. Если открыть справочник МИДа, раздел, в котором перечислены наши послы в Италии, увидишь такую запись.

Оберемко
Представительство – Посольство СССР в Италии
Чрезвычайный и Полномочный Посол
12.3.1980 – 2.7.1980

Валентин Иванович пробыл в Риме меньше пяти месяцев. Умер от инфаркта. Что же произошло там, в Риме? Что явилось причиной его скоропостижной смерти?

Я помню, однажды, довольно поздно вечером, у нас дома раздался телефонный звонок. Оказалось, звонит Оберемко. Папа был очень удивлен, поскольку его друг совсем недавно уехал в Италию, и до отпуска было еще далеко. На следующий день Валентин Иванович пришел к нам домой, и они долго и возбужденно о чем-то разговаривали с папой. Об их разговоре мне, в тот момент, естественно, ничего не рассказали. Да я и не спрашивала: в нашей семье не было принято обсуждать проблемы, тем более чужие, в присутствии детей. Даже если они были уже взрослыми. Но по некоторым репликам мне стало ясно, что папа очень расстроен, так как у Валентина Ивановича серьезные неприятности. Оберемко вернулся в Италию, а через несколько недель пришло известие о его кончине. Он умер от сердечного приступа.

Только после его смерти я узнала – да и то лишь в общих чертах – что же произошло.

Резиденция посла в Италии находится на вилле Абамелик. Территория виллы раскинулась на 33 гектарах в очень красивом месте – на холме, откуда открывается прекрасный вид на Рим и Ватикан. Вилла так названа по имени ее бывшего владельца – князя Семена Семеновича Абамелика-Лазарева, потомка знатного грузинского рода армянского происхождения. В конце XIX века князь Семен Семенович Абамелик-Лазарев, путешествовавший по Средиземноморью, был очарован старинной виллой и вскоре приобрел ее. При его жизни залы виллы были украшены резными потолками, живописными плафонами и люстрами из венецианского стекла, полотнами знаменитых художников, скульптурой, предметами прикладного искусства, коллекцией античной мозаики, мрамора, гобеленами.

Абамелик-Лазарев завещал имение Российской императорской Академии изящных искусств. В завещании содержалось несколько условий: деревья и кусты не должны вырубаться, парк не разрешено застраивать, а предметы изобразительного искусства нельзя увозить с виллы. Князь хотел, чтобы впоследствии там была создана Русская академия в Риме.

До Революции художники, получившие премию Академии, приезжали стажироваться в Италию и подолгу жили на вилле. Некоторые из них прославили русскую школу живописи – Иванов, Брюллов, Репин, Суриков. Покидая Рим, в знак благодарности за гостеприимство, они иногда оставляли на вилле свои полотна, скульптуры. Поэтому коллекция виллы Абамелик до Революции все время пополнялась новыми произведениями искусств.

С 1947 года вилла Абамелик стала резиденцией русского посла в Италии. Из внутренних построек до сегодняшнего дня сохранился дворец «Бельведере», где располагается непосредственно резиденция, представительское помещение, «Охотничий домик» в мавританском стиле, бывшие конюшни и флигель – «домик Гарибальди».

Оберемко был человеком хорошо образованным. К тому же его интересы лежали не только в сфере политики. В молодости он несколько лет проработал в Париже, любил искус-

ство и хорошо разбирался в живописи. Валентин Иванович решил провести инвентаризацию произведений искусства виллы Абамелик. Видимо, его сразу же что-то насторожило. Очень скоро обнаружилось, что не хватает многих произведений известных художников. В некоторых случаях, как он рассказал папе, висит картина, на раме – правильный инвентарный номер. В соответствии с ним, это, должен быть, допустим, пейзаж Иванова. Но даже ему, непрофессиональному искусствоведу, ясно, что это не Иванов. Полотно какого-то современного художника висит в раме из-под Иванова. Завхоз посольства ничего объяснить ему не смог. Более того, предложил вместо современной лампы, подменившей на каком-то этапе старинную, стоявшую в кабинете посла, купить другую – в антикварном магазине. Сказал, что договорится в магазине следующим образом: чек выпишут на покупку одной лампы, но купят две и, таким образом, Оберемко сможет вторую оставить лично себе. С завхозом было все ясно, помощник он был в совсем других делах, которыми Валентин Иванович заниматься не собирался.

Он попытался самостоятельно разобраться во всей этой истории. Не знаю, что он выяснил, но понял, что «следы» ведут в Москву. В то время на самой верхушке советского бюрократического Олимпа было несколько людей, известных своими коллекциями живописи. Оберемко, наивный человек, приехал в Москву и пытался поднять вопрос об исчезновении произведений искусства на вилле в Риме. Реакция была однозначной: сиди и не возникай, а иначе еще надо будет доказывать, что не ты эти картины украл. Думаю, в такой ситуации инфаркт вполне объясним. Хотя, некоторые из друзей Оберемко, поговаривали, что уже больно эта смерть была на руку некоторым сильным мира сего. Тем более, что обстоятельства его смерти давали пищу для такого рода спекуляций. Валентин Иванович никогда до этого на сердце не жаловался, хорошо себя чувствовал. На вилле он был один, его жена была в Москве. Тело нашли только утром. Вскрытия не было, тело привезли в Москву в запаянном гробу и быстро похоронили. В общем, вся эта история оставила у всех, знавших Валентина Ивановича, тяжелое чувство.

Вряд ли сегодня остался в живых тот, кто мог бы пролить свет на эту драматическую историю.

Позднее еще одного посла – Анатолия Леонидовича Адамишина и его жену Ольгу Николаевну – тоже очень взволновала судьба произведений искусства на посольской вилле в Риме. Мне повезло немного пообщаться с ними во время их приезда в Женеву в конце 90-х годов. До этого я слышала о них много хорошего от родителей, которые не были с ними дружны, но часто пересекались на различных мероприятиях.

Мы встретились, и мне сразу же понравились они оба – симпатичные, умные и интеллигентные люди. К тому же, показалось, что я знаю их очень давно. Держались они просто, непринужденно и мы проговорили весь вечер, хотя встреча должна была быть чисто протокольной и короткой.

Когда Анатолий Адамишин был послом в Риме, его жене удалось спасти те произведения искусств виллы Абамелик, которые там еще оставались.

Если в советские времена национальное достояние рассматривалось некоторыми властью имущими как свое собственное, то после перестройки такое поведение стало повсеместным. Ольга Николаевна решила сделать так, чтобы о завещании князя и его условия, в соответствии с которым запрещалось вывозить вещи с виллы, узнало как можно больше народа. А главное, рассказать о том, что хранится на вилле. Но как это осуществить?

Сначала Адамишина фотографировала все произведения искусства. Этому предшествовала большая работа. Она буквально облазила виллу, ее подвалы, все подсобные помещения и отыскала ценности, которые до этого много лет пылились там, никем не замеченные или просто позабытые. А потом предложила известной компании «Финмекканика» совместно с посольством подготовить альбом о вилле. В итоге был издан прекрасный альбом, посвященный вилле Абамелик, и тем самым предотвращено ее окончательное разграбление.

Мне повезло побывать на этой вилле. Не так давно я оказалась в Риме в тот день, когда проводился прием по случаю национального праздника России. Вилла, ее парк,

вид на Рим оттуда – все было не хуже, чем на красочных фотографиях. Вокруг ходили нарядно одетые люди, многие дамы были в длинных платьях – так что мне нетрудно было перенестись в прошлое и вообразить себя на рауте у князя, скажем, в начале прошлого века. Правда, когда я решила перекусить и зашла внутрь здания, то быстро опустилась с небес на землю. В роскошном зале, на столе стояла фарфоровая супница. Я удивилась – на приемах суп, как правило, не подают – есть его, стоя, задача непростая. Но поскольку еда на приеме не отличалась ни обилием, ни разнообразием, решила все-таки посмотреть, что же там находится. Каково же было мое удивление, когда я увидела в супнице... гречневую кашу. Я все-таки положила ее на тарелку, решив, что, возможно, это какое-то русское блюдо – например, почки с гречневой кашей. Такой вариант еще мог бы быть любопытен. Но нет, это была сухая, ничем не заправленная гречневая каша. К тому же почему-то посыпанная сверху петрушкой. Я отошла в сторону и оставила тарелку около мраморного бюста какого-то римского патриция, с грустью, как мне показалось, взиравшего на это странное пиршество. Я подумала, что он видел совсем другого рода угощения на обедах, которые давал в этом зале Абамелик-Лазарев, славившийся своими изысканными приемами.

Юрий Фанталов и Мира Редина. Еще одни друзья молодости. И еще одна по-настоящему драматическая история. Фанталов и Редина начинали свою жизнь в балете. К тому же оба были удивительно хороши. Красавец и красавица. Смотрелись они вместе замечательно. А главное, оба были по-настоящему талантливыми артистами. Особенно блестящую карьеру прочили Мире Рединой. Многие люди моего поколения еще помнят чудный фильм «Звезда балета» о жизни молодой балерины. Заглавную роль в нем сыграла Мира. На эту роль ее пригласили, когда она заканчивала балетное училище Большого театра. Кстати, училась она там на одном курсе с Майей Плисецкой. После окончания училища ее приглашали в Большой театр, но она почему-то предпочла Театр оперы и балета имени Станиславского.

В балетной среде, где у мамы было много знакомых, поговаривали о том, что она заменит Уланову в Большом театре, когда та перестанет танцевать. А этот момент был уже не за горами.

Она была и в жизни столь же удивительно нежной, трогательной, волшебной красивой, как в фильме. И вот этой женщине, казавшейся такой хрупкой, пришлось вынести испытания, которые и каждому сильному мужчине не по плечу.

Фанталовы решили завести ребенка. Балерины редко решаются на такой шаг. Особенно звезды. Ежедневные изматывающие тренировки, огромные физические нагрузки каждый день, строжайшая диета – все это отнюдь не вписывается в режим беременной женщины. Не знаю, до какого месяца беременности балерины должны танцевать на сцене. Уверена, что они могут уходить в отпуск раньше, чем другие женщины. Но вряд ли это что-то существенно меняет: животу – ему ведь не прикажешь: не расти! Так что уже с третьего месяца приходится затягивать корсет все туже и туже, чтобы по-прежнему демонстрировать на сцене осиную талию. Прима-балерине уйти раньше срока мешает еще и боязнь конкуренции. Свято место пусто не бывает. Много может произойти даже за четыре-пять месяцев твоего отсутствия. Я не помню, у кого из наших звезд было потомство? У Улановой – не было. У Плисецкой – тоже нет. У Максимовой и Васильева – по-моему, нет. Наверное, у кого-то есть. Я не историк балета, не берусь утверждать категорически. Но ясно, что это именно исключения.

Юра и Мира любили друг друга и очень хотели ребенка. Родился мальчик. Родители были счастливы. Но буквально через несколько недель стало ясно, что ребенок родился больным. Сначала выяснилось, что он не видит. Потом обозначились многочисленные проблемы. Фанталовы пошли на риск, и им не повезло.

Мы были тогда в Лондоне, и я помню, как родители отправляли постоянно какие-то лекарства в Москву. Операции следовали одна за другой. Вскоре был вынесен страшный диагноз: ребенок родился неполноценным, он будет отставать в своем развитии – физическом и интеллектуальном. С этим ничего сделать нельзя. Скорее всего, он

проживет лишь лет до десяти-двенадцати. Врачи и многие друзья советовали Фанталовым отдать ребенка в специальное медицинское заведение. Но они решили иначе: это наш ребенок, и мы его никуда не отдадим, будем воспитывать сами.

Что такое воспитывать неполноценного ребенка, я не знаю. Но догадываюсь. Особенно в советские времена. Тогда ведь найти сиделку или няню было просто невозможно. Лекарства приходилось чаще всего не покупать, а доставать. А мальчика оставить одного было невозможно ни на минуту. Мира ушла из балета и сидела дома с ребенком. Юра тоже оставил балет – нужно было зарабатывать деньги за двоих.

И началась для них очень непростая жизнь, которая длилась не одно десятилетие. Диагноз врачей оказался, к сожалению, правильным – мальчик так и остался неполноценным. Он даже не смог научиться ходить и всю жизнь провел в инвалидном кресле. Ошиблись медики, лишь предсказав, что ребенок проживет недолго. Я не знаю точно, сколько он прожил, но умер он уже взрослым мужчиной, ему было за тридцать. Фанталовы редко выбирались в гости к родителям. Но когда они приходили, то никогда ни на что не жаловались. Они были по-прежнему обаятельными, улыбчивыми, любящими друг друга людьми. И вовсе не выглядели несчастными. Никогда не возникало ощущение, что их надо пожалеть. Они излучали не желчность, а доброту. Как им удалось не озлобиться, не ожесточиться и даже сохранить любовь – я не знаю.

А потом на них обрушилась еще одна трагедия. Произошло это не так давно. Сына их уже не было в живых. Узнав о его смерти, я еще подумала: ну вот, теперь они могут вздохнуть и немного пожить для себя. Но в один далеко не прекрасный день на Юру Фанталова днем на улице напали хулиганы. Чем им не угодил уже совсем немолодой человек – неизвестно. Они его так избили, что Мира еле выходила мужа. Но прожил он недолго, вскоре после этого у него случился инсульт, и он умер.

Летом 2010 года я оказалась в Гштаде – горном курорте Швейцарии – на музыкальном фестивале. Я приехала туда

послушать Гергиева, в этот вечер дирижировал он. Не помню, каким оркестром, но это неважно. Я заметила, что когда дирижирует Гергиев, то очень хороший оркестр звучит гениально, но даже не очень хороший – будет звучать хорошо.

Перед концертом спонсор фестиваля – часовая фирма Ролекс – устроила коктейль. И вот на этом концерте я вдруг вижу немолодую женщину, которую я сразу узнаю. Плисецкая! Я никогда не встречалась с ней в жизни, видела на сцене чуть ли не тридцать лет назад, но сразу узнала. Она, конечно, постарела, но ее никак нельзя было назвать старухой. Позже я узнала, что ей уже за восемьдесят! Невозможно поверить. Она явно скучала среди незнакомых людей, и я решилась подойти к ней. Мы разговорились. Я рассказала о том, что моя мама всегда очень увлекалась балетом и была ее поклонницей. Сказала и о том, что у мамы есть несколько знакомых балерин и упомянула имя Миры Рединой. Плисецкая, до этого слушавшая меня явно лишь из вежливости, посмотрела на меня внимательно.

– Вы знаете Миру Редину? – спросила меня она уже с интересом.

– Да, немного. Она – подруга мамы, но я видела ее часто у нас дома, – ответила я.

– Какая балерина была! И как жаль, что так все трагично сложилось. И этот ребенок, – Вы не знаете, он еще жив? – спросила Майя Плисецкая.

– Нет, умер, но не так давно, – ответила я.

Я рассказала о том, что знала о Рединой и Фанталове. Было видно, что вся эта история действительно взволновала Плисецкую. Мы обменялись еще парой фраз. Я узнала, что Плисецкая и ее муж – композитор Щедрин – дружны с Валерием Гергиевым, поэтому, когда есть возможность, они приезжают на его выступления. Вот и сейчас они приехали в Швейцарию поддержать его. Я попросила знакомого сфотографировать меня с Плисецкой на память, мы пообщались и разошлись.

Начался концерт. Гергиев был в ударе. Оркестр звучал великолепно. Исполняли оперу Рихарда Штрауса «Саломея». Драматическая музыка, трагическая судьба героев. Все это было созвучно моему настроению. Я все никак не могла

перестать думать о Мире Рединой и ее муже. А, вернее, о том, почему судьба так нещадно обрушивается на некоторых людей? Вечный вопрос, на который, наверное, никогда не будет дан ответ.

Еще одни очень близкие, особенно в последние годы, друзья родителей – Меликянцы. Георгий Георгиевич почти полвека возглавлял литературный отдел «Известий» и его жена Ольга Иосифовна – врач-венеролог, не просто врач, а заведующая отделением в диспансере Дорогомиловского района. Я узнала их отчества только недавно, когда писала эту книгу. В окружении родителей все их звали просто Жора и Люся. Их полные имена звучат для моего уха настолько чужеродно, что я так и буду продолжать называть их по-прежнему. Я не знаю, кто в этой семье был подлинным лидером, но создавалось такое впечатление, что это была жена. Жора был интеллигентен, молчалив и застенчив. Правда, если его удавалось разговорить, то становилось ясно: этот человек очень эрудирован и умен. Но если рядом была жена, то ему редко удавалось вставить слово.

Люся – небольшого роста, довольно худая, темноволосая, остроглазая и очень шумная. Энергия из нее так и била ключом. Как только она появлялась где-либо, слышно было только ее. Она говорила громко, уверенно, не стеснялась ярких выражений. Этаким мужик в юбке. Ее репутация как отличного специалиста была широко известна. К тому же, несмотря на свою разговорчивость, она умела хранить секреты своих пациентов. В то время «засветиться» с венерологическим заболеванием было равнозначно концу карьеры. Поэтому у нее было много пациентов и среди них явно немало высокопоставленных. Они закармливали ее духами, конфетами, всяческими деликатесами. Не будешь же женщине коньяк дарить! Часто у нас дома раздавался звонок: «Зоя, приезжайте, мне такую банку икры притащили!» Или: «Мне тут один пациент – оказывается он не только на бабонек охотник – целого кабанчика притащил. Едем на дачу завтра, будем жарить!»

Родители особенно сблизились с Меликянцами, когда началась эпопея со строительством дачи на Красной

Пахре. Сначала газета «Известия» создала там журналистский кооператив, и Меликянцы начали первыми строительство небольшого дома. Чуть позже к «Известиям» примкнуло агентство печати «Новости», и родители, продав, к моему огромному сожалению, дом на Правде, несколько лет мучительно отстраивались на новом месте. Папа заработал много проблем со здоровьем, таская с мамой на пару бревна, кирпичи и прочие строительные материалы, которые они умудрялись где-то добывать. Стройка началась в конце 80-х годов и продолжалась в начале 90-х годов. В это время повсюду царил такой дефицит, что магазины застойного периода казались чуть ли не кавернами Али-Бабы. Поэтому, если мама вдруг узнавала, что где-то дают цемент, то не было времени искать рабочих или уговаривать приехать сыновей: родители мчались на строительный базар и на себе тащили мешки с цементом на дачу. Папа слег, после одной такой эпопеи. Грузовик приехал, сгрузил доски и уехал. А родители затаскивали тяжеленные доски, предназначавшиеся для пола, внутрь дома. Травма и без того не очень здоровой спины оказалась настолько серьезной, что понадобилась операция и два года практически лежачей жизни, чтобы вновь начать нормально ходить. В это время родители особенно часто общались с Меликянцами. Помогали друг другу советами, обменивались информацией о дефиците. А по выходным, в свободные от обустройства домов моменты, собирались чаще всего на даче у родителей, поскольку их дом быстрее стал пригодным для жилья.

Именно на Пахре и разыгралась трагедия, поломавшая до этого счастливую жизнь двух очень хороших людей. У Меликянцев были сын Александр и дочь Ира, моя сверстница. Мы с ней немного общались на Красной Пахре. Ира вышла замуж, и у нее родилась дочь. Однажды вечером Меликянцы всей семьей ехали на дачу. Смеркалось. До поворота с Калужского шоссе на Пахру оставалось совсем немного. Вдруг муж Иры попросил остановить машину. Его пытались уговорить подождать, езды оставалось минут пятнадцать-двадцать, но ему, что называется, «приспичило». На той стороне, где остановилась машина, место было

открытое, и он решил перейти на другую сторону шоссе, где росли деревья. Начал переходить шоссе... и его сбила машина, которая неслась по противоположной стороне. Ира закричала, выскочила из машины, побежала к мужу, лежавшему на шоссе, и... ее сбила другая машина. Ни одна из них не остановилась. Оба водителя скрылись.

Все произошло так быстро, что Меликянцы даже не сразу осознали случившееся. К тому же они оба были какое-то время просто в шоке, не могли сообразить, что делать, куда бежать. Пока нашли, откуда позвонить – дело было в конце 90-х годов, мобильные телефоны только входили в обиход, – пока приехала «скорая помощь», все было кончено. И Ира, и ее муж были мертвы.

Как могло произойти такое чудовищное происшествие – уму непостижимо. Движение на Калужском шоссе не такое уж активное – это не скоростная магистраль. К тому же шоссе узкое, там особенно не разгонишься, тем более вечером. И такое невероятное совпадение – два негодяя, сбившие людей и даже не остановившиеся им помочь! Может быть, у них были телефоны, и если бы приехала «скорая помощь» раньше, хоть кого-то удалось бы спасти. Люся сказала маме, что дочь, Ирочка, была еще жива, когда ее увозила «скорая».

Трудно передать словами то, что пережили Люся и Жора. Им, уже очень немолодым людям, пришлось к тому же воспитывать оставшуюся без родителей внучку. Люся, казавшаяся такой сильной, перенесла трагедию хуже, чем Жора. Она сразу же очень сдала, не прошло и нескольких лет, как ее не стало. Жора один воспитывал внучку несколько лет, но недавно умер и он. Девочка растет в семье Саши – сына Меликянцев, брата погибшей Иры.

Бойченко. Эта семья стала появляться в нашем доме благодаря дружбе мамы с Валентиной Павловной. Встретившись на отдыхе в начале 70-х годов, они больше не разлучались, став близкими подругами.

Ее муж, Виктор Кузьмич Бойченко, был папиным сверстником. Он прошел всю войну, имел Звезду Героя Советского Союза, был участником Парада Победы.

В 70-х годов Виктор Бойченко занимал должность заместителя председателя Государственного комитета по иностранному туризму. «Интурист» являлся единственным туристическим агентством Советского Союза. В это трудно поверить сегодня, но других фирм у нас просто не существовало. Да и зачем? Советских людей в туристические поездки за границу ездило очень мало, а для не столь многочисленных иностранных любопытствующих лучше было иметь одно – так легче было осуществлять за ними контроль.

Видимо, он был достойным человеком во многих отношениях, но в их семейной паре первую скрипку исполняла Валентина Павловна. Это было совершенно очевидно. Честно говоря, я даже не помню, чтобы я когда-либо слышала голос Виктора Кузьмича. Он совершенно тушевался в присутствии жены. Помню, когда я узнала, что он – Герой Советского Союза, – увидев в праздничный день на лацкане его пиджака Звезду Героя, то была страшно удивлена. Его облик никак не вязался у меня с обликом героя. Лишь гораздо позднее я поняла, что облик и поведение бывают чрезвычайно обманчивыми, могут совершенно ничего не говорить о человеке. И даже сообщать нам неправильную информацию. Я уже не помню, за что он получил награду, а возможно, никогда и не узнавала, настолько этот человек мне казался неинтересным. Теперь я об этом сожалею.

Не так давно, в 2005 году я прочитала где-то сообщение о том, что компания «ВАО Интурист», существующая без малого 80 лет, поздравила с юбилеем своего ровесника. Именно 80 лет исполнилось человеку, посвятившему значительную часть своей жизни работе в «Интуристе» – Виктору Бойченко. Надеюсь, что Виктор Кузьмич здравствует и по сей день.

В тот момент я, как и мама, была под впечатлением Валентины Павловны. Она была некрасива, но, отметив сей факт при первой встрече, вы потом уже совершенно этого не замечаете. С ней было очень интересно: она многое повидала, была образованной и начитанной женщиной. И просто – умной. Благодаря ей мама узнала о существовании специальных курсов для жен дипломатов при

Дипломатической академии МИД СССР. Изначально они действительно предназначались для жен высокопоставленных чиновников министерства, но очень скоро превратились в своеобразный клуб номенклатурных жен. На этих курсах не только читали лекции по истории, литературе, истории искусств, но и проводили занятия по организации протокольных мероприятий. Кроме того, в рамках этих курсов организовывались встречи с различными интересными людьми, выходы в театр на новинки сезона, происходили показы новых фильмов – как советских, так и западных. Как рассказывала мама, она там встречала Найну Ельцину – тогда, когда ее муж еще являлся первым секретарем горкома КПСС Москвы, Нанули Шеварнадзе – в бытность ее мужа министром иностранных дел, и многих других высокопоставленных жен.

Валентина Павловна, подружившись с моей мамой, приняла в свой круг и меня. Иногда я пристраивалась к ним, когда они шли на просмотр кинофильма, организуемого курсами в Доме кино. Я очень любила эти выходы втроем. Не только потому, что мне удавалось посмотреть новый фильм, я очень ценила возможность поговорить с Бойченко, посоветоваться. Она воспринимала меня не как досадную помеху в ее общении с подругой, но как интересного ей собеседника. Во всяком случае, у меня возникало такое ощущение, и поэтому я не стеснялась обращаться к ней с вопросами.

Попав к ней в дом – в небольшую трехкомнатную квартиру на Ленинградском шоссе, я подумала, что попала в филиал музея стран Востока. У нее были очень красивые китайские вещи – фарфор, изделия из кости, дерева и камня. Помню, как поразила меня большущая нефритовая лягушка с малиновыми глазами, оказавшимися какими-то полудрагоценными камнями, стоявшая у входа. Когда я села на диван, то все время боялась задеть голову дракона, нависавшую надо мной – это был торшер из резного дерева в форме дракона, державшего в пасти свисающий вниз светильник. Вещей, возможно, было и не так много, но все они были уникальными изделиями, а не банальными ремесленными поделками. Оказалось, что Бойченко в 50-х годах несколько лет проработали в Китае, вот там Валентина

Павловна и купила эти вещи. Вместо того чтобы, как большинство других жен, покупать отрезки китайского шелка или какие-то другие предметы ширпотреба, она с трудом выкраивала из зарплаты мужа деньги и выискивала в лавочках старинные вещи. Правда, по ее словам, выискивать приходилось лишь из-за скудости бюджета – красивого антиквариата в то время в Пекине было немало. Были бы лишь желание и деньги.

Валентина Павловна в тот момент, когда мы с ней познакомились, увлекалась фарфором и заразила нас тем же. Мы с мамой тоже начали собирать фарфор – русский. Мама – чайные чашки, а я – кофейные. Не то чтобы они мне больше нравились, а потому что были самыми дешевыми фарфоровыми изделиями. Мы стали ездить в салон антиквариата на Октябрьской площади¹³⁷ и караулить там интересные и недорогие вещи.

Нам, конечно, редко удавалось купить что-нибудь по-настоящему интересное. Денег ни у меня, ни у мамы лишних не было. У Валентины Павловны тоже. Но она была натура азартная. Как часто, увидев красивую вещь, предложенную из-под полы продавщицей, она говорила свою знаменитую фразу: «Ладно, куплю, а там перекручусь как-нибудь до зарплаты!» Мама редко решалась «перекрутиться». Но если и есть у нее по-настоящему красивый фарфор, то он появился именно под влиянием настойчивых уговоров Валентины Павловны: «Зоя, покупай, а потом перекрутишься».

Сейчас, когда антикварные лавки ломаются от вещей, трудно представить, что тогда в таких магазинах, как и во всех прочих, полки, чаще всего, пустовали. Везде царил дефицит – исключений не было. Валентина Павловна была мастером по установлению контактов с продавщицами – скоро нас в магазине уже знали и оставляли нам недорогие и интересные вещи.

Дорогие скупали грузины. Я, конечно, утрирую, но грузин в комиссионных магазинах было всегда немало, и их там любили и привечали. Это были бизнесмены советского времени – они умели делать деньги, продавая фрукты, овощи и

¹³⁷ Ныне Калужская площадь.

цветы на московских рынках. Наверное, делали они деньги и другими доступными в те времена способами. Но этот был наиболее очевидным. На московских рынках царили люди с Кавказа. Возможно, там были и армяне, и азербайджанцы. Не знаю, не подсчитывала, кого там было больше, но бытовало мнение, что торгуют, в основном, грузины.

Ну и куда же их вкладывать, заработав? Естественно, в золото, бриллианты и антиквариат. Эта форма вкладов была действительной, конечно, не только для грузин, а для всех, имеющих деньги, во все времена. Вплоть и для нынешнего. Посмотрите, каких астрономических высот достигают цены на полотна известных художников, на уникальную мебель, на редкие по величине и красоте бриллианты. Их покупают, чаще всего, не из любви к коллекционированию, а рассматривая как вложение денег. Интересно, когда-нибудь это перестанет быть прибыльным делом?

Валентина Павловна была собирателем по призванию. Она делала это не из любви к ценным вещам, а потому что ей нравился процесс собирания. И она заразила нас собирательским зудом. Я потом всю жизнь что-то собирала: как начала, благодаря ей, в Москве, так уже и не могла остановиться. Сначала был фарфор, потом собирала картины. А когда, приехав в Швейцарию, поняла, что картины мне не по карману, начала коллекционировать гравюры. Я умудрилась заинтересоваться гравюрами, когда интерес к ним начал падать. В итоге, когда понадобились деньги, и я решила пожертвовать частью коллекции, мне мало что удалось продать. Чаще всего в магазинах и на аукционах их просто отказывались брать, хотя и признавали их определенную ценность. Говорили одно и то же: сейчас они мало кого интересуют и не продаются. Так и лежат у меня многочисленные папки с гравюрами. Может, интерес к ним возродится? А пока я переключилась на старое стекло: надо же что-то собирать!

Валентина Павловна собрала весьма неплохую коллекцию русского фарфора. Потом переключилась на самовары – и вся кухня у нее заполнилась самоварами всех возможных форм и расцветок. От ярко-красных медных до отливавших голубизной серебряных. Были среди них и очень

редкие – с клеймами знаменитых мастерских – братьев Грачевых, Овчинникова. Были также самовары, принадлежавшие именитым фамилиям, увенчанные соответствующими гербами.

Валентина Павловна, как я уже говорила, собирала из любви к процессу и потому что умела ценить красивые вещи. Она не рассматривала коллекционирование как вложение денег и легко расставалась даже с ценными вещами, когда теряла к ним интерес. «Заболев» самоварами, она могла задешево продать уникальную фарфоровую чашку, чтобы купить далеко не адекватный по ценности, но понравившейся ей самовар. Она, как и моя тетя Инна, не была человеком меркантильным, не дрожала над вещами. Помню и такой сюжет: зима, поздний вечер, звонок. Звонит Валентина Павловна и говорит, что внучка выбросила с балкона ее красивейшие серьги из редкого жемчуга, привезенные ей мужем из Японии. Я ее и видела чаще всего в этих серьгах, которые она очень любила.

– Как выбросила? – удивляется мама.

– Я уходила, она их решила померить. Когда я вернулась, она испугалась, что я буду ругаться, увидев ее в сережках, выбежала на балкон и выбросила их.

– Как же это ей в голову пришло? – продолжает расспросы мама.

– Ну что ты хочешь? Ей же пять лет, ребенок. Услышала, что дверь хлопнула – я вернулась, – а она в моей комнате орудует, ну и испугалась.

– Ты нашла их? – спрашивает мама.

Она решила, что Валентина Павловна рассказывает обо всем так спокойно, потому что серьги уже нашлись.

– Да куда там! Внизу под балконом сугробы по пояс. Темень. Я побродила, посмотрела – разве там найдешь!

– Ну что ты говоришь! Такие серьги! – восклицает мама. – Сегодня уже поздно, да и действительно темно. А завтра утром я приеду, мы еще поищем. Не волнуйся, найдем.

– Не надо, что ты! – возражает Валентина Павловна. – Хорошо, я завтра сама еще посмотрю. Но ты не волнуйся! – успокаивает она маму. – В конце концов, обойдусь я без этих серег. Всю жизнь жила без них и теперь проживу.

На следующее утро мама все-таки поехала на Ленинский проспект. Они облазили вместе с Валентиной и ее дочкой сугробы под балконом квартиры, но так ничего и не нашли. Если Валентина Павловна и сокрушалась об их пропаже, то только из-за того, что одной из ее дочерей – Наташе или Алене – не удастся их поносить. Валентина Павловна всегда говорила, что после ее смерти все ее ценные вещи должны быть поделены между двумя дочерьми, поскольку мужу они все равно не нужны, он к ним безразличен.

Странно, эта история с пропавшими серьгами и сожаление Валентины Павловны о том, что их не удастся оставить дочерям, была как будто предвестником последующего развития событий. Валентины Павловны не стало через несколько лет после этого. Ей не исполнилось и шестидесяти лет. Умерла очень быстро, как говорят в таких случаях, «сгорела» от болезни буквально за несколько месяцев. Через некоторое время после ее смерти я, разговаривая с мамой о Бойченко, спросила: как ее дочери поделили вещи, кому что досталось? Выяснилось, что ничего делить не пришлось. После смерти Валентины Павловны дочери, жившие отдельно, попросили убираться в квартире женщину, работавшую уборщицей в этом доме. Ей удалось очень быстро, что называется, «прибрать к рукам» Виктора Кузьмича Бойченко. Далее события развивались, к сожалению, по столь нередкому сценарию: он настолько попал под влияние этой особы, что перестал общаться с дочерьми и им был заказан вход в квартиру родителей.

В итоге, судя по всему, вещи, собиравшиеся с такой любовью Валентиной Павловной, достались совершенно чужому человеку. Как много подобных историй слышал каждый из нас за свою жизнь! Человек умирает, и все, что ему было дорого, достается отнюдь не самым для него дорогим людям. Даже среди знакомых родителей – это не первая подобная ситуация: вспомним исчезнувшие марки Снегирева.

А бывают истории другого рода, не менее драматичные.

Моя бабушка Вера, жившая всю жизнь на крошечную зарплату машинистки, а потом еще более символическую пенсию. После того, как она стала жить с нами, она начала что-то откладывать на книжку. Мы об этом даже не по-

дозревали. Незадолго до смерти, она с гордостью объявила, что завещала своей правнучке – моей дочери – тысячу рублей. Она умудрилась накопить их со своей крошечной пенсии! Это была очень значительная сумма для того времени. Буквально через несколько месяцев после смерти бабушки произошла знаменитая денежная реформа 1991 года. Потом наступил период дикой инфляции. Тысяча рублей превратилась, как по мановению палочки, в прах. Было не так жалко пропавших денег, сколь обидно за бабушку. Лучше бы она потратила их на себя при жизни.

По статистике, в наше время дети вступают во владение имуществом родителей в районе шестидесяти лет. Как правило, к этому возрасту среднестатистические дети уже обзавелись тем, что им нужно для жизни. И я думаю, большинство из них были бы рады, если бы их родители жили как можно лучше, а не откладывали деньги, чтобы побаловать своих отпрысков после своей смерти. Пусть лучше радуют их тем, что хорошо выглядят, хорошо себя чувствуют, ходят в театры, на концерты – словом, продолжают жить в полной мере, оставаясь людьми, с которыми их детям будет по-прежнему интересно общаться.

По-моему, правильнее всего поступила моя тетя, о которой я уже рассказывала. Она продала часть вещей, которые представляли ценность, еще при своей жизни, находясь, как говорится, в здравом уме и твердой памяти. Другую часть ценностей она подарила близким. Тем самым она не только порадовала этих родных и в очередной раз заслужила их благодарность, но и доставила себе удовольствие, делая подарки дорогим для нее людям.

Папа очень любил живопись. Еще в детстве, в Англии, он водил меня и в Национальную галерею, и в Галерею Тейт. В Москве зимой по выходным мы часто ходили с ним или в Пушкинский музей, или в Третьяковку. Отовсюду, где он бывал, папа привозил альбом крупнейшего художественного музея страны. В итоге у нас дома образовалось большое собрание книг, посвященных художникам всех времен и народов, различным музеям мира. Папа старался не пропускать интересные выставки, проходившие в Москве. Любил бывать

в мастерских художников. Иногда покупал особенно понравившуюся ему работу. Все стены их с мамой квартиры увешаны картинами. Там нет полотен прославленных художников. Коллекционировать их у родителей не было ни средств, ни особого желания. Они покупали картину, которая их чем-то затронула, а не потому, что на ней стояла подпись именитого живописца.

Как-то на выставке-продаже картин художников-ветеранов родителям приглянулся пейзаж, подписанный именем, ничего им не говорившим – Сергей Емельянов. Они купили картину и познакомились с художником, который случайно оказался в этот момент в салоне. Нам всем так понравился пейзаж, который приобрели родители, что мы со звонились с Емельяновым и договорились прийти к нему в гости, чтобы купить еще что-нибудь. В назначенный день мама, папа и я отправились к художнику. И до этого мы уже не раз бывали на квартирах и в мастерских художников. Знали, что чаще всего они живут более чем скромно. Но то, что мы увидели у Емельяновых, нас поразило. Они жили в старом доме на улице Чехова¹³⁸ около здания театра имени Ленинского комсомола. Рядом с очень живописной небольшой церковью. Лифта в доме, естественно, не было, на третий этаж приходилось подниматься пешком. Квартира оказалась коммунальной. Емельяновым принадлежала одна комната – примерно двадцать пять квадратных метров. Зайдя в комнату, вы были вынуждены потом все время протискиваться между столом, буфетом, диваном, на которых они и спали. Я с ужасом подумала: «Как же здесь можно жить?»

Я не была избалована роскошными жилищными условиями, я прекрасно помнила нашу комнату на Песчаной, размером еще меньше этой, где жили мама с папой и я. Да еще домработница Галя, которой приходилось спать в коридоре на сундуке. А для бабушки, иногда остававшейся ночевать, клали матрас на пол. Туда же как-то умудрились втиснуть и коляску для брата Миши, когда его привезли из роддома. Он в ней и прожил свой первый год. И в Англии, как я уже

¹³⁸ Сегодня это улица Малая Дмитровка.

писала, мы жили, хоть и в двух комнатах, но в коммунальной квартире. Да и родительская первая отдельная квартира в Мазилово была крошечной, как и все «хрущевки», и едва вмещала наше разросшееся семейство.

Но в комнате Емельяновых находилось, помимо минимума нужных для житья вещей, огромное количество картин, папок с этюдами, рам и подрамников. Картины стояли, лежали на полу и на шкафу, висели одна на другой по всем стенам. В эту комнату был втиснут персональный музей художника, творившего уже более семидесяти лет. Емельянов родился в 1894 году, а наша встреча произошла где-то в конце 70-х годов прошлого века.

Емельянов родился в семье церковнослужителей, в селе Мудрово Вятской губернии. Его дед и отец были священниками. А он с детства любил рисовать и, хотя его тоже отдали на учебу в семинарию, он, не закончив ее, ушел. Учился в Высших художественных мастерских¹³⁹, преобразованных позднее в институт¹⁴⁰. Его учителями были Архипов¹⁴¹ и Истомин¹⁴². Уже с 1927 года он, будучи членом группы «Искусство – трудящимся», – регулярный участник выставок этой группы. Зарабатывал тем, что оформлял общественные здания Москвы к революционным праздникам.

В основном Емельянов писал пейзажи – удивительно тонкие и лирические. Он мало писал больших полотен: говорил, что был очень беден, холст мог купить редко и экономил даже на картоне. Действительно, даже у меня есть его картины, написанные на картоне с обеих сторон.

¹³⁹ Вхутемас – Высшие художественно-технические мастерские, московское учебное заведение, созданное в 1920 г. в Москве.

¹⁴⁰ Вхутеин – Высший художественно-технический институт, основан в 1922 г. в Ленинграде. В Москве основан в 1926 г. на базе Вхутемаса.

¹⁴¹ Архипов Абрам Ефимович – известный русский живописец, передвижник.

¹⁴² Истомин Константин Николаевич – советский живописец, организовывал первые советские художественные учебные заведения; один из профессоров-руководителей Вхутемаса – Вхутеина.

И еще он писал русские церкви, соборы, монастыри. В стремлении запечатлеть русскую церковную архитектуру сказались его семейные корни. Он объездил множество городов, деревень, сел и сделал сотни зарисовок маслом, акварелью, карандашом. Сколько церквей, запечатленных им, существуют теперь только на его картинах!

Сергей Анатольевич и его жена оказались людьми удивительными. Это были два старых, но очень красивых человека. Красивых внутренним светом, который освещал их лица. К тому же они излучали не просто доброжелательность, а доброту. Я, к сожалению, не помню имени жены Сергея Анатольевича, но никогда не забуду ее лица. Ни до, ни после я никогда не видела такой красивой очень пожилой женщины. Ее невозможно было назвать старухой, хотя, я думаю, ей было уже около восьмидесяти лет. И она отнюдь не пыталась казаться моложе. Седые волосы были собраны в пучок, никакой косметики и одевалась она, как одеваются старые женщины. Но при этом вы не могли не любоваться ее лицом, на котором, к тому же, удивительным образом почти не было морщин. Я видела такие бледные без признаков увядания лица лишь у монахинь. Наглядное доказательство того, что избегая солнца, можно отсрочить их появление. Емельяновы были по-настоящему религиозными людьми. Возможно, это позволяло им быть счастливыми.

Они, казалось, совершенно не замечали тех неудобств, в которых жили. Не роптали и не жаловались на судьбу. Хотя жизнь у них была очень нелегкая. Когда началась война, Емельянов ушел на фронт, был ранен, и случилось самое страшное для художника – Сергей Анатольевич практически потерял зрение. Много лет лечился и в итоге стал видеть лучше, но писать так, как раньше, уже не смог.

Узнав эту историю, я нашла объяснение тому, что до этого было для меня непонятным. Насколько хороши были пейзажи Емельянова довоенного периода, настолько слабым было почти все, написанное после войны.

Мы часто потом бывали у них дома. Сами покупали ранние картины Сергея Анатольевича и приводили друзей, которые тоже не оставались равнодушными к его живопи-

си. Папа, который очень близко к сердцу принял историю Емельянова, пытался помочь им получить, наконец, отдельную квартиру. Выяснилось, что они много лет стояли в очереди чуть ли не первыми, но каждый раз, когда появлялась возможность ее получить, она доставалась кому-то другому. Рассказывая об этом, Сергей Анатольевич не возмущался, а, напротив, выражал уверенность в том, что кому-то другому жилплощадь нужнее.

В середине 80-х годов Емельяновы все-таки переехали в новую квартиру в районе Ленинградского проспекта. Это был обычный многоэтажный блочный дом, даже не новый. Но трудно передать, как счастливы были и Сергей Анатольевич, и его жена! Вскоре после переезда мы пришли навестить их. Анатолию Сергеевичу как раз исполнилось девяносто лет. Емельянов водил нас по своей маленькой малогабаритной квартире с крохотной кухней и показывал ее с не меньшей гордостью, чем какой-нибудь аристократ, демонстрирующий замок гостям. Емельяновы очень жалели лишь об одном: рядом больше не будет их любимого храма – церкви Рождества Богородицы в Путинках, с которой было связано столько лет жизни.

– Наташа, а вы верующая? – вдруг спросил меня он в тот день.

– Нет, – честно призналась я.

– Но, может быть, вас хотя бы крестили?

– Нет, – опять повторила я.

– Вы уверены? – все не успокаивался Сергей Анатольевич.

– Конечно, я знаю точно. А почему Вы спрашиваете? – решила выяснить я.

– Я хотел бы подарить вам пасхальное яйцо. Вот это, фарфоровое. Я заметил, вам оно очень нравится, – и Емельянов показал на чудной красоты фарфоровое яйцо, висевшее всегда в том углу, где у него были иконы.

У Емельянова было два таких яйца, доставшихся ему от отца-священника. Я тогда уже начала, благодаря Валентине Павловне Бойченко, немного разбираться в фарфоре и не могла не любоваться на эти подлинные произведения искусства. На яйцах, окрашенных в синий кобальт, были медальоны с портретами святых, удивительно тонкой работы.

– Жаль, не могу, – с грустью сказал он. – Раз вы некрещеная, нельзя. А мне бы так хотелось сделать вам что-то приятное. Тем более, я знаю, вы уезжаете. Была бы память о Родине.

Сергей Анатольевич искренне расстроился из-за того, что не мог сделать мне подарка. Потом, за столом, он попытался уговорить меня креститься. Но я не хотела этого делать. В тот период все вокруг вдруг стали проявлять такой интерес к религии. Даже те, кто всегда с гордостью называл себя атеистом. А вскоре мы уже увидим, как наш Президент будет усиленно изображать из себя верующего и креститься левой рукой, держа свечку в правой. Я никогда не любила делать что-то из стадного чувства. Поэтому крестилась уже в конце 90-х годов, когда решила для себя, что тем самым я приобщаюсь не только к религии, но и к русским корням, к русской культуре в широком смысле этого слова. Емельянова уже давно не было в живых, а иначе он был бы первым человеком, которому я бы сообщила об этом. И не в надежде получить уникальное пасхальное яйцо. А просто для того, чтобы доставить ему радость. Как он доставляет ее мне каждый раз, когда я смотрю на его картины. Вот уже почти тридцать лет.

Вскоре после этого посещения Емельянова я уехала с мужем на работу в Женеву. Родители продолжали видеться с ним, но все реже и реже. Перестройка набирала силу, страну лихорадило, рушился прежний уклад жизни, прерывались связи даже со многими близкими друзьями. Но приехав как-то в отпуск, я узнала от мамы, что умерла сначала жена Сергея Анатольевича, а вскоре умер и он сам. Почти как иногда заканчиваются сказки: «жили долго и счастливо и умерли в один день». Не так часто, но это действительно случается в семьях, где муж и жена были единым целым. А именно такое впечатление и оставляли Емельяновы. Надо было видеть, как нежно они и в старости относились друг к другу!

Я попыталась узнать, что стало с оставшимися картинами Емельянова. Подумала, что с удовольствием купила бы еще какой-нибудь его пейзаж. Стали узнавать. Выяснилось, что у Емельяновых были дети. По-моему, даже двое. При

жизни родителей о них не было ничего слышно. Во всяком случае, было ясно, что своими престарелыми родителями они вовсе не интересовались. Когда нам удалось с ними связаться, то мы узнали грустную новость: почти все его картины отправились в... Японию.

После его смерти состоялась выставка, на которую его детей попросили дать несколько картин Сергея Анатольевича. Какой-то японец увидел его картины, связался с детьми Емельянова и купил у них оптом все лучшие его произведения. Я не удивилась, что картины оценил именно японец. В живописи Емельянова была та утонченность и лиричность, которая характеризует и лучшие произведения японской живописи.

У меня дома немало картин Емельянова. Есть одна большая, на которой изображен красивый старинный дом с колоннами, окруженный чудным зимним парком. Многие, приходя ко мне впервые, спрашивают: «Это твоя дача?» К сожалению, нет, хотя именно такой дом – типично русский – построила бы себе, имей я такую возможность.

Владимир Алексеевич Юлин и его жена Марьяна Анатольевна – пара, дружба с которой началась еще в Англии. Правда, они значительно моложе родителей.

Владимир Алексеевич, закончив в 1954 году Московский государственный институт международных отношений, начинал свою карьеру в МИДе. Но потом по каким-то причинам – у нас никогда не обсуждали дома эту тему – он перешел в Институт США и Канады, где мы с ним и проработали вместе довольно долго. В середине 80-х годов он уехал в командировку в Секретариат ООН в Нью-Йорке, а позднее много лет работал в различных странах мира по линии ООН.

В Лондоне мы жили с Юлиными в одном доме, о котором я уже рассказывала. Только мы в девятом подъезде, а они в десятом.

И однажды Владимир Алексеевич спас моего брата Мишу. В буквальном смысле этого слова. В обеденный перерыв мужчины приехали домой. Один из сотрудников посольства, Иван Глазков, живший здесь же, запарковал свою машину – большой джип – около подъезда. Мы в это время

играли во дворе в казаки-разбойники, нашу любимую игру того времени. Мой брат, которому было тогда года три, не нашел ничего лучшего, как выбежав со двора на улицу, спрятаться под джипом. Никто этого не заметил. В это время, отобедав, Глазков вышел из дома, сел в машину и завел мотор. Владимир Алексеевич, на счастье, вышедший в это же время из подъезда, увидел Майкла, сидящего, как ни в чем не бывало, под машиной.

– Иван, стой! – закричал он, что было мочи, и побежал к машине.

Он вытащил моего брата из-под кузова и оттащил в сторону.

Как рассказывал Владимир Алексеевич, когда Глазков вышел из машины, на нем лица не было. С тех пор нам было строжайше запрещено выходить на улицу со двора. Естественно, мы продолжали это делать. Просто мы не выходили на улицу через подъезд, а перелезали через забор и оказывались на параллельной улице позади дома. Собственно это даже сократило путь к главной цели наших походов – к маленькому магазинчику, где можно было на накопленные медяки приобрести поштучно конфеты, жвачки и прочие предметы детских вожделений. Правда, Майкл, поскольку он перелезть через высокий забор не мог, был вынужден оставаться во дворе.

Жена – Юлина Марьяна Анатольевна – была врачом-кардиологом. И говорят – хорошим врачом. Но, прежде всего, она была чудесным человеком: теплым, удивительно светлым, очень доброжелательным. В молодости она была полной, в зрелые годы – очень полной, но это тот самый случай, когда полнота воспринимается если не как достоинство, то и не как недостаток. К тому же у нее были очень красивые темные глаза и по-настоящему соболиные брови.

Я помню в Лондоне, когда родители уходили куда-то поздно, то они просили кого-то из соседей заходить к нам, поведать. Я уже писала, что я очень переживала и нервничала, когда родителей не было дома по вечерам. Я всегда просила, чтобы к нам зашла тетя Марьяна. Она приходила, и от нее исходило такое спокойствие и доброта, что я тоже успокаивалась.

Эти же ощущения возникали и позднее, в Москве, когда она появлялась у нас в доме. От одного ее присутствия становилось сразу же еще уютнее и теплее. К ней и обращались все очень ласково – говорили не Марьяна, а Марьяша.

В моей жизни часто бывало так, что запоминалась какая-то фраза, сказанная тем или иным человеком. Часто непонятно почему: на том этапе, когда я ее слышала, она могла не иметь ко мне прямого отношения. И потом я вспоминала эту фразу в разных обстоятельствах.

Фразы могли быть совершенно разноплановые, иногда малозначительные, и почему они запоминались, объяснить было трудно.

Однажды Марьяна сказала: «Нью-Йорк – удивительный город. Какое бы плохое настроение у тебя ни было, выйдешь на улицу, пройдешься немного и заряжаешься энергией, легче становится на душе». Они не так давно вернулись из Нью-Йорка, где пробыли какое-то время, а до этого проработали во многих странах мира. Я тогда довольно скептически отнеслась к ее высказыванию. Америка меня никогда особенно не прельщала. Моей любовью был и оставался Лондон. Через много-много лет я оказалась в Нью-Йорке. Я приехала туда не в лучшей форме – физической и моральной. И в один из первых же дней, гуляя по городу, вдруг вспомнила фразу Марьяны, потому что поняла, о чем она говорила. Каждый раз, выходя на улицу, я как будто подключалась к невидимой батарее, которая подзаряжала меня бодростью и оптимизмом. Даже подъезжая к Нью-Йорку, если мы были какое-то время за городом, я чувствовала вибрацию энергии, исходящую от этого города. Ни в Женеве, где я прожила много лет, ни в Париже, где мне часто приходилось бывать, ни в каком-то другом городе я никогда не испытывала ничего подобного. Поэтому, бывая в Нью-Йорке, я каждый раз вспоминаю Марьяну Юлину.

Не так давно я случайно узнала, что вскоре после выхода на пенсию Юлин возглавил Благотворительный фонд дворянского рода Чичаговых. Сам по себе этот факт удивления не должен был бы вызвать: в наше время столько различ-

ных фондов, и почему бы ему, человеку с большим опытом дипломатической и административной работы, не возглавить один из них? Удивление у меня вызвало то, что этот фонд был учрежден по инициативе игуменьи Серафимы, настоятельницы Московского Богородице-Смоленского Новодевичьего монастыря, происходившей из рода дворян Чичаговых.

Фамилия Юлина никак не увязывалась в моем восприятии с такими словами как «религиозность», «монастырь», «настоятельница», «игуменья», «дворяне». Но когда я поделилась новостью с мамой, она не только не разделила моего недоумения, но и рассказала то, что все объяснило.

Оказалось, что Марьяна – племянница игуменьи Серафимы, личности чрезвычайно интересной. Ее имя в миру – Варвара Васильевна Черная. Она – известный химик, ученый с мировым именем, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, полученной за участие в разработке элементов скафандра космонавта.

Мать Марьяны – Леонида Васильевна – и Варвара Васильевна Черная – сестры. Обе они из рода Чичаговых. Я тут же связалась с Владимиром Алексеевичем и узнала от него еще множество интереснейших вещей. Оказывается, Владимир Алексеевич уже много лет серьезно изучает историю рода Чичаговых и написал несколько брошюр, в которых рассказал об этом примечательном семействе¹⁴³. Он не только собрал уникальные материалы о самых замечательных представителях этого рода, но и попытался систематизировать эти сведения. Вскоре планируется провести в Хельсинки встречу потомков рода Чичаговых, живущих сегодня во многих странах мира.

¹⁴³ «Из тьмы лесов, из топей блат...», в которой рассказывает о роде Чичаговых; «Серафим значит пламенный», посвященную жизнеописанию митрополита Серафима; «Варвара в миру – Серафима в монашестве» – рассказ о Варваре Васильевне Черной; «Не числом, а умением» – история жизни адмирала В.Я. Чичагова; «Адмирал П.В. Чичагов – истинный патриот России».

Корни дворянского рода Чичаговых уходят в глубокую древность. Среди его представителей было немало людей выдающихся. Таких, как адмирал Василий Яковлевич Чичагов, первопроходец Северного морского пути и знаменитый флотоводец времен императрицы Екатерины II. Во время войны со шведами он был главнокомандующим Балтийского флота и, одержав решающую победу над врагом, принудил Швецию к заключению мира.

Его сын, тоже адмирал, Павел Васильевич Чичагов, первый российский морской министр и герой Отечественной войны 1812 г. Его жизнь, полная самых невероятных историй – романтических и драматических, – сложилась очень не просто¹⁴⁴.

Одним из последних Чичаговых, прославивших этот род, был гвардии полковник Чичагов Леонид Михайлович. В

¹⁴⁴ После окончания Отечественной войны 1812 г. Кутузов, с которым у Чичагова были сложные отношения, в докладе Императору несправедливо обвинил его в провале плана по окружению Наполеона на Березине. По свидетельству многих современников именно армия Чичагова была единственной, которая пыталась действовать. Не он, а Кутузов саботировал план, разработанный в Петербурге. Главная армия так и не подошла к театру действий. Корпус Витгенштейна тоже прекратил всякую активность. Тем не менее, на Чичагова возложили вину за то, что Наполеону и остаткам его армии удалось уйти из готовившегося капкана. Державин высмеял его в эпиграмме, а Крылов написал басню «Щука и кот» с известной моралью: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Он намекал на то, что Чичагов был морским военачальником и не имел практики сражений на суше. Чичагов, пытаясь восстановить свое доброе имя, писал своему другу: «...самая большая моя вина в том, что я пришел в место, указанное Императором; другие же, кто не пришли туда, все оказались правы. К несчастью, я так расположился, что в продолжение всей кампании моя армия преследовала и была неприятеля, находившегося впереди, что совершенно противоречит нашей новой тактике, которая гласит: «Побеждать – это отступать».

тридцать четыре года он отказался от блистательной военной карьеры и посвятил себя служению Богу. В церковной иерархии он прошел путь от простого священника до митрополита. Митрополит Серафим, расстрелянный в 1937 году, причислен Церковью к лику священномученика.

Прочитав материалы, рассказывающие об истории семьи рода Чичаговых, я поняла, что Марьяна Юлина – правнучка митрополита Серафима. Стала понятнее и история ее тети – Варвары Васильевны Черной, оставившей блестящую карьеру химика и вставшей на путь служения Богу. Она была не первым человеком из рода Чичаговых, поступившим так. Как тут снова не вспомнить учение о психогенеалогии, о котором я писала в самом начале своей книги!

Для меня история Юлиных интересна еще и тем, что это семейная история с типично выраженными советскими корнями. Лишь спустя пятьдесят лет общения, мама узнала о том, из какой замечательной семьи происходит ее подруга. Дворянские корни, да еще с религиозным ответвлением, в советском обществе, естественно, предпочитали скрывать. Не только от друзей, но и от родственников. Выше я уже рассказала нечто похожее о своей тете: подлинную историю ее происхождения и детали ее трагической молодости я узнала уже после ее смерти.

Отец очень любил пение, особенно оперу. Все мое детство прошло под арии знаменитых в то время оперных певцов. Пожалуй, именно страстью к опере объясняется то, что папа позволил себе приобрести в Лондоне очень современную для тех времен технику – дорогой магнитофон. Он казался мне просто чудом. Стоит большая коробка, вращаются два круглых колеса, на них наматывается лента – и из ящика раздается чудное пение. Я, замороженная, просиживала часами с папой около магнитофона. Отец умилялся и говорил всем о моей любви к музыке. Видимо, сидение около магнитофона все-таки не прошло даром. В зрелом возрасте я «заболела» оперой, и теперь для меня нет большего наслаждения, чем послушать ее в исполнении хорошего певца.

Как-то, отдыхая в Болгарии, родители встретили там начинающего оперного певца – Муслима Магомаева. Он приехал туда выступать в рамках какого-то фестиваля. В Советском Союзе он был еще не известен. У нас в альбоме есть фотографии совсем молоденького Магомаева – радостного, улыбчивого, очень красивого, запечатленного с мамой, смотрящей на него, если не влюбленно, то уж восхищенно – это точно.

Помню, как вернувшись в Москву, папа всем с энтузиазмом рассказывал о молодом таланте, звонил куда-то, хлопотал о нем. И позднее он всегда искренне переживал взлеты и падения этого незаурядного певца, чья карьера, к сожалению, сложилась довольно непросто. Магомаев пережил период бурного взлета – я помню, как после одного из первых его выступлений в Кремлевском Дворце съездов, после исполнения арии Фигаро весь зал, как один человек, поднялся и долго-долго аплодировал ему стоя. В Большой театр его не взяли, говорили о каких-то проблемах с голосом. А потом все чаще я видела его по телевизору, исполняющим не арии, а песни советских композиторов. Чем-то его карьера напоминает мне карьеру кумира наших дней Николая Баскова. Но Магомаев, видимо, вовремя почувствовал, что увлечение эстрадой грозит деградацией таланта. Он уехал в Азербайджан, но, насколько я знаю, там его карьера певца и преподавателя также развивалась не слишком успешно. Не так давно я узнала, что Муслим Магомаев, которым когда-то так восхищались мои родители, умер.

У родителей были и другие друзья, помимо Юлиных, благодаря которым они обзавелись знакомствами в артистической среде. И среди них – Юлия Леонидовна Хрущева. Она была дочкой сына Хрущева. Леонид погиб во время войны, и Хрущев удочерил Юлию.

Многие годы она была очень частым гостем в нашем доме. Дело в том, что Юлия Леонидовна и ее первый муж – Петров – довольно долго работали в АПН, где они и познакомились с папой. А потом Хрущева подружилась с мамой. Она была намного младше ее, поэтому я обращалась к ней просто Юля, без отчества. А мама звала ее, как и многие, не

Юля, а Юла, с ударением на первый слог. Отсюда соответственно и склонялось это имя немного странно: «Пойду с Юлой в театр», «Куда Юла пропала?».

Юля была в молодости некрасива. Простоватое лицо, хрущевский нос картошкой. Но все спасали глаза – умные, внимательные, с интересом смотрящие на вас, а не в какую-то неведомую даль.

Меня поразила как-то одна ее фраза. Так же, как и в случае с фразой Марьяны о Нью-Йорке, она запомнилась на всю жизнь. Я не видела Юлю Хрущеву несколько лет – мы с мужем работали в Бангладеш. И вот, приехав в отпуск и встретившись с ней у нас дома, я вдруг слышу, как она говорит маме, думая, что я уже ушла: «А твоя Наталья с возрастом становится гораздо лучше. Я замечала, такое бывает с умными женщинами». Выйдя на улицу, я задумалась. Радоваться или печалиться? С одной стороны – про меня ясно высказались в том смысле, что я, мягко говоря, не красавица. Положим, я и сама это знала. Но одно дело знать, а другое – услышать тому подтверждение. С другой стороны – вроде бы подтвердили, что я не дура, сказали комплимент. Правда, об этом я тоже давно догадывалась. Пожалуй, даже раньше, чем о том, что не красавица. Ну и, наконец, мысль ее правильная или нет? Действительно умные женщины с возрастом становятся интереснее?

Ответить себе в тот момент на этот вопрос я не смогла. Но точно знала уже одно: неумные с возрастом лучше не выглядят. Бывают, наверное, исключения, но я таких не встречала. Тут же вспомнилась встреча выпускников нашего класса. Мы увиделись с одноклассниками после десятилетнего перерыва. Все были еще вполне узнаваемы, мало кто сильно изменился. Обсуждали, кто не пришел. Я упомянула одну девочку, которая была самой симпатичной в нашем классе. Этакая длинноногая тоненькая куколочка с круглыми, голубыми, полными наивности глазками и фарфоровым личиком. Она была вовсе не плохим человеком – открытым, простодушным, – но Бог не может дать человеку все – чего-нибудь, но недодаст. Ей, как вы понимаете, недодал ума. Но это не мешало поголовно всем мальчишкам нашего и не только нашего класса быть в нее влюбленными. Вот ее я и не увидела на нашей встрече. И

тут мне говорят: «Да нет, она здесь. Ты что, ее не видела? Вон она стоит!». Я смотрю и не понимаю, где она. Та, на кого они показывают, ничего общего с нашей бывшей одноклассницей не имеет. Стоит какая-то тетя – здоровая, грубая, волосы, крашенные-перекрашенные, выются мелким бесом. Я так и не решилась к ней подойти, боялась, что по моему выражению лица она догадается о чем-нибудь.

Когда мы встретились с Юлией Хрущевой через несколько лет – ей было тогда уже за сорок – я поняла правоту ее слов. Но не в отношении себя – о себе, к сожалению или к счастью, невозможно объективно судить. Я поразились тому, насколько интересней смотрится Юля. Передо мной стояла просто красивая женщина!

После АПН Юля работала заведующей литературной частью театра имени Вахтангова. Естественно, ее интересы переместились из сферы журналистики в сферу искусства.

Тем более что, разойдясь с первым мужем, Юля через какое-то время вышла замуж за довольно известного художника – Бориса Жутовского.

Благодаря этому художнику, я открыла для себя мир абстрактного искусства. В 1962 году Жутовский принял участие в выставке «30 лет МОСХа», в Манеже, на которой побывал Хрущев и учинил разнос художникам-авангардистам. Жутовский оказался одним из тех, чьи картины вождю особенно не понравились. После этого художнику, естественно, на многие годы был закрыт путь в официальные выставочные залы. Интересна одна деталь. На той печально знаменитой выставке в Манеже Хрущев особенно злобно обрушился на Бориса Жутовского и на скульптора Эрнста Неизвестного. И, как ни парадоксально, именно в произведениях этих двух мастеров он запечатлен. Как известно, Эрнст Неизвестный создал прекрасный надгробный памятник, стоящий на могиле Хрущева на Новодевичьем кладбище. А Борис Жутовский нарисовал один из последних его портретов. Хрущев пригласил художника в 1971 году к себе на дачу в Петрово-Дальнее, ему исполнилось тогда семьдесят семь лет. И там, в его кабинете, Борис и сделал с натуры очень выразительный карандашный портрет. Когда я

увидела портрет, меня особенно поразило выражение лица Хрущева – страдальческое. Портрет был написан весной, а осенью он умер.

Как я уже рассказывала, я покупала иногда картины. И вскоре в моей коллекции появилась если не чистая абстракция, то, во всяком случае, авангардная живопись. Однажды мне позвонила моя подруга Тамара Аницкая.

– Наталья, быстро собирайся!

– Ты чего? Поздно уже, – удивилась я.

Дело было поздней осенью, темнело рано.

– Одну художницу выселяют из мастерской. Она все распродает. Поедем, посмотрим. Говорят, очень интересная художница.

– А как фамилия?

– Я не помню, там узнаешь. Неизвестная совсем, поэтому я не запомнила.

Я быстро собралась, и мы отправились. Куда мы приехали – не помню. Знаю одно – идти по темным мрачным переулкам в поисках нужного дома было страшновато. Мы долго плутали, в итоге нашли его – небольшое кирпичное старое здание. Мастерская оказалась в подвале. Мастерская – громко сказано. Это был длинный лабиринт полутемных маленьких помещений. В таких обычно размещаются котельные. Все стены были завешаны картинами – маленькими и большими, эскизами и законченными произведениями. Выяснилось, что на эвакуацию мастерской художнице дали буквально несколько дней. А куда вывозить сотни полотен, никого, естественно, не волновало. Вот и пришлось ей продавать картины буквально за копейки. Маленькие этюды стоили десять рублей, большие законченные вещи – пятьдесят – шестьдесят. Для сравнения скажу, что в официальных салонах минимальная цена картины была сто – сто пятьдесят рублей. Картины известных советских художников стоили, как правило, несколько тысяч.

Я тогда еще только начинала входить во вкус современной живописи, но многие полотна произвели на меня сильное впечатление. Проблема была одна – куда повесить? Квартира маленькая, и на стенах уже висят картины и изделия, привезенные из Индии. Была одна свободная стена – в

детской комнате. Но я никак не видела эту, безусловно, сильную, но очень резкую, порой даже агрессивную живопись на стене детской. Я долго стояла у одной картины. На ней изображена карусель. Казалось бы, по сюжету она могла подойти для детской комнаты. Но лица людей были больше похожи на кривляющиеся маски – причем не добрых персонажей, а этаких ужасиков. Я постояла-постояла и ушла, купив лишь два небольших этюда. Они долго болтались без дела. Какое-то время висели на даче в темном углу, и я про них забыла. Но однажды, много лет спустя, вдруг увидела их и подумала – да это же так здорово! Какая сильная и интересная живопись! Почему они здесь оказались? Я забрала картины в Женеву, и теперь они висят у меня в гостиной.

А звали художницу – Натта Конышева. Сегодня ее полотна представлены в музеях и галереях, разбросанных по всему миру, и каждое из них стоит тысячи долларов. Я же до сих пор вспоминаю ее картину, на которой кружилась в каком-то зловещем танце красная карусель. Где она теперь?

Бывая дома у Юли Хрущевой, родители встречали там не только художников, но и известных актеров театра и кино – особенно часто у Хрущевой в то время бывали Галина Волчек и Людмила Максакова. Последняя тогда считалась одной из самых красивых и элегантных женщин Москвы. Ее туалеты поражали, и им пытались подражать. Но сделать это было сложно, поскольку Людмила Максакова не только обладала прекрасным вкусом, но и имела возможность одеваться за границей, поскольку она была замужем за иностранцем, по-моему, за немцем из ФРГ.

Мама любила бывать у Юли, там всегда было много интересных людей, но, возвращаясь, каждый раз говорила: «Старинная мебель, конечно красивая, кто бы спорил. Но сидеть весь вечер на диванчике XVIII века – мучение. И сесть-то на нем толком невозможно – он же узенький, да и ходит под тобой ходуном – того и гляди развалится!» Юля увлекалась старой мебелью. Денег, судя по всему, у нее особых не было. Во всяком случае, я всегда видела ее очень скромно одетой и без особых украшений. Она искала мебель старую, но в плохом состоянии и отдавала ее какому-

то умельцу реставрировать. Как-то радостно сообщила, что нашла в подсобках театра совершенно развалившуюся, но старинную кушетку, восстановила ее и та заняла почетное место в гостиной. Возможно, именно на ней и приходилось мучиться маме.

Одной из подруг Юли была Нина – дочь маршала Семена Буденного¹⁴⁵. Она, кстати, тоже какое-то время работала в АПН и была знакома с родителями. Я как-то вместе с мамой оказалась у нее на даче. Там было много народа, очень шумно, и я мало кого знала. Стояла одна и скучала. А потом Юля подвела ко мне и представила как своего хорошего знакомого довольно еще молодого интересного мужчину, на котором была надета какая-то форма. Мы разговорились. Я спросила, форму какого ведомства он носит? Я не помню имени этого мужчины, не помню, как официально именовался пост, который он занимал, но он оказался... лесничим. И сам он себя с гордостью называл именно так. Я была очень удивлена. Лесничий? В моем понимании это должна была быть достаточно бородастая, простоватая и мужиковатая личность. А я разговаривала с интеллигентного вида мужчиной – образованным, умным и искренне увлеченным своим делом. Он рассказал, что занялся лесоводством, поскольку очень любит лес и всегда мечтал работать именно в этой области. Я долго и с интересом слушала рассказ человека, по-настоящему увлеченного своим делом. Даже в те годы я уже знала, что подобное встречается не так уж часто.

Последнее время часто его вспоминаю. Когда летом 2010 года в Подмосковье горели леса, много писали о причинах пожаров. Одной из главных называли массовые сокращения штата лесничих. В силу воистину преступных действий нашей бюрократии, уход за лесом был изъят из государственного ведения и передан в руки частных компаний. Естественно, они заботились не столько об охране леса, сколько о количестве кубометров древесины, которую уда-

¹⁴⁵ Буденный Семен Михайлович – советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

лось продать. Институт лесничества был практически уничтожен. Надо ли удивляться тому запустению, что царит сегодня в наших лесах. Я уж не говорю о пожарах, в результате которых пострадало несколько сотен тысяч гектаров леса!

Нина Буденная была замужем за Михаилом Державиным – известным артистом театра Сатиры. Его имя очень часто ассоциируется с именем другого, не менее популярного артиста этого же театра – Александра Ширвиндта. Они не только работали вместе, но и много лет дружили. Оба обладали большим чувством юмора, и в тот день на даче все сожалели, что Ширвиндт не смог приехать и устроить небольшой капустник вместе с Державиным, как они собирались это сделать. Но однажды я случайно оказалась свидетельницей того, как прекрасно они дополняют друг друга и насколько весело можно провести время в их компании.

Дело было в столице Эстонии – Таллине. В начале 1970-х годов я приехала туда с подругой. Мы осмотрели город, посетили все достопримечательности и ближе к вечеру отправились в винный бар. Мы никогда до этого не были в подобного рода заведениях. В Москве их просто не существовало. Были пивные бары, да и то немного. Тем более таких, куда могли зайти девушки. Большая часть пивных баров были просто примитивными пивнушками, пропитанными прогорклым запахом перебродившего пива и сивухи.

А тут наши эстонские друзья рассказали нам о каком-то чуде света. Баре, где красиво, уютно, можно выпить вино или оригинальный коктейль. Что такое коктейль, я толком не знала – и очень хотела узнать.

И вот мы подошли к зданию, где находился предмет наших вожделений. Дело было летом, в разгар сезона, и в городе было полно отдыхающих. В бар стояла длинная очередь. Но к очередям советскому человеку не привыкать. Мы встали последними. За нами вскоре пристроились двое мужчин. Теперь я понимаю, что они были совсем молодыми людьми. Но мне и моей подруге, которым было по семнадцать, они не показались такими уж юными. Мы их гордо игнорировали. А молодые люди от нечего делать принялись комментировать происходившее вокруг. Они обсуждали людей, стоящих в очереди. По ходу дела пытались заигрывать и с нами.

Добродушно, но очень смешно, комментировали проходившую мимо публики. Подсмеивались друг над другом. И делали они все это с таким юмором, что мы, не удержавшись, периодически начинали хохотать. Так что полтора часа стояния в очереди вылились в бесплатное представление. Уже потом, увидев их в каком-то спектакле, я поняла, что за нами в очереди стояли Державин и Ширвиндт.

Мои родители, как я уже говорила, знали Александра Державина, позже они познакомились и с Ширвиндтом. Встречались они с ним в доме Екатерины Тархановой, которая его хорошо знала.

Екатерина Павловна Тарханова работала на радио, в последние годы – в музыкальной редакции. Это была очень умная и оригинальная женщина, имевшая обо всем свое мнение, зачастую весьма неортодоксальное, и категорически его выражавшая. Екатерина Павловна умерла давно, но я до сих пор вижу ее величественную крупную фигуру с гордо посаженной головой. У нее были красивые волосы – светлые, с рыжеватым отливом. Их было очень много. Она гладко зачесывала их назад и затягивала в большой пучок, спускавшийся низко на шею. Не знаю почему, но я ее немного побаивалась. Возможно, из-за ее сильного голоса, красивого тембра, но с хрипотцой, который заглушал все другие голоса. А может быть, из-за ее манеры смотреть на вас, благодаря своему росту, сверху вниз, к тому же немного прищурившись, что создавало иллюзию отстраненности. Она много курила, часто выходила на кухню к бабушке, которая тоже была заядлой курильщицей, и они подолгу беседовали о чем-то.

Екатерина Павловна и ее муж Юлиан Львович Шварцбрейм были частыми гостями в нашем доме. Юлиан Львович был довольно известным архитектором, начальником архитектурной мастерской. По его проекту были построены в Сочи здание цирка и санаторий, в этом же городе отдыхала советская элита.

В чисто журналистской среде, помимо Меликянца и Тархановой, у папы, как ни странно, было не так много близких друзей.

Очень теплые отношения у отца всегда были с Ясеном Николаевичем Засурским, занимавшим вплоть до 2007 года – более сорока лет – пост декана факультета журналистики МГУ. Я лично мало общалась с Ясеном Николаевичем. Последний раз – в мае 2007 года в Женеве, куда он приезжал на Двадцать первый Международный салон книги, где в тот год Россия была главным гостем. Я пришла на пресс-конференцию, в которой он участвовал. Ясен Николаевич умно и интересно отвечал на вопросы присутствовавших. Конференция длилась довольно долго, я подошла к нему, чтобы поздороваться. Я не хотела его задерживать, думая, что он устал после целого дня работы, но он стал расспрашивать меня о жизни в Женеве, был бодр и подтянут. Если бы я не знала, что в этом году ему исполняется 78 лет, я бы никогда в это не поверила.

Папа всегда говорил, что Засурский – это не просто декан, это человек, олицетворяющий все лучшее, чем был слава факультет журналистики.

Много лет отец общался с Николаем Ивановичем Ефимовым. Я помню его совсем юным, светловолосым, приехавшим заменить папу в Лондон в 1961 году на посту заведующего отделением Совинформбюро. Потом он работал какое-то время в агентстве печати «Новости», а через некоторое время стал редактором газеты «Москоу Ньюс» («Moscow News»), выходившей на английском языке. В 1990 году неожиданно для многих стал главным редактором газеты «Известия». Правда, пробыл он им всего лишь год, до развала Советского Союза. Его жена – Маргарита Ивановна – одна из немногих, с кем моя мама до сих пор регулярно видится, поскольку их дача тоже находится в Красной Пахре. Я вспоминаю Риту – так ее все звали – очень часто, гораздо чаще, чем Николая Ивановича. И не только потому, что после того, как много лет назад они развелись, я больше не вижу его, а ее часто встречаю, приезжая в Красную Пахру. О ней напоминает мне платье, которое она прислала мне из Лондона на выпускной вечер. Вся прелесть этого простого по фасону, даже строгого, платья заключается в удивительной красоте кружевной

ткани, из которой оно сделано. Я носила это платье много лет, надевая его на различного рода торжественные мероприятия, и всегда чувствовала себя в нем достойно. Платье побывало на двух выпускных балах. В 1994 году моя дочь отмечала в нем окончание своей школьной жизни. Платью уже, страшно сказать, больше сорока лет. Состарилась та, кто его мне подарила. Да и та, кому оно было подарено, уже, мягко говоря, женщина – даже не балзаковского возраста. А платье по-прежнему замечательно смотрится.

А на мою свадьбу Рита подарила мне замечательную ночную рубашку из батиста, которую я тоже до сих пор ношу. Странно бывает в жизни. Наверное, и другие друзья родителей мне что-то дарили. На день рождения и уж точно на свадьбу. И мои друзья мне тоже делали подарки. Но ничто так не пришлось по вкусу, как эти две вещи от далеко не самого близкого мне человека.

Часто приезжали корреспонденты из разных уголков Советского Союза – у АПН были представительства во многих городах. Папа звонил домой: «Зая, сегодня вечером приду не один, так что вы соберите там что-то на стол. Да, и картошечки отвари – нам из Сибири омуля копченого привезли».

Собирали, варили картошку и ели потом вкуснейшего, таявшего во рту омуля, вкус которого я помню до сих пор. Гости у нас дома бывали постоянно. У родителей было много друзей. У бабушки – очень мало, но все же были. А уж когда подросли мы – трое детей – то, честно говоря, я даже не понимаю, как мама и бабушка выдерживали такой постоянный наплыв народа. И не только выдерживали, но и явно не тяготились этим. Редко когда за стол вечером садилось только шесть человек – наша семья. А ведь и на шесть человек постоянно готовить непросто. Почти каждые выходные собирались у нас две – три пары друзей родителей. А уж на дни рождения и многочисленные в нашей стране праздники – народу собиралось столько, сколько могло поместиться за большим обеденным столом в гостиной. Столы у нас всегда были раздвижные. Первый привезли еще из Англии. Тогда у нас таких не было. Первая отдельная квартира в Мазилово была маленькой, по-

ставить обеденный стол не было возможности. Поэтому и привезли этот особенный стол. Не каждый бы и догадался, что это стол. Стоит около стены длинная узкая тумбочка. Но если поставить ее на середину комнаты и поднять две боковины с выдвигаемыми ножками, то получался большой стол, за который садилось спокойно десять–двенадцать человек. Этот стол из двухкомнатной квартиры в Мазилово перекочевал в трехкомнатную на Смоленской. Когда в конце 1980-х годов родители получили хорошую четырехкомнатную квартиру на набережной Тараса Шевченко, то было решено, наконец, обзавестись нормальным столом. Не раскладным и понастоящему большим. Достать такой стол оказалось делом нелегким. Но в итоге стол был куплен и с гордостью водворен мамой в гостиную. Он был действительно хорош – à la Луи Наполеон, красного дерева, полированный, овальный, раздвигающийся с двух сторон. И еще с такими же стульями. С его появлением прием гостей в нашем доме можно было уже по праву называть застольями. Я, кстати, только тогда поняла этимологию слова «застолье» – сидение за столом. До этого употребляла слово, не задумываясь над его смыслом.

За несколько дней до приема гостей в доме начиналась подготовка. Сначала бабушка обсуждала с мамой примерное меню. Потом закупались продукты и шла готовка: фаршировались кабачки или сладкий перец, тушились голубцы, жарилось мясо, варился студень или говяжий язык, готовилась заливная рыба, открывались банки с домашними маринованными рыжиками, свинушками и маслятами, приносилась с балкона соленая капуста своего приготовления. В итоге стол ломился от закусок, и основное блюдо уже елось с трудом. Тем более если параллельно с закусками, подавали и мамины пироги, кулебяки или пирожки.

О них ходили легенды. Совсем недавно в Вене я встретила одного знакомого, бывавшего у нас дома. После обычного обмена новостями, узнав, что мама еще жива и чувствует себя нормально, он спросил:

– А пироги она еще печет?

– Печет, – ответила я.

– Передайте ей, что я помню ее кулебяки до сих пор. Никогда больше таких вкусных не ел.

– Передам обязательно, спасибо. Ей будет приятно это услышать, – поблагодарила я.

– А к чаю она подавала такой пирог с творогом – просто чудо! – никак не мог успокоиться он. – И сделан он был как-то по-особому.

– Да, он состоял как бы из маленьких булочек, что ли, – уточнила я. – Можно было просто отломить булочку от пирога.

От этих воспоминаний нам так захотелось чего-нибудь вкусенького, что мы с ним направились в ближайшее кафе и выпили кофе, сопроводив его венгерской ватрушкой. Съев, оба констатировали, что до маминых булочек с творогом им далеко.

Гостей бывало много до отъезда родителей в Англию в 1990 году. Когда они оттуда вернулись, папа был уже другим человеком. Он тяжело переживал развал Советского Союза. К тому же еще в конце 1980-х годов у отца начались проблемы со здоровьем. Сначала, как я уже писала, на почве чрезмерных физических усилий во время строительства дачи возникли проблемы со спиной. Несколько лет он ходил с трудом, перенес операцию. Потом ему стало лучше, начал нормально ходить, даже иногда катался на лыжах. Но в середине 1990-х годов на него обрушился новый недуг. Долго не могли понять, в чем дело. Ставились различные диагнозы. В итоге оказалось, что у отца болезнь Паркинсона. Правда, в каком-то не очень классическом варианте. Во всяком случае, папа почти до самой смерти мог сам, хотя и с трудом, но ходить и, что еще более удивительно, работать – держать ручку в руках и писать.

А знаменитый стол, за которым сидели все те, о ком говорилось в этой главе, был продан в конце 1990-х годов. Столы тогда уже не были дефицитом. Но на него сразу же нашелся покупатель. И сегодня наш стол стоит где-то в Петербурге. И за ним по-прежнему собираются многочисленные гости. Но это уже чужие гости в чужом городе.

Приехав в очередной раз в Москву и не увидев стола, я по-настоящему осознала, что пришло другое время, началась новая эпоха.

Когда открываешь один весьма популярный сайт, видишь, что уже несколько лет в так называемом рейтинге «лицо России» одно из ведущих мест принадлежит Ксении Собчак. Иногда она занимает третье место в списке самых популярных людей, следуя прямо за Президентом страны и ее премьер-министром. Когда я вижу это, то думаю: неужели действительно 85% населения страны считает, что нет более достойной фигуры, представляющей Россию, чем эта особа, бьющая все рекорды по склочности и вульгарности?

Правда, я тут же сама себе и отвечаю: почему меня это удивляет? Так было всегда. Люди, пользующиеся скандальной славой, вытесняют с пьедесталов тех, кто по праву должен там стоять.

Я попыталась рассказать лишь о самых близких друзьях родителей. Хотя очень многие из тех, кто остался за рамками моего повествования, также были людьми очень интересными и чрезвычайно достойными, немало сделавшими, как это ни высокопарно прозвучит, для страны. Для нас с вами, живущих сегодня в России. И о них можно и нужно было бы рассказать. Я надеюсь, что кто-нибудь еще сделает это.

В этой части книги мне хотелось поведать о своих корнях. А мои корни – это, конечно, моя семья, подарившая мне счастливое детство. Я уверена: человек, который был счастлив в детстве, никогда не будет абсолютно несчастным. Тепло и свет, идущие из детства, всегда будут согревать и дадут силы преодолеть трудные дни, которых у каждого из нас наберется немало за жизнь.

II. «МЫ ВСЕ УЧИЛИСЬ ПОНЕМНОГУ ЧЕМУ-НИБУДЬ И КАК-НИБУДЬ...»

Конечно, учились. Но учебу в школе я терпела с трудом, поскольку вместо того, чтобы заниматься любимыми предметами, приходилось в основном учить все эти математики, химии, физики, геометрии и алгебры, к которым у меня не лежала душа. И едва за школой захлопнулась дверь, как я тут же благополучно забыла все, чему я там обучалась. Единственное исключение – английский язык.

Институт же я очень любила. Еще бы, свобода после школьной каторги. Хочешь – учись, а не хочешь... Тут пределы ставили лишь финансы и фантазия. Да и учиться скорее хотелось, чем нет. Предметы, в основном, интересные. Да и преподаватели – не сравнить со школьными.

Но, как это ни парадоксально, итог тот же, что и в школе. Из того, что я изучала в институте, реально в жизни мне пригодился опять-таки лишь язык – на сей раз французский.

В первой части книги я писала о своей семье. Но ведь корни – понятие более широкое. Это не только семья, но и школа, в которой я нашла подруг на всю жизнь. Это, безусловно, и институт. Там я встретила много интересных людей; связь со многими из них не прерывается по сей день. И там же я обрела человека, остающегося моим лучшим другом уже сорок лет.

Поэтому в этой главе мне хочется поговорить не об учебе, хотя разговора о ней не избежать. Не о скучных предметах, проходившихся в школе. И даже не о захватывавших меня институтских дисциплинах. А о тех людях, которые мне встретились в эти годы. А некоторые так в моей жизни и остались. Надеюсь, теперь уже навсегда.

Школа за «домом игрушек»

Когда мы вернулись из Англии в 1961 году, я начала учиться в московской специальной школе № 5. Как тогда говорили, спецшколе. Специального в этих появившихся в большом количестве в 1960–1970-х годах школах было только то, что иностранный язык, в данном случае, английский, там начинали преподавать со второго класса, а в обычных – с пятого. И преподавали его более интенсивно.

Находилась школа в самом начале Кутузовского проспекта, недалеко от претендовавшей в те времена на роскошь гостиницы «Украина», позади известного многим в советские времена магазина «Дом игрушек». Школу эту я сразу невзлюбила. И иначе как каторгой не называла. Не нравилось здание – холодное безликое пятиэтажное не то панельное, не то блочное – я до сих пор не вижу принципиальной разницы между этими одинаково отвратительными конструкциями. Ни садика, ни даже деревьев вокруг. Школа стояла, как в колодце, в окружении более высоких домов.

Тяжело для меня было вставать непривычно рано. На дороге в школу уходил, как минимум, час. Мы тогда только что переехали в квартиру в Филевском районе. Наш дом стоял на месте деревни с очень забавным названием Мазилово. Топая каждое утро для сокращения дороги к метро через поле и остатки сохранившихся кое-где домишек и барачков, чтобы побороть страх, я пыталась занять себя, придумывая разные смешные объяснения такому названию деревни.

Когда-то петербуржцы презрительно называли Москву большой деревней. Сегодня, не побывав в Историческом музее, трудно представить, что подобный упрек имел под собой почву. Но есть одно, что остается неизменной характеристикой Москвы. Она росла и растет, поглощая одну за другой окрестные деревни и деревушки.

Родилась я в еще существовавшей тогда деревне Кунцево, жила на месте еще не до конца снесенной деревни Мазилово. Позднее, в деревне Анохино, что на юго-западе, выясняла у деда в валенках, вышедшего из ворот своей столетней избышки, где тут будет строиться дом, в котором мне предстояло прожить три с лишним года, и далеко ли идти отсюда

до метро. Потом навещала родственников в Новогиреево, а сейчас я езжу в гости к друзьям в Митино. Не знаю, остановится когда-либо этот процесс? Пока, во всяком случае, конца и края ему не видно.

Мазилово, как и весь район Филевского парка, было тогда местом еще довольно пустынным, а в темные зимние утренние и вечерние часы, прямо скажем, не самым приятным для прогулок. Да еще с тяжелой сумкой, набитой нужными и ненужными вещами. И с отвратительным холстяным мешком со сменной обувью, вечно болтавшимся под ногами, содержащим сменную обувь, без которой в школу не пускали. Попытки оставлять обувь в раздевалке каждый раз кончались одним и тем же печальным результатом. В итоге мама мне заявила, что в следующий раз после пропажи обуви, она купит мне самые страшные сандалии, которые только найдет в «Детском мире». Пришлось таскать ненавистный мешок с собой.

Не нравилась мне и атмосфера школы – смесь казарменной муштры с реверансами в стиле пансиона благородных девиц. От казармы – линейки, дежурства, сборы, проверки. От пансиона – единая, отличная от обычных школ форма одежды для девочек, мелочный контроль над тем, чтобы мы, девицы, не дай Бог, не красились и не надевали, чего не положено. Сколько слез меня заставила пролить наша завуч – как и всех других учителей, мы звали за глаза только по имени – Александра! Она с самого начала невзлюбила мои цветные колготки и к тому же регулярно отправляла меня в туалет смывать, якобы, покрашенные ресницы. И никакие мои объяснения, что ресницы не покрашены, а от природы такие черные, а прозрачный капрон, как носили другие девочки, мне мама не разрешает носить, не помогали. Ресницы я даже от отчаяния однажды подстригла, чтобы не так раздражать Александру. А вот мои любимые английские колготки пришлось убрать в шкаф до поры до времени. Мама, во всем отличавшаяся либерализмом, почему-то была противницей капроновых чулок. Впервые она разрешила мне их надеть на выпускной бал. Поскольку обычных колготок в нашей стране и в помине не было, то пришлось мне на некоторое время облачиться в отвратительное пыточное

сооружение под названием лифчик, к которому на длинных резинках пристегивались ужасающего цвета грубые, «в резиночку», хлопчатобумажные чулки. До тех пор, пока папа, съездив в очередную командировку, не привез мне непрозрачные телесного цвета колготки, ближе всего по виду напоминавшие приемлемые для Александры чулки советского производства.

Сколько раз я с тоской вспоминала такую уютную, почти домашнюю школу в Лондоне. Да и школой ее назвать в привычном для нас смысле слова нельзя. Учеников-то было человек двадцать на все пять начальных классов. Занимались мы в небольшом старинном здании, принадлежавшем посольству. Все ребята помещались в двух комнатах, и две учительницы параллельно вели занятия с учениками: одна – по программе первого и второго классов, а другая – по программе третьего и четвертого. Ученица пятого класса была вообще одна, и с ней занимались индивидуально. Тем более что она была внучкой какого-то большого тогдашнего лондонского начальника. Повезло мне в Лондоне и с учительницей. Это был тип учительницы, как будто сошедший со страниц романов и уже почти исчезнувший в жизни. Полноватая, но стройная женщина с умным и очень добрым, типично русским лицом, с красивым тяжелым пучком, нависшим над шеей, в строгих темных костюмах.

Одно было не так плохо в новой московской школе. Она была новая. Я пришла в пятый класс, а первый набор состоялся год назад, и я не ощущала себя новичком, которому надо утверждаться в уже сформировавшемся коллективе. Все в этой школе были новичками, пришедшими сюда из разных школ не так уж давно.

Состав нашего класса отражал пестрый состав населения тогдашнего Кутузовского проспекта. В конце 1960-х годов. Кутузовский еще не стал тем, чем он станет несколько позднее – местом, где возводились дома исключительно для иностранцев и номенклатуры. В то время в сталинских домах было много коммуналок, где жила самая разношерстная публика. На задворках этих массивных зданий оставалось еще много старых одноэтажных домов. Поэтому в школе училось много детей обычных советских служащих и даже

детей пролетариев, допущенных в эту школу, поскольку они жили в этом микрорайоне и их обязаны были принять, если они имели отличные отметки. Этим, кстати, объясняется тот факт, что первые выпуски поражали числом медалистов.

Но, тем не менее, в школе было немало детей, носивших фамилии, которые были тогда у всех на слуху. В параллельном классе учились дочери члена политбюро Полянского¹⁴⁶. Ольга Полянская была очень хороша собой – высокая, с утонченными чертами лица. Оля пошла учиться в Текстильный институт и впоследствии, насколько я знаю, работала в качестве декоратора, оформляла спектакли в театрах. Какое-то время она была замужем за известным режиссером Иваном Дыховичным. В том же классе учились дочка Иноземцева¹⁴⁷ и внучка писателя Леонида Соболева¹⁴⁸. Из знаменитостей была еще правнучка Горького – Пешкова. Она была на несколько лет младше нас. С дочкой еще одного писателя – Машей Зверевой¹⁴⁹ – мы даже какое-то время дружили. Знаю, что она, как и ее отец, стала писательницей и сценаристом и вышла замуж за кинорежиссера Павла Чухрая, сына знаменитого кинорежиссера советских времен – Георгия Чухрая. Так что номенклатурных детей у нас, конечно, хватало, правда, почему-то больше из творческой среды. Какое странное сочетание. Творческая номенклатура. Вот уже поистине уникальное явление советского периода!

В нашем классе училась и будущая «звезда экрана» Наталья Бондарчук. Все мы знали, кто ее родители, но никто не думал, что Наташа пойдет по их стопам. Надо сказать,

¹⁴⁶ Полянский Дмитрий Степанович – член Политбюро ЦК КПСС, 1-й заместитель председателя СМ СССР.

¹⁴⁷ Иноземцев Николай Николаевич – видный советский ученый, специалист в области мирового хозяйства и международных отношений. С мая 1966 г. – директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР.

¹⁴⁸ Соболев Леонид Сергеевич – советский писатель-маринист, автор романов «Морская душа», «Капитальный ремонт» и др.

¹⁴⁹ Зверев, Илья Юрьевич – советский писатель, автор многочисленных рассказов и очерков.

что в школьные годы Наталья Бондарчук не отличалась решительно никакими выдающимися талантами. Училась она, по меньшей мере, средне. Ее вызовы к доске всегда были мучительны не только для нее, но и для всего класса: Наташа, заикаясь и спотыкаясь, бормотала себе что-то под нос, и при всем желании учительницы сделать хорошую мину при плохой игре (наша классная дама не скрывала своего пиетета перед ученицей, принадлежащей к столь любимому обывателем всех эпох миру кино) отправлялась на место чаще всего с тройкой в журнале.

Можно было бы предположить, что Наташе просто откровенно наплевать на учебу, поскольку она готовит себя к определенному поприщу – актерству, где все эти химии, физики и прочие науки совершенно не нужны. Но странность заключалась в том, что наша одноклассница отличалась таким же безразличием и к истории, и к литературе. За все годы учебы не вспомню ни одного ее интересного выступления, рассказа, да просто содержательного разговора с ней. Возможно, ей, яркой индивидуальности, мы были так неинтересны, что она просто не снисходила до общения с нами. Что же, это единственно возможное объяснение, почему никто из нас до сих пор не может понять, откуда взялась та новая Наталья Бондарчук, которую сегодня можно увидеть на экранах телевизоров во время ее многочисленных интервью. Характерно, кстати, что во время этих интервью она никогда не упоминала ни школу, ни одноклассников. Видимо, просто вычеркнула из памяти.

Процесс преобразования «гадкого утенка» в прекрасного лебедя начался уже в Институте кинематографии, куда к нашему удивлению, Наташу приняли. Да-да, именно к удивлению. Несмотря на ее фамилию, мы никогда не думали, что Наташа пойдет в этот институт: внешность в те годы у нее была отнюдь не голливудская: не очень выразительные глаза, узковатые губы, длинноватый нос. Голосок слабый и, скажем прямо, не очень красивого тембра. Роста она, правда, была высокого, но красивой фигурой не отличалась и ходила как-то сутулясь, вдавив голову в плечи. Да и актерских способностей мы как-то в ней не замечали: даже стихи она читала намного хуже многих других одноклассников.

И вот прошел год после окончания школы. Мы собрались на первую годовщину нашего выпуска. Все мало изменилось, вполне узнаваемы. И вдруг я услышала: «Вот это да! Посмотрите, неужели это она? Невероятно!» По залу, где мы все собрались, шла Наталья Бондарчук. В том, что это была она, сомнений не было. В то же время по залу, где мы все собрались, шла совершенно другая девушка. Красивая, стройная, горделивая. Даже голос, когда она заговорила, звучал совершенно иначе. Куда подевались присущие ему писклявые интонации? Да и красивую фигуру одной потерей нескольких килограммов не объяснишь. Вот что значит всего лишь год учебы на актерском факультете ВГИКА! Именно после этой встречи я поняла, что этот институт может даже из человека, скажем, с неярко выраженными артистическими данными, сделать нечто вполне достойное. Хотя, надо сказать, дальнейшая актерская карьера Бондарчук мне лично кажется не очень убедительной. Не впечатлила она меня в столь шумевшем фильме «Солярис», где ее весьма статичная и маловыразительная игра просто замечательно снята Тарковским. Не большее впечатление на меня произвела она и в фильме о женах декабристов в роли Марии Волконской в «Звезде пленительного счастья». Что же касается ее режиссерского опыта, то, каюсь, я не видела ее фильмов, поэтому судить о них не берусь.

Я не относилась к микрорайону, где находилась школа. Приняли меня, должно быть, тоже по номенклатурному признаку – мой папа в то время уже стал первым заместителем руководителя агентства печати «Новости». Ну и отчасти помогло то, что я уже немного говорила по-английски.

Несмотря на все те негативные эмоции, которые у меня вызывала спецшкола № 5, вскоре я уже не хотела и слышать ни о какой другой поближе к дому. Еще бы, у меня впервые в жизни появились настоящие друзья. Вернее – подруги, да еще целых три. Именно они умудрились, несмотря на то, что в дальнейшем я постоянно «блистала» своим отсутствием на Родине, остаться очень важными и нужными в моей жизни людьми.

Тамара, Арсик, Каменеша. Обычно в школе, во всяком случае, в наши времена, никого не звали просто по имени.

Как минимум, изменяли твою фамилию. Так меня окрестили Беглихой, или, как иногда ласково говорила Каменеша, Беглихочка.

Странно, но почему-то Тамара Аницкая, пожалуй, единственная не получила прозвища. Может быть, в знак уважения к ее многочисленным общепризнанным достоинствам. У нее, во всяком случае, в те годы просто не было недостатков. И, может быть, называя ее, как и преподавателей, по имени, мы подсознательно ставили ее в один ряд с ними. Тамара всегда все знала, умела объяснить, у нее была врожденная стопроцентная грамотность и писала она без единой орфографической ошибки. Чтобы списать, мы все пытались сесть с ней во время диктантов за одну парту. Зато во время контрольных по математике и прочим точным наукам задача состояла в том, чтобы сесть сзади или спереди нее, чтобы получить одинаковые варианты контрольных и опять-таки списать у нее правильные ответы. Учителя очень быстро разгадали наши маневры и закрепили за нами постоянные места. Мне и повезло, и не повезло одновременно. Меня посадили за одну парту с Тамарой. Я была и рада – ведь это была моя лучшая подруга. И переживала – а как же быть с проклятой математикой? Но иногда Тамаре удавалось, решив по-быстрому свой вариант, успеть еще помочь и мне с моими задачами.

Будучи круглой отличницей, Тамара в то же время была лишена пресности и занудства, которые у нас обычно ассоциируются с особами женского пола, подпадающими под эту категорию. Тамара очень увлекалась искусством. Вместе мы несколько лет посещали занятия клуба юных искусствоведов при Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина. Тамара всерьез задумывалась о профессии искусствоведа. Звучит красиво, но профессия, во всяком случае, в то время – мало востребованная и низко оплачиваемая. Искусствоведом Тамара не стала. Стала историком, специалистом по Италии, стране, название которой, в первую очередь ассоциируется именно с искусством. Может быть, это случайность. Но, как говорится, во всякой случайности есть своя закономерность. К слову сказать, Тамара и до сих пор с большим энтузиазмом бегаёт по

художественным выставкам, скупает книги по искусству. И я знаю, что, приехав в Москву и позвонив ей, после первого обмена семейными новостями, услышу: «Да, кстати, сейчас пара выставок есть очень интересных. Ты свободна? Давай договоримся, когда пойдем».

Елена Арсентьева, отсюда и прозвище – Арсик. Немножко похоже на кошачье имя Барсик. Может быть, в юности в ней действительно было что-то от шаловливого ласкового котенка. В ее больших серо-зеленых глазах всегда пряталась то ли усмешка, то ли легкая насмешка. Меня поражала в ней смесь юношеской восторженности с какой-то очень взрослой ироничностью, порой даже горечью. Было в Арсике, а вернее, в ее жизни, и что-то слегка загадочное. Я помню первые ее дни рождения, когда мы приходили к ней в гости в маленькую комнату в коммунальной квартире на Арбате. Часть комнаты была отгорожена какой-то мебелью и превращена в малюсенькую «гостиную». У Арсика нас поили удивительно вкусным крушоном с клубникой. Никогда до того его не пробовала. Необычный напиток. С таким красивым нерусским названием. Да еще с клубникой – такой редкой в то время в мае в Москве. И тем более в этой малюсенькой комнатке в коммунальной квартире.

Мама Арсика – молодая, очень интеллигентного вида женщина, с красивыми темными глазами, соболями бровями, уже тогда немного полная, с собранными в пучок черными волосами. Я очень долго думала, что она грузинских кровей. И лишь гораздо позже, в перестроечные времена, когда мы все вдруг в одночасье перестали быть советскими, а стали русскими, украинцами, армянами и евреями, я поняла, что имей семья Арсика грузинские корни, они, наверное, доставили бы этой семье меньше проблем.

Еще одним членом этой семьи была бабушка Арсика по линии матери. Она жила отдельно, на Кутузовском и приходила в гости к Арсику на Арбат пешком. Это была очень спортивная и подвижная старая женщина, которую Арсик называла не бабушкой, а очень ласково – Манечкой. Моя подруга никогда не отличалась излишней болтливостью, но уж когда речь заходила о ее бабушке, то из нее слова нельзя было вытащить.

Правда из жизни Арсика и ее семьи оказалась частью той трагической правды из жизни нашей страны, о которой до этого я, безусловно, слышала. Но одно дело – читать о сталинских преступлениях в газетах или даже учебниках. И другое дело – выяснить, что жизнь семи человека и неизбежно самого человека, с которым ты дружишь, была изломана, изувечена именно во время до этого звучавших для меня так абстрактно сталинских «перегибов». Выяснилось, что муж бабушки занимал один из самых высоких постов в партийной иерархии Украины. В трагично знаменитом тридцать седьмом его расстреляли. Его молодую красавицу жену сначала посадили в Бутырку, а потом дали ей восемь лет лагерей и отправили в ссылку в Сибирь.

У них осталась маленькая дочь – будущая мама Арсика. Чтобы девочку не отдали в детский дом для детей врагов народа, ее забрали к себе родственники. А может быть, лучше и отдали бы в детский дом, поскольку у родственников ей была уготовлена роль Золушки. Вот только принц, вызволивший Золушку, оказался, судя по его отсутствию в жизни Арсика и ее мамы, ненастоящим.

Как ни странно, среди нас, четырех подружек, Арсик – единственная многодетная мать. И у меня, и у Тамары по одной девочке. А у нее – два сына. Честно говоря, именно от нее я этого не ожидала. В молодости казалось, что воспитание детей – не ее амплуа. Но именно Арсик оказалась среди нас самой самоотверженной и образцовой матерью. Она категорически отвергала любое консервированное детское питание – все эти пюре и супы в банках. Все делалось из свежайших овощей и фруктов только на дому и только на один раз. И потому долгое время ее квартира напоминала филиал прачечной и домашней кухни одновременно, где вечно что-то варилось, дымилось, сушилось и т.д.

По нашим временам трое мужиков в доме – в пору давать звание мать-героиня. Да еще если учесть, что на руках у Арсика мама, которую тяжелая болезнь уже много лет назад практически приковала к постели.

Елена Каменецкая. Каменеша... Если Арсик была и остается образцовой матерью, то Каменеша была самой счастливой матерью. Она так долго мечтала о собственном ребенке.

Даже будучи еще школьницей, обожала детей. Сколько ее помню, она всегда опекала чьего-то ребенка: ездила забирать его из детского сада, а потом из школы, помогала делать уроки, что-то покупала. И когда, наконец, дождалась свою Юлечку, то вся просто светилась от счастья. Она не скрывала своего восхищения дочкой, что заставляло меня иногда морщиться и говорить ей: «Смотри, испортишь ты ребенка своей неумной любовью».

Теперь я уверена – ребенку нельзя навредить любовью. Но тогда я еще всерьез полагала, что детей надо воспитывать в строгости. Так было принято в нашей семье. Родители никогда не только не восхищались нами, во всяком случае, в нашем присутствии, но и никогда особенно не хвалили. Другие традиции существовали в семье Каменеша. Я помню, каким, без преувеличения, потрясением был для меня первый день рождения Каменеша в кругу ее родных. Мы вместе с ее родителями сидели за столом. И ее мама и папа, не стесняясь, говорили о том, как они любят свою дочь, какая она у них замечательная. Я была просто в шоке. Как, так бывает? А я что – плохая? Почему мне никогда не говорят таких замечательных слов дома хотя бы в день рождения? Помню, я пришла домой совершенно в растрепанных чувствах. И когда мама спросила, в чем дело, я не выдержала, расплакалась и все рассказала. Думаю, что мама тогда искренне переживала происшедшее. Она, естественно, объяснила, как они с папой меня любят и какая я хорошая. Но я и так знала все это. Чего мне не хватало – это не абстрактного понимания, а повседневных проявлений этой любви, или хотя бы периодических. Ничего после этого вечера не изменилось.

Более того, когда у меня появилась собственная дочь, я впала в ту же порочную практику. Я очень любила ее, гордилась ею – она и впрямь у нас и умница, и красавица. Но это не мешало мне держать ее в строгости, постоянно критиковать и избегать любых восторгов и даже просто проявлений, как я считала, ненужных эмоций. Боялась избаловать. Хотя, казалось бы, пример Каменеша, которую не смогло испортить откровенное восхищение родителей, должен был меня чему-то научить. Так же, как и свои собственные переживания по этому поводу. Но я твердо держалась раз

избранной линии. Никаких сантиментов! До тех пор, пока дочка всерьез не заболела. Тут я спохватилась и стала наворачивать упущенное. Как же мне было тяжело узнать, что моя дочь тоже страдала от недостатка тепла и даже сомневалась в том, люблю ли я ее!

Одна моя хорошая знакомая американка сказала, как мне кажется, очень правильную вещь, когда я поделилась с ней своими проблемами. «Каждый день утром я говорю своим детям, какие они хорошие, какие они умные и как я их люблю. Потом за стенами дома всегда найдется тот, кто им скажет противоположное. Так что мои слова – это как противоядие от жестокости внешнего мира».

Не думаю, что за отношением Каменеша стояли такие же рассуждения. Мне кажется, ее материнская нежность была инстинктивной, ей это было дано от природы. В любом случае, как мать она была мудрее меня. Надо было видеть, с какой нежностью эта, ставшая довольно крупной, женщина прижимала к себе малюсенькую хрупкую дочку, как она на нее смотрела и как произносила ее имя. Как будто чувствовала, что недолго придется ей наслаждаться ролью матери. Когда она умерла, Юле было всего одиннадцать лет.

Несколько лет назад, будучи в Москве, я смотрела по телевизору до сих пор любимую мною передачу «Что? Где? Когда?». В промежутке между вопросами показывают тесно обступивших стол членов клуба. Я вздрогнула, увидев молодую рыжеволосую девушку, стоявшую среди них. Боже мой! Каменеша! Нет! Конечно, не она. Но как похожа! Я кинулась к телефону. Набрала номер Тамары. «Как? А ты не знала? Это же Юля. Она давно играет там. Теперь даже стала капитаном одной из команд. Они, кстати, победили недавно».

Юля, пойдя по стопам мамы и папы, поступила в Московскую государственную юридическую академию, была стипендиатом правительства России, стала прекрасным юристом. С детства Юля поражала нас всех своей эрудицией. Она любила участвовать в различных конкурсах, диспутах. Кончилось тем, что в 2001 году она стала участницей игры «Что? Где? Когда?». С тех пор Юлю Лазареву неоднократно признавали лучшим игроком клуба.

Теперь я часто вижу ее по телевизору. Она не очень похожа на Каменешу и вместе с тем удивительно похожа: та же мимика, жесты, тот же взгляд, немного исподлобья... Как бы Каменеша гордилась сейчас своей дочерью! Хотя ей было бы и в чем ее упрекнуть. Юлю воспитала бабушка, Нина Васильевна Каменецкая, мама Каменеша. Она умерла в августе 2010 года. Не перенесла безумно жаркого московского лета, вошедшего в анналы истории. Ей было уже за девяносто. И жила она одна. Если бы не мои подруги в Москве, постоянно ее навещавшие и помогавшие ей, думаю, Нине Васильевне пришлось бы последние годы жизни очень несладко. Тем более что привыкла она совсем к другому. Отношение Каменеша к своей матери было уникальным. Во всяком случае, я больше подобного не встречала. А вы знаете еще кого-нибудь, кто бы взял маму в свадебное путешествие? Мы, помню, когда узнали об этом, переглянулись и каждая, я уверена, про себя подумала: «Ну, Каменеша, ты даешь! Это, пожалуй, чересчур!». Незадолго до этого умер ее отец, и Каменеша не хотела оставить маму, еще не оправившуюся от смерти мужа, одну. И, тем не менее, никому из нас в подобной ситуации такое даже в голову не пришло бы. И это притом, что Каменеша была по-настоящему влюблена, да и муж у нее не отличался особой покладистостью. Но приняла решение и смогла настоять на своем.

До сих пор не верится, что ее уже нет с нами. Елена Каменецкая была Личностью, я не случайно написала это слово с большой буквы. И еще она была самым целеустремленным человеком из всех, кого я когда-либо знала. Уже в четвертом классе, когда мы встретились и начали учиться все вместе во вновь образованной пятой спецшколе, она увлекалась всем тем, что было связано с воздухоплаванием и покорением космоса – самолетами, спутниками, ракетами, космонавтами. Вся ее комната была завешана моделями самолетов и ракет, которые она постоянно покупала и клеивала. Полки были заставлены книгами об истории воздухоплавания и космонавтики, биографиями летчиков, космонавтов. Тогда это было довольно распространенным явлением. Запуски спутников, полеты первых

космонавтов – многие бредили космосом. Но это, в большинстве своем, были мальчишки. Лена, к тому же, была далеко не самого крепкого здоровья, у нее в подростковом возрасте были проблемы с сердцем, и она даже от занятий физкультурой была освобождена. Мы все с недоумением наблюдали, как ее увлечение с годами не только не проходит, но и усиливается.

– Каменеш, ты же не можешь стать космонавтом, ну что ты все никак не остановишься, что ты возишься все со своим космосом, смешно ведь, наконец! – пытались мы ее урезонить, особенно в последних классах школы.

Я не уверена, что Лена и сама в то время толком знала, что она будет делать со своей любовью к космосу, как приспособит ее к реальной жизни. И ведь приспособила! Она закончила юридический факультет МГИМО и стала одним из первых специалистов в области космического права. Причем блестящим специалистом, известным не только у нас в стране, но и за рубежом. Последние годы перед смертью Лена работала в группе ученых, занимавшихся разработкой международного законодательства в области космического права, и многое успела сделать на этом поприще. Даже ребенка – в это трудно поверить – Лена умудрилась родить 11 апреля и все переживала, что не дотянула чуть-чуть до 12-го – Дня космонавтики. И дочь свою она назвала Юлей не случайно. Если бы родился мальчик – его бы назвали Юрой, в честь Гагарина. А для девочки было заготовлено имя, как вы уже догадались, самое созвучное с именем Юра.

Каменеша, Арсик и Тамара были первыми, кто, еще вовсе не подозревая о моей будущей карьере на поприще жены дипломата, преподали мне первые уроки дипломатического протокола. Как-то до меня дошло, что некоторые одноклассники считают меня заносчивой и высокомерной. Меня это очень огорчило. Я стала выяснять у своих подружек, правда ли это. Втроем они проделали комплексный анализ моего поведения и пришли к следующим выводам:

- 1) я постоянно погружена в собственные размышления и часто не обращаю внимания на окружающих, что ими принимается, естественно, за высокомерие;
- 2) мне не хватает терпения выслушивать чужое мнение;

3) в принципе, я не высокомерна, но общаюсь исключительно с теми, кто мне интересен, и не скрываю безразличия к тем, кто мне не нравится;

Девочки пришли к единодушному мнению, что случай, хотя и сложный, но не смертельный, и выздоровление возможно. Было принято решение начать ежедневную работу над моим характером и параллельно над некоторыми моими манерами (например, над моими привычками морщить лоб и запускать руки в волосы в моменты тяжких раздумий), которые также были подвергнуты критике. Был заведен дневник, где каждый день мне выставлялись отметки. Отдельно – за то, как я разговаривала с преподавателями, отдельно – как с ребятами из класса. Пунктов было много.

Надо сказать, что девчонки с энтузиазмом взялись за благородное дело воспитания достойного члена общества и не их вина, если они не достигли впечатляющих результатов. Правда морщить лоб я отучилась. А вот светскостью – умением всегда ко всем уметь проявлять интерес, находить подход – не обзавелась. Терпения прибавилось, но не при выслушивании очевидных глупостей или точек зрения, в корне расходящихся с моими. И попрежнему, очень часто погруженная в свои мысли, я могу не заметить кого-то и тем самым обидеть человека.

В общем, я так и не стала образцово-показательной светской дамой. И не раз впоследствии начальники моего мужа будут пенять ему на недостаточно дипломатичный характер жены. Но все это будет потом. А в тот момент, когда мы с подружками занимались исправлением “отдельных недостатков” моего характера, я и не гадала, что через пару лет мне вновь придется вспоминать их советы и замечания, пытаюсь адаптироваться в гораздо более сложной, чем школьная, среде – дипломатической.

В последние школьные годы мои интересы лежали совсем в иной сфере, чем дипломатия. Я очень увлекалась искусством – изучала историю живописи, ходила вместе с Тamarой на занятия клуба юных искусствоведов (КЮИ) при Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина, посещала кружок рисования и живописи в Доме пионеров на Кутузовском проспекте.

Кстати, привел меня туда ныне известный политический деятель, а тогда один из новых моих московских друзей – Алеша Арбатов. Как я уже писала, наши отцы знали друг друга многие годы, но я встретила и подружилась с Алешей только после возвращения из Англии. Алексей сам любил тогда рисовать. Особенно хорошо у него получались всякие бронтозавры, ихтиозавры и прочие экзотические животные. Интересно, не возникало ли у него в Думе, где он довольно долго заседал, представляя интересы партии «Яблоко», желание изобразить некоторых из своих коллег в виде обитателей доисторических времен?

Преподаватель кружка находил, что у меня тоже неплохо получалось. Он был очень удивлен, когда узнал, что я решила поступать не в какой-нибудь художественный институт или училище.

Почему я так решила? Я отдавала себе отчет в том, что у меня нет таланта художника. Может быть, небольшие способности. Как я могла их применить? Стать декоратором, например, по интерьеру. Мне всегда нравилось обустроить свое новое жилье. И впоследствии мои знакомые всегда отмечали, что даже самое примитивное жилье, в котором мы оказывались, я умудрялась сделать уютным и необычным. Но модное нынче слово «дизайнер» тогда еще не вошло в употребление. Да и сама профессия не была столь востребована, как сейчас. Действительно, где нужны были раньше декораторы по интерьеру? Разве что при оформлении стандартных советских гостиниц или промышленных объектов. Большинство даже очень талантливых художников сидело без постоянного заработка, хваталось за любую работу – оформление интерьера, иллюстрирование книг. Все в один голос отговаривали меня от стремления связать свою жизнь со столь ненадежным кормильцем, как искусство.

В конце концов, я решила поступать в тот же вуз, одним из первых выпускников которого за почти ровно двадцать лет до этого был и мой папа – Московский институт международных отношений при МИД СССР (МГИМО). Институт, название которого уже возникало и еще неоднократно будет возникать на этих страницах. Я знала, что уж

если я и не художник, то, во всяком случае, и не «технар», а типичный «гуманитарий», как говорили в то время. А этот институт, насколько я знала, дает самое хорошее общее гуманитарное образование. Во всяком случае, так утверждали родители. Так же считала и Каменеша, что в те годы было не менее важным, поскольку она была уже тогда среди нас признанным авторитетом. К тому же она тоже туда поступала.

– Ну что же, – подумала я, – выучу языки, узнаю всего понемножку, а там будет видно, что мне делать дальше.

Конкурс в МГИМО был большой, как правило, 15–20 человек на место. Я рассчитывала на получение в школе медали – золотой или, в крайнем случае, серебряной. Оценки за предыдущие годы давали мне право рассчитывать на это. Медаль в разные годы давала разные преимущества. В некоторые годы золотая медаль, давала право на поступление в институт или университет без вступительных экзаменов. Имея серебро, надо было лишь сдать один или два экзамена по профилирующим предметам.

Надо сказать, что поставленная задача – получить медаль – превратила годы учебы в школе в каторгу. Мне легко давались все гуманитарные предметы, но в точных науках я, мягко говоря, не блистала. Поэтому, чтобы иметь все пятерки или, максимум, одну, – две четверки (что было условием получения серебряной медали), я, сжав зубы, с утра до вечера зубрила математику, алгебру, геометрию, физику и химию, вместо того, чтобы изучать любимую историю, больше читать или, скажем, больше заниматься рисованием. Долго еще после окончания школы я часто просыпалась в ужасе оттого, что мне снился один и тот же сон с небольшими вариациями: очередная контрольная или экзамен, и я не могу решить задачу или уравнение.

А самое главное, что ничего из того, что я с таким трудом вдолбила в свою голову по всем этим предметам, там не продержалось и месяца после окончания выпускных экзаменов.

Неудивительно, что в молодости я была убеждена в необходимости специализации, начиная со средней школы, когда, как правило, уже ясно «гуманитарий» ребенок или «технар».

Пройдя со своей дочерью через начальную и среднюю школу швейцарской системы, я осталась по-прежнему сторонницей специализации, однако уже не была столь однозначна в своих негативных оценках нашей системы начального и среднего образования. Опыт моей дочки, да и не только моей, но и многих ее одноклассников и одноклассниц показал, что базовое образование в нашей школе было очень приличным, особенно в том, что касалось именно столь нелюбимых мною точных наук. Моя дочь, начиная с третьего класса, училась параллельно и в нашей школе в тогда еще советской миссии в Женеве, и в швейцарской. Если она и делала уроки, то это всегда были задания в нашей школе. В швейцарской она выезжала исключительно на тех знаниях, которые получала в советской. Так было в начальной школе и то же самое происходило и в швейцарском среднем звене, так называемом «cycle d'orientation», куда дети приходили примерно в двенадцать лет и учились три года. Этот цикл считается уже довольно сложным и подразумевает определенную специализацию. Но и там моя дочь училась играючи, используя все то, что изучала в нашей школе. И так продолжалось до колледжа, т.е. примерно до конца восьмого класса. Только в колледже начались настоящие занятия, потребовавшие от моей дочки приложения сил. Резко возросли требования, и усложнилась программа. К счастью, учиться параллельно в нашей школе и в колледже ей пришлось лишь два года, но это уже другая история.

Моя «каторжная» жизнь дала свои результаты. В десятом классе в числе еще нескольких таких же изнуренных неравной борьбой с ненавистными предметами одноклассниц я вышла на финишную прямую. Я претендовала не на олимпийское, но имевшее не меньшую цену в моих глазах, серебро Министерства высшего и среднего образования СССР. И вот во время выпускных экзаменов моя бывшая учительница математики, на мое счастье, не преподававшая у нас в старших классах, сделала последнюю отчаянную попытку восстановить историческую справедливость – не допустить получения медали человеком, который явно не блещет в области ее любимых точных наук. Звали ее, как и мою подругу, Тамара (учителей, естественно, за их спиной мы звали только по имени, без отчества). Мы уже написали сочинение и

письменную работу по математике. Отметок, естественно, не знали. Я шла сдавать устный экзамен по химии. Вдруг перед дверью в класс, где проходил экзамен, возникла Тамара.

– Да, Беглова, – обратилась она вдруг ко мне, – не ожидала, не ожидала.

Я с удивлением посмотрела на нее.

– Я надеялась, что ты хоть на четверку напишешь.

– То есть как надеялись? – пролепетала я. – Вы о чем?

О письменной по математике, о чем же еще, – как мне показалось, зловеще прошептала Тамара, – ты ее на тройку написала.

И она гордо удалилась. Я почувствовала, что почва уходит у меня из-под ног. «Как тройка? Но контрольная показала мне такой легкой! Какой ужас! Все пропало!» – пронеслось у меня в голове.

Но из дверей уже выглядывала Рея Валеевна, наша классная руководительница. Надо было идти сдавать экзамен. Но я ничего не соображала. У меня было состояние протрации. Самое смешное, что я до сих пор помню билет, который мне достался – о химических процессах, происходящих в доменных печах. Я сидела и тупо повторяла про себя: «Доменная печь, печка, печь..., что печь, зачем?» Я в принципе понимала, что вопрос легкий и я все прекрасно знаю, но заставить себя сосредоточиться не могла. Да и зачем? Все равно ничего уже не сделать. Когда меня вызвали отвечать, я что-то говорила, едва-едва выдавливая из себя слова. После моего ответа комиссия долго совещалась. Как мне рассказали потом, за меня рьяно сражалась учительница по химии, которая принесла годовые журналы и доказывала с пеной у рта, что я явно больна. Иначе просто невозможно объяснить такой ответ ученицы, всегда имевшей пятерки в четвертях за все годы изучения химии. Знала бы она, что все лабораторные работы я просто предоставляла делать Тамаре (естественно подружке, а не математичке), с трудом что-то там сама понимая. Меня просто пожалели, поставив мне четверку. Когда мне об этом сообщила Рея, я ничуть не обрадовалась.

– Что с тобой? – с недоумением спросила она.

– Да какое это имеет значение, все равно медали мне не видать.

– Это еще почему? – в ее голосе слышалось явное удивление, и я с недоумением посмотрела на нее.

– Как, но у меня же тройка по математике!

– Какая тройка, ты что, бредишь, может, ты и вправду больна?

– Но мне же Тамара Ивановна сказала!

– Какая чушь, ты что-то напутала. Ваши работы еще из Рона (районное отделение народного образования – инстанция, курировавшая в каждом районе начальные и средние школы) не пришли. Но насколько я знаю, у тебя все в порядке, тебе не о чем беспокоиться.

Домой я пришла, как в тумане. Я несколько не сомневалась, что все, что со мной произошло, не было случайностью, недоразумением. Шок был двойной. От столкновения с ненавистью и с подлостью. Всегда нелегко осознавать, что тебя ненавидят, но в моей жизни это было первое проявление если не ненависти, то, во всяком случае, сильной нелюбви. И первое столкновение со столь явной подлостью. Незадолго до экзаменов в разговоре с бывшей математичкой я призналась, что надеюсь на медаль и поэтому не готовлюсь к институту ни по одному предмету, кроме профилирующего.

– Ну а если не получишь медаль? – спросила она меня вкрадчивым голосом.

– Ну что же, тогда не буду поступать в этом году и подготавливаю по всем предметам за год.

Говорят, что первая обида, как и первая любовь, не забывается. По-моему, это не совсем так. Ни одна обида, если она была сильной, так же, как ни одна любовь, если она была настоящей, не забывается. За долгие годы обучения в другой школе – школе заграничной жизни, я научилась сосуществовать с нелюбовью, с едва скрываемой неприязнью. Жизнь за границей отличается от жизни на Родине, прежде всего, тем, что там, выйдя с работы, вы не можете сменить круг общения и вынуждены жить среди людей, с которыми вы, возможно, в другой ситуации, предпочли бы не встречаться в нерабочей обстановке. Так же, как и они с вами. И иногда приходится жить в ауре взаимной несимпатии месяцами, если не годами. Так что нелюбовь почти

перестала меня травмировать. Но мирно сосуществовать с подлостью – эта задача мало кому по плечу. И если некоторым удастся этого добиться, то вы можете быть уверены, что человек и сам перестал различать грань добра и зла.

Медаль я все-таки в школе получила. Серебряную. У меня оказалась одна четверка – по химии. А письменную работу по математике, как выяснилось, я написала на «отлично».

Сегодня в вестибюле школы на стене висят две большие медали «За особые успехи в учебе». Одна – «золотая», другая – «серебряная». Под ними выбиты фамилии золотых и серебряных медалистов. Среди золотых – моя подруга Тамара, среди серебряных – шесть имен моих одноклассников, в том числе и мое.

Мы окончили школу в 1967 году. Наша школа, которая числится теперь под номером 1230, в этом году отметила свое пятидесятилетие. А большинству моих бывших одноклассников уже исполнилось шестьдесят. Так и хочется написать: «Боже мой! Как летит время!» Нет ничего банальнее этой фразы. Но нет и ничего ее правильнее.

Лет до двадцати – время ползет, ты его подталкиваешь: скорее, быстрее. От двадцати до тридцати ты, пожалуй, его не очень замечаешь – столько событий, так много всего нужно успеть. С тридцати – уже не торопишь события. После сорока начинаешь нервно поглядывать на календарь и стараешься не думать о возрасте. Я, например, на самый простой вопрос – «Сколько Вам лет?» – не могла сразу ответить и называла год рождения. И это не было кокетством, я действительно не помнила, сколько мне точно лет. Пятьдесят многие воспринимают почти как трагедию. Ну а уж когда на горизонте начинает маячить суровая цифра 60, то мелькание дней, недель и месяцев становится просто невыносимым.

Я вспоминаю поздний зимний вечер. Мы с подругой сидим в темноте, забравшись с ногами на диван и плачем. В комнату заходит моя мама, зажигает свет, с удивлением смотрит на нас и спрашивает с испугом:

– Что случилось? Почему вы ревете?

– Умирать страшно... – сквозь слезы отвечаю я.

– Ах, вот в чем дело, – с видимым облегчением говорит мама. – а чего это вы вдруг сегодня про это заговорили? Вам еще жить и жить. Пошли ужинать лучше.

Мы не стали ничего объяснять маме. Но я очень хорошо помню нашу беседу в тот вечер. Нам было лет по десять. Мы мечтали побыстрее дорасти до семнадцати. Казалось, это тот самый замечательный возраст, когда все происходит, все случается. А что же потом. Потом интересная жизнь. Лет десять. Ну а потом? Потом старость. Люди, которым за двадцать пять, казались нам ужасно старыми и мы решили, что жить стоит именно до двадцати пяти, ну, может быть, до двадцати семи. Дальше жить не имеет смысла. И чтобы не мучиться, придется просто покончить с собой. Придя к этому гениальному выводу, мы и загрустили. И пустили слезу. Вот в этот момент нас и застала мама.

С тех пор прошло полвека. Мы пока, слава Богу, обе живы. Мысли о самоубийстве нас больше не посещали. Ни в двадцать семь лет, ни, тем более, в шестьдесят. Хотя если задуматься, что изменилось во мне? Иногда кажется, что я не так уж далеко ушла от той испуганной девочки в далеком зимнем московском вечере. Изменился мир вокруг меня, изменились мои взаимоотношения с этим миром. Особенно сильно изменилось ощущение себя во времени. Кажется, что время существует в каком-то другом измерении. В параллельном. На каком-то жизненном этапе наши пути разошлись. Время понеслось стремительно вперед, а я осталась на месте. И с тех пор существую сама по себе, вне его. И осталась прежней, по крайней мере, внутри себя. В этом трагедия старения. Ты не чувствуешь, что жизнь подходит к концу. Кажется, что если не все, то многое еще впереди.

Прекрасно, когда в старости ты ощущаешь себя молодой, полной сил и желаний. Трагично, если ты так себя ощущаешь, а твое тело предает тебя, и у тебя просто нет сил жить...

Наверное, счастливы люди, теряющие в старости интерес к жизни. Они перестают бояться смерти.

Здание у Крымского моста

Одно дело – решить поступать, и другое – поступить. Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) был одним из самых престижных институтов. Очень не люблю это слово – престижный, но тогда оно часто употреблялось. Мне кажется, сейчас оно встречается реже. Может быть, оттого, что жизнь стала многообразнее и сложнее. Теперь трудно, например, однозначно сказать, где престижно учиться. В МГИМО? А в Сорбонне или в Гарварде? А может быть, в Московском университете на юридическом факультете? Сейчас вообще непросто дать однозначный ответ на какой-либо вопрос.

Поскольку у меня была медаль, для поступления в институт мне предстояло сдать два экзамена – по английскому языку и истории. За английский язык я не волновалась – все-таки наша спецшкола в то время была одной из лучших в Москве, и преподавание языка было поставлено довольно хорошо. К экзамену по истории я готовилась весь год.

Тогда большинство из нас еще занималось самостоятельно, без репетиторов. Даже те, кто прибегал к их услугам, скрывали это. Считалось, что репетиторы нужны лишь совсем отстающим. Сейчас поступление в институт превратилось в конкурс репетиторов, а не абитуриентов. В тяжелое, подчас непосильное, испытание для кошельков родителей.

Материал по истории, который требовалось повторить перед самым поступлением, был огромным, а экзамены в МГИМО начинались в первых числах июля, сразу после окончания школы. Экзамен по английскому языку был на следующий день после выпускного бала.

Маленькая деталь, необходимая для дальнейшего повествования. Поскольку мыть голову перед экзаменом считалось плохой приметой, я явилась на экзамен по английскому, имея на голове довольно громоздкое и экзотическое сооружение, изготовленное парикмахером в связи с этим торжественным событием.

Через два дня был экзамен по истории. Надо ли уточнять, что я практически не спала.

Утром перед экзаменом, где-то часов около шести, мама все-таки уговорила меня прилечь подремать часок-другой. Результат был плачевным, наверное, лучше было не ложиться совсем. Около восьми мама разбудила меня, я попыталась встать, но голова закружилась, все поплыло вокруг, и я потеряла сознание. Мама с испугу вызвала неотложку. Пока приехал врач, пока мне сделали какие-то взбадривающие уколы, пока я пришла в себя, оделась и позавтракала, было уже одиннадцать часов. К институту мама подвезла меня в районе двенадцати. Экзамены начинались в девять часов. Мы были уверены, что я уже опоздала и мне не удастся сдать экзамен. Но мама настояла, чтобы я все-таки зашла. В здании у Крымского моста было подозрительно пусто, и царил пугающая тишина. Дежурный на пропускном пункте подтвердил мои наихудшие опасения.

– Чего это ты так поздно, экзамены уже кончились, иди в секретариат, забирай документы, – безапелляционно заявил он.

Я остановилась, раздумывая, что же мне делать. И тут в мою судьбу вмешался Его Величество Случай. Послышались шаги. По лестнице спускался какой-то молодой человек. Увидев меня, он посмотрел внимательно, потом подошел и сказал:

– Привет, мы с тобой, по-моему, вместе английский сдавали. Я тебя не сразу узнал, у тебя была другая прическа. Меня зовут Алик. Алик Кадакин.

– А.. да, – вяло ответила я, – та прическа у меня оставалась после выпускного бала.

– Тебя как зовут? Ты чего здесь делаешь? Ты уже сдала историю? – вопросы так и сыпались из него.

– Нет, не сдала. Я опоздала.

– Как опоздала? Ты что? Ты же так хорошо сдала английский, я помню.

– Да, но мне сегодня утром стало плохо, перезанималась, наверное. Теперь все, ничего не поделаешь. – Честно говоря, и в тот момент я еще так плохо себя чувствовала, что мне действительно было все равно. Единственное, чего хотелось – это добраться до дома и рухнуть в постель.

– Да ты что! Надо что-то придумать.

Под натиском его энергии я стала постепенно приходить в себя. Весь ужас случившегося дошел, наконец, до моего сознания. Наверное, это отразилось на моем лице, поскольку Алик взглянул на меня, потом решительно взял под руку и буквально потащил вверх по лестнице.

– Постой, ты куда? – пыталась что-то лепетать я.

– Пойдем, пойдем, я последний сдавал, они должны быть еще там.

Алик оставил меня стоять около одной из дверей в совершенно пустом коридоре, а сам зашел в кабинет. Не знаю, что он там сказал, но через несколько минут он вышел и заявил: «Все, иди!»

Собравшись с духом, я зашла внутрь. В кабинете сидели четыре преподавателя. Видимо, собрались после экзамена и обменивались впечатлениями. Как ни странно, на меня они смотрели без раздражения, довольно благожелательно, что меня удивило и придало сил. Цепь счастливых случайностей не прервалась. Билет достался тот, что я хорошо помнила, поскольку повторила его одним из последних. Это еще более вдохновило меня, и я ответила спокойно и уверенно. Преподаватели задали пару-тройку вопросов, потом один из них, милостиво улыбнувшись, сказал: «Ну что же, очень хорошо. Надеюсь, однако, что на лекции Вы не будете опаздывать». Пролепетав что-то в ответ, я, счастливая, вылетела из кабинета.

Алик, увидев меня, понял, что все в порядке. И я, в свою очередь, видела, что он искренне рад за меня. Сколько раз за свою жизнь я увижу по лицу чужого мне человека, что он искренне рад за меня? Не так уж много. Выражение сопереживаемой радости случается видеть гораздо реже, чем сопереживаемого горя. Труднее разделить с кем-то его радость, чем горе. Говорю это и о себе. Чужому человеку легко посочувствовать в несчастье. И гораздо труднее, узнав, что ему повезло, искренне порадоваться, не испытав при этом чувства зависти или недоумения и не задав классического вопроса: а почему ему, а не мне?

После этого случая мы не стали с Аликом друзьями. Он явно не испытывал ко мне интереса. И если пришел мне на помощь в день экзамена, то, очевидно, не потому, что за-

интересовался мною как представительницей противоположного пола. А помог просто как человек человеку. Что, на мой взгляд, делает его поступок еще более ценным. На первых порах, встречаясь в институте, мы еще иногда перекидывались парой фраз, а потом наши дороги совсем разошлись. Я знала, что после окончания Алик Кадакин сделал блестящую карьеру в МИДе. Он стал одним из самых молодых послов, получив в 1992 году назначение в гималайское королевство Непал, а в 1999 году – в Индию. А я навсегда сохранила в своей душе признательность человеку, который в тот день сыграл в моей жизни роль счастливого случая.

Наступил сентябрь 1967 года. Начались занятия в институте. В старом, таком уютном после холодных бетонных пространств школы, здании МГИМО у Крымского моста.

В здании, где много лет назад учился и папа. Я уже писала, что он начал заниматься тогда еще не в институте, а на факультете международных отношений МГУ осенью 1944 года. Это был второй набор на недавно созданный факультет. Мне было интересно сравнить свои ощущения от первых дней занятий с папиными. Благо, сделать это было нетрудно. Помог все тот же дневник, который уже неоднократно фигурировал в моем повествовании. Папино отношение поражало своей восторженностью, трепетностью. Мы, послевоенное поколение, выглядим циниками по сравнению с папиными сверстниками. А может, его радость усиливалась от сознания того, что он выжил, война закончилась и впереди – жизнь. Происходившее вокруг воспринималось особенно остро от понимания того, что всего этого могло бы и не быть.

*Первая запись дневника –
2 октября 1944 года.*

«Первый день занятий. Все мы, 250 человек, собрались в большой аудитории факультета международных отношений МГУ, открывшегося год назад. С приветственной речью к нам обращается декан Иван Дмитриевич Удальцов: “Вы – студенты единственного в своем роде вуза в СССР. На вас ложится почетнейшая и ответствен-

ная задача: вы – будущие дипломаты. Часть из вас пойдёт работать по линии Внешторга, ТАССа, ВОКСа¹⁵⁰. Наша задача – сделать из вас культурных, образованных и достойных представителей своего государства. Вы получите здесь наиболее обширное (если не сказать, блестящее) образование по различным гуманитарным предметам. Преподавать их приглашены лучшие силы, имеющиеся в Союзе. Каждому из вас предстоит овладеть не менее чем двумя иностранными языками. Мы надеемся, что вы не дадите повода разочароваться в вас после впечатления, полученного на собеседовании... ». <... > Да, Спартак, есть чему радоваться и есть чем гордиться. Дух захватывает! <... >

Академик Евгений Тарле¹⁵¹, читавший введение в историю дипломатии, закончил лекцию под овацию аудитории. Потом наступила очередь профессора Тихомирова: его предмет – история России, период – средние века. Немного скучновато. После «Смутного времени» его сменит другой специалист <... >».

Начинаются лекции. Папе повезло. Некоторые предметы читают действительно выдающиеся ученые. Один из них – Тарле, книгами которого мы впоследствии зачитывались.

«...Начал читать лекции профессор Мишулин (история дипломатии): неплохо, во всяком случае, очень веско и добросовестно. Профессор Витвер (экономическая география): суховато, но детально, с глубоким знанием дела.

¹⁵⁰ Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС, 1925–1958), впоследствии Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД, 1958–1991).

¹⁵¹ Евгений Викторович Тарле (1874–1955) – знаменитый российский историк, академик, специалист по эпохе Французской революции и Наполеоновских войн. Репрессирован и сослан (1930–1932), затем возвращен из ссылки досрочно (возможно, по личному указанию Сталина). Автор многих популярно-исторических книг широкой тематики.

Доцент Гуревич (основы марксизма-ленинизма): очень живо и местами весьма остроумно.

Но главное звено – язык. Слушали лекции по фонетике – теперь “практикуемся” (т.е. попросту гримасничаем) перед зеркалом. Лучшие всего произношение налаживается у Вали Скугорова: его речевой аппарат словно “выточен” под английский язык. Но больше поразил Олег Быков – сразу же зажурчал, словно ручеек. “У Вас американское произношение: придется переучиваться!” – вынесла приговор Г.А.¹⁵² Но Олега вряд ли можно переломить. По его признанию, он потратил не один год на то, чтобы усвоить именно этот прононс, регулярно слушая “Голос Америки”¹⁵³.

... Академик Трайнин приступил к чтению лекций по государственному праву. Фундаментально».

Папа тогда жил с матерью на Правде. Ежедневные путешествия с Правды на занятия в Москву выматывали его, ослабленного войной и перенесенными двумя ранениями. Он очень уставал и от объема материала, который надо было усвоить, и от постоянных мотаний между Москвой и Правдой.

«Лекции идут своим чередом, и я опасюсь, что все-таки не справлюсь с тем дополнительным материалом, который мне необходимо проштудировать, чтобы обширнее охватить всю программу по любимым наукам. Нет, если я не перееду в Москву, то не сумею разрешить все эти задачи. Ведь 3–4 часа уходит на дорогу. 1/6 часть суток! А бесцельное времяпровождение во время “окон”! А 12-часовой перерыв между завтраком и обедом! Ясно, что такая “учеба” может довести до полного физического и нервного изнеможения... Взять хотя бы вчерашний день.

¹⁵² Преподаватель английского – Галина Абрамовна.

¹⁵³ Радиовещание «Голоса Америки» на СССР началось в 1942 г. Глушение передач не производилось вплоть до начала Холодной войны, поскольку в ходе Второй мировой войны СССР и США были союзниками.

После лекции по фонетике (9 – 11) с 11 до 1 должно было быть групповое занятие, потом “окно” и с 3-х до 5 лекция по истории дипломатии. Но группового занятия не было, “окно” получилось в 4 часа. Хотел съездить домой. Но за 35 минут нужно было заехать в магазин и попасть на поезд. Спешил, как сумасшедший, и... как всегда поезд ушел под самым носом. С досады готов был взорвать весь Ярославский вокзал или... набить морду первому встречному, хотя виноват, конечно, только я сам. Возвращаюсь на ф-т после того, как побродил по центру (купил 3 тома БСЭ). В три часа звонок. Выходит староста и объявляет, что... лекции не будет. Тьфу, чтобы пропасть! Пропал весь день.

Борьба со временем – вот моя главная проблема. <...> Нервное состояние, страшно взвинченное, выводит из себя каждый пустяк... Ясно: воля слабовата. И нечего обвинять нервы – просто разболтанность».

Типичный папа – всегда во всем виноват лишь он.

Появляются первые знакомые. Некоторые из них, такие, например, как Георгий Аркадьевич Арбатов¹⁵⁴, станут друзьями на всю жизнь.

«Познакомился с Юрием А. Серьезный парень. Капитан запаса (РС). Кавалер Красной Звезды. На разбивке по языкам пошли с ним на английский. Набрали себе 7 человек. Теперь уже можно было выбрать себе и преподавателя языка. В углу зала – стайка выпускниц из иняза: выбрали (да, именно выбрали) самую симпатичную брюнетку»¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Георгий Аркадьевич Арбатов (1923–2010) – российский политолог-американист, академик. Фронтовик, кавалер ордена Красной Звезды; член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. Основатель и директор Института США и Канады АН СССР (1967–1995). Председатель Ассоциации содействия ООН (1985–1997).

¹⁵⁵ Галину Абрамовну Кантор.

Вполне естественный для папы критерий подбора друзей. Самое важное – это то, что Арбатов тоже прошел войну, в этом залог взаимопонимания. И уже не имеет принципиального значения тот факт, что у них весьма различный, как изящно выражаются англичане, «social background». Папа, живший всю жизнь в провинции, воспитанный матерью-одиночкой – почтовой служащей, едва-едва сводившей концы с концами. И Арбатовы...

«3-го был у Юрия. Живут неплохо (отец работает во Внешторге). Мать обыкновенная русская женщина, внешне очень представительная, но очень радушная. Юрий был с 30 по 35 в Германии и 6 месяцев во Франции. Прекрасно владеет немецким».

И чуть позже.

«Я больше всего сблизился в Юрием Арбатовым и Сучковым¹⁵⁶. Первый, юноша из культурной семьи. Побывавший за границей, фронтовик (капитан), умный и скромный, хотя в последнее время и стал относиться ко мне заносчивее и немного холодновато...».

Не берусь судить, была ли это реальная заносчивость и холодноватость или папе, оказавшемуся среди ребят совершенно иного социального круга, чем тот, в котором до этого пребывал он, это привидилось. В принципе и то, и другое возможно. И снисходительное отношение к несколько скованному, молчаливому пареньку. И появление у папы определенных комплексов, когда он вдруг оказался среди пусть и иной, чем в наше время, но все же «золотой молодежи».

Справедливости ради должна сказать, что особых следов комплексов я в папином дневнике не нашла. Хотя нет, один имелся. Одежда... Я уже писала об этом. Невозможность обзавестись хоть каким-то костюмом заставляла папу серьезно переживать:

¹⁵⁶ Еще один институтский знакомый, с которым папа также сохранил теплые отношения на всю жизнь.

«И еще проблема – заношенный гардероб бывшего фронтовика: сморщенная кожанка, выдавшая виды фуражка, сапоги, отмерившие не одну сотню километров. Я никуда не могу сходить с девушкой, мне даже стыдно иногда за свой вид перед сверстниками! Прямо скажем, на фоне других ребят, особенно пижонов (детей высокопоставленных родителей), выгляжу довольно убого. Как только инвалидам войны начнут давать ордера на отрезы, в первую очередь надо обзавестись новым костюмом и пальто!»

В итоге костюм, хотя и с большим трудом, но был куплен. И папа успокоился. А тут еще подоспели события, которые совсем вытеснили всякие переживания по поводу несоответствия “шикарным” студентам.

Уже давно ожидалось, что факультет преобразуют в институт. Папа пишет по этому поводу:

«В студенческой среде ходят разговоры о том, что якобы, уже решен вопрос о выделении факультета в самостоятельный институт. Это было бы замечательно!»

И вот 23 октября знаменательная запись:

«О самом главном: Постановлением Совнаркома от 14 числа наш факультет выделен в самостоятельный институт. Ура!!! Хотя, по существу, радоваться пока нечего. Наоборот, организационная суматоха будет длиться, наверное, немало, а будет ли наркоминдел заботиться о нас по-настоящему – еще неизвестно. Но все равно – 14 октября знаменательный день нашего института. Говорят, нашему вновь испеченному Институту международных отношений должны присвоить имя Молотова. Ну что ж, Вячеслав Михайлович, надеюсь, друг друга не подведем».

Позднее, публикуя отрывок из дневника, папа сделал к этой записи следующее примечание:

«Не знаю, присваивали ли когда-нибудь нашему институту имя Молотова. Но точно одно: если кто и “подвел” ко-

го-нибудь, то это были не мы. Что же касается Молотова – тут, как говорится, комментарии излишни...»

Из этих же, более поздних записей, мне бы хотелось привести еще два небольших отрывка:

«У первых выпускников МГИМО был общий “папа” – незабвенный Юрий Павлович Францев: он стал ректором в 1946 году. ... Кроме “папы”, был у нас и свой “дядюшка” – Иван Иванович Спильванек, чех по национальности: за глаза мы в шутку называли его “Фан Фаныч”. Будучи человеком высокой культуры, он, как мог, старался предстать перед нами в роли строгого начальника курса: “Тофариц Стуруа! Это фам не школа, а институт! Здесь не бегают, а ходят, как фсе фоспитанные люди!” Но довольно скоро мы поняли, что за этой напускной строгостью скрывалось очень доброе сердце. Именно таким он и остался в нашей памяти.

По окончании МГИМО мне, молодому журналисту, довелось освещать многие события мировой политики. И почти на каждом “перекрестке” международной жизни мне посчастливилось сотрудничать со многими бывшими однокурсниками: профессором Олегом Быковым, заместителем главного редактора “Правды” Вадимом Некрасовым, Георгием Арбатовым, Валентином Оберемко¹⁵⁷, Сергеем Романовским¹⁵⁸, Мэлором Стуруа¹⁵⁹, а с Валерой Юрьевым и Володей Ивановым мы начали свой служебный путь еще в Совинформбюро.

¹⁵⁷ Валентин Иванович Оберемко (1926–1980) – чрезвычайный и полномочный посол СССР в Италии.

¹⁵⁸ Сергей Калистратович Романовский (1923–2003) – заместитель министра культуры СССР, председатель Госкомитета Совмина СССР по культурным связям с зарубежными странами. Посол СССР в Норвегии, Бельгии, Испании. Ректор Дипломатической академии МИД России (1993–1997).

¹⁵⁹ Мэлор Георгиевич Стуруа (1928) – известнейший в СССР журналист-международник, автор многих книг. Собкор газеты «Известия» в Лондоне, Нью-Йорке, Вашингтоне (1964–1982). Живет и работает в США (с 1989 г.).

Впрочем, перечислить всех своих однокашников, чье дружеское расположение и коллегиальную солидарность я ощущал в годы активной творческой жизни, просто невозможно. Каждый второй – либо известный дипломат, либо профессор, либо видный журналист...»

Новому институту вскоре выделили и новое здание – у Крымского вала на Метростроевской улице, 53/2. Нынешнее поколение знает это здание как Дипломатическую академию на Остоженке.

И вот в это же здание я и пришла по следам своего папы двадцать два года спустя. По сравнению со школьной жизнью, отравленной математикой, моя студенческая жизнь была просто nirvanой. Языки, всемирная история, история международных отношений и многое другое, что мне было интересно изучать.

Многие предметы читались довольно интересно. Конечно, мы не могли похвастаться такими преподавателями, как Тарле, но большинство преподавателей были неплохими. После школы мне любая свободная манера преподавания предмета казалась замечательной. А уж когда нам предлагали не просто зазубрить, а помыслить, порассуждать – это уже казалось верхом новаторства.

Учеба давалась легко, и впервые за последние годы образовалось много свободного времени. Но и особых проблем, чем занять это свободное время, не наблюдалось. Конечно, тогда не было и в помине такого выбора кафе, дискотек и клубов, как теперь. Собирались в основном у кого-то дома... Предпочтительно у тех ребят, чьи родители были обладателями отдельной квартиры. И еще лучше, если при этом родители находились за границей. То, что в нашем понимании тогда считалось большой квартирой, – это чаще всего две комнаты и небольшая кухня.

В памяти сразу всплывает картина: забитая до предела комната. Чтобы поговорить, приходится почти кричать. Танцы – это просто переминание с ноги на ногу. При любой попытке сделать хоть какое-то иное телодвижение вы неизбежно приходите в столкновение с чьей-то спиной, с чьим-то бедром, животом или иной частью тела. При этом все утопает в клубах дыма. Через час пребывания на такой

вечеринке ужасно хочется на улицу – легкие требуют свежего воздуха. Именно тогда я начала курить. Я с детства не переносила табачный дым. Когда бабушка закуривала на кухне ночью, я просыпалась от дыма, просачивавшегося сквозь закрытую дверь в нашу детскую комнату. На институтских вечеринках у меня через полчаса так начинало резать глаза, что слезы текли ручьями. Кто-то мне посоветовал – начни сама курить, легче будет. Я оказалась перед дилеммой – начать курить или прекратить выходы в свет. Выбор напрашивался сам собой. Как ни странно, совет оказался верным: закурив, я перестала реагировать на сигаретный дым.

Сейчас модно рассуждать о том, что блага номенклатурных работников в советские времена сопоставимы с тем, что имеет сегодняшняя высшая бюрократия и бизнесмены. Когда я слышу такие разговоры, мне делается смешно.

Моя юность прошла в так называемой номенклатурной среде. Мой отец принадлежал к ней. Среди друзей родителей были, как я писала, и те, кто принадлежал к правящей элите. Например, Юля Хрущева, другая дочь Хрущева – Рада Аджубей и ее муж – Алексей Аджубей, главный редактор газеты «Известия». Все эти люди жили достаточно скромно. Особенно по нынешним меркам.

Я не понаслышке знаю, как жили и дети высокопоставленных родителей. Какое-то время я общалась с внучкой Сталина – Катей Ждановой.¹⁶⁰ Позднее мне приходилось

¹⁶⁰ Екатерина Жданова родилась 5 мая 1950 г. Ее родители – дочь Сталина, Светлана Аллилуева, и Юрий Жданов, сын ближайшего соратника хозяина Кремля. Когда Светлана Аллилуева в 1967 г. сбежала за границу, Кате было 17 лет. Я помню, как тяжело переживала Катя это событие. Она ушла в себя, замкнулась, отказывалась обсуждать происшедшее с кем-либо из друзей. Она ничего не знала о планах матери и восприняла ее отъезд как предательство. После этого происшествия наши отношения прекратились. В 1977 г. Екатерина поехала на Камчатку, в поселок Ключи в составе геологической экспедиции, изучающей Ключевскую сопку – крупнейший действующий вулкан Евразии. Там она встретила человека, которого полюбила, и осталась на Камчатке на всю жизнь. Насколько я знаю, ее жизнь сложилась очень и очень непросто.

встречаться с Игорем Андроповым и с внуком Брежнева – Андреем, с которым дружил мой младший брат. Да и на нашем курсе было немало тех, чьи фамилии тогда были на слуху. Например, внук Анастаса Микояна¹⁶¹ – Володя. Никто из них не купался в роскоши. Квартиры были. Но не у них, а у их родителей. И тоже отнюдь не дворцы, а чаще всего трехкомнатные квартиры, как тогда говорили, улучшенной планировки. Что означало чаще всего нормальную прихожую и относительно большую кухню. Помню, единственная квартира, которая произвела на меня впечатление роскоши – это квартира Володи Микояна, вернее, его отца – Серго – недалеко от театра на Малой Бронной. А роскошной там была только огромная по тем временам гостиная – наверное, метров около сорока. Тут же было предложено устроить здесь очередную вечеринку. Но, как выяснилось, рядом находилась квартира Подгорного¹⁶², известного своим ворчливым нравом, и идея умерла, едва родившись.

Машин не было практически ни у кого. Чаще всего даже у номенклатурных родителей были лишь служебные машины. В годы моей учебы перед зданием института не было того парада лимузинов, который можно увидеть сегодня. Даже те, кто мог пользоваться машинами родителей, старались делать это лишь в случае необходимости. Исключением из тех людей, кого я знала, был лишь сын Щелокова¹⁶³ – Игорь, приезжавший в институт на иномарке.

¹⁶¹ Анастас Микоян – видный советский политический деятель. Пятьдесят четыре года подряд был членом ЦК партии и срок лет работал в составе Политбюро ЦК.

¹⁶² С 9 декабря 1965 г. по 16 июня 1977 г. – Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

¹⁶³ Щелоков Николай Анисимович – с 1966 по 1982 гг. был министром внутренних дел. После смерти Брежнева был обвинен в коррупции и освобожден с поста министра. Вскоре покончила жизнь самоубийством его жена Светлана. В 1984 г. Щелоков был лишен всех государственных наград и исключен из партии. Через несколько дней после этого он застрелился из ружья, оставив записку, в которой отрицал свою вину и просил оградить детей от преследований.

У некоторых, но отнюдь не всех, были личные дачи. Многие имели право пользоваться государственными. Все они, даже наиболее «шикарные» – в Жуковке и в Барвихе – в подметки не годились самой скромной «дачке» на сегодняшнем Рублевском шоссе.

Все эти люди имели доступ к хорошим поликлиникам, ели продукты из кремлевской столовой. Могли достать импортную одежду и обувь. Отдыхали в хороших санаториях и домах отдыха. Иногда выезжали на море в Болгарию или на озеро Балатон в Венгрию. Разве все это сопоставимо с тем, что имеют сегодня те, кто находится даже не на самом вершине бюрократического Олимпа? Просто нелепо сравнивать. Я уж не говорю о средней руке миллионерах. Про олигархов и их отпрысков, разбивающих время от времени в Женеве машины, стоимостью от полумиллиона и выше, я просто молчу.

В чем же разница между теми и другими? Конечно не в том, что в мое время все были такие хорошие, а сейчас – все такие плохие. Наверное, причин много. Даже в застойные времена, несмотря на начавший все разъедать цинизм, еще сохранялись какие-то моральные ценности. Было все – и пьянство, и разврат, и стяжательство. Но этого стыдились, а не кичились этим, как сейчас. Помню, многие годы притчей во языцех была Галина Брежнева с ее бриллиантами, любовниками, пьяными оргиями. Но о ней и говорилось и писалось позднее столько именно потому, что она скорее исключением из правил. Кого она сегодня удивила бы таким поведением?

Важно еще и другое. Большинство моих знакомых не хотели доказывать свою состоятельность демонстрацией привилегий, которыми обладали они или их родители. Пытались найти какие-то другие пути самоутверждения, пусть и не всегда удачные, но свои. Это сейчас никто не считает дурным тоном выставлять напоказ привилегии и богатство как свое, так и своих родителей. В мое время это считалось дурным тоном. Да и не только в мое. Во многих странах не любят «новых русских» чаще всего именно за это – стремление всем продемонстрировать: «Вот мы какие богатые! Смотрите и завидуйте!».

Советская система воспитания поощряла не индивидуализм, а коллективизм, поэтому люди опасались особенно высовываться – на это смотрели с неодобрением. Помните мою школьную историю про английские колготки? И смешно, и грустно – даже другого, чем у всех, цвета колготки, могли вызвать порицание. Что бы стало с моей бедной учительницей, если бы она увидела, в чем приходят сегодня иные школьницы на занятия! Два времени – две крайности. Нашей стране почему-то свойственны крайности. Всегда – из огня да в полымя!

Конечно, у нас в подкорке сидел и страх – годы репрессий, даже если они не коснулись кого-то лично, не могли пройти бесследно. Поэтому удобнее и безопаснее было особенно не выделяться из общей массы. Были и другие сдерживающие факторы: в обществе существовала система балансов, противовесов, контролировавших друг друга: партия, профсоюзы, органы безопасности, общественные организации.

Кроме того, еще памятен был тот спартанский образ жизни, который не только пропагандировали, но и вели первые советские лидеры. Этот стиль в какой-то степени был присущ и сталинской эпохе. Не надо забывать, что и система потребления была иной: какой набор продуктов и услуг мог предложить советский строй? Дефицит царил повсюду, и его могущество распространялось на все слои общества, в том числе и на самые привилегированные. Даже если у вас и были деньги, чтобы купить дачу или машину – попробуй ее найти. Такая задача была под силу лишь тем, кто находился на самой вершине пирамиды власти.

Безусловно, система, в которой прошли наши детство и юность, была далека от идеальной. Но когда вся инфраструктура власти была разрушена, исчез и механизм, позволявший управлять не только экономикой, но и поведением людей. С крушением идеологии исчезли и моральные ориентиры. Что могла предложить новая система? Религиозные ценности? Те самые, которые столько лет объявлялись ложными? На смену кодекса строителей коммунизма пришел кодекс капиталистических джунглей. Именно джунглей, а не капиталистического общества, которое нам еще только

предстоит построить. И, наверное, сменится еще несколько поколений, пока сформируются в обществе новые критерии оценки успешной личности, измеряемые не количеством денег в банке, машин в гараже, вилл, раскинутых по всему миру.

Но вернемся, однако, в мои студенческие времена. Изредка мы выбирались в считавшееся одним из самых модных тогда кафе «Метелица» на Калининском проспекте¹⁶⁴, ходили на институтские вечера. Зимой встречались на катке в Лужниках или в парке с интригующим названием – Парк культуры и отдыха имени Горького. У меня возникал всегда один и тот же вопрос: парк отдыха – это еще понятно, хотя тоже масло масляное, что еще в парке делать, как не отдыхать. Но вот культура причем? Это значит, что только здесь надо вести себя культурно, т.е. воспитанно, а за пределами парка – как?

Летом с однокурсниками мы ездили на экскурсии. Чаще всего в близлежащие города. Благо недостатка в красивых местах неподалеку от Москвы нет. Суздаль, Загорск и другие города Золотого кольца. До сих пор помню одну поездку в Ростов Великий, откуда мы – несколько девчонок и ребят с моего курса, – опоздав на нужную нам электричку, возвращались в Москву на товарном поезде.

Ребята с моего курса. Их было много. Курс состоял в большинстве своем из юношей. Девчонок было чуть больше десяти. Тамара и Арсик, учившиеся на истфаке и в институте культуры, мне завидовали. Еще бы, в большинстве гуманитарных учебных заведений соотношение представителей мужского и женского пола было противоположным. На одного парня приходилось десять и более девиц на выданье. Да и что за парни шли тогда в гуманитарные вузы? То ли дело у нас, в МГИМО. Выбирай – не хочу. На любой вкус.

Нас, девчонок–первокурсниц, особенно интересовали старшекурсники. Были среди них, конечно, и ребята, ничего сами из себя не представлявшие. Они попали в институт

¹⁶⁴ Так тогда назывался Новый Арбат.

исключительно благодаря положению, занимаемому их отцами. Если тогда и не был так, как сейчас, развит конкурс репетиторов, то конкурс родителей, безусловно, существовал. По-моему, это явление внешнегеографическое и внешнеисторическое.

Тем не менее, много было и очень интересных молодых людей. Им, конечно, тоже кто-то оказал поддержку – без этого поступить в МГИМО, да еще на факультет международных отношений, нечего было и мечтать. Но они и сами по себе были яркими личностями. Или, как минимум, просто красивыми мужчинами.

С некоторыми из них я позднее познакомилась благодаря Игорю, своему будущему мужу, который поступил на три года раньше меня и ввел меня в компанию своих однокурсников. К тому же, поскольку я знала английский язык уже неплохо, то продолжала изучать его в группе старших ребят, как раз с курса Игоря.

Темноволосый и темноглазый с восточной томностью во взгляде, красавец Георгий Мамедов поразил воображение не одной первокурсницы. Он был чрезвычайно элегантен и отличался великолепными манерами, владел уже тогда несколькими языками. Некоторые, подшучивая, говорили, что не иначе как его воспитывала гувернантка. Кто знает, может, как в каждой шутке, здесь тоже была доля истины.

Я знала его отца – Энвера Мамедова, тоже очень образованного человека. С ним был хорошо знаком мой папа. Они оба были журналистами и проработали несколько лет вместе в АПН. Наши пути с Юрой Мамедовым пересеклись много лет спустя в Институте США и Канады Академии наук СССР. Я пришла туда на работу в 1977 году после возвращения из Бангладеш, а Юра работал там уже несколько лет. В этом же году он поехал на работу в США по линии Министерства иностранных дел. Правда, в Вашингтоне он проработал недолго. Как известно, даже очень умные люди не застрахованы от неприятных ситуаций. Тем не менее, вернувшись в Москву, Мамедов остался в МИДе, где чрезвычайно успешно продвигался по службе. Много лет проработав на посту заместителя министра иностранных дел, а в 2003 году уехал послом России в Канаду.

Я очень признательна Георгию, хотя он об этом и не подозревает. В 1998 году у моего мужа, вернувшегося в Москву из командировки в Швейцарию, возникли проблемы с устройством на работу. Из-за того, что я осталась в Женеве. Это напомнило печальную практику сталинских времен, в соответствии с которой МИДовский сотрудник не мог иметь родственников за границей. А я работала в ООН и не вернулась в Москву, когда закончилась командировка Игоря. Первый раз это случилось в 1992 году. Тогда, на волне перестройки, бюрократическая машина с трудом, но пережила мое невозвращение. Игоря взяли в МИД, и Сергей Лавров, тогда начальник департамента международных организаций, назначил его к себе заместителем. А когда я осталась работать в Швейцарии и после второй командировки мужа в 1998 году, ему пришлось несладко. Кстати, произошло это не без участия одного из моих однокурсников – Алексея Ф., возглавлявшего в это время кадры Министерства и объявившего даже своего друга, устроившегося на работу в международную организацию, чуть ли не врагом Родины. Он считал, что нечего брать в МИД человека, у которого имеются родственники за границей. Как это ни парадоксально, но до сих пор при устройстве в Министерство иностранных дел вы заполняете анкеты, подготовленные еще в сталинские времена. И там есть такой вопрос: имеются ли у вас родственники за границей? Если таковые имелись, то в советские времена путь в любое учреждение, работа в котором была связана с выездом за рубеж, был для такого человека закрыт. Следуя букве этой инструкции в наши дни, боюсь, половину МИДа придется уволить. Особенно, если учесть, сколько наших бывших республик стали иностранными государствами! Но логики для бюрократа не существует, в этом я неоднократно убеждалась. Он верен лишь букве инструкции, которую к тому же вытаскивает на свет лишь тогда, когда ему это понадобится по каким-то причинам.

В этом я убедилась задолго до ситуации со Швейцарией. В начале 1980-х годов Игоря направляли на работу в миссию СССР при ООН в Нью-Йорке. Он прошел все инстанции, даже получил на руки наши заграничные паспорта.

Ждали лишь последнего решения – ЦК КПСС. Мы складывали чемоданы, поскольку, казалось, что все уже давно согласовано. Но последней отмашки все не поступало и не поступало. Дело было летом. Мне надоело сидеть в жаркой Москве, и я отправилась с ребенком отдыхать на юг. Оттуда периодически звонила мужу: ну как, «добро» пришло? Но оно никак не приходило. Ясно, что бюрократическая машина забуксовала. В таких ситуациях никто вам ничего объяснять не обязан, а МИДовские кадровики лишьжимают плечами: мы здесь ни при чем. В результате окольными путями удалось узнать причину, по которой мы так и не поехали в Нью-Йорк: мой брат – Михаил Беглов – работал в это время в корпункте ТАССа в Вашингтоне. Как же так? Пускать в Америку сестру, когда там уже находится брат! Не положено! Приговор вынесен и обжалованию не подлежит. В те же годы в посольстве СССР в Вашингтоне работало одновременно два брата – оба сотрудника МИДа. Но у тех братьев была поддержка в том же ЦК, поэтому в отношении них правила не действовали. Видимо, в нашем случае пункт инструкции о родственниках был использован лишь как предлог, чтобы дать возможность занять пост в Нью-Йорке кому-то из нужных для чиновника из ЦК людей.

Не знаю, что заставило моего однокурсника много лет придирчиво пресекать любые интересные предложения, которые поступали в адрес моего мужа. Кто знает, возможно, я в свое время, не заметив того, чем-то обидела его? А может, на словах заявляя, что ООН – это миротворческая организация, весомым членом которой уже много десятилетий является его родное государство, – на деле он видел в ней лишь проводника интересов империализма, проклятого еще в благословенные советские времена? Тогда, конечно, нельзя брать в МИД мужа сотрудницы этой организации.

В тот сложный период именно Георгий Мамедов предложил Игорю очень интересную работу. Хотя ни я, ни Игорь никогда не были его близкими друзьями, именно он протянул руку помощи. И не его вина, что назначение было заблокировано все тем же моим однокурсником.

Лев Воронков, в молодости лишь слегка напоминавший Ленина, а позже, отрастив усы и бородку, доведший это сходство до поразительной похожести. Когда мы работали в Женеве, он находился в Вене, был директором Международного института мира, и мы иногда встречались. До сих пор не могу забыть встречу, происшедшую у нас дома, когда мы встретились после долгого перерыва. Звонок в дверь. Я открываю. В квартиру входит... Ленин. С огромным букетом белых тюльпанов. Теоретически я понимаю: это не Ленин, мы ждем в гости Льва Воронкова. Тем более что цветы, а особенно белые тюльпаны, у меня с Лениным не ассоциируются. Красные гвоздики – еще куда ни шло. Но отделаться от ощущения, что передо мной – великий вождь, не могу. Мы так и стоим: Лев, в упор смотрящий на меня, и я – едва ли не открытым ртом. Выручает мой муж, который выходит посмотреть, почему в коридоре воцарилась тишина. Он хлопает Ленина по плечу, тот что-то говорит, и магия исчезает. Я вижу уже не Ленина, а Льва.

Обаятельный Ванечка Тюлин, которого я всегда вспоминаю при галстук-бабочке, так удивительно шедшей ему. Сам Ванечка, вечно куда-то спешащий, всегда в курсе всех последних институтских новостей, напоминал, в силу своей комплекции, скорее не бабочку, а деловитого шмеля. Он был не только очаровательным, но и удивительно знающим, всесторонне образованным человеком. Всю свою жизнь он проработал в МГИМО. После окончания в 1970 году факультета международных отношений учился в аспирантуре, работал помощником ректора. В 2007 году он умер. Помоему, в это до сих пор многие так и не смогли поверить. Настолько за годы своей работы в МГИМО он стал частью нашей *alma mater*.

Когда я познакомилась с Игорем, моим будущим мужем, его ближайшими друзьями были Петр Добросердов и Юра Ушаков.

Петя Добросердов. После института мы мало встречались. Мы уехали в Южную Азию. Он – в Грецию. Знаю, что в конце 1990-х годов он был послом России в Македонии. У Пети был непростой характер – горячий, вспыльчивый.

Говорили, что он мог быть очень резким, жестким. Отсюда – частые конфликты на работе. К тому же он много курил. Возможно, все это сыграло роль в том, что он так рано умер. В министерстве, за рабочим столом, от разрыва сердца.

После института мне удалось пообщаться с ним лишь несколько дней, когда мы в конце 1980-х годов заехали в Афины к нему и к его очень милой жене Татьяне. Он возил нас по Афинам. Была адская жара, но ему непременно хотелось показать нам все то, что ему было дорого в этом городе. Акрополь он оставил напоследок. У меня уже не было сил, мне не хотелось тащиться на холм, чтобы смотреть там, пусть и знаменитые, но развалины. Почему-то развалины – будь то в Италии, или в Греции – меня никогда не волновали. Петя сердился и заставлял меня шагать по скользким, казалось, плавящимся от жары, мраморным плитам. Он уже был у храма Афины Паллады, а я еще все ползла по лестнице. Остановилась, он опять замахал мне рукой. Он хорошо смотрелся наверху – на фоне огромного синего неба и белых, растворявшихся в воздухе, колонн. Я взяла фотоаппарат и сделала снимок. Таким он и запомнился мне: красивым, молодым – на фоне Некрополя. И теперь уже навсегда.

Юрий Ушаков. Из выпускников 1970 года он, пожалуй, сделал самую блестящую карьеру. Ее начало связано с Данией, где он дослужился в конце 90-х годов до поста советника-посланника. Потом какое-то время был директором Департамента общеевропейского сотрудничества МИД, отвечал за сотрудничество с ОБСЕ, НАТО, Советом Европы. Недолго побыл на посту заместителя министра, а в 1998 году был назначен послом России в Соединенных Штатах Америки. Учитывая ту роль, которую занимают советско-американские отношения в нашей политике, можно с уверенностью сказать, что это самый ответственный посольский пост в иерархии дипломатических назначений. Ушаков оставался на этом посту до 2008 года. Вернувшись в Москву, был приглашен на должность заместителя руководителя Аппарата Правительства РФ, отвечающего за международную деятельность кабинета министров, а сейчас он помощник Президента по внешней политике.

С Юрой и его женой Светланой, тоже выпускницей МГИМО, мы общались, пожалуй, чаще, чем с другими друзьями Игоря. Мы приезжали к ним в гости в Данию, виделись во время совместных командировок Игоря и Юры в Праге, встречались, когда все оказывались в Москве, и навещали их в Вашингтоне. Наверняка Юра обладает всеми необходимыми профессиональными качествами, позволившими ему добиться столь впечатляющих успехов. Я не работала с ним и не мне об этом судить. Но я не была удивлена его достижениями. Есть люди, чаще всего, конечно, ребята, а не девушки, глядя на которых даже в молодости я была уверена, что они станут начальниками. И молодыми они так держатся, так ведут себя, у них такая осанка, что в юноше вы видите не своего ровесника, а человека, облеченного властью. У меня подобные ощущения возникали в отношении некоторых молодых людей из нашего института, и все они рано или поздно добились немало. Юра в первую же встречу произвел на меня именно такое впечатление. Может быть, поэтому я никогда не чувствовала себя с ним непринужденно, робела в его присутствии, что для меня чрезвычайно нетипично. И это не потому, что он вел себя надменно. Вовсе нет. Наоборот. И Юра, и его жена Светлана – люди удивительно доброжелательные. И в молодые годы, и на всех последующих этапах жизни их отличало еще одно качество, которое, я уверена, сыграло не последнюю роль в том, чего они достигли. Они, по выражению моего папы, обладали даром «привечать» людей. И Юра, и Светлана всегда любили и умели принимать людей. Делали это с размахом и со вкусом.

Впервые меня это поразило, когда мы проездом заехали к ним в Копенгаген еще в конце 80-х годов. Мы тогда совершали поездку на машине из Швейцарии через Германию и Скандинавию. Остановились на несколько дней в Копенгагене и чудесно провели там время со Светой и Юрой. Помню, нас, еще не избалованных дарами моря, поразили застолья в их доме, где Света подавала огромные блюда с креветками и прочими незнакомыми нам морскими тварями. Потом были встречи в Москве, где их квартира на Кутузовском чуть ли не каждые выход-

ные наполнялась народом. Принимали они нас и в 2007 году в Вашингтоне, куда мы приехали из Нью-Йорка, где в то время работал Игорь. Юра, несмотря на занятость, выбрался пообедать с нами в какой-то закрытый клуб, где ему непременно хотелось угостить нас особенным супом, который можно было попробовать только там.

Для меня во время посещения Вашингтона прозвучала лишь одна бемольная нота, которая до сих пор не дает мне покоя. Света водила нас по вилле-дворцу, в котором находится резиденция посольства России. Эта вилла стала резиденцией русского посла еще в XIX веке. Светлана с гордостью показывала мне плоды своего труда – она приложила много сил для того, чтобы отреставрировать дом, пришедший, по ее словам, к их приезду в Вашингтон в упадок. Я с интересом рассматривала произведения искусства, украшавшие виллу. Там было на что посмотреть: резиденция обладает прекрасной коллекцией произведений декоративно-прикладного искусства. Есть там, естественно, и картины. И Светлана подвела нас к гордости живописной коллекции – картине Айвазовского. Я не помню названия картины, но на ней – зимний вид Кремля. Я взглянула на картину и... не увидела Айвазовского. Передо мной было большое ярко написанное с лубочным привкусом полотно. Я не искусствовед и тем более не специалист по картинам Айвазовского. Но, как я уже писала, живопись – моя страсть. Несколько лет в школе искусствоведов при музее им. Пушкина, часы, сложившиеся в месяцы, если не годы, проведенные в музеях сначала России, а потом повсюду в мире, куда бы ни забрасывала меня судьба. Начатая еще отцом коллекция альбомов и книг, посвященных живописи. Так что, входя в зал, я не глядя на подписи, могу определить если не всех художников, то уж половину из них – это точно. Чем всегда приводила в изумление всех тех, с кем в этих музеях бывала. Так что перед этим Айвазовским у меня возникло четкое ощущение даже не подделки, нет. Просто картины другого художника. Еще раз повторяю: я не эксперт по Айвазовскому. Возможно, на позднем этапе творчества у него были ученики и это их творчество. Не берусь судить. Но мне было бы очень интересно узнать мнение эксперта.

Тогда, на вилле, я не решилась задать вопрос Светлане: видел ли картину специалист по этому художнику? Не хотела расстраивать ее, не имея для этого никаких оснований, кроме своих ощущений.

Постаралась забыть об этом эпизоде. Но он опять и опять всплывает в памяти, когда разыгрывается очередной скандал вокруг подделок русских художников, продающихся на международных аукционах. Причем многие из этих подделок имеют сертификаты, свидетельствующие об их подлинности от видных специалистов, в том числе и из Третьяковской галереи.

Особенно много фальшивых картин Шишкина. Для подделок за его подписью используют полотна художников дюссельдорфской школы: по манере исполнения они часто действительно очень близки к этому русскому живописцу. В 2004 году на аукционе «Сотбис» разразился скандал: с торгов был снят пейзаж Шишкина, хотя подлинность была подтверждена экспертизой. Оказалось, что это работа голландского художника Андриана Куккука.

По мнению американских экспертов, в частных и государственных коллекциях Запада находится около восьми тысяч ложных русских авангардистов. Сколько фальшивых «шишкиных», «левитанов» «айвазовских» кочует по российским просторам, никто сказать не может.

Подделки, захлестнувшие Россию и Западную Европу за последние годы, простите за плохой каламбур, сродни «Девятому валу» Айвазовского.

Но, может быть, эта картина висит на вилле еще с прежних времен? Возможно, она еще в XIX в. украшала стены виллы русского посла? Скорее всего, это именно так. Но исключает ли этот факт возможность фальшивки? К сожалению, нет. Достаточно вспомнить историю, которую я рассказала про одного из папиных друзей – Валентина Оберемко, случившуюся с ним, когда он был послом в Италии.

У моего мужа не так много друзей. Их можно пересчитать по пальцам одной руки. Самым близким стал в последние годы еще один его однокурсник – Володя Зимянин. В институте они с Игорем близко не общались. Тем не менее, я

запомнила Володю. На последнем курсе, всего за несколько дней до государственного экзамена, я уговорила Игоря поехать на экскурсию в Переславль-Залесский. С молодости мною владела «охота к перемене мест». Раз за границу – нельзя, то я старалась не упускать возможности попутешествовать по родной стороне. Игорь посопротивлялся для приличия, но потом согласился. Мы переживали начальную стадию нашего романа – как он мог мне в чем-то отказать? Когда мы пришли к месту отправления на экскурсию, все уже сидели в автобусе. Свободных сидений не было. Но студенты – люди находчивые: кто-то притащил один стул и предложил его Игорю. Мне, потеснившись, ребята выделили местечко на заднем сиденье. И мы отправились в поездку. Бедный Игорь подпрыгивал вместе со своим стулом на каждом ухабе, а их на наших дорогах всегда было в избытке. К тому же он прихватил с собой учебник по бенгальскому языку и пытался еще что-то повторять. Как это всегда бывает, на заднем сиденье автобуса собралась компания ребят, решительно настроенных на то, чтобы весело провести время. Не знаю, были ли они все такими веселыми, находчивыми и остроумными от природы, или этому еще способствовало некоторое количество выпитого пива, естественно, прихваченного в поездку. Игорь, гарцующий прямо у них перед носом, не мог не вызвать огонь на себя. Он быстро превратился в основную мишень их шуток. Особенно прохаживался на его счет один парень, чей голос перекрывал все шумы в автобусе – гогот парней, треск мотора, хлопанье штор. Игорь пытался отшучиваться, но это только растревало ребят и особенно того, кого все называли как-то странно – Зямшиц.

Мне было ужасно жаль Игоря, и я была просто готова убить этого парня. Но что я могла сделать? Ничего. Тогда я решила хотя бы разделить участь человека, которого втравила в эту авантюру. Я встала со своего сиденья и уселась к Игорю на колени. Автобус затих. Я с ужасом ожидала, что вот сейчас начнется новый тур издевок в удвоенных размерах. Ждала... но ничего не произошло. Вернее, один из парней попытался отпустить довольно сальную остроту, но его оборвал, как ни удивительно, тот самый Зямшиц.

Я очень удивилась, но раздумывать особенно не приходилось – мне было страшно неудобно балансировать на коленях Игоря. Они подпрыгивали в ритм ухабам, становившимся все более частыми. Наконец, мы приблизились к цели нашего путешествия – Переславль-Залесскому. Там я и узнала от Игоря, что наш преследователь и одновременно спаситель – его однокурник Володя Зимянин. Я тогда переспросила: «Тот Зимянин?». Фамилия мне была знакома. Папе приходилось по работе общаться с Михаилом Васильевичем Зимяниным¹⁶⁵, который в то время был главным редактором «Правды» и к тому же возглавлял Союз журналистов СССР. Он хорошо отзывался о нем, говорил, что с этим человеком ему легко общаться – он держится просто и с уважением относится к собеседнику, в отличие от многих партийных бонз. Я подумала тогда: «Странный сын у этого Зимянина».

Экзамен по бенгальскому Игорь сдал, но получил четверку. Этим он страшно удивил своего преподавателя: все пять лет у него по языку были только отличные отметки.

Зимянина я много лет не видела. Знала, что после окончания института он с трудом вписался в МИД. Это меня не очень удивило. Честно говоря, я с трудом видела его сидящим за столом в министерстве. Гораздо легче я могла его представить, скажем, на картине Репина «Запорожские казаки пишут письмо турецкому султану». Потом я слышала, что какое-то время он работал в архивном отделе и даже выпустил книгу о Джавахарлале Неру¹⁶⁶ в знаменитой серии – «Жизнь замечательных людей». Поскольку мы жили в Индии и все, что связано с этой страной, меня интересовало, я книгу прочитала. С удивлением констатировала, что она написана очень серьезно и со знанием дела. Позднее по этой книге был снят советско-индийский фильм «Неру», получивший Государственную премию СССР.

В 1985 году увидела еще одну его книгу – на сей раз о Поле Робсоне. Опять удивилась: при чем здесь Зимянин и Поль

¹⁶⁵ Зимянин Михаил Васильевич – советский государственный и партийный деятель. В 1965–1976 гг. главный редактор газеты «Правда». В 1976–1987 гг. секретарь ЦК КПСС.

¹⁶⁶ А.В. Горев; В.М. Зимянин. Неру. М., 1980 г.

Робсон? От мужа узнала, что Володя очень давно увлекался джазом. Еще в институте, когда такое увлечение не очень приветствовалось, он приобщал мгимовцев к джазу, организовывал клуб любителей этой музыки и там выступали тогда мало кому известные музыканты, позже ставшие звездами мировой величины. Среди них был Алексей Козлов, с которым Зимянин дружит до сих пор.

Образ разудалого казака отступил, но его нечем было заменить – наши дороги с Зимяниным долго не пересекались. Вновь мы встретились лишь в середине 1990-х годов в Женеве. Так получилось, что они с моим мужем несколько лет проработали в миссии России при ООН. И не только сработались, но и очень подружились.

Когда я заходила в здание представительства, то невольно прислушивалась: а вдруг пронесется по коридорам знакомый раскатистый баритон, потом появится и сам Володя. Увидев меня, он нахмурится, с деловым видом, вразвалочку, подойдет и спросит, глядя в упор: «Наталья, быстро. Как дела? Проблемы? Нет? ОК. Звони, если что. Спешу. Пошел».

Однажды я обратила внимание на часы Зимянина – Rolex Oyster, модель 1965 года. Оказалось, с этим часами связана интереснейшая история. Володе они достались от его отца – Михаила Васильевича. Ему же их подарила легендарная личность – Фидель Кастро. Это произошло во время визита нашей партийно-правительственной делегации на Кубу в 1971 году. Вручая их отцу Зимянина, Фидель сказал, что получил их от брата – Рауля. Брату Кастро они достались в качестве военного трофея в ходе боев против наемников на Плайя Хирон¹⁶⁷.

Дружеская связь между моим мужем и Володей не ослабела, и когда они разъехались по разным странам.

Недавно они, наконец, воссоединились в Москве. И теперь у меня появился конкурент. Когда бы я ни позвонила

¹⁶⁷ В апреле 1961 г. на Кубе, в заливе Свиной десантировалась так называемая бригада 2506, призванная свергнуть режим Кастро. Самые ожесточенные бои, в результате которых наемники были полностью уничтожены, произошли в районе Плайя-Хирон («Голубой пляж»).

Игорю, я уверена, что тут же раздастся звонок мобильника и мой муж извиняющимся голосом сообщит мне: «Это Володя, у него что-то срочное. Я тебе перезвоню, хорошо?»

Я начала рассказ о студентах МГИМО тех лет с друзей и знакомых моего мужа – выпускника 1970 года. Не потому, что они были лучше. Просто, как я уже говорила, мы, первокурсницы, естественно, относились к старшекурсникам со значительной долей пиетета. Но многие из ребят и моего первого курса факультета международных отношений тоже были очень и очень неплохи. А если бы еще заранее знать, что из некоторых из них получится... Из таких, например, как Сергей Лавров, ныне министр иностранных дел.

К сожалению, я очень мало общалась с Сергеем. Так, эпизодические встречи во время занятий. А со второго курса я перешла на вновь созданный факультет журналистики. Контакты с сокурсниками по факультету международных отношений сократились. И после окончания института в 1972 году и отъезда сначала в Индию, а потом в Бангладеш, стали совсем редкими.

Но, даже не общаясь лично, я многое знала о нем. Это был тот сокурсник, имя которого фигурировало во всех рассказах ребят из МГИМО, с которыми наши дороги пересекались. Сначала это были в основном рассказы о его успехах, имевших отношение скорее к культуре, чем к дипломатии. Еще в институте Лавров стал сначала культторгом курса, а потом всего института. Он играл на гитаре, пел «под Высоцкого» и писал стихи – именно Сергей сочинил гимн МГИМО. Помню видеозапись одного из капустников, организованного в честь очередного юбилея нашего выпуска, на которой Сергей, переодевшись и загримировавшись так, что я его с трудом узнала, с упоением поет и декламирует под гитару. Рассказывали и о его увлечении футболом. Я с удивлением спрашивала, а как же он играет в очках? Линзы появились гораздо позднее. Мне объясняли – Сергей выступает в качестве центрального нападающего. Главное – поставить его так, чтобы он видел ворота. А дальше – дело техники, Сергей прорвется. Позже

он стал играть в майке с собственным изображением, которую заказал себе, работая в Нью-Йорке.

И еще ходили легенды о его увлечении весьма рискованным видом отдыха – спуском на плотках по сибирским рекам. Этому увлечению, возникшему в юности, Лавров остался верен и по сей день. Правда, здесь не обошлось без легенд. Когда Сергей стал министром иностранных дел, то прошел слух, что он был вынужден прекратить это занятие. Рассказывали, что сам Путин, беседуя с ним после назначения, попросил Лаврова найти другой вариант проведения отпуска. Мотивировал он это, якобы, тем, что при сплаве по реке невозможно будет обеспечить должную безопасность. Но, как я узнала позднее, это было неправдой. Сергей по-прежнему сплавляется по рекам. В основном – в Горном Алтае. И команда сложилась уже проверенная – выпускники МГИМО 1972–1974 годов. Правда, сплавляются они уже не на плоту из бревен, а на надувном плоту, и у Лаврова при себе спутниковый телефон.

Лаврову, как и моему мужу, сильно «повезло» с языком. Мой муж изучал бенгальский, а Сергей – сингальский. Я думаю, как и у моего мужа, в его дипломе значится «референт по странам Востока». Неудивительно, что после института мы с Сергеем оказались по соседству. Он – в Шри-Ланке, а мы – в Индии. Как и моему мужу при генеральном консульстве в Калькутте, так и Сергею при тогдашнем посольстве в Шри-Ланке – Рафике Нишанове – пришлось на деле узнать, что такое «Фигаро здесь, Фигаро там». Он заведовал протоколом, был личным переводчиком посла и его помощником.

Затем рассказывали о его успехах в Нью-Йорке, где за несколько лет он проделал путь от второго секретаря до старшего советника. Затем его дорога пересеклась с дорогой моего мужа в Управлении международных организаций, где он был замом.

Мой муж и все, кто работал с Сергеем в те годы, вспоминают о нем как об отличном коллеге и товарище – отзывчивом и открытом. Судя по всему, Сергей в то время оставался верен ценностям, провозглашенным им в молодости в момент написания гимна:

«Учиться – так взахлеб, дружить – так до конца,
Не падать и идти упрямо к цели.
Рассыпаны по миру горячие сердца,
Надежные и в деле, и в веселье».

Вскоре Лавров стал уже заместителем министра, курирующим международные организации. Дальше – логичное назначение – на пост представителя России при ООН, на котором он сменил Юлия Михайловича Воронцова. На этом посту Лавров весьма успешно проработал десять лет – с 1994 по 2004 г.

Я пишу «успешно» на основании на сей раз личных впечатлений. Мой муж приехал на работу в миссию России при ООН в Нью-Йорке в 2005 году в качестве первого заместителя постоянного представителя. Мы часто слышали самые положительные отзывы о работе здесь Сергея и от сотрудников ООН, и от глав некоторых миссий, которым довелось с ним поработать. Все они отмечали, что Лавров – профессионал высокого класса: умел не только выполнять решения, но и быстро реагировать на неожиданные ситуации. Он, кроме того, мог выступать и с инициативами, что не так уж часто случается в МИДовской среде. Не боялся и воевать с начальством, что встречается редко. Так, Лавров – заядлый курильщик – не побоялся ввязаться в борьбу с Генеральным секретарем ООН за права курящих сотрудников в стенах этой организации. Кофи Аннан, занимавший тогда этот пост, ввел запрет на курение в ООН, но Сергей, встречая его, демонстративно закурил сигарету. В итоге в здании было отведено место для курения.

Встретиться с Сергеем в Нью-Йорке мне тоже не пришлось. Но зато познакомились с его женой – Марией Александровной. Она оказалась удивительно милым и доброжелательным собеседником. Без малейшего налета надменности и снобизма, которые, к сожалению, так часто свойственны женам людей, занимающих высокое положение. Даже чаще, чем самим мужьям.

Произошла наша встреча с ней на даче посла. Слово «дача» совсем не подходит к большому особняку, находящемуся на Лонг-Айленде в местечке Глен-Коув. Раньше

это здание в готическом стиле – с гранитными стенами, высокими печными трубами, сводчатыми окнами – называлось Килленуорт. Оно было построено в начале прошлого века для одного из сыновей Чарльза Пратта – основателя «Стэндард Ойл». В доме – множество комнат, есть даже часовня и небольшой орган. Именно при Лаврове была осуществлена значительная работа по восстановлению интерьера дома – и много сил этому отдала как раз Мария Александровна.

Из Нью-Йорка Лавров вернулся в Москву на пост министра иностранных дел, который занимает и по сей день. Находиться на таком посту столько лет и соответствовать тем ценностям, которые когда-то провозгласил в гимне, уже гораздо труднее. К тому же всегда найдется, в чем упрекнуть человека, находящегося на столь высоком посту. Одни упрекают его в излишнем пристрастии к своим однокурсникам. Другие – в том, что будучи занят работой, Лавров не уделяет должного внимания подбору кадров и часто ошибается в кадровых назначениях. Не один раз бывало так, что выдвиженцы Лаврова подводили его же самого. Но это беда почти всех начальников. Лавров, я думаю, в этом смысле не исключение.

Тем не менее, мне кажется, что из всех людей, занимавших этот пост в постсоветскую эпоху, Лавров – самый сильный министр иностранных дел.

Были у нас на курсе и другие очень интересные ребята, прославившие наш выпуск.

Это Анатолий Торкунов, уже много лет являющийся ректором МГИМО. О недавней встрече с ним я расскажу позднее.

Юра Кобаладзе, сделавший блестящую карьеру в разведке, а потом ушедший в бизнес. О нем также речь еще впереди.

Андраник Мигринян, проделавший очень интересный путь от преподавателя Московского автомобильно-дорожного института до члена Президентского совета, и одного из самых известных наших политологов. Не так много дру-

гих политологов, у которых было бы столько поклонников и врагов. Одни превозносят его как блестящего специалиста и мыслителя. Другие обвиняют в возрождении имперских амбиций России. Но, пожалуй, даже его противники не отрицают его яркой индивидуальности и политического мужества.

В том, что Андраник – личность неординарная, я смогла убедиться всего за несколько часов общения с ним в сентябре 1969 года. Мы учились на одном курсе, но не были знакомы. Олег, брат моего мужа, с которым мы тоже были однокурсниками, изучал язык суахили. Мой будущий муж уехал на практику в Пакистан и перед отъездом поручил Олегу опекать меня. Олег отнесся к этому поручению очень серьезно, и мы проводили вместе довольно много времени. Однажды мы должны были пойти на вечеринку. Олег, который всегда умудрялся делать несколько дел одновременно, назначил мне встречу около метро «Парк культуры». Явился он туда с незнакомым мне худощавым, заросшим черными волосами, подозрительного вида парнем. Представил нас друг другу. И только тут я поняла, что, в принципе, я знаю этого молодого человека – Андраника Мигрянна. Просто за лето он отрастил бороду и усы, и его невозможно было узнать. Олег отвел меня в сторону.

– Мне надо тут еще по делам смотаться. До вечера я успею все сделать. А ты побудь пока с Андраником. Я скоро вернусь, и мы поедем в гости, как собирались.

– Олег, но мы же с ним практически незнакомы. И вообще он какой-то странный. Что я с ним буду делать?

– Да ты его не бойся, – заявил Олег. – Он парень хороший и интересный. Ты сама увидишь.

– А о чем мне с ним разговаривать?

– Не беспокойся. Он сам будет говорить, – заверил меня Олег. – Ты главное от него не отставай. Иди рядом. Смотри, не потеряй его, а то он что-нибудь выкинет такое. Когда он в раж входит, он не отдает себе отчет в том, что делает. Один раз мне пришлось его из милиции вызволять. Он не там переходил улицу, милиционер его остановил, а он ему начал такую философию разводить, что тот его за диссидента принял. Так что ты смотри, ни на шаг не отпускай его от себя.

И, завершив это странное напутствие, Олег гордо удалился. Мы пошли с Андраником гулять по Фрунзенской набережной. Я не помню, как завязался разговор. Знаю лишь, что в течение двух часов, которые мы гуляли, ожидая Олега, мы обсудили множество политических ситуаций и конфликтов. «Мы» – это громко сказано. Мне лишь иногда удавалось вставить слово или задать вопрос. Это был монолог Андраника. Сначала было очень интересно, я слушала и пыталась во все вникать. Потом я устала: скорость, с которой Андраник анализировал события, была спринтерской. Я пыталась перевести разговор на какие-то бытовые сюжеты. Но не тут-то было. Миграняна было не остановить. Возможно, если бы я была более внимательна и потом записала все то, что он говорил, мы бы имели оригинальное решение не одной мировой проблемы. Но я быстро утомилась следить за ходом его мысли и ждала только одного – прихода Олега. Когда Олег появился, я передала ему Андраника с рук на руки и вместо вечеринки отправилась домой. У меня страшно разболелась голова. Решать мировые проблемы – это нелегкий труд, даже если вы при этом всего лишь слушатель, а оратором выступает Мигранян.

Мы встретились с ним сорок лет спустя – зимой 2010 года в Нью-Йорке, где с января 2008 года Мигранян занимал пост главы нью-йоркского представительства Института демократии и сотрудничества. Встретились на полчаса, а проговорили весь вечер. Причем разговор был очень интересным. Мы как будто и не расставались: сразу возникло чувство естественности и непринужденности. Мы вспоминали студенческие годы, однокурсников. Уходя, Андраник сказал моему мужу, вернувшемуся после работы: «У тебя удивительная жена, мы перебрали с десятков однокурсников, и ни одну фамилию она правильно не назвала». Я не обиделась. Я знаю, что он прав, – у меня какая-то неразрешимая проблема с запоминанием имен и фамилий. Очень неудобный недостаток для жены дипломата, которая на приеме, познакомившись, должна правильно обратиться к представленному ей человеку, запомнив, как его зовут. Требование этикета. Не говоря уж об элементарной вежливости. Для меня же это всегда было неразрешимой пробле-

мой. Что же говорить о фамилиях однокурсников, с которыми судьба разлучила меня несколько десятилетий назад. Но Андраник помнил всех и смог рассказать мне о том, как сложилась судьба многих из них.

Олег Щербак, благодаря которому я познакомилась с Миграняном – известнейший африканист. И просто очень умный и интересный человек. Как ни странно, я познакомилась с ним уже после того, как стала встречаться с Игорем, его братом и моим будущим мужем. Мы были очень дружны с ним в студенческие годы. Из-за меня Олег однажды даже угодил, как и его приятель Андраник, в милицию. Я тогда очень увлекалась русской архитектурой. Ездил по старым русским городам – посещала чудом уцелевшие монастыри и церкви. Я, конечно, регулярно совершала вылазки и в различные уголки Москвы – туда, где находились полузабытые и полуразрушенные церковные строения. Как-то в один из таких походов со мной отправился и Олег. Я хотела осмотреть и зарисовать одну недавно обнаруженную мною церквушку, находившуюся в Замоскворечье. Она была огорожена полуразвалившимся забором: ее когда-то, видимо, решили отремонтировать, но дальше возведения строительных лесов дело не пошло.

Я в юности отличалась нравом весьма решительным. К тому же с детства во мне жила так и не истребленная любовь к лазанью по деревьям: на даче в Англии моим любимым занятием было забираться на все имевшиеся в наличии деревья: пробковые дубы, толстенные пихты и менее экзотические, но зато более высокие ели.

Однажды на даче я с подружкой забралась на высоченную ель. Только мы там благополучно устроились, как увидели на дорожке внизу приближающуюся группу женщин, гулявших по лесу. Среди них я увидела и маму. Мое лазанье по деревьям дома, естественно, не поощрялось. Я представила, что будет с мамой, когда она увидит меня на такой верхотуре. Надо было во что бы то ни стало сидеть тихо – так, чтобы женщины внизу нас не заметили. Как вы знаете, когда очень стараешься не издавать звуков, это редко удается. Именно это случилось и на сей раз. Моя подруга

хрустнула веткой, я на нервной почве прыснула от смеха. От того, что засмеялась, с трудом обретенный баланс был утерян, и я чуть не рухнула на землю. Вовремя уцепилась за ветку, но шуму произвела много. Женщины внизу нас увидели и загалдели. Я не слышала, что именно, – мы начали мучительный спуск. В результате, ободранные и исцарапанные, мы оказались внизу. Сначала мама, явно обрадованная тем, что я живая и невредимая стою перед ней, меня радостно обняла, молча взяла за руку и повела домой. Зато вечером, когда на дачу приехал папа, я получила назиданий по полной программе. С тех пор на высокие деревья я больше не лазила.

И вот теперь, много лет спустя, во мне вдруг опять взграл азарт древолаза. Говорят же так – «скалолаз», почему же не употребить аналогичное слово в отношении любителя лазить на деревья? Как я уже сказала, церковь, которую я решила штурмовать, была окружена забором. Олег попытался отговорить меня от моей затеи, показав висевшую на заборе столь распространенную в нашей стране табличку: «Посторонним вход воспрещен». Но поскольку четко определить в данной ситуации, кто посторонние, а кто – нет, было сложно, я предпочла истолковать запрет в свою пользу, резонно заявив Олегу: я любитель русской старины, а значит, на меня этот запрет не распространяется. Поняв, что со мной спорить бесполезно, Олег тяжело вздохнул и полез вслед за мной в проем забора. Как истинный джентльмен, каковым он всю жизнь являлся и продолжает оставаться, он не мог бросить даму на пороге столь рискованного мероприятия. Под его неодобрительное ворчание мы начали восхождение.

Старушки, сидевшие на скамеечке около дома, расположенного напротив церкви, ахнули нам вслед: «Вы смотрите, смотрите! Баба на церковь поперлась, а за ней мужик!» Кто-то из них крикнул нам вслед еще что-то, с интонацией явно угрожающей. Олег прислушался и сказал мне: «Давай вернемся! Не нравятся мне эти старухи! Как бы милицию не вызвали». Он как в воду глядел. Но мне уже попала шлея под хвост, как любила выражаться моя бабушка. Вскоре мы доползли до верхней площадки лесов. Вид оттуда открывался

ся – просто дух захватывающий! Вдалеке виднелись даже кремлевские башни и купола. Я достала блокнот и стала делать зарисовки. В отличие от меня, Олег явно не был настроен на то, чтобы наслаждаться красотами. Он нервно курил, стоя рядом. Вдруг мы услышали громкие голоса, доносившиеся снизу: «Там они, там! Наверху! Баба и мужик!» Олег глянул вниз, а потом, обернувшись, мрачно констатировал: «Так, попались! Милиция».

Бдительные бабки не поленились и позвонили в милицию, которая, надо отдать ей должное, проявила оперативность. На лесах мы пробыли минут пятнадцать. Двое молодцов, быстро забравшись к нам наверх, довольно грубо пресекли все наши попытки вступить в переговоры. Они отобрали мой блокнот, заставили сойти вниз. Внизу я, считая, что все еще можно обратить в шутку, заявила, что признательна им за заботу о нашей безопасности и больше в их сопровождении не нуждаюсь. Только я попыталась отойти от них, как один из милиционеров подскочил ко мне, довольно больно заломил мне руку за спину и повел к машине. Сопровождаемые неодобрительными взглядами старух, мы сели в УАЗик и вскоре оказались в участке.

Там с нас «сняли допрос». Начали с меня. А Олега куда-то увели. Довольно свирепого вида капитан упорно допытывался, зачем я зарисовывала Кремль. Я объясняла, что хотела запечатлеть красивый вид, но такой ответ его явно не устраивал. Он ухмылялся и говорил, глядя на меня с подозрением: «Вид ей понадобился, значит... Ясенько... Так и запишем. Кремль срисовывала». Я опять объясняла ему, что не Кремль конкретно, а вид на Москву, но все было впустую. Как говорится, я ему – про Фому, а он мне – про Ерему. Когда беседа со мной закончилась, меня отвели в какую-то комнату и заперли там. Я, честно говоря, приуныла, поняв, наконец, что благодаря мне мы с Олегом вяпались в пренеприятную историю. Привод в милицию грозил большими осложнениями для студента любого вуза, а для студента МГИМО мог привести и к отчислению. Я с ужасом представляла, что услышу от Олега, когда нас с ним с позором выгонят из родного ву-

за. Ситуация осложнялась тем, что я мечтала выйти замуж за брата Олега – Игоря. Игорь, как я уже писала, был на практике в Пакистане, и Олег «присматривал» за мной. Я понимала, что после этого происшествия Олег явно не посоветует Игорю связать свою судьбу с такой безответственной особой, как я. Прошел, наверное, час. Когда я окончательно впала в уныние, прокляла свой дурацкий характер, любовь к русской старине и распрощалась со своими планами войти в семью Щербаков, в замке повернулся ключ, и в комнату вошел милиционер. Настроен он был явно более миролюбиво, чем прежде. Мы вышли в приемную, и тут все объяснилось. Там стоял грустный Олег, а рядом с ним – Николай Тихонович, его отец и мой будущий тесть. Оказалось, что Олегу удалось уговорить капитана разрешить ему связаться с отцом. Николай Тихонович был полковником Советской Армии. Человеком он был весьма представительным и к тому же обладал прекрасными ораторскими способностями. К моменту моего появления в приемной подозрения в шпионаже были отмечены окончательно и бесповоротно. Оставалось только обвинение в проникновении на объект, на который вход посторонним был четко и ясно запрещен. В этот день Николай Тихонович сумел проявить свой дар убеждения в полной мере. Благодаря ему, мы отделались, что называется, легким испугом. Было решено, что милиция нас отпустит, в институт никакой бумаги о нашем приводе в участок отправлено не будет. В обмен Николай Тихонович пообещал лично провести с нами самую серьезную воспитательную работу. Единственное, что капитан отказался сделать – это вернуть мне мой блокнот с зарисовками. Я тешу себя иллюзиями, что сделал он это, желая сохранить мои этюды на пленэре, будучи пленен их высоким художественным уровнем.

Работа с нами была проведена – и настолько серьезная, что после этого я надолго потеряла интерес почему-то не только к русскому зодчеству, но и к иконописи также. И даже теперь, спустя более сорока лет после того происшествия, не очень люблю посещать памятники русской архитектуры.

Надо отдать должное Олегу: ни во время самого столкновения с милицией, ни в участке, ни позже, он ни разу не упрекнул меня в том, что я не послушалась его и полезла на церковь.

Позднее, как и со всеми другими однокурсниками, я встречалась с Олегом лишь изредка: либо он был за границей, либо нас не было в Москве. Олег Щербак работал в Танзании, потом в Кении, несколько лет в представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке, позднее был назначен послом России в Зимбабве. Ему, как и моему мужу, сильно «повезло» с языком. Мой муж изучал бенгальский, а Олег – суахили. Столько труда, столько усилий потребовало освоение этих экзотических языков! И зачем? Лишь для того, чтобы в первые годы работы штудировать местную прессу и делать выжимки для послов, которые те не всегда и просматривали, поскольку к их услугам была и англоязычная пресса. Или для того, чтобы поражать местных жителей на рынке, пресекая их попытку заставить вас, как всех иностранцев, платить втридорога за мясо и овощи.

Пожалуй, после института дольше всего нам удалось общаться... в Хараре, куда мы приехали его навестить. Олег всю жизнь был страстным рыболовом. Об этом я знала. Но в Зимбабве он стал и заправским охотником. Несколько вечеров он «потчевал» нас рассказами о своих охотничьих приключениях.

В результате он так раззадорил нас рассказами, что мы тоже отправились на сафари. Конечно, без охотничьих ружей, с фотоаппаратами наперевес. Олег помог нам выбрать маршрут и все организовал. Это путешествие и наши встречи с обитателями африканских лесов, прерий и озер оказались просто фантастическими. И я до сих пор признательна Олегу за это путешествие в сказку.

Кстати, во время этой поездки я имела возможность убедиться, насколько опасной может быть встреча со слонами. Мы уговорили проводника, сопровождавшего нас, подойти как можно ближе к слонам. Он долго отказывался, и лишь когда я не очень тактично поинтересовалась, не боится ли он слонов, он согласился. Мы вышли из джипа. Проводник бросил в воздух щепотку белого порошка – определить, в

какую сторону дует ветер, велел нам идти строго за ним, не отставая и не забегая вперед. Мы двинулись в путь. Далеко впереди, в небольшой долине, стояли два слона. Чем ближе мы подходили к ним, тем больше нервничал наш зимбабвиец. Мы передвигались гуськом, буквально на четвереньках. Мне все это казалось смешным и нелепым. Я хихикала и все время порывалась идти напрямую, не скрываясь за кустами. При очередной такой попытке проводник не на шутку разозлился и сказал, что если я не буду слушаться, мы немедленно вернемся назад. Я неохотно подчинилась. Слоны были от нас примерно в двухстах метрах. Я настаивала на том, чтобы подойти еще ближе. И тут вдруг проводник обернулся к нам и велел немедленно идти обратно. При этом он показывал рукой куда-то в сторону вершины холма, находившегося на противоположном конце долины. Я сначала ничего не увидела. Но потом разглядела маленького слоненка, спускавшегося по склону. Очевидно, это был детеныш, а в долине стояли родители. В этот момент я неудачно наступила на сухую ветку, и раздался громкий треск. Один из слонов тут же повернулся в нашу сторону, прислушался, а потом раздул уши и приподнял хобот. Даже мне стало ясно, что поза его не способствует дальнейшему продвижению вперед. Я неохотно последовала за проводником, повернувшим к машине.

Когда мы вернулись из поездки и рассказали этот эпизод Олегу, он, к моему удивлению, не разделил мою убежденность в том, что наш зимбабвиец перестраховался. Он подтвердил, что слоны не такие безобидные животные, какими кажутся. Олег рассказал один эпизод, который произвел на нас сильное впечатление.

Принято считать, что все охотники, как и рыболовы, склонны к преувеличениям. Но я знаю Олега достаточно хорошо: он никогда не приукрашивает действительность, а скорее – наоборот.

Втроем они отправились охотиться на слона. Для этого было получено специальное разрешение. Право выстрела принадлежало не Олегу, а его приятелю. Тот выстрелил, но неудачно. Раненый разъяренный слон помчался на охотников. Оказывается, слоны, кажущиеся такими неповорот-

ливыми и медлительными, могут в случае необходимости развивать скорость в 30–40 километров в час. Я потом читала, что в результате нападения слонов в год во всем мире погибает до 600 человек. Так что разъяренный слон – это реальная опасность.

Олега и его друзей спасло лишь то, что третий охотник сидел за рулем джипа, и они смогли немедленно завести машину и уехать.

После возвращения из Зимбабве Олег Щербак занял пост директора Департамента безопасности МИД РФ – одного из важнейших департаментов министерства. За свою безупречную работу в министерстве Олег недавно был награжден орденом «Знак Почета». Сейчас Олег – посол России в Македонии.

С Михаилом Тимошкиным мы проучились вместе всего год – пока я была на факультете международных отношений, – и потом никогда не общались. И тем не менее именно ему я обязана тем, что до сих пор живу и работаю в Швейцарии. В 1992 году мой муж закончил работу в Женеве и вернулся в Москву. А я решила попробовать остаться в Швейцарии. Почему? Основных причин было две.

Я в это время преподавала русский язык в ООН. Впервые за многие годы я получала удовольствие от того, что делала. До этого много лет – и в той же Швейцарии, и до этого в Бангладеш – приходилось заниматься совсем не тем, что мне нравилось. Выбирать за границей особенно не приходится, если не хочешь сидеть дома.

К тому же нашей дочери оставался всего год до окончания школы – очень не хотелось привозить ее в московскую школу в последний класс. Это само по себе уже непросто. Да и поступить в институт в Москве после того, как она шесть лет проучилась в школе при посольстве, было мало шансов. Уровень преподавания в наших заграничных школах всегда оставлял желать лучшего. В то же время она все годы училась параллельно и в швейцарской школе – так что вполне могла рассчитывать поступить в Женевский университет. Взвесив все за и против, я решила: пусть ребенок поступит в университет здесь, а потом можно будет перевестись в мо-

сковский вуз. Тогда такое решение казалось вполне логичным. Потом все сложилось не совсем так, как планировали. Но это другая история.

Была еще и третья причина, по которой я решилась на столь необычный для того времени поступок. Мне надоело всю жизнь, что называется, «брать под козырек». Мы – мой муж и я – всегда делали то, что требовали от нас. Сказали поехать в Индию – поехали. Приказали переехать в Бангладеш – переехали. Мне, выйдя замуж, пришлось отказаться от мечты стать журналистом. Везде за границей были собственные официальные корреспонденты газет и агентств, а других вариантов работы – типа «free-lance» – тогда не было. Я писала очерки, которые посылала на радио и в АПН, но все это было, конечно, слабое утешение для меня, мечтавшей о большой журналистике.

Дипломатическая стезя для меня также была закрыта. Муж и жена в советские времена не могли оба работать в посольстве. Мне сильно повезло, я два года «проработала дипломатом», поскольку в посольстве СССР в Дакке не могли заполнить штат – даже в те времена было мало желающих туда отправиться.

Вот я и сказала себе: «Хватит! Ты все время делала не то, что хотела. Сейчас ты, наконец, поступишь так, как считаешь нужным». Это была своего рода моя маленькая перестройка – прекратить следовать заранее predeterminedными схемами.

Правда, теперь я иногда думаю: возможно, то, что я не последовала за мужем, было predetermined. Моя прабабушка была женщиной более чем независимой – уйти от мужа в начале века и отправиться из глухой провинции жить в Москву, не имея никаких средств к существованию – это тебе не в комфортабельной Женеве остаться пусть на маленькой, но зарплате. Да и бабушка не захотела жить в Средней Азии с мужем, а уехала от него в Москву и потом прожила всю жизнь одна. Хотя, насколько я знаю, кандидаты были. А теперь вспомним опять психогенеологию, о которой я писала в начале книги. Вот и получится, что, скорее всего, я на очередном витке истории проживаю то, что заложено во всех женщинах рода Бегловых, – стремление жить самосто-

ятельно, независимо от мужчины. Это не значит, что это неизбежно – пример моей мамы, никогда не расстававшейся с папой, тому подтверждение. Но ясно, что очень высока вероятность повторить уже совершенное вашими предками.

Но решить остаться, как всегда, оказалось легче, чем осуществить намеченное. Я вернулась в Москву в середине декабря. Перед отъездом из Женевы на языковых курсах мне сказали: если не вернешься к началу триместра – то есть ко 2 января, мы твои группы отдадим другому преподавателю. Начало учебного процесса из-за меня никто переносить не собирался. Таким образом, у меня оставались две недели на то, чтобы поменять паспорт: до этого в Швейцарии я находилась с мужем, естественно, по дипломатическому паспорту. Вернуться обратно я имела право лишь по общегражданскому. Иначе я нарушила бы правила, что не могла себе позволить. Я прекрасно отдавала себе отчет в том, что и так создаю проблемы для Игоря – не так много в то время было жен дипломатов, которые не следовали за своим мужем, закончившим командировку. Я о подобных ситуациях не слышала. По крайней мере, в Швейцарии. Теоретически мы уже жили в свободном государстве, но правила еще везде действовали старые. Да и образ мышления не мог измениться всего за несколько лет. Он и до сих пор – два десятилетия спустя – остается во многом прежним. Во всяком случае, в том, что касается правил, регламентирующих деятельность государственных структур.

Когда я первый раз подошла к зданию, где находился Департамент консульской службы МИДа, я решила, что ошиблась адресом и оказалась около какого-то иностранного консульства, которое штурмуют мои сограждане, жаждущие выехать в эту страну. Вокруг дома стояла плотная толпа, сквозь которую пробиться не было никакой возможности. Но, поговорив с народом, я поняла, что не ошиблась и пришла туда, куда нужно. Выяснилось, что незадолго до этого было введено новое правило, по которому требовалось в заграничные паспорта ставить какую-то отметку. Чуть ли не выездную визу. В общем, это был очередной эксперимент, которыми в те годы была так богата наша

бюрократическая жизнь. И он выпал как раз на тот момент, когда мне надо было обменять паспорт. И весь народ, планировавший выехать за границу на новогодние праздники, штурмовал департамент, где эта отметка ставилась.

Я несколько дней безуспешно ходила в Неопалимовский переулок, где находился департамент. Стояли сильные морозы, но с каждым днем народу все прибывало: что такое холод, когда впереди маячит перспектива погреться где-то на теплых островах или покататься на лыжах в заснеженных горах! Мне никак не удавалось приблизиться к заветной двери до того, как на порог выходил милиционер и заявлял: «За этим мужчиной – всем разойтись! Больше сегодня пускать не будем, там и так народу полно – до ночи что ли работать прикажете!» Дочка, когда я возвращалась домой, вопросов не задавала. По моему расстроенному виду понимала, что шансы наши выехать все тают и тают: до праздников оставалось уже совсем недолго. Радовался только мой муж: каждый раз он задавал мне один и тот же вопрос: «Ну что, надо, наверное, ехать билеты сдавать?» Игорь, хоть и не мешал мне осуществлять задуманное, но был, конечно, против моей затеи, и рассчитывать на его помощь не приходилось.

В тот день все началось как обычно. Очередь едва двигалась. Прошло полдня, начинало понемногу смеркаться, я дико замерзла и прислушивалась к гулу толпы даже с какой-то надеждой: вот-вот раздастся голос милиционера, объявляющего об окончании сегодняшних мучений. И вдруг мне повезло: я случайно оказалась сзади какого-то громадного детины, который, как таран, врезался в толпу и начал рассекать ее. Я пристроилась за ним и не отставала ни на шаг. Вокруг кричали, возмущались, но он таранил и таранил толпу, не обращая ни на кого внимания. Я пришла в себя только тогда, когда мы с ним, протиснувшись в последнем рывке сквозь дверь, влетели в вестибюль. Здесь я немного пришла в себя, отдышалась и двинулась по коридору. Но куда идти? Вокруг по-прежнему множество народа, снующего туда-сюда. Я обратилась к милиционеру – он никак не мог понять, что мне нужно, – все направлял меня, куда стремились все – получить печать. Потом назвал мне номер какого-то кабинета, который я и пошла искать. Я шла по запутан-

ным коридорам и думала о том, что все это я зря затеяла. Времени на обмен паспорта все равно осталось недостаточно: в лучшие времена на это уходило несколько недель, а тут до отъезда оставалась всего одна неделя.

– Наташа! – вдруг окликнул меня кто-то.

Я обернулась. В коридоре стоял высокий интересный мужчина и с удивлением смотрел на меня. Его лицо показалось мне смутно знакомым, но где мы встречались, я вспомнить не могла.

– Здравствуйте, – на всякий случай поздоровалась я.

– Привет, вот так встреча! Я вижу, ты меня не узнаешь. Я – Тимошкин Миша, – поняв, что я не узнаю его, представился мужчина.

– Миша, ну конечно, – смутилась я. – Извини, я плохо соображаю, так замерзла на улице. Все никак не приду в себя, – смутившись, я попыталась хоть как-то оправдаться.

– А ты чего здесь делаешь? – спросил Миша.

– Да вот, ищу, где здесь паспорт можно поменять – дипломатический на гражданский, – и я начала сбивчиво объяснять ситуацию.

– Так ... – протянул Миша. – Идем со мной, там поговорим.

Мы прошли по коридору, зашли в большой кабинет. Я не успела разглядеть, что было написано на его двери, заметила лишь имя – Тимошкин Михаил Евгеньевич. Я подробно рассказала Мише о своей проблеме. Он задумался, потом вышел куда-то довольно надолго. Вернулся, взял все мои документы, снова ушел. Мы сидели с ним в кабинете, разговаривали, вспоминали нашу студенческую жизнь, общих знакомых. Я хорошо помнила его жену – Марину Позельскую. Марина, учившаяся в одно время с нами на факультете международных экономических отношений, считалась одной из первых красавиц института.

Кто-то приходил, уточнял у меня какие-то детали, выходил, затем звонил телефон. Я ушла, когда на улице уже совсем стемнело. Паспорта – свой и дочери – я получила очень скоро. Со всеми необходимыми отметками. Когда я вернулась в Женеву, то через несколько дней меня вызвали в нашу миссию и попросили уточнить, по какому паспорту

я проживаю в Швейцарии. Каково же было удивление представителя соответствующей службы, когда я гордо предъявила ему свой общегражданский заграничный паспорт. Он так долго смотрел на него, вертел его и так, и эдак, что я еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Как потом я узнала, из Москвы поступило специальное указание проверить, с каким паспортом я вернулась: все были уверены, что я, нарушив инструкции, приехала в Женеву по старому дипломатическому паспорту. Это означало, что меня немедленно следовало препроводить обратно в Москву.

Во время нашей встречи с Тимошкиным я так и не спросила Мишу, какой пост он занимает в министерстве. Позднее я узнала, что через год – в 1993-м – он был назначен первым заместителем директора Департамента консульской службы. На этом посту он проработал до 1999 года, в феврале 2000 года стал директором Департамента государственного протокола МИДа, а позднее был направлен послом в Ирландию. Еще одна прекрасная карьера моего однокурсника. Она прервалась в 2011 году в Дублине – дало сбой его щедрое сердце.

А вот еще один пример помощи и поддержки, которую мне оказывали бывшие однокурсники. На этот раз речь пойдет об Алике Кадакине, о котором я уже рассказывала.

Судьба свела нас снова спустя тридцать лет. Нет, Судьба здесь ни при чем. Дело опять-таки в характере Кадакина, в его интересе к людям, желанию им помочь.

Дело было в 2002 году. Я на досуге писала нечто вроде воспоминаний о пребывании в Индии. Кое-что разместила на сайте одной из многочисленных электронных библиотек. Однажды искала какую-то информацию по этой стране и увидела свои заметки, размещенные на официальном сайте посольства России в Индии. Стала узнавать, как они туда попали. Оказалось, что Алик Кадакин, бывший тогда послом в Индии, наткнувшись случайно на мой материал, счел его интересными и дал указание разместить его на сайте посольства. Именно Алик убедил меня в том, что я должна написать книгу на базе своих заметок. Книга «Сладкий яд Востока» была написана, и Кадакин составил к ней очень лестное для меня предисловие. В 2004 году

мы с ним встретились на презентации книги в посольстве Индии в Москве.

И я знаю, что такое же бескорыстное участие Алик Кадакин проявлял и проявляет ко многим людям, с которыми его сводит жизнь.

Немало он сделал и для института. В 2007 году, разбирая архив родителей, Алик нашел подшивку студенческой газеты МГИМО «Международник» за 1968–1972 годы прошлого века. Прочитала и тут же хотела исправить – почему прошлого века? А потом поняла, что так оно и есть. Мы учились и писали студенческую газету в прошлом веке! Родители Алика жили в Кишиневе, и он регулярно посылал им институтскую газету, чтобы они были в курсе того, как живет сын.

Многие из первых номеров этой газеты не сохранились даже в архивах МГИМО. Алик нашел время, отсканировал все номера и создал электронную подшивку газеты. Оригиналы газеты отправили в Музей МГИМО МИД РФ. Помню, как я была удивлена, когда получила от него – тогда посла России в Швеции – свою статью, написанную для газеты в студенческие годы. И я думаю, что многие бывшие студенты МГИМО, получившие от Кадакина весточку из молодости, испытали, как и я, чувство признательности к человеку, которому не жалко потратить время и силы, чтобы доставить людям радость.

В 2009 году мы встретились вновь. На этот раз в Женеве, куда Алик приехал из Швеции на встречу, организованную Ассоциацией выпускников МГИМО в Швейцарии. Мы разговорились. Алик уже читал мои заметки о семье и МГИМО, которые были размещены на моем сайте в Интернете много лет назад. Он стал убеждать меня, что мои воспоминания интересны и нужно сделать на базе этих материалов книгу. Я вяло отнекивалась, но в итоге книгу все-таки написала. Второй раз Алик явился своего рода крестным отцом моих публикаций.

Через несколько месяцев после встречи в Женеве я узнала, что Алик второй раз назначен послом России в Индии. Определенно, Индия не может обойтись без Кадакина, а он, я думаю, без нее.

Но вернемся, однако, в 1970-е годы. Список интересных ребят нашего Института можно было бы продолжать и продолжать. Но я не нашла ничего лучшего, как влюбиться в немца. Вернее в студента, приехавшего на учебу в МГИМО из ГДР. Тогда у нас в институте училось довольно много ребят из социалистических стран – из Польши, Чехословакии, Монголии, Венгрии, Болгарии. Но особенно много было немцев. Это было самое спаянное землячество на курсе. Они все делали вместе – ходили на лекции, занимались в библиотеке, показывали друг другу и всем желающим фотографии своих девушек, оставшихся дома, в Германии. Эти, чаще всего почему-то довольно мужеподобные, подруги делали удивительно сентиментальные надписи на фотографиях. Что-то вроде таких: «Твоя до гроба», «Пусть не красивая, но верная». Немцы с умилением периодически рассматривали свои фотографии. Это, впрочем, не мешало большинству из них вскоре обзавестись московскими подругами. Любовь любовью, а в Москве предстояло провести как-никак пять лет...

Даже ухаживали они за мной чуть ли не хором, помогая кто как мог влюбившемуся в меня приятелю, которого, в отличие от них, не ждала дома белокурая Гретхен. Перед таким коллективным натиском устоять было трудно. Моего избранника звали Эберхард. И ему очень нравилось, когда я, по русской привычке, тут же сократила его имя до Эбера. Дома появление Эбера вызвало переполох. Мало того, что немец, – да к тому же, по признанию Эбера, его отец воевал против нас и даже потерял ногу, будучи раненным где-то под Москвой. И, наконец, главный аргумент: как же ты можешь уехать куда-то и жить далеко от нас?

Мои родители явно не были готовы допустить, чтобы их дочь соединила свою жизнь с иностранцем. А что же я? Тогда, в отличие от нынешнего времени, стремление выйти замуж за иностранца еще не приняло характера эпидемии. Честно говоря, меня перспектива уехать куда-то в Германию просто пугала. Наверное, эти два фактора – нежелание родителей расстаться со мной и мой страх перебраться навсегда в другую страну – сыграли решающую роль в том,

что мой роман с Эберхардом довольно быстро закончился. Эберхард, как мне казалось, страшно переживал. В знак протеста все немецкое сообщество дружно объявило мне бойкот и порвало всяческие отношения. А через пару месяцев после расставания я уже видела своего прежде такого робкого и застенчивого Эбера на институтском вечере весьма с упоением танцующим вместе с пришлыми весьма развязными девицами.

Я же, расставшись с ним, вздохнула даже с облегчением. Не хочу уезжать. Никогда и никуда. Через много лет я пойму справедливость русской поговорки: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся». Никогда и ни по какому поводу не говори: «Никогда!» Мои родители и я сама не подозревали, что расставшись с немцем, я обрекаю себя на встречу с человеком, благодаря, вернее, из-за которого я большую часть своей жизни проведу не в России.

Но это произойдет несколько позже. А пока возникло решение поменять факультет. Я поступила на первый курс факультета международных отношений. Очень быстро мне стало ясно, что девушек туда принимают лишь для проформы и сделать карьеру дипломата для женщины практически невозможно. Когда в 1968 году, через год после моего поступления, был создан факультет журналистики, я, не раздумывая, перешла туда. Сыграли роль и семейные традиции, да я и сама всегда любила писать. Я не могу сказать, что мечтала о профессии журналиста. Но, проучившись год «на дипломата», поняла, что журналистика – это в большей степени мое призвание, нежели дипломатия.

Атмосфера на факультете журналистики была совсем иной, чем на других факультетах, где царил дух МИДа с его иерархичностью, бюрократизмом, карьеризмом и прочими «измами». Здесь между преподавателями и студентами сразу же установились гораздо более творческие и непринужденные отношения. Мы впервые почувствовали себя студентами, а не начинающими функционерами. В какой-то степени это объяснялось тем, что факультет был небольшой, между нами всеми сразу же наладились простые дружеские отношения. Кроме того, народ подобрался – как на заказ – интересный и симпатичный.

Татьяна Юрьева – редко улыбающаяся, чересчур серьезная, с точеным римским профилем, аутентичность которого нарушали лишь очки. Правда, впоследствии, побывав в римских музеях, я с удивлением увидела: большинство римлян, во всяком случае, если судить по их мраморным изваяниям, обладали профилем отнюдь не соответствовавшим тому, что у нас называют римским. У многих римских императоров – типично русские носы – широкие, короткие, приплюснутые.

Помимо того, что Татьяна была умна, она, как никто другой, умела найти нужный ответ в нужный момент. Ее лучше было не задевать, она так парировала, что у человека надолго должно было пропасть желание говорить ей что-то неприятное. У меня всю жизнь была запоздалая реакция. Получалось согласно известной поговорке о том, что русский мужик задним умом крепок. Уже давно ушел человек, который сказал что-то обидное, а меня вдруг осеняет – вот что нужно было сказать и как ответить.

После окончания Татьяне предложили остаться преподавать в институте, где она работает и по сей день. Татьяна – доцент, специалист по международным отношениям в Европе, автор многочисленных публикаций по проблемам европейской безопасности.

Ирина Кольгуненко – симпатичная, этакая, на первый взгляд, хохлушка-хохотушка. На самом деле очень неглупая и уж, во всяком случае, не простушка, к тому же, по-моему, даже никогда не бывавшая на Украине. Ее мама была директором едва ли не единственного тогда Института красоты. Все девушки нашего курса страшно завидовали потрясающей чистоте и свежести кожи Ирины и пребывали в полном убеждении, что это результат усилий ее мамы и доступа к заморским кремам. Много лет спустя после окончания института мы как-то встретились с Ирой в Париже. Естественно, заговорили про парижанок, их секреты красоты, французские кремы. Надо сказать, что даже в немолодые годы Ира, как и ее мама, сохранила потрясающий цвет лица. Она призналась мне, что никогда не злоупотребляла кремами, тем более в молодости. Ира рассказала, что и ее мама чаще

всего пользовалась отечественными кремами – «Идеал», «Восторг» и другими. Она знала, что многие французские фирмы в советские времена закупали наши кремы, которые производились из натуральных и экологически чистых продуктов, добавляли витамины, отдушки и вот вам, пожалуйста, чудо французской парфюмерии.

Не знаю, изменилось ли что с тех пор. Возможно, мы зря платим бешеные деньги за все те импортные кремы, которые заполнили наш рынок. Может быть, и сейчас наши отечественные ничуть не хуже многих зарубежных.

Еще в Институте Ира вышла замуж за студента нашего же факультета журналистики – Володю Гая.

После окончания вуза Володя пошел в МИД, был направлен на работу в Париж, в миссию СССР при ЮНЕСКО. Позднее Володя перешел на работу в эту организацию, где и работает уже много лет. Как сказала как-то Ира, Володя пожертвовал карьерой ради семьи. Действительно, начало его карьеры в МИДе было очень многообещающим. Я думаю, что если бы он остался в этой организации, то достиг бы многого. Перейдя на работу в международную организацию, он, как и все, кто пошел на такой шаг, выиграл в плане финансовой обеспеченности, но проиграл с точки зрения творческого самовыражения.

Слава Дробков – интересный и очень талантливый парень. Я поначалу ему более чем симпатизировала. Но, увы, Слава, как и со всеми другими, был со мной улыбочив, но не более того. Он не только отлично писал, но и чудесно рисовал. До сих пор где-то у меня хранятся его забавные рисунки, которые он по разным поводам (например, в связи с моей свадьбой) и без повода рисовал, развлекая нас.

Слава был первым среди студентов нашего факультета редактором студенческой газеты МГИМО «Международник». На мой взгляд, лучшие годы этой газеты пришлись на тот период, когда деканом был Ярослав Шавров, а главным редактором – Дробков. Слава редактировал «Международник» с большим энтузиазмом, с выдумкой, и газета получалась у него интересная. Шавров всячески помогал ему и, когда надо, – защищал. Как мне

кажется, для Славы именно работа в нашей студенческой газете стала не только хорошей школой журналистики, но и своеобразным трамплином для его дальнейшей карьеры. Сразу после окончания института Славу пригласили на работу в «Правду», и он много лет проработал в этой газете. Попастъ, да еще сразу после окончания института, в эту газету – о таком везении в то время мы даже и не мечтали.

Не одному Славе работа в «Международнике» помогла найти себя. Задолго до создания факультета журналистики многие поколения студентов МГИМО оттачивали свои перья именно на ее страницах, чаще всего и не подозревая, что это приведет к перемене профессии, и они станут корифеями отнюдь не дипломатии, а журналистики. Среди первых редакторов тогда еще стенгазеты «Международник» был, например, Валентин Зорин, ставший впоследствии одним из известнейших советских телевизионных журналистов. Мой папа, так же, как и Зорин, учившийся на факультете международных отношений и готовившийся стать дипломатом, сначала рассматривал свое участие в работе студенческой газеты как необременительное хобби. Но очень скоро понял, что именно журналистика – его призвание.

Андрей Толкунов, Юра Кобаладзе, Коля Мирошник, Володя Гай, о котором я уже говорила, Володя Микоян – вот имена еще некоторых хорошо знакомых мне ребят с моего факультета.

Анатолий Торкунов, с которым я начала учебу в МГИМО на факультете международных отношений, и Андрей Толкунов – перешедший, как и я, на факультет журналистики. Из-за созвучности этих двух фамилий со мной произошел курьезный случай.

Это было 29 ноября 2008 года в отеле Женевы «Four Seasons Hotel des Bergues» на встрече швейцарской Ассоциации выпускников МГИМО. Эта встреча, на которой отмечалась третья годовщина ассоциации, проходила, как сообщалось потом на сайте института, «под патро-

нотом ректора МГИМО – Университета, академика РАН Анатолия Торкунова при спонсорской поддержке члена Попечительского совета МГИМО Фредерика Паулсена».

Надо сказать, что после института мы с Толей не общались, лишь один раз случайно пересеклись в аэропорту Шереметьево. И вот на встрече в Женеве я, поговорив с Толей, собираюсь записать адрес его электронной почты. За неимением блокнота беру салфетку, ручку и вывожу на ней: Анатолий Толкунов. Подаю Толе и жду, когда он напишет свой адрес. Толя посмотрел сначала на салфетку, потом на меня. В его взгляде я вижу недоумение. Потом, немного растягивая слова, спрашивает: «А почему Толкунов?» Я с не меньшим недоумением смотрю на него: «А что я должна написать?»

Толя, с некоторой печалью взглянул на меня, вздохнул, взял ручку, зачеркнул «Толкунов», сверху написал: «Торкунов» и приписал свой адрес. Я ахнула, только тогда осознав, какую непростительную ошибку совершила. Его жена, Ирина, явившаяся свидетелем этой сцены, сказала, как мне показалось не столько удивленно, сколько укоризненно: «Своего ректора нужно знать».

Сначала я хотела рассказать ей, что Толя для меня не ректор, а однокурсник, с которым я к тому же не виделась уже больше тридцати пяти лет. И учились мы с ним вместе всего один год. А с Андреем Толкуновым на факультете журналистики мы проучились в одной языковой группе четыре года. Но потом объяснять ничего не стала.

Мне показалось, что сам Анатолий не обиделся, а отнесся к этому случаю с юмором. Я же до сих пор храню ту салфетку, на которой поверх зачеркнутого – «Толкунов» – твердо выведено – Торкунов.

С Юрой Кобаладзе мы учились в одной языковой группе и довольно часто общались вне института. Но со дня окончания я его не видела. Слышала, конечно, о его стремительной карьере в разведке, а затем в бизнесе. Знала, что все последние годы он вместе с Сергеем Лавровым сплавляется по горным рекам на надувных плотках. Участвует в капустниках все с тем же Лавровым. Вот, пожалуй, и все.

Встретились мы в 2004 году в посольстве Индии на презентации моей книги, куда я пригласила его в числе многих других моих однокурсников. Юра, как и все мы, конечно, изменился. Вместо черной шевелюры, вполне достойной молодого человека грузинских кровей, я увидела элегантную лысину. Но не узнать его было невозможно. Как и прежде, в его глазах не пряталась, а откровенно искрилась смешинка, немного притухавшая лишь в самые тяжелые институтские времена – периоды экзаменационных сессий. Полистав мою книгу, Юра спросил:

– А как будешь продавать?

– Да я еще не думала об этом, – ответила я. – Издатель, наверное, займется.

– А рекламу организовали? – деловито осведомился Юра.

– Нет, но с телевидения пришли; канал «Культура» у меня интервью взял. Наверное, это поможет с продажей.

Юра задумался, потом усмехнулся немного странноватой усмешкой и сказал.

– Да.., если я книгу когда-нибудь напишу, никакой рекламы не понадобится. Вмиг расхватают.

Мне почему-то показалось, что особой радости от подобной перспективы он не испытал.

Недавно, решив уточнить, где же Юра работал после того, как ушел из разведки, я открыла страничку «Википедии» и увидела весьма впечатляющий послужной список:

«Юрий Георгиевич Кобаладзе (р. 22 января 1949 года, Тбилиси) – управляющий директор по корпоративным отношениям X5 Retail Group, бывший разведчик, генерал-майор Службы внешней разведки в отставке, бывший руководитель пресс-бюро Службы внешней разведки России, член Совета по внешней и оборонной политике, соведущий программы “В круге СВЕТА” на “Эхо Москвы”». Прочитав это, я подумала: «Надеюсь, Юра все-таки напишет мемуары».

Володя Микоян учился в той же языковой группе, но с ним я так и не виделась с момента окончания института. И

вот не так давно произошла встреча, о которой мне хочется рассказать.

Я прилетела в Рим повидаться со своим мужем. После того, как я осталась в Швейцарии, мы с ним стали специфической семьей. Той, которую американцы называют «*commuting family*». Работаем и живем в разных местах и периодически встречаемся – то там, то здесь. Непростая жизнь. Но мы, вернее я, ее выбрала, и мне жаловаться не на кого. Кстати, таких семей все больше и больше в разных странах мира. Особенно увеличилось их количество после кризиса – в поисках работы люди разбредаются по стране, а некоторые и по свету.

На этот раз Игорь приехал в Рим из Москвы на какую-то международную встречу, и я прилетела из Женевы туда на несколько дней. В первый же вечер Игорь представил мне своего коллегу – советника-посланника в Риме Володю Кузнецова, с которым он вместе работал на этом совещании. Кстати, тоже выпускника МГИМО, который он закончил значительно позже нас – в 1978 году. Увидев его, я сразу же поняла, что мне этот человек кого-то напоминает. Вспомнила кого и решила, что это просто совпадение.

– Володя, – сказала я, – Вы мне очень напоминаете другого Володю – Микояна. Даже Ваш голос мне его вдруг напомнил. Странно, правда?

– Почему же странно, – спокойно ответил Кузнецов, – мы с ним двоюродные братья. Серго, отец Володи Микояна, был женат на Алле Кузнецовой. Она умерла в 1957 году. Так вот, мой отец – Валерий Кузнецов – ее брат.

Я слышала от Володи Микояна о том, что мать его умерла давно, когда он был еще маленьким. Вспомнила я и разговоры о том, что отец Володи очень любил Аллу и долго оставался безутешен. Говорили, что на ее могиле всегда лежала роза. Не знаю, всегда ли, но как-то еще в институте, когда я была на Новодевичьем кладбище, я действительно увидела красную розу на ее могиле.

Из дальнейших расспросов выяснились еще более интересные детали.

Оказалось, что Алла и Валерий – дети Алексея Александровича Кузнецова – одной из главных жертв пе-

чально знаменитого «ленинградского дела»¹⁶⁸. Кузнецов в момент ареста был секретарем ЦК ВКП(б), а до этого он много лет работал в Ленинграде на высоких должностях, в 1945–1946 годах занимал пост первого секретаря Ленинградского обкома и горкома партии. В 1947 году Сталин даже объявил его своим преемником. 13 августа 1949 года Кузнецов был арестован. Его и других арестованных подвергали допросам и пыткам, а 1 октября 1950 года, сразу же после оглашения приговора, Кузнецов был расстрелян. Трагическая деталь: в 1947 года в СССР смертная казнь была отменена. Уже в ходе следствия она была восстановлена по отношению к изменникам Родины, шпионам и диверсантам. Кузнецов и другие обвиняемые по «ленинградскому делу» были реабилитированы в 1954 г.¹⁶⁹. Многие – посмертно.

Алексей Александрович Кузнецов – дед обоих Володей.

На следующий день мы познакомились с родителями Володи. При этом произошла еще одна удивительная сцена. Мы подходим к столику, за которым сидят Володя и его родители, нас представляют друг другу.

– Зоя! Вылитая Зоя! – вдруг восклицает отец Володи – Валерий Алексеевич.

– Вы разве знаете мою маму? – с удивлением спрашиваю я его.

¹⁶⁸ Серия судебных процессов в конце 40-х – начале 50-х гг. Жертвами репрессий, помимо Кузнецова, стали такие видные деятели партии и правительства, как председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский; председатель Совета министров РСФСР М.И. Родионов; первый секретарь Ленинградского обкома и горкома П.С. Попков; второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) Я.Ф. Капустин; председатель Ленгорисполкома П.Г. Лазутин. Все обвиняемые 30 сентября 1950 г. были приговорены к расстрелу. В 1949–1950 гг. только в Ленинграде и области было освобождено от работы и исключено из партии свыше двух тысяч человек.

¹⁶⁹ После реабилитации сыну Кузнецова – Валерию – удалось посмотреть «дело» отца. По его воспоминаниям он был поражен тем, как отца пытали – у него был даже сломан позвоночник, на суде он не мог стоять.

– Конечно. Я прекрасно знал Спартака – мы же с ним работали одно время вместе в АПН. Я в то время был замом председателя, а он возглавлял группу политических обозревателей. И маму твою мы очень хорошо знали. Ты на нее удивительно похожа. Я когда тебя увидел – будто Зоя подошла. А как она готовила! Стол просто ломился от еды. И все так вкусно!

Мы прекрасно провели вечер. Я узнала, что Валерий Алексеевич все еще работает, хотя лет ему немало. Он – директор клуба «Меркурий» при Торговой палате. Когда я писала эту книгу, я узнала некоторые удивительные детали его жизни. Так, например, во время блокады Ленинграда он оставался в городе с отцом, Алексеем Александровичем. Кузнецов эвакуировал жену и дочерей, но оставил пятилетнего сына. Объяснял он это так: люди, видя его маленького сына в городе, будут думать, что ситуация не такая безнадежная. Когда отца арестовали, Валере было двенадцать лет, было принято решение о его депортации. Но его спас Анастас Микоян – на его даче мальчик прожил безвыездно целый год. Как считает Валерий Алексеевич, Сталин знал об этой ситуации. И именно в отношении него была произнесена фраза, ставшая печально знаменитой: «Сын за отца не в ответе».

Впоследствии жизнь Валерия Кузнецова была, безусловно, очень непростой.

Улетая через несколько дней из Рима, в самолете, я все вспоминала эти две удивительные встречи-узнавания. Сначала я увидела сквозь много лет знакомые черты в незнакомом мне человеке, а потом и меня чуть не приняли за мою маму тридцать лет назад.

Не все ребята с моего курса стали журналистами, но практически все они (за исключением очень рано умершего Андрея Толкунова) известны в той области, в которой работают.

Безусловно, как сам факт создания факультета, так и особая атмосфера, царившая там, заслуга, прежде всего, первого декана факультета международной журналистики Ярослава Шаврова. Тогда мы и не подозревали, чего ему стоило утверждение и поддержание демократического духа на факуль-

тете. Поняли, а скорее начали догадываться об этом через два года, когда он, как пишут в таких случаях, скоростно скончался. Этому поспособствовала слабость по части алкоголя, ставшая уже почти хрестоматийной для русской интеллигенции. Кто когда-нибудь подсчитает, сколько талантливых людей Россия потеряла и продолжает терять «досрочно»?

Факультет возглавил другой человек – неплохой, но ничем не выдающийся (я даже фамилии его не помню), скорее чиновник, чем журналист, и из факультета как будто выпустили воздух. Из процесса учебы куда-то постепенно исчезли творчество, инициатива, задор – и на занятия мы перестали ходить как на праздник.

Моя судьба сложилась так, что я большую часть жизни прожила с мужем за границей. Я знаю, что мои однокурсники продолжали регулярно встречаться и после окончания института. До меня регулярно доходили отзвуки о вечерах, капустниках и просто вечеринках, на которых они собирались, и я до сих пор переживаю, что на многих из них мне не удалось побывать.

В какой-то степени недостаток общения с ними мне удалось компенсировать, встречаясь с выпускниками МГИМО в Швейцарии, где я работаю в ООН. В женевском отделении этой организации много бывших мгимовцев. Да и возглавляли ее уже много лет подряд его выпускники.

С 1994 по 2002 годы генеральным директором Европейского отделения ООН в Женеве, заместителем генерального секретаря ООН был посол Владимир Федорович Петровский, выпускник 1957 года. Его я хорошо помнила еще по Институту США и Канады, где я работала вместе с его женой – Мирой. Да и сам Петровский участвовал иногда в наших научных конференциях.

После него генеральным директором стал Сергей Орджоникидзе и оставался на этом посту до весны 2011 года. В стенах женевской ООН найдется немало русских сотрудников, которым Сергей оказал поддержку в трудной ситуации, помог получить заслуженное продвижение, защитил от незаслуженных нападок.

Кроме того, Сергей и его жена Лена многое сделали для пропаганды русской культуры в ООН. Они регулярно ор-

ганизовывали выставки русских художников и скульпторов, приглашали выступать русских певцов и музыкантов. Надо отдать им должное: делали они это с большим тактом, ненавязчиво и сумели не заработать ярлыка «агентов русского влияния». Лена сама очень неплохо рисует и участвовала во многих художественных выставках, которые проходили в стенах ООН. Последние годы мы подружились с этой семьей, и, когда мой муж собирался в Женеву на побывку, я заранее предвкушала вечер, который мы проведем в компании этих очень симпатичных людей.

Еще один выпускник МГИМО – Владимир Грачев – также занимает высокий пост в женевском отделении ООН. Он возглавляет департамент службы конференций. Володя – человек, который не только успешно выполняет весьма сложную и ответственную работу, но находит время и для общественной деятельности. Он – один из создателей Ассоциации выпускников МГИМО в Женеве, о которой я еще расскажу. Володя также занимается и творческой работой. На его счету уже несколько монографий. В 2004 году вышла книга «Без срока давности» – о преступлениях нацистов, совершенных на оккупированных территориях разных стран¹⁷⁰. Недавно вышла в печать еще одна книга, в которой он принимал очень активное участие – «Дипломат Юлий Воронцов». Юлий Михайлович Воронцов был действительно выдающимся дипломатом, работал во многих странах мира, в том числе был послом СССР во Франции, в Индии, Афганистане, представителем при ООН, а позднее – послом России в США. Я помню, где-то в середине 1980-х годов возникла вероятность того, что моего мужа направят на работу в посольство в Париж, которое возглавлял тогда Воронцов. Игорь даже встретился с Юлием Михайловичем, и тот одобрил его кандидатуру. Мой папа, узнав об этом, сказал ему: «Считай, что тебе крупно повезет, если этот вариант осуществится. Поработать с таким человеком – это замечательная школа». К сожалению, в Париж мы не попали, как

¹⁷⁰ В. Грачев, А. Оня. Без срока давности, – Международное издательство «Информациология», 2004 г.

говорится, по не зависящим от нас обстоятельствам. В тот момент произошел инцидент в связи с высылкой из СССР французских дипломатов, обвиненных в шпионаже. В ответ Франция, естественно, выслала много советских дипломатов, также обвиненных в аналогичной деятельности. Когда папа услышал новости, в которых сообщалось о происходивших «шпионских страстях», он сразу же сказал нам: «Все, Парижа вам не видать». И действительно, пост, на который должен был поехать Игорь, понадобился для других целей. Так что Игорю не пришлось работать вместе с Юлием Михайловичем. О чем он до сих пор иногда вспоминает с сожалением.

В Женевском отделении ООН работает еще одна моя знакомая – Ира Линник. С Ирой я впервые встретила не в МГИМО, а в институте США и Канады, где мы обе работали. Но общались мы тогда немного – Ира работала в другом отделе, к тому же она была намного моложе меня. Но я прекрасно помню новогодний вечер, на котором Ирину выбрали королевой красоты института. Потом наши пути разошлись – я уехала в Женеву. В середине 1990-х годов я начала работать в Компенсационной комиссии ООН по Ираку¹⁷¹. Надо было разобрать и систематизировать сотни тысяч претензий, поступивших и продолжавших поступать в комиссию из всех стран мира. Однажды утром я остановилась около лифта, его дверца открылась и оттуда вышла ... Ира. Это был ее первый день на работе. Естественно, я очень обрадовалась – наконец-то будет с кем отвести душу. Занимаясь технической и неинтересной работой, мы зачастую задавали друг другу вопрос: что мы здесь делаем? Ире помогало держаться то, что она должна была одна поднимать двух дочерей – к тому моменту они расстались с мужем. Ну, а у меня в то время серьезно болела дочь, и я пони-

¹⁷¹ Компенсационная комиссия ООН по Ираку (ККООН) была создана в 1991 г. как вспомогательный орган Совета Безопасности ООН. В его юрисдикцию входили все действия, связанные с рассмотрением претензий и выплатой компенсаций за потери и ущерб, понесенные в результате незаконного вооруженного вторжения Ирака в Кувейт в 1990 г.

мала, что в Швейцарии у меня больше шансов ее вылечить. Иногда мы с ней мечтали: проработаем пять лет в ООН, промучаемся – зато заработаем пенсию в пятьсот долларов. Тогда, наконец, уволимся и поедем в Москву – вот проживем! Тогда, в середине 1990-х годов, пятьсот долларов казались огромной суммой. Да и были, на самом деле, неплохими деньгами. Но в нашей стране все дорожает с какой-то космической скоростью. И в конце 1990-х годов, когда мы выработали свою минимальную ООНовскую пенсию, прожить на нее в Москве было уже не так-то просто.

Володя Гуткаев – арабист, однокурсник моего мужа, с которым мы много лет общаемся в Швейцарии. В середине 1990-х годов Володя возглавлял генеральное консульство Российской Федерации в Женеве. В то время мой муж был советником-посланником в нашем представительстве при ООН, и мы часто виделись друг с другом.

В нашем альбоме есть фотография, запечатлевшая один замечательный момент этого периода. На ней четверо еще совсем молодых беззаботно улыбающихся мужчин – Володя Гуткаев, Эдик Малаян, Сергей Косенко и мой муж. Четверо однокурсников, которым в том году исполнилось по пятьдесят лет. Фотографию я сделала в 1997 году во дворе нашего генконсульства в Женеве, когда мы все пришли в гости к Гуткаевым.

Вскоре после этого Володя перешел на работу в Международную Организацию Труда (МОТ). Как мне кажется, не все дипломаты могут работать в международных организациях. Пример Гуткаева в этом плане показателен. Володя был знающим арабистом, отличным дипломатом и прекрасно выполнял свои функции в качестве генерального консула. Но в МОТе он не нашел себя. Я видела, как за пять лет работы в этой организации он явно сник. До этого Володя всегда прекрасно выглядел, был подтянутым, оптимистичным. А тут сдал даже физически. И опять воспрянул, лишь уйдя из этой организации.

После ухода из МОТ Володя был какое-то время полномочным представителем Республики Северная Осетия при Президенте России. Несколько лет назад он опять вернулся в Женеву и теперь работает генеральным се-

кретарем общественной организации с длинным названием «Объединенные торговые палаты Швейцария – Россия, Швейцария – Украина, Швейцария – Белоруссия, Швейцария – Казахстан». Когда я встречаю его теперь, я опять вижу перед собой обаятельного, оптимистичного Гугкаева, каким я знала его раньше.

И это не единичный пример. Я знаю еще многих дипломатов, которые, перейдя в международные организации, заметно теряли интерес к работе или не могли найти себя. Такое произошло, например, и с одним моим однокурсником – Димой Юдиным. Он много лет довольно успешно работал в МИДе. Потом перешел на работу в ООН – возглавил отдел русских переводчиков в Женеве, – и здесь его карьера сложилась гораздо менее удачно. Начались конфликты как с начальством, так и с коллегами по работе. Надо сказать, что Дима и в студенческие годы отличался не самым уживчивым характером. В итоге его контракт не был продлен, и Юдин уехал обратно в Москву. Как сложилась его дальнейшая судьба в России, я не знаю.

Я не собираюсь анализировать причины этого феномена. Он довольно сложен. Обстановка разная, коллектив другой, тип работы отличен. Есть люди, которые прекрасно могут адаптироваться к специфике международных организаций. Я знаю немало таких примеров. Но это, скорее, исключения из правила.

Чаще всего со своими друзьями – выпускниками МГИМО – мы видимся на встречах нашей Ассоциации, о которой я уже столько раз упоминала. Ассоциация была учреждена 14 октября 2005 года, в годовщину создания МГИМО. Председателем совета был избран выпускник 1956 года, посол в отставке Юрий Назаркин, которого я помню еще по тем временам, когда он возглавлял нашу делегацию на переговорах с США по ядерным и космическим вооружениям.

Сегодня в нашей Ассоциации уже больше ста человек, и ряды ее продолжают пополняться. Есть у нас и свой гимн, написанный, естественно, МГИМОВцами – Володей Паршиковым на слова Бориса Григорьева.

«В Женеве снег, он здесь нечастый гость,
Московская метель пленяет город,
И мост Монблан, почти как Крымский мост,
Ну а Салев¹⁷², как Воробьевы горы.
Волшебник-снег творит нам чудеса,
И вот уже рисуются в тумане
Мгимовские родные корпуса,
Как острова в житейском океане.

Привет:

Оживает как в старом кино
Наша юность и память – МГИМО.
Альма матер в Женеве подняли мы флаг
Видно, так нам, друзья, суждено!»

Последние несколько лет на встречи, организуемые Ассоциацией, в Женеву съезжаются МГИМОВцы из Москвы, Парижа и из стран, находящихся по соседству со Швейцарией. Как я уже рассказывала, именно на вечера Ассоциации я встретила со своими однокурсниками, с которыми долго не виделась, – с Анатолием Торкуновым и Аликом Кадакиным. Мой муж, случайно оказавшийся в Женеве во время одного из таких вечеров, также встретил своего однокурсника – Эдика Малаяна, бывшего тогда послом в Люксембурге и приехавшего специально в Женеву повидаться со своими друзьями. На таких встречах ты не только встречаешь старых друзей, но и обретаешь новых.

Всю свою жизнь я «брожу» по свету. Сначала Южная Азия, потом Швейцария, Балканы, Америка. И везде встречаю МГИМОВцев. Мне всегда легче общаться с людьми, окончившими тот же институт, что и я. Как часто приходишь на прием, никого не знаешь, с кем-то разговоришься и, выяснив, что человек из нашей *alma mater*, сразу же находишь какие-то общие темы для разговора. Я не хочу сказать, что принадлежность к институту является гарантией хороших отношений. Но, безусловно, при такой встрече возникает бóльшая расположенность, поднимается планка изначального уровня доверия. И это естественно. То же самое я на-

¹⁷² Салев – гора, вид на которую открывается из Женевы.

блюдала и в случае выпускников других учебных заведений, пользующихся известностью. Таких, как Гарвард, Оксфорд, Кембридж, и многих других. Во-первых, эти люди, чаще всего, выходцы из одного и того же социального круга. Во-вторых, у них за плечами – немаловажный общий жизненный опыт. И, наконец, эти учебные заведения по традиции имеют инфраструктуру, позволяющую бывшим студентам общаться друг с другом, помогать друг другу. То, что и сделал МГИМО, создав систему ассоциаций выпускников.

И еще одна немаловажная вещь. Мы живем не на Родине. К тому же многие живут в отрыве от своих мам, пап, бабушек и дедушек, братьев и сестер. За границей мы лишены той большой семьи, к которой принадлежали, живя в России. Я уже слышу возмущенные голоса: «Сейчас скажет банальность из банальностей: институт – это наша семья!». Вы угадали, но не совсем. Я не буду утверждать, что все выпускники МГИМО – моя семья. Но мой круг общения в Швейцарии в очень значительной степени состоит из МГИМОВцев. И я не исключение. А это значит, что в какой-то степени за границей институтские связи заменили нам семейные. Возможно, еще через сто лет то, какую школу, какой институт ты окончил, уже не будет иметь никакого значения. Может быть, тогда люди будут объединяться по каким-то совершенно иным признакам – принадлежности к тому или иному континенту, разрезу глаз, наличию или отсутствию детей. Я не знаю. Но пока то место, где вы учились, является одной из важных составляющих вашей биографии.

Неслучайно, наверное, сейчас такой популярностью стал пользоваться тот же сайт «Одноклассники». Люди, даже живущие у себя на Родине, ищут тех, с кем они прожили немалый отрезок жизни. Все та же потребность в нашу эпоху, когда диктатура индивидуализма выдается за единственно правильную формулу существования, создать более комфортную среду обитания, нежели одиночество внутри независимости от себе подобных.

Мне бы хотелось закончить этот рассказ о МГИМО словами гимна Сергея Лаврова. Мне кажется, что они очень точно отражают то, чем стала наша *alma mater* для всех поколений ее выпускников:

«Это наш институт, это наше клеймо,
И другого вовеки не нужно.
Оставайся всегда, несравненный МГИМО,
Бастионом студенческой дружбы».

Этот странный преподаватель Похлебкин

Шла летняя экзаменационная сессия 1968 года. Вторая в моей студенческой жизни на факультете международных отношений. Наш преподаватель по всемирной истории заболел, и нам сказали, что экзамены будет принимать другой человек с забавной фамилией Похлебкин. Я никогда не шла отвечать первой, а где-то посередине. Экзамен начинался в девять часов. Я рассчитала, что мне надо подойти часам к одиннадцати. Большинство экзаменов заканчивалось к обе-ду.

Когда я подошла к аудитории, где проходил экзамен, меня поразило количество народа перед дверьми и явная нервозность даже тех студентов, которых обычно отличала невозмутимость.

– В чем дело, почему никто не уходит после экзамена? – обратилась я к одному из сокурсников.

– Да все ждут сдавать.

– Как, а сколько уже сдало?

– Двое.

– Что?! – я не поверила своим ушам. Обычно на экзамене спрашивали максимум минут пятнадцать–двадцать, т.е. за час проходило человека четыре–пять, а уж за два часа могло пройти человек восемь–десять. А тут – два!

– Он, что, по часу спрашивает?

– Да нет. Минут двадцать на подготовку, а потом минут сорок спрашивает. К тому же он один, ассистент почему-то не пришел.

– Здорово, – обрадовался еще один подошедший однокурсник, – надо сейчас идти, скоро ему в туалет понадобится выйти, можно будет шпаргалкой пользоваться.

Несколько человек тут же протиснулись поближе к двери, чтобы войти в аудиторию, как только выйдет очередной

сдавший. Но их расчетам не суждено было оправдаться – преподаватель не вышел из аудитории. Ни через час, ни через два. Наступило время обеда. Экзамен к этому моменту сдало меньше трети группы. А ведь сначала шли наиболее сильные и хорошо подготовленные. Чем дальше шел экзамен, тем медленнее становился его темп. Кто-то предложил Похлебкину вызвать ассистента, чтобы он смог сходить пообедать. Он отказался и лишь попросил принести ему в аудиторию бутерброд.

Поскольку я к тому времени тоже уже проголодалась, то сходила домой, пообедала и вернулась в институт часам к четырем. Очередь еще не сдавших сократилась, но не драматически. Мне ждать надоело. Да и атмосфера все накалялась. Ребята, выходявшие после экзамена, рассказывали странные вещи. Похлебкин не обращает внимание на шпаргалки и учебники, даже если видит, что вы ими пользуетесь. Он просто задает тогда больше дополнительных вопросов. Даже тем, кто не пользуется шпорами и все отвечает по билету отлично, он все равно задает дополнительные вопросы и ставит отметку скорее на основании беседы, чем на основании ответа по билету. Все это удивляло и заставляло лишь сильнее, чем обычно, нервничать. Поэтому при первой возможности я зашла сдавать.

За столом сидел человек небольшого роста, худощавый, в невыразительном помятом пиджачке, с довольно изможденным лицом. Он выглядел очень немолодым. На голове – сильно поредевшие волосы – производившие, тем не менее, впечатление растрепанности. Он был в больших роговых очках, которые не только не смягчали, а еще более усиливали впечатление от очень умных глаз, смотревших на вас с интересом и, казалось, с легкой насмешкой.

С билетом мне не повезло. Как сейчас помню, это был вопрос о французской революции. Про революцию во Франции я знала много, зачитывалась биографиями ее деятелей. Но в учебнике этот период пестрел сплошными датами – принятие того или иного декрета, казнь того или иного деятеля и прочее, и прочее. А на даты у меня память – из рук вон плохая.

Когда я начала рассказывать, сначала все шло хорошо, но потом я запнулась на очередной дате и никак не могла ее вспомнить.

Похлебкин это понял и обратился ко мне с поразившим меня предложением.

– Не нервничайте. Я вижу, что материал Вы, в принципе, знаете. А даты? Ну что же, на то они и даты, чтобы их забывать. Важны события. А по событиям можно восстановить и дату. Давайте порассуждаем. Когда могло это произойти? В январе такого-то года?

– Нет, в январе не могло, – оживилась я, – в январе еще в разгаре был террор.

– Ну в мае?

– Нет, пожалуй, ближе к осени, скорее сентябрь. Да, конечно, сентябрь.

– Почему?

Я высказала свои соображения, вспомнила массу событий, которые происходили в это время. Начала рассказывать о каких-то поразивших меня деталях, вычитанных в книгах. Мне самой было интересно пытаться понять, когда могло произойти событие. Похлебкин по ходу дела тоже делал комментарии, рассказывал какие-то интересные факты, о которых я нигде даже до этого и не слышала. Я забыла об экзамене, об отметке. Мы просто сидели и разговаривали. Прервались, когда вдруг скрипнула дверь, и в аудиторию заглянул очередной страждущий претендент.

За экзамен Похлебкин поставил мне пятерку, заявив, что он видит, что я понимаю суть событий, происходивших в то время, и многое знаю об этом периоде. А даты... Они отнюдь не главное. Я вышла несколько ошарашенная. Посмотрела на часы. Я отвечала, вернее будет сказать, мы вели беседу с Похлебкиным минут сорок пять. А ведь было уже семь часов вечера. К этому моменту Похлебкин провел в аудитории уже десять часов. Причем не просто провел, а работал, причем, как я убедилась, напряженно. Не просто слушал, уносясь мыслями куда-то, как большинство преподавателей, а постоянно присутствовал, участвовал вместе со студентом в ответе.

Я ушла домой. Периодически мне звонил кто-то из курсников и сообщал информацию с места событий. Часов в десять вечера раздался очередной звонок, и меня попросили, поскольку я жила недалеко от института, отнести что-нибудь поесть ребятам, все еще ожидавшим сдачи экзамена.

Когда я, прихватив кое-что из еды, пришла в институт, мои шаги гулко раздавались по пустому зданию. Было около двенадцати, уточняя, ночи. И лишь около одной аудитории из-под двери виднелся свет. Похлебкин продолжал принимать экзамен. Когда я вошла в аудиторию, где ждали страждущие, я решила, что в ней уже никого нет. Но вдруг из-за парт стали подниматься головы. Одна, другая, третья... Растрепанные волосы, заспанные глаза. Вот Юра Кобаладзе, вон Андрей Толкунов. Ребята решили подремать, чтобы не терять время даром. А каково же Похлебкину? – подумала я. Ведь он уже 15 часов принимает экзамены. К тому же, без перерывов на обед или ужин, обходясь даже без традиционного кофе, который многие профессора выходили попить, когда их заменяли ассистенты. Он так и не попросил деканат прислать ему хоть кого-то, чтобы временно заменить. Все это выглядело невероятным.

На следующий день мы узнали, что экзамен закончился около... трех часов ночи. Последними сдавали не самые сильные студенты, и отметки у них были такие же, что и раньше, – тройки. Но, тем не менее, они написали жалобу в деканат, в которой, ссылаясь на свою усталость во время столь поздней сдачи экзамена, оспаривали результаты. Жалоба имела значительный резонанс, тем более, что среди тех, кто ее написал, был и парторг нашего курса. К тому же жалоба упала на благодатную почву, поскольку у Похлебкина, как это часто бывает с неординарными людьми, было много «доброжелателей» в институте. Началось разбирательство. И через какое-то время он был уволен. Или ушел по своему желанию. Точно не знаю. Но, в принципе, это не меняет сути дела.

Заинтересовавшись личностью этого столь необычного преподавателя, я расспросила о нем студентов одной из групп старшего курса, у которых он преподавал историю

скандинавских стран. Я узнала интересные детали его биографии. Он родился на год раньше моего отца – в 1923 году. Тоже прошел войну. Также закончил МГИМО, только на год раньше.

В начале своей научной карьеры Похлебкин специализировался по Югославии. Это был золотой период советско-югославских отношений. Но постепенно в отношениях между двумя странами начали нарастать противоречия. К тому моменту, когда диссертация была представлена к защите, произошел разрыв в отношениях между Советским Союзом и Югославией. Начался период, прошедший под лозунгом «Югославская Компартия во власти убийц и шпионов». Резолюция именно с таким заголовком была принята Информбюро коммунистических и рабочих партий в ноябре 1949 года. Защищать диссертацию, в которой рассказывалось о позитивном опыте советско-югославских отношений в такой ситуации было, естественно, невозможно. Вся эта история сильно травмировала Похлебкина. Насмарку пошел труд нескольких лет. Более того, он не захотел продолжать заниматься Югославией, поскольку пришлось бы, во всяком случае, на том этапе, писать об этой стране как можно больше негативного.

Не знаю, насколько точен этот рассказанный мне «югославский эпизод» из жизни Похлебкина, но в МГИМО он уже числился специалистом по Скандинавии. В этом его качестве мы и узнали его впервые в тот знаменательный день сдачи экзамена.

Я думала, что больше уже никогда не услышу об этом человеке. Тем более, что знакомые студенты, продолжавшие общаться с ним после ухода из института, говорили, что вся эта история, совпавшая по времени с семейными проблемами, сломила Похлебкина, и он серьезно заболел.

Прошло несколько лет. Как-то в магазине мне попалась на глаза книга о пряностях, заинтересовавшая меня. Смотрю, кто автор. Похлебкин. Думаю, однофамилец. Смотрю инициалы – В.В. Те же, что и у нашего преподавателя. А когда я прочитала в аннотации полное имя, окончательно исчезли последние сомнения. Второго человека с такой фамилией, да еще и с таким редким именем – Вильям Васильевич –

быть не могло. Через некоторое время стали выходить другие книги Похлебкина – «Чай», «Национальные кухни наших народов», «Занимательная кулинария», «Тайны хорошей кухни», «Кулинарный словарь», «История водки» и многие-многие другие.

Сфера его интересов не ограничивалась кулинарией. Похлебкин опубликовал три тома справочника «Внешняя политика Руси, России, СССР», «Словарь международной символики и эмблематики», «Государственный строй Исландии». Его перу принадлежит более 50 книг, их общий тираж во всем мире приближается к ста миллионам экземпляров. Но именно книги по кулинарии принесли ему славу. В 1993 года Похлебкин стал лауреатом Международной премии Ланге Черетто. Ее присуждают за книги по культуре питания. Его «История водки» была признана лучшей по алкогольным напиткам.

Люди, не знавшие Похлебкина, с уверенностью говорили о том, что его имя – это удачно выбранный псевдоним. Как же они удивлялись, когда я им объясняла, что это вовсе не так. Интересно, это фамилия натолкнула Вильяма Васильевича на идею начать писать книги по кулинарному искусству или же так удачно совпал интерес с фамилией?

Именно для того, чтобы задать Вильяму Васильевичу этот вопрос, я как-то решила узнать его координаты у одного знакомого, когда-то учившегося у Похлебкина и поддерживавшего с ним связь. И узнала дикую новость. Похлебкин убит. В апреле 2000 года найден мертвым со следами множества колото-резаных ран в своей квартире на окраине Подольска. Полагают, убийство произошло за две-три недели до этого.

Кому понадобилось его убивать? Зачем? Каковы мотивы? До сих пор неясно. Из квартиры вроде бы ничего не похищено. Правда, ценности, кроме книг, у него вряд ли были. Похлебкин всю жизнь собирал книги и был обладателем уникальной библиотеки – около пятидесяти тысяч редких изданий по русской истории, истории русской дипломатии, редчайшая коллекция кулинарных книг, оцениваемая специалистами в десятки тысяч долларов. Всю жизнь ему, по большому счету, ничего было не нужно, кроме книг. Еще в

институте ребята, навещавшие его, говорили, что он жил практически в пустой квартире, заваленной книгами. По мнению следователей, возможно, он застал воров, собиравшихся похитить что-то из его ценных книг.

Вот такая получилась неожиданно трагическая концовка у этого моего небольшого рассказа о самом необычном преподавателе, с которым мне повезло встретиться. Причем всего один раз. Но так бывает. Какой-то человек один раз появится в вашей жизни, и вы не забудете его никогда. А с другим вы можете встречаться часто и долго. Но как только он исчезнет из поля вашего зрения, вы уже с трудом вспоминаете его имя, черты лица...

Да, чуть не забыла. Похлебкин – это все-таки псевдоним. Только не Вильяма Васильевича, а его отца. Его отцом был революционер-подпольщик с весьма обычной русской фамилией – Михайлов. Но поскольку почти все революционеры брали псевдонимы, то и он взял. А вот почему он выбрал такой странный, правда, сослуживший хорошую службу его сыну псевдоним, об этом, я полагаю, мы теперь уже никогда не узнаем.

Случай в моей жизни

У меня довольно много друзей. Но долгие годы моим ближайшим другом была мама. Это место не занял, нет, но, пожалуй, разделил с ней Игорь, довольно решительно вторгшийся в мою жизнь. История каждой встречи – это история игры случая. Или игры случаем кого-то, кто там, наверху, слагает повести наших судеб. Случай... Как часто он играет решающую роль в нашей судьбе. Как бы мы ни пытались убедить себя в том, что человек – хозяин своей судьбы, с высоты лет, глядя на пройденный путь, мы бываем вынуждены признать: та или иная встреча, то или иное событие в корне изменили нашу жизнь.

В конце 1960-х годов Его Величество Случай явно делал все возможное, чтобы состоялась Главная Встреча моей жизни, которая и предопределила ее во многом. Иначе необъяснима эта череда случайностей, первой из которых стал возникший в институтском коридоре Алик Кадакин.

После поступления в институт полагалось поработать какое-то время на благо *alma mater*. Ребят, в основном, отправляли на стройку нового здания института на Юго-западе. А девиц, которых было не так уж много, – кого куда. Я попала в группу, которая помогала приводить в порядок документы в деканате. Чем занимались мы, только что поступившие девчонки, как только оставались без присмотра? Нетрудно догадаться. С большим интересом листали досье старшекурсников. С фотографий на нас смотрели разные люди – толстые и худые, красивые и уродливые, совсем мальчишки и зрелые мужи. Мы со смехом и шуточками отбирали кандидатов, достойных нашего внимания. И вдруг на одной из фотографий я увидела лицо, почему-то привлекавшее мое внимание. На меня смотрел исхудавший, бритый наголо, скуластый и ушастый паренек. У него был страдальческий и в то же время забавный вид, и я уже собралась показать его фотографию девчонкам. Но потом раздумала, мне расхотелось смеяться над ним. В лице молодого человека было что-то очень трогательное и доброе. Как выяснилось позднее, Игорь, а это была фотография моего будущего мужа, снялся сразу после возвращения из Ташкента, где он работал в студенческом отряде на восстановлении города, разрушенного землетрясением.

А случайности цеплялись одна за другую, как будто сговорились во что бы то ни стало свести нас. А как иначе объяснить, почему однажды декабрьским вечером мы с институтской подружкой Таней Юрьевой, озверев от зубрежки, неизбежной при подготовке к экзаменам, вдруг решили пойти подружиться? Сейчас, наверное, мало кто помнит о существовавшей тогда практике «народных дружин». Подразумевалось, что дружинники, наряду с милицией патрулировавшие улицы, помогают поддерживать общественный порядок. Членство в дружине засчитывалось в качестве комсомольской нагрузки. А поскольку каждый комсомолец обязан был иметь общественные поручения, мы с Татьяной решили из нескольких зол выбрать наименьшее. Тем более, что патрулирование улиц в хорошую погоду, да еще в компании нескольких ребят, выглядело, скорее, как увеселительная прогулка. Записались мы в дружину давно,

а вот выйти на дежурство еще не удосужились. А тут вдруг, несмотря на непроглядную темноту за окном и на почти тридцатиградусный мороз, сорвались и помчались дружинить. С трудом отыскивали нужный нам переулок, где находился штаб дружины и где полагалось отметиться перед началом патрулирования. На улицах – ни души. Прошли через какую-то подворотню, вошли в темный двор. Зубы, то ли от страха, то ли от холода, выбивали дробь. Проклиная все на свете, и в первую очередь себя, мы, было, повернули назад. Но впереди, в маленьком одноэтажном полуразрушенном домишке, в окошке горел свет, и мы решили все-таки зайти и хотя бы обогреться несколько минут.

За столом в комнате сидел парень в пальто и в шапке-ушанке со спущенными ушами. Он поднял голову и посмотрел на нас. Выглядел он не страшно, а даже забавно. Это нас успокоило.

– Да-добрый вечер-рр, – стуча зубами от холода, сказала я. – Это здесь надо отмечаться, чтобы дружинить идти?

Парень смотрел на нас с нескрываемым недоумением. Представляю, какое нелепое это было зрелище. Две худосочные, напуганные, трясущиеся от холода девчонки, пришедшие на ночь глядя патрулировать улицы. Весьма впечатляющие «стражи порядка». Дежурный по штабу дружины мялся, явно не зная, что с нами делать.

И тут меня вдруг осенило: да это же тот парень с фотографии, увиденной полтора года назад в досье в деканате. Как я его узнала? Не знаю. Может быть, было что-то в его взгляде, как и тогда на фотографии, удивительно естественное, далекое от позы, и доброе. В итоге он нас все-таки записал в свой кондуит, предупредил, чтобы мы были осторожнее, и выделил район для патрулирования. А мы, выйдя из штаба, с чувством выполненного долга (достаточно того, что все-таки нашли этот дурацкий штаб дружины) прямоком отправились домой, помышляя лишь о чашке горячего чая.

Каждый раз, приходя в институт после этой первой и последней попытки влиться в стройные ряды советских охранников порядка, я невольно искала в толпе студентов своего парня с фотографии. Несколько раз я видела его

мельком в коридоре, но познакомилась мы лишь спустя пару недель. И помог этому опять-таки случай.

Был уже разгар экзаменационной сессии. Все с той же Татьяной мы пришли заниматься в институтскую библиотеку. Зал был большой, и мест свободных было много. Но Таня, плохо видевшая без очков, направилась к свободному месту около одного нашего сокурсника, которого я всячески избегала. Это был очень неприятный молодой человек, который упорно ухаживал за мной и которого я не менее упорно пыталась избегать. Татьяна была в курсе этой ситуации, и если бы она его увидела, то никогда не пошла бы занимать место рядом с ним. А тут, невзирая на мои предостерегающие жесты, она уселась рядом с ним. Мне ничего не оставалось, как занять место рядом. Я села, разложила книги, развернулась в сторону, противоположную от своего надоедливого ухажера и... увидела Его. Слева от меня сидел мой забавный старшекурсник из досье в деканате, он же дежурный по дружине в тот морозный декабрьский вечер. Он тоже меня узнал и начал извиняться за то, что в тот вечер отправил нас на дежурство, а не отпустил домой. Объяснил, что он просто случайно оказался в штабе, замещая заболевшего товарища. Он даже добавил, что искал меня и мою подругу в институте, чтобы узнать, все ли с нами в порядке, но, к сожалению, не помнил фамилий. Я, конечно, в тот момент не стала признаваться ему, что мы отправились не дежурить, а домой. Зачем – пусть попереживает. Во мне говорило типично женское – приятно чувствовать себя страдальницей, приятно, когда мужчина выступает в роли виноватого.

Возвращаясь домой из института, я все время думала об одном: слишком много совпадений и случайностей для того, чтобы это стало просто одним из знакомств в ряду многих других. Сначала фотография. Потом этот поход на дружину, уже не казавшийся мне таким дурацким. Тот факт, что он тоже кого-то замещал на дежурстве, и наконец, место в библиотеке, на которое я никогда бы не села, если бы ни близорукость Татьяны.

Это был январь 1969 года. А уже в марте, когда папа вернулся из поездки по Японии, мама сказала ему многозначительно: «А у нас есть Игорь».

Я писала выше, что не сразу узнала фамилию Игоря. Прошло какое-то время после нашего знакомства, и вдруг я узнаю, что его фамилия – Щербак. Сейчас я уже привыкла к ней, но тогда она мне показалась очень неблагозвучной. Помню, что у меня не укладывалось в голове, как это можно поменять мою нормальную, вполне русскую, да к тому же небезызвестную в Москве фамилию Беглова на Щербак. Это заставило меня даже пару дней гораздо более придирчиво подвергать анализу достоинства Игоря. Но поскольку даже подвергнутый критическому рассмотрению Игорь на том этапе не обнаружил никаких серьезных недостатков (пожалуй, за исключением чересчур очевидной влюбленности в меня), я решила, что с фамилией придется смириться. В конце концов нашелся и выход из положения – не менять фамилию, а оставить свою – Беглова. Как часто потом я жалеяла об этом решении. Оно намного осложнило мою жизнь жены дипломата.

Дело в том, что по Бог знает когда и кем введенным правилам, при отъезде за границу паспорт жене выдается на имя мужа. Это правило действовало в Советском Союзе. Эта же откровенно дискриминационная в отношении женщин практика, обязывающая жену жить за границей под фамилией мужа, продолжает действовать и сегодня. Много раз впоследствии при устройстве на работу, предъявляя диплом об окончании института, а позднее кандидатский диплом (а все они, как и мой общегражданский паспорт, естественно, были на фамилию Беглова), я должна была пускаться в сложные объяснения и предъявлять свидетельство о браке.

И вообще с фамилией Щербак были одни проблемы. В англоязычных странах еще ничего. По-английски фамилия писалась как «Sherbak», и такое написание не вызывало проблем. А вот когда мы отправились в Швейцарию, кому-то в МИДовских кадрах пришла в голову идея проспеллинговать ее так: «Shtcherback». Ни один нормальный человек разобраться, что значит эта абракадабра, не способен. И тем более произнести. Люди отважные в лучшем случае выдавливают из себя «Счербак». Большинство же просто начинает заикаться «ч... ч... стч... тч...» и ждет подсказки. С

моей же фамилией – Беглова – никогда никаких проблем не возникало.

Уже весной Игорь как-то обронил, что его, возможно, пошлют на практику в Пакистан. У меня на секунду замерло сердце. Как? Уедет? А как же я останусь одна... Но Игорь поспешил меня успокоить. Это все еще неточно. Скорее всего, ничего не получится. Но вот подошло лето, и с ним неотвратно надвигался отъезд. Игорь уехал в Равалпинди первого августа, а вернулся лишь под Новый год. Пять месяцев. Каждый – длиной в год. Я вижу настенный календарь за тот год, на котором я методично вычеркивала день за днем. Сто пятьдесят перечеркнутых клеточек смотрели на меня к концу пятого месяца, как тюремные окна, забранные решетками. Тогда мне казалось, что тяжелее испытания не придумаешь. Даже сейчас, спустя сорок лет и множество пережитых проблем, тревог, страданий, я помню боль тогдашней себя, впервые полюбившей и любимой, обреченной на пытку такой долгой разлукой.

Правда, были письма. Вернее – сначала телеграмма. Международная. На ней из написанных латинскими буквами и поначалу странно смотревшихся слов слагалась такая банальная, но и такая неповторимая в жизни каждого фраза: «*Ya otchen tebya lublu*».

Первые письма, как и телеграмму, я получила из Равалпинди, который тогда был столицей Пакистана. Но уже в сентябре Игорь переехал в Исламабад – новую столицу страны, куда перенесли наше посольство. Только что построенный город очаровал его. Вот как романтично он описывал Исламабад в одном из своих писем:

«Исламабад – изумрудно-белого цвета. Это город, соперничающий с Лучезарным городом Ле Корбюзье, с городами будущего Райта. Он удачно спланирован, островки белых небоскребов-исполинов местами нарушают одноэтажную распластанность. Восточный орнамент зданий, чуткая нежность изразцов, серебристые кружева узорчатых окон, режущая голубизна бассейнов, мягкая зелень и живительная тень виноградных лоз, стрельчатые башни минаретов, приплюснутые силуэты мечетей с лазурной бирюзой – красота дивная».

Послания Игоря были переполнены впечатлениями. Первая «заграница», совершенно иная культура, быт, природа. И множество мест, где, как любят писать путешественники, каждый камень дышит историей. Вскоре я с беспокойством констатировала, что Игорь начал писать стихи, которые сначала лишь возникали небольшими вкраплениями в тексте, а потом они становились все длиннее и длиннее, все романтичнее и романтичнее. Не прошло и двух месяцев, как мой Игорь окончательно впал в патетику и начал писать стихи уже по ночам. После посещения Таксилы – места, где чудом сохранились развалины античных храмов, воздвигнутых легионерами Македонского, – он прислал мне стихотворение, озаглавленное «Созидателю», написанное в три часа ночи. Чего там только не было. И «знойная земля Востока», и «минареты, усопшие в тени своих вершин», и «толпа рабов, закованных в цепях», и неизбежный царь, «вошедший в историю навеки». Был даже понравившийся мне пассаж о «дорических колоннах бактрийских храмов, усеявших победный путь того царя». И, конечно, имелась строфа с «правильным» выводом:

И славен больше кто –
Империй разрушитель?
А может быть –
Создатель и творец тех Божьих храмов,
Что лишний раз о Риме говорят
И о былом величии Востока.

Обеспокоенная последствиями ночных бдений над стихотворными посланиями человека, чье здоровье мне было далеко не безразлично, я слегка покритиковала некоторые его произведения. Эффект превзошел все мои ожидания. Никогда в жизни Игорь стихов больше не писал. Даже ко дням рождения и юбилеям. Даже когда я его об этом просила. Более того, утверждал при этом, что никогда стихов вообще не писал. И сильно удивился, когда недавно я извлекла на божий свет письма с вещественным доказательством его поэтических опытов пакистанского периода.

Игорь обладал очень полезным для жизни свойством: везде, куда бы ни забрасывала его судьба, он всегда умел

находить что-то интересное для себя. Ему никогда не были безразличны история, культура, люди той страны, в которой он оказался. Особенно это качество важно для дипломата. Оно помогает ему быстрее освоиться в стране, узнать и понять ее проблемы. Помогает и общению, а значит и работе. Когда люди чувствуют твой искренний интерес к своей стране, они легче идут на контакт, они скорее поделятся с тобой своими проблемами. А ведь получение информации – и я вовсе не имею в виду какую-то секретную информацию – это на 90 % залог успеха работы дипломата.

К сожалению, дипломат, интересующийся страной пребывания – это скорее исключение, чем правило. В этом я имела возможность убедиться не только в Индии или Бангладеш, но и в тех местах, полюбить которые, казалось бы, не составляет труда, как, например, Швейцария или Франция. Гораздо чаще, к сожалению, встречались люди, которые были поразительно безразличны к стране, в которой они находились. Единственный интерес, помимо чисто служебного, у них вызывало то, что имело отношение к обеспечению максимально комфортабельной и в то же время дешевой жизни для себя и своей семьи: где и что купить, где и как поесть, где можно отдохнуть и т.д.

Возможно, в советские времена это объяснялось тем, что мы находились под влиянием внушенного нам стереотипа: за граница – это враждебная территория. Долгие семьдесят лет нам иногда открыто, в лоб, иногда более изычно, внушалось: все, что по ту сторону баррикад, – это не наше, чужое, плохое, враждебное. И как же там могло что-то нравиться? Это было даже подозрительно.

Большой прогресс уже то, что мы, в отличие от более старшего поколения, не боялись ехать за границу. Моя мама рассказывала мне, как она радовалась, когда узнала, что по каким-то причинам они не поедут, как намечалось, в командировку в США. Она подбрасывала меня в воздух и кричала:

– Ура! Мы не едем в эту дурацкую Америку!

Это было, по-моему, в 1951 году.

Сегодня мы впадаем в другую крайность. Восхищаемся всем тем, что приходит из-за границы, отбрасывая, как не-

нужную рухлядь, все свое – продукты, идеи, политику. Не произошло бы как в конце 1960-х годов, когда все с упоением выбрасывали на свалку старую мебель, заменяя ее на ультрасовременную. Довольно скоро стало ясно, что старая – гораздо лучше и, что еще важнее, она, как всякая добротная вещь – вне моды.

А Его Величество Случай даже после свадьбы никак не хотел оставить нас в покое. На сей раз, чтобы вмешаться в нашу судьбу он выступил в обличье организации, в которой моему мужу предстояла теперь работать.

1970 год, июль. Я узнаю, что на следующий день после свадьбы Игорь должен явиться в МИД. По его словам, это обычное собеседование, уточнение деталей перед отправкой в командировку в Пакистан. Но я чувствую: он почему-то нервничает. «Волнуется? Ну что же – это вполне понятно, – говорю я себе. – Через месяц ему предстоит ехать в Пакистан, начинать работу в посольстве СССР в Исламабаде. Первое назначение, естественно, он нервничает». Да мне и некогда особенно вникать – столько хлопот, связанных со свадьбой!

Из МИДа Игорь вернулся немного подавленным и озабоченным. А может быть, это я осознала уже задним числом. В тот момент мне было не до нюансов его ощущений по поводу встречи в МИДе – мы опаздывали на пароход. Встреча там была назначена на десять, а в два от пристани в Химках отплыл корабль, на котором мы отправлялись в свадебное путешествие по Волге. Дома собрались родные и друзья, чтобы еще раз поднять бокалы за наше счастье и проводить нас. Игоря все нет и нет. Сначала раздавались шуточки на тему пропавшего молодожена, потом все начали потихоньку переглядываться, посматривая на часы. В двенадцать большинство, включая меня, занервничало. Свекор, Николай Тихонович, вызвался поехать к пароходу и попытаться узнать, что можно сделать.

Игорь пришел домой около часа. Шампанское выпили на ходу, и я помню, как мама все пыталась засунуть куда-нибудь остатки свадебного торта, а мы безуспешно пытались отбить эти попытки. В результате он все-таки оказался втиснутым в пространство за задним стеклом машины. После

недолгих объятий и поцелуев с теми, кто не уместился в две отправлявшиеся в Химки машины, мы, наконец, тронулись. Вернее будет сказать, рванули, так как до отплытия парохода оставалось не более сорока минут. Доехать от Смоленской площади, где мы жили тогда, до Химок даже по тем временам, когда движение было намного менее интенсивным, чем сейчас, было весьма непросто. Водитель машины, которая везла нас на Речной вокзал, проявлял чудеса. Это была не езда, а слалом на машине. Иногда мне казалось, что сейчас-то мы уж непременно врежемся, но машина делала очередной фантастический зигзаг и... ууууф, пронесло.

Вот, наконец, и пристань. Мы видим очень странную картину. Наш пароход явно готов к отплытию. На борту – масса пассажиров и бурно жестикулирующие члены экипажа. А на пристани около парохода стоит Николай Тихонович. Поставив одну ногу на трап парохода, и уцепившись за парапет обеими руками, он пытается из последних сил не дать ему отойти. Как он рассказал впоследствии, к моменту нашего прибытия даже главный довод о том, что мы – молодожены, и это наше свадебное путешествие, перестал действовать, и если бы не несколько сердобольных женщин сентиментального возраста, переживавших за нас, то наше свадебное путешествие «уплыло бы» без нас.

Так МИД во второй раз вторгся в нашу жизнь, подпортив первый день нашей совместной жизни, едва не сорвав свадебное путешествие и сильно испортив его Игорю. А главное, как выяснилось позже, предупредив наши планы на будущие шесть лет.

Мой муж все путешествие от Москвы до Астрахани и обратно мужественно делал вид, что все в порядке. Правда, он не изучал счастья в дозах, характерных для периода, предшествовавшего свадьбе. И философствовал чаще, чем обычно. Я была также несколько озадачена и его выбором литературы для чтения на корабле. Всю дорогу Игорь с завидным упорством пытался читать «Преступление и наказание» Достоевского. Согласитесь, странное чтение для свадебного путешествия. Я, анализируя его выбор, задавала себе вопрос: ассоциируется ли в его подсознании женитьба на мне с наказанием или с преступлением?

Только на следующий день после возвращения в Москву из свадебного путешествия мой муж рассказал мне в чем дело.

В институте Игорь изучал бенгальский язык. Правда, при поступлении ему достался один из скандинавских языков, не помню точно какой. Но он так хотел попасть в Индию, был влюблен в эту страну, еще не видя ее, что поменялся языками с одним из студентов своего курса. У этого студента бенгальский язык не пошел, что неудивительно, учитывая его сложность. Конечно, он был безумно счастлив – нашелся такой энтузиаст Индии! Могу засвидетельствовать – тому парню дико повезло. Не ошибусь, если скажу, что 90 процентов учебного времени за пять лет учебы ушло на изучение бенгальского языка. За это же время можно было бы выучить, как минимум, два более простых языка, которые, в отличие от бенгальского, пригодились бы впоследствии.

В его языковой группе было только два человека: он и еще один парень, Юра, которому этот редко кем изучаемый язык достался по распределению.

Как я уже рассказала, Игорь ездил на практику в Исламабад, в Посольство СССР в Пакистане. Там он хорошо зарекомендовал себя, на него пришел запрос из Исламабада и по окончании института он был направлен на работу в это же посольство. А Юра был распределен в Генеральное консульство СССР в Калькутте, в Индию. Но вскоре после этого он развелся с женой. По существовавшим тогда правилам разведенного, да еще молодого специалиста, не могли никуда послать, тем более сразу же после развода. А из Калькутты приходили, как мы позже узнали, одна за другой телеграммы с просьбой как можно быстрее прислать бенгалиста. Генконсул мотивировал это следующим образом: в Западной Бенгалии, столицей которой является Калькутта, сложилась очень сложная политическая ситуация и, чтобы лучше ориентироваться в обстановке, консульство остро нуждается в специалисте. На Смоленской площади доводы сочли убедительными и решили, что в Исламабад можно послать и кого-нибудь другого, а бенгалист пусть отправляется в Калькутту. Так определилась наша судьба на ближайшие шесть долгих лет.

Правда, в тот момент мы, конечно, не подозревали, что заедем в Южной Азии так надолго.

Когда Игорь рассказал мне все это, я разрыдалась. Помню, как будто это было вчера: я стою на кровати в детской комнате в квартире моих родителей и сквозь слезы пытаюсь разглядеть на карте, висящей над моей кроватью, – где же эта Калькутта, куда предстоит вскоре отправиться? Мне это никак не удается. Наконец Игорь тычет пальцем в карту, и я с ужасом вижу, что точка, рядом с которой стоит слово Калькутта, находится где-то совсем на краю света и даже на краю Индии.

Я часто потом думала – почему я тогда расплакалась? Ведь не расстраивалась же я так по поводу предстоявшей командировки в Пакистан. Не совсем так расстраивалась и по поводу Пакистана. Конечно, я мечтала оказаться в городе моего детства – в Лондоне. В институте я сначала специализировалась по Франции, а потом по США. И до встречи с Игорем, если я и представляла себя работающей за границей, то в Англии, в США, во Франции, но уж никак не в Южной Азии. Своими письмами из Исламабада, потом своими рассказами о Пакистане Игорь пробудил во мне, если не желание попасть в эту страну, то какой-то интерес к ней. К тому же, в Исламабаде, незадолго до этого ставшем столицей Пакистана, только что закончили новое здание посольства: комплекс современных зданий, бассейн, спортивный зал, кинотеатр. Но главное – это отдельные квартиры для сотрудников. В Москве нам пришлось начинать свою совместную жизнь на диване в гостиной комнате в квартире у моих родителей, да еще при наличии бабушки и двух младших, весьма любопытных братьев.

Неудивительно, что я довольно быстро смирилась с перспективой Исламабада. Но Калькутта! Это уж слишком!

Игорь также был расстроен. Одно дело поехать на работу в посольство и другое – пусть и в генеральное, но консульство. В посольстве совсем другие масштабы работы, там гораздо быстрее можно приобрести необходимые знания, навыки. Молодые дипломаты быстрее продвигаются по ка-

рьерной лестнице хотя бы в силу того, что там больше должностей, больше передвижений. К тому же в посольство часто приезжают делегации из центра, поэтому там быстрее налаживаются полезные связи. В консульстве работа, как правило, гораздо менее интересная и возможности для роста совсем другие.

Но делать нечего, хочешь не хочешь, а ехать надо. Сейчас такой подход к ситуации может показаться, по крайней мере, странным. Что значит – надо? Не хочешь – не езжай. Предложат что-то другое. А не предложат, ну и Бог с ним, с МИДом, не сошелся же на нем свет клином.

Во-первых, отказаться от первого назначения – это уже ЧП. Государство вас учило пять лет бесплатно, и молодые специалисты обязаны были отработать первые три года там, куда их направляли. Это правило действовало в отношении выпускников всех вузов. Во-вторых, сказывалась и инерция советского воспитания, где основным принципом было послушание. Главный лозунг нашего детства и юношества: «Будь готов – всегда готов!» Повиновение, послушание, непротивление были едва ли не главными востребованными добродетелями. Это тоже не прошло бесследно. Наконец, если не ехать, то где жить? Ни у одних, ни у других родителей разместиться, не ущемляя их, было невозможно. Снимать, живя на одну зарплату (а я в то время была только на третьем курсе института), было нереально. Значит, надо было бы просить родителей помочь нам. Они, конечно, сделали бы это, но не очень приятно начинать свою самостоятельную жизнь с такого крайне несамостоятельного поступка. Позднее Игорь всегда говорил мне, что именно вопрос «где жить?» и невозможность своими силами решить его в Москве, заставила его, не раздумывая и не советуясь со мной, согласиться с изменением уже утвержденного распределения.

Но я все-таки думаю, дело не только в этом, а еще и в том, что в те времена свет действительно сходилась клином на МИДе, особенно для выпускника МГИМО. Для большинства советских людей поехать работать за грани-

цу было пределом мечтаний. Ведь это был, практически, единственный путь заработать деньги на покупку квартиры, машины, дачи, да и вообще – на нормальную жизнь. Этим, помимо прочего, объяснялась престижность профессии дипломата, чья работа была связана с границей. Большинство студентов МГИМО мечтало попасть на работу в МИД еще и потому, что было мало других мест, где, имея гуманитарное образование, вы могли в то время получить интересную творческую работу. Куда, например, помимо МИДа и Министерства внешней торговли, мог пойти работать МГИМовец, то есть студент или выпускник МГИМО? В один из немногочисленных тогда научно-исследовательских институтов, в Комитет защиты мира, Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и еще пару-тройку подобных организаций. Работа там была гораздо менее интересной и малоперспективной с точки зрения выезда за границу. Можно было, конечно, еще остаться преподавать в институте, но к этому в основном стремился женский контингент МГИМО. Некоторые устраивались переводчиками в различные организации, хотя в этой области пальму первенства держали выпускники Института иностранных языков и Института восточных языков. В общем, за редким исключением, вся многочисленная мужская часть МГИМОВцев мечтала попасть в МИД.

Поэтому вопрос о том, ехать или не ехать, даже не поднимался в нашей семье. И, тем более, он не поднимался никем из наших родителей. Позже, когда возникла перспектива нашего перевода из Калькутты в Дакку, как я уже рассказывала, мой отец так сформулировал свое отношение к проблеме: «Государство тратило на Игоря деньги, обучало его, он обязан отработать там, куда его направляют». А отец Игоря был военным, – и этим, я думаю, все сказано.

Да и Игорь, несмотря на то, что его огорчала замена посольства в Пакистане на консульство в Индии, тем не менее, рвался в бой. Он был оптимистом и идеалистом. А кто

еще мог поменять свой нормальный скандинавский язык на бенгали? По большому счету ему было все равно, где начинать работать. Организация одна – МИД, а в какой стране – неважно. Главное – он хочет и может работать. Он уже это доказал в Равалпинди. А значит, посольская должность – не за горами.

Мой наивный муж и я, такая же наивная его молодая жена, считали, что ум и трудолюбие – залог успеха в любом деле. Теперь, к сожалению, знаю совсем другое. Имеются три качества, необходимые для успешной карьеры в любой бюрократической организации: безусловное подчинение, усидчивость и умение не слишком демонстрировать свой ум, если таковой имеется. Все известные мне исключения, а их не так уж и много, лишь подтверждают незыблемость этого правила. У Игоря же в наличии имелась дисциплинированность, привитая годами Суворовского училища. Но даже там слепо подчиняться он не научился. Было также трудолюбие, но совсем не равнозначное стремлению лоб разбить в лепешку, лишь бы выполнить поручение начальства. Ну, а уж с третьим залогом успеха дело было совсем плохо. А какому же начальнику приятно видеть рядом с собой человека умнее себя? Только очень умному. А вы таких много встречали?

Но пока мы всего этого не знали и, тем более, об этом не думали. А думали о предстоящей разлуке. Второй по счету.

Уже через месяц с небольшим после свадьбы, в августе 1970 года, Игорь отправился в Калькутту, к месту своей первой службы. Калькутта торопила, и МИД провернул все оформление в рекордные сроки. Сколько раз я потом убеждалась, что в этой организации существует какая-то удивительная закономерность. Чем нужнее это вам, тем медленнее решается вопрос. И наоборот, чем менее торопитесь вы, тем быстрее все свершается.

* * *

Я не буду писать о том, что произошло с нами в Калькутте. Те, кому это интересно, могут прочитать о на-

ших странствиях в Индии и позднее в Бангладеш в моей книге «Сладкий яд Востока»¹⁷³. О том, как сложилась наша дальнейшая жизнь – в Москве, в Швейцарии, на Балканах, в США, я, возможно, напишу позднее.

Человек в нынешнем мире становится все более независимым существом. И космополитическим. В поисках работы, из желания увидеть мир, в стремлении самовыразиться – по разным причинам – мы все больше отрываемся от родной стороны, от семьи, от корней. Но нам нужна какая-то среда обитания, человек не может жить без корней – иначе он превратится в перекасти-поле¹⁷⁴. Такие растения никогда не бывают красивыми. Я видела подобные растения в Африке, и на меня они произвели очень грустное впечатление. Такая же участь уготована и «людям – перекасти-поле».

Я думаю, что все это чувствуют на интуитивном уровне. Неслучайно сейчас происходит невероятный взрыв общения в Интернете. Все эти «Одноклассники» «Facebooks», бесконечные чаты – что это, как не попытка уцепиться за кого-то, за что-то, закрепить, обрести какие-то корни?

Недавно я подумала: неслучайно ведь говорят «генеалогическое дерево». Почему именно дерево? Именно потому, что у него есть корни. И хотя на таких деревьях ваших предков изображают в виде кроны дерева, а не его корней, но суть образа от этого не меняется. Ветви возможны, рост реален лишь потому, что есть корни, ушедшие в почву, закрепившиеся в этой земле.

Если вы читаете это послесловие, значит, мой рассказ оказался для вас интересен. И это меня не удивляет. Ведь многие, о ком идет речь в книге моих очерков, замечательные люди. И чем большее количество людей о них узнает,

¹⁷³ «Сладкий яд Востока». М.: Новый хронограф, 2004.

¹⁷⁴ Перекасти-поле – травянистые растения степей и пустынь (качим, кермек и др.), приобретающие шарообразную кустистую форму. Наземная часть после созревания плодов отламывается от корня и, гонимая ветром, катится в виде клубка, рассеивая семена.

тем дольше они будут жить. Даже если их уже давно нет на свете. Люди живы до тех пор, пока о них помнят.

Кто-то, возможно, спросит: неужели на вашем пути встречались только хорошие люди? Такого просто не может быть. Конечно, встречались и неприятные, и очень неприятные, и просто отвратительные личности. Но, к счастью, их было не так много. И мне совсем не хочется о них рассказывать.

«Во всяком воспоминании есть благодарность, есть убаюкивающее очарование. Прошлое одевается убором, сотканным из тончайшей душевной пряжи». Так написал более ста лет назад прекрасный русский писатель Павел Муратов¹⁷⁵. Сказано замечательно, и мысль его, безусловно, верна. Наверное, и моя память создала ткань, отобрав для нее наиболее светлые и радостные сочетания оттенков.

Тем не менее, я далека от попыток идеализировать прошлое. Его в любом случае не вернешь, посему это, прежде всего, нерационально. Тем более, я не смотрю на наше советское прошлое сквозь розовые очки. Но, как я уже писала выше, нам, русским, свойственно кидаться из крайности в крайность. Выкинув на помойку коммунистический лозунг «Человек человеку – друг, товарищ и брат!», мы вместо него сразу же повесили новый, сформулированный Томасом Гоббсом¹⁷⁶: «Человек человеку волк». И вслед за ним поверили, что природа человека проявляется именно в эгоизме, в естественном состоянии «войны всех против всех» («*bellum omnium contra omnes*»).

Сейчас так модно все и всех критиковать, осуждать, высмеивать. Потоки негатива обрушиваются на нас каждый день со страниц газет, книг, с экранов телевизоров. Я лично от этого устала. Хотя, возможно, я последую примеру Андрея Кончаловского. Его мемуары состоят из двух частей: первая – со знаком минус – все о том, что было в его жизни плохого. Вторая – со знаком плюс – все, чем он

¹⁷⁵ Муратов П.П. Образы Италии. Т. I, М.: Издательство «Галарт», 1993. С. 52.

¹⁷⁶ Томас Гоббс – английский философ XVII в.

гордится, о чем не жалеет. Только я сначала расскажу о том, вернее, о тех, кто вызывает у меня положительные эмоции. И, по возможности, при жизни этих людей. Не дожидаясь традиционных посмертных эпитафий. В этом я солидарна с Булатом Окуджавой:

«Давайте восклицать, друг другом восхищаться.
Высокопарных слов не стоит опасаться.
Давайте говорить друг другу комплименты –
Ведь это все любви счастливые моменты.

Давайте горевать и плакать откровенно
То вместе, то поврозь, а то попеременно.
Ненужно придавать значения злословью –
Поскольку грусть всегда соседствует с любовью.

Давайте понимать друг друга с полуслова,
Чтоб, ошибившись раз, не ошибиться снова.
Давайте жить, во всем друг другу потакая, –
Тем более что жизнь короткая такая.»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Хотелось бы завершить эти воспоминания словами еще одной песни, написанной моим братом Михаилом Бегловым. Он обращается в ней уже к своим внукам – седьмому поколению, чьи корни уходят к прапрадеду Василию, о котором нам удалось хоть что-то узнать. И пятому, живущему в Москве. Я уверена, что под словами этой песни, подписалось бы все старшее поколение Бегловых.

Рождественская колыбельная (медленный менуэт)

ЛИЗА: «Дедушка расскажи нам сказку».

Текст: «*Once upon a time there lived a king. Actually he was not a king but the President of one of the most powerful countries in the world – the United States of America. It might sound strange but he was quite a nice guy. And he had a son – a very handsome bright young boy. And once his son came to his father who was working in the Oval Office and said: “Listen, father, why, why life is so unfair?” And his father – a very wise person – answered: “And who told you it should be fair?!”*»

А кто сказал тебе,
что она должна быть справедливой?!
Ведь жизнь – игра без правил.
Я это не исправил.
Пожалуйста, простите вы меня.

Даня, Саша, Тима, Лиза,
Вы живите без капризов.

И чтобы больше получать,
 Научитесь отдавать.
 Вы теплом делитесь, лаской
 И не ждите вы подсказки.
 Только вам теперь решать,
 Когда дать, а когда взять.
 Не берите слишком много,
 Это все идет от Бога.
 Все равно он заберет,
 Тот, кто лишнее возьмет.

Привет:

Ведь жизнь – игра без правил.
 Я это не исправил.
 Пожалуйста, простите вы меня.

Даня, Саша, Тима, Лиза,
 Скоро ваша антреприза.
 И чтоб жить потом без боли,
 Сами выбирайте роли.
 То ли шут, то ли король.
 Всякая бывает роль.
 А бывает ведь и так –
 Думал – царь, а он – дурак.

Даня, Саша, Тима, Лиза,
 От людей не ждите приза
 И не ждите криков «браво» -
 Здесь совсем другое право.
 Жизнь – арена, а не театр,
 И в ней каждый – гладиатор.
 Чем ты выше и сильнее,
 Тем другие бьют больней.

Даня, Саша, Тима, Лиза,
 Много впереди сюрпризов.
 И подчас не разберешь,
 То ли плох, то ли хорош!

Из души гоните страх.
 Впереди с ним только крах.
 Ваша сила – в вашей вере.
 Все она откроет двери.

Привет:

Ведь жизнь – игра без правил.
 Я это не исправил.
 Пожалуйста, простите вы меня.

Даня, Саша, Тима, Лиза,
 Вот последняя реприза –
 Я, конечно, же лукавил,
 Говоря, что жизнь без правил.
 Правил – много, все не счесть.
 Но одно важней всех есть.
 Помните его всегда.
 И успех вас ждет тогда.
 Кто бы ни был пред тобою,
 Ты представь его собою.
 Как с другими поступать
 К себе надо примерять.

Привет:

Ведь жизнь – игра без правил.
 Я это не исправил.
 Пожалуйста, простите вы меня.

В 2011–2012 гг. вышли:

В.П. Булдаков

Хаос и этнос. Этнические конфликты в России. 1917–1918 гг.
Условия возникновения. Хроника. Комментарий.
Социально-психологический анализ

ИСТОРИЯ В ЧЕЛОВЕКЕ. Академик М.В. Нечкина.
Документальная монография под редакцией
Е.А. Рудницкой, С.В. Мироненко

В.Н. Смирнов

ОТ СТАЛИНА ДО ЕЛЬЦИНА. Автопортрет на фоне эпохи

Даниил Комиссаров
ЧЕЛОВЕК, УМИРАВШИЙ ТРИЖДЫ.
Воспоминания востоковеда

Т.Ю. Красовицкая

Модернизация российского образовательного пространства.
От Столыпина к Сталину. (конец XIX века – 1920-е годы)

В 2011–2012 гг. вышли:

А.П. Ненароков

ПРАВЫЙ МЕНЬШЕВИЗМ.
Прозрения русской социал-демократии

М.К. Горшков

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОНО ЕСТЬ.
(Опыт социологической диагностики)

Джозеф Брэдли

Общественные организации в царской России:
наука, патриотизм и гражданское общество: пер. с англ.

А.В. Голубев, О.С. Поршинева

Образ союзника в сознании российского общества в контексте
мировых войн

Е.А. Андрюшин

Из истории трудового законодательства СССР и политики
советского правительства в области трудовых ресурсов

В 2011–2012 гг. вышли:

А.К. Соколов

От военпрома к ВПК: советская военная промышленность.
1917 – июнь 1941 гг.

Россия и Китай: изменения в социальной структуре общества:
[монография] /отв. редакторы:
М.К. Горшков, Ли Пэйлинь, З.Т. Голенкова

Географическое положение и территориальные структуры:
памяти И.М. Маергойза / [сост. : П. М. Полян, А. И. Трейвиш]

Антуан Брюне, Жан-Поль Гишар

Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую
экономику и международные отношения. Пер. с франц.

Социально-политические процессы и ценности в условиях
глобализации : [сб. ст.] / под ред. А.С. Железнякова и З.П.
Яхимович

В 2011–2012 гг. вышли:

Г.М. Лапто

Города России. Взгляд географа

А.С. Секиринский

Американское общество и меняющийся Советский Союз
(март 1985 – июль 1991)

Н.А. Морозова

Мое пристрастие к Диккенсу. Семейная хроника двадцатого века

Л.А. Фадеева

Кто мы? Интеллигенция в борьбе за идентичность

И.С. Розенталь

За синей птицей

В 2011–2012 гг. вышли:

Письма М.В. Нестерова дочери – В.М. Нестеровой-Титовой.
1934–1941 годы

А.Н. Бикташева
АНТРОПОЛОГИЯ ВЛАСТИ.
Казанские губернаторы первой половины XIX века

Герман Андреев
РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В ЭМИГРАЦИИ.
Авторы и журналы третьей волны эмиграции

Лев Штуден
ЕДИНИЦА. Сюита жанров

ПИСЬМА – БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВОСПОМИНАНИЯ...
Переписка семьи Семеновых-Тян-Шанских
и сестер А.П. и В.П. Шнейдер

Литературно-документальное издание

Беглова Наталья Спартаковна

МОСКОВСКАЯ СЕМЬЯ РЯЗАНСКОГО РАЗЛИВА

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Мария Сапрыкина*
Сноски к отрывкам из мемуаров
Спартак Беглова подготовил *Дмитрий Горбатов*
Корректор *Галина Атмашкина*
Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*
Обложка *Антонина Байдина*

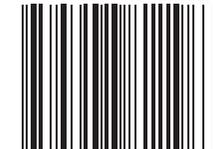
Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве (495) 671-0095,
по вопросам реализации 8-905-739-0264
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете: <http://www.novhron.info>

Подписано к печати 26.09.2012
Формат 84х108/32. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.-печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО
«Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 1

www.novhron.info



9 785948 811963

Издания
Нового Хронографа
можно приобрести в магазинах:

в Москве:

- «Библио–Глобус» – ул. Мясницкая, 6, тел. (495) 924–46–80
Галерея книги «Нина» – ул. Бахрушина, 28, тел. (495) 959–20–94
«Гилея» – Тверской бульвар, 9 (помещение Московского музея
современного искусства), тел. (495) 925–81–66
«Москва» – ул. Тверская, 8, тел. (495) 629–6483, (495) 797–87–17
«Московский Дом книги» – ул. Новый Арбат, 8, тел. (495) 789–35–91
«Молодая гвардия» – ул. Большая Полянка, тел. (495) 238–50–01
«У Кентавра» – РГГУ, ул. Чаянова, д.15, тел. (495) 250–65–46
Книжный киоск изд-ва «РОССПЭН» (Институт российской истории) –
ул. Ульянова, д.19, тел. (499) 126–94–18
«Книжная лавка обществоведа» (ИНИОН) – Нахимовский пр. 51/21,
тел. (499) 120–30–81
Книжный киоск «Русская деревня» – Глинищевский пер., д. 6,
тел. (495) 650–60–31
Книжный магазин «Циолковский» – Новая площадь, д. ¾, пд. 7Д,
тел. (495) 628–64–42
«Книжная лавка историка» (РГАСПИ) – ул. Большая Дмитровка, д. 15,
тел. (495) 694–50–07
«Фаланстер» – М.Гнездииковский пер., д. 12/27, тел. (495)629–88–21

в Санкт–Петербурге:

- «Академкнига» – Литейный пр., д. 57, тел. (812) 230–13–28
«Вита Нова» – Менделеевская линия, 5, тел. (812) 328–96–91
Киоск в Библиотеке Академии наук – ВО, Биржевая линия, 1
«Книжная лавка писателей» – Невский пр. 66, тел. (812) 314–47–59
Книжные салоны при Российской национальной библиотеке – Садовая ул., 20;
Московский пр. 165, т. (812) 310–44–87
«Книжный окоп» – Тучков пер., д. 11/5 (вход в арке), т. (812) 323–85–84
«Книжный салон» – Университетская наб., 11 (в фойе филологического
факультета СпбГУ), тел. (812) 328–95–11